ВОСТОК: ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И РАЗВИТИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ПУТИ РАЗВИТИЯ ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАН ВОСТОКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. Ф. Ким (председатель),
А. Б. Беленький (ученый секретарь),
К. Н. Брутенц, Ан. А. Громыко,
А. В. Кива, А. И. Левковский,
В. Ф. Ли, Л. Р. Полонская,
В. Г. Растянников, Н. А. Симония

ВОСТОК: ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И РАЗВИТИЕ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

В78

Ответственный редактор
и руководитель авторского коллектива
В. Г. РАСТЯННИКОВ

В книге показаны внутренние и внешние причины, определяющие состояние продовольственной проблемы в развивающихся странах. Особое внимание уделено воздействию процессов, происходящих в мировом капиталистическом хозяйстве, на системы продовольственного обеспечения этих стран. Комплексно исследуются все стороны продовольственного кризиса, который рассматривается как существенный элемент социально-экономического развития освободившихся стран, идущих по капиталистическому пути.

В $\frac{0604030000\text{-}109}{013(02)\text{-}86}$ 36-86

ВОСТОК:
ПРОДОВОЛЬСТВИЕ И РАЗВИТИЕ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *В. Н. Кюзаджян.* Младший редактор *Л. А. Минина.* Художник *М. Р. Ибрагимов.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *Г. А. Никитина.* Корректор *Л. И. Фарберова*

ИБ № 15449

Сдано в набор 29.11.85. Подписано к печати 18.04.86. А-03731. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 21,5+0,25 вкл. Усл. кр.-отт. 21,75. Уч.-изд. л. 25,01. Тираж 2000 экз. Изд. № 6024. Зак. № 992. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы опубликовано немало серьезных работ, посвященных продовольственной проблеме в развивающемся мире, в частности в странах Востока[1]. В этих исследованиях подняты и разработаны многие вопросы продовольственного обеспечения, лихорадящие жизнь обществ развивающегося мира. Тем больший интерес у нынешнего исследователя-специалиста вызывают обширные «пограничные» области проблемы, в изучении которых непочатый край работы. Такие области могут не только представлять самостоятельный интерес, но и помочь в новых ракурсах высветить собственно проблему продовольственного обеспечения в развивающихся странах. О двух из них хотелось бы упомянуть предварительно.

Всеобщее признание того факта, что продовольственная проблема в современном мире — явление глобального масштаба и что такой характер ей придает именно размах и глубина продовольственного кризиса в развивающемся мире, создает весомые дополнительные основания изучать систему связей в области производства, распределения и потребления продовольствия как органическую часть системы общественного воспроизводства, наиболее уязвимым звеном которого она является и в пределах отдельно взятого национального хозяйства, и в пределах мирового капиталистического хозяйства. Иными словами, рассматривая продовольственную ситуацию со всеми ее взаимосвязанными составляющими как особую ветвь воспроизводственного процесса, мы полнее осознаем, какое влияние она, эта ситуация, оказывает на формирование параметров экономического роста в целом. В развивающихся странах такое влияние, бесспорно, чрезвычайно велико.

Действительно, в обществах, находящихся в стадии перехода от допромышленных форм труда к индустриальному, где на основе ручного труда все еще создается огромная (зачастую преобладающая) часть национального продукта (а это прежде всего продукт, образующий фонд продовольственного потребления), характер и темп экономического роста в большой степени определяются тем, как и в каких условиях воспроизводится и потребляется продовольствие.

Другая область — специфические черты продовольственного кризиса, обусловленные именно неравноправным положением обществ развивающихся стран Востока в системе мирового капиталистического хозяйства, их эксплуатацией развитыми капиталистическими странами. Проблема эта становится тем более

острой, что в нынешнюю эпоху империалистические государства и их наиболее влиятельная социальная сила — транснациональные корпорации — прибегают к такой политике, к таким действиям в сфере международных экономических отношений, которые, как подчеркивалось на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, «дезорганизуют мировую экономику и торговлю, подрывают ее правовые основы. Усиливается эксплуатация стран освобождающегося мира, блокируются процессы их экономической деколонизации»[2]. Изучение этих специфических черт продовольственного кризиса позволяет лучше понять тот механизм, посредством которого центры мирового капиталистического хозяйства воспроизводят в его периферийных зонах отношения зависимости и отсталости.

Эти отношения порождают глубокие деформации в системах продовольственного обеспечения развивающихся стран. Трагический результат таких деформаций, за который «империализм несет ответственность»,— «сохранение на Земле обширных зон голода, нищеты, эпидемических болезней»[3]. В общности (одинаковости) таких деформаций — то «общее», что формирует продовольственные ситуации в странах развивающегося мира. Вместе с тем особые обстоятельства и условия, вытекающие из различий в ориентации общественно-экономического развития, из различий в состоянии накопленного производственного потенциала, природных факторов труда и их освоения, из различий в характере и степени вовлеченности в процессы общемирового развития, включая НТР, и из многих других различий, предопределяют то «особенное» в системах продовольственного обеспечения, которое характерно для той или иной страны или определенной группы стран развивающегося мира. В настоящей работе предпринимается попытка такого комплексного (двустороннего) подхода к оценке некоторых существенных моментов, воздействующих на продовольственную ситуацию и ее динамику.

* * *

Авторский коллектив: В. Г. Растянников (Предисловие; Введение; гл. I; гл. II, § 2; гл. III, § 1, 4; гл. V, § 1, заключительная часть; Заключение); С. А. Панарин (гл. II, § 1); И. Л. Соя-Серко (гл. III, § 1, 2, 3); С. Г. Иванчук (гл. IV, § 1, 2; заключительная часть); В. И. Пузь (§ 2, 3; § 3 — с участием В. Г. Растянникова); Е. И. Миронова (гл. V, § 2, Индия); Ю. Г. Александров (Индонезия); Ю. Н. Маслов (Шри Ланка); А. П. Муранова (Бирма); В. И. Искольдский (Таиланд); П. П. Моисеев (Турция); Б. Н. Гашев, И. П. Иванова (Египет); Л. П. Зудина (Алжир); И. В. Дерюгина (Приложения II, III; Приложение III — с участием В. Г. Растянникова). Научно-техническая подготовка рукописи осуществлена С. Г. Иванчуком.

ВВЕДЕНИЕ: О ХАРАКТЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

Каждый исторический этап в общественно-экономической эволюции той или иной страны или группы стран определяет только ему присущие параметры продовольственной проблемы. «Свою» собственную проблему продовольственного обеспечения имеет и сегодняшний развивающийся мир.

Эта проблема здесь есть феномен, порожденный многообразными процессами — не только «внутренними», присущими отдельно взятому национальному хозяйству, но и «внешними», детерминируемыми закономерностями развития мирового капиталистического хозяйства (МКХ) в целом и особенно его центров. В комплексе продовольственных диспропорций, характерных для этих стран, яркое отражение находит тот факт что на периферии мирового капиталистического хозяйства механизм воспроизводства формируется «законами, присущими исторически разнородным, не вполне состыкованным друг с другом системам производительных сил»[1].

Данный комплекс выступает прежде всего как несостыкованность между изменяющейся структурой общественной потребности в продовольствии, с одной стороны, и местным продовольственным сектором общественного производства, призванного эту изменяющуюся потребность в продовольствии обеспечить — с другой. В подавляющем большинстве стран развивающегося мира такая несостыкованность не уменьшается, а, напротив, прогрессирует, формируя многочисленные и разнородные «поля разрыва» в национальных системах продовольственного обеспечения. Возникающие в результате продовольственные трудности (они характеризуют экономические параметры продовольственного кризиса) становятся мощным генератором таких деформаций в национальных хозяйственных организмах, которые империализм активно использует для воспроизводства отношений зависимости, неравноправия и эксплуатации на периферии МКХ.

Особое проявление комплекс продовольственных диспропорций получает в условиях эксплуататорского общественного строя, при капиталистически ориентированном развитии, при котором неравенство в распределении собственности на основные средства производства и соответственно совокупного дохода, расходуемого на продовольственное потребление, не сокращается, но нарастает. Хроническое голодание и обусловленные им дефор-

капитала — путем сокращения издержек производства, прежде всего затрат живого труда, причем — и это особенно важно — безотносительно к динамике выхода продукта на единицу площади. Однако именно данная модель, занимающая господствующее положение в земледелии стран Запада и через многие каналы имплантируемая на почву развивающихся стран Востока, модель капиталоемкая (т. е. слабо абсорбирующая новую рабочую силу), энергоемкая и — оцениваемая с позиций ресурсных стандартов и нужд стран развивающегося мира — ресурсорасточительная, модель, сопряженная с обострением экологического кризиса в этих странах, становится воплощением возникающей в их аграрной сфере новой стадии производительных сил.

Интенсивное производство такого типа (полная реализация потенций которого оказывается возможной лишь на весьма ограниченном экономическом пространстве) утверждается прежде всего в процессе «зеленой революции», поощряемой государством. Государство же одновременно стремится посредством осуществления широкого комплекса экономических мер смягчить отдельные черты «чужеродности» такой модели интенсивного производства, способствовать ее адаптации к местным условиям (например, оно стимулирует рост «трудоемкого начала» в этом производстве в дополнение или даже в противовес капиталоемкому — это проявляется, в частности, в попытках государства поддержать в рамках «зеленой революции» некоторые группы мелких производителей, способных применять, в зависимости от их экономического благосостояния, ту или иную часть необходимого «пакета» современных средств производства); наконец, государство прилагает немало усилий, чтобы содействовать формированию из отдельных звеньев традиционного хозяйства интенсивного производства, работающего на широкий рынок (в некоторых случаях непосредственно основывать такую форму производства все активнее начинают также ТНК).

В результате, если раньше аграрный сектор стран Востока как производитель продовольствия был замкнутой (по характеру потоков воспроизводственного процесса) «самовоспроизводящейся» системой (т. е. системой, вещественные элементы для воспроизводства которой обеспечивались внутри его самого), то теперь, с развертыванием «зеленой революции» и других форм современного интенсивного хозяйства, он становится «открытой» системой, ориентированной не только и даже не столько на внутринациональные, сколько на общемировые потоки воспроизводственного процесса. Как следствие этого превращения, аграрный сектор оказывается подверженным влиянию всего спектра процессов, порождаемых воспроизводством капитала в центрах мирового капиталистического хозяйства (структурные кризисы, поражающие МКХ; образование все новых каналов для дезинтегрирующего влияния ТНК на аграрный сектор и др.). Иными словами, в развивающемся мире характерной особенностью формирующейся унитарной модели продовольственного сектора капиталистического земледелия является то, что эта модель с самого начала предполагает существование мощных факторов дестабилизации производства, которые проявляют себя тем сильнее, чем больше «внешние» условия воспроизводства становятся «внутренними» императивами экономической динамики.

Социальные последствия становления такого интенсивного производства весьма болезненны для стран развивающегося мира. Они изучены достаточно полно. Упомянем здесь о тех, которые при оценке слагаемых продовольственного кризиса исследователи справедливо выделяют в первую очередь. Это — «ускоряющийся распад самообеспечивающегося хозяйства и как основного элемента крестьянского земледелия, и как источника средств к существованию для сельских бедняков — главных жертв голодовок»[4]. Действительно, с развитием различных форм интенсивного хозяйства, ориентированного на работу для рынка (в том числе мирового капиталистического), происходит прогрессирующее вытеснение как раз тех звеньев традиционной социальной организации, которые обеспечивали бóльшую или меньшую часть необходимого фонда жизненных средств значительным отрядам эксплуатируемого сельского населения (это — различные фонды коллективного потребления — общинные страховые резервы на случай недорода, натуральные поставки продукта на отправление обусловленных традицией ритуалов, фонд содержания различных групп нетрудоспособного общинного населения; обязанность «патрона» содержать своего «клиента» даже в периоды недородов, причем безотносительно к количеству «услуг», оказываемых последним, при традиционном разделении труда и др.). Таким образом, основанное на меновой стоимости воспроизводство жизненных средств приходит на смену ранее «надежной» натуральной форме такого воспроизводства.

Процесс этой смены, отражающей крупные изменения социально-экономического характера, существенно осложняет условия формирования фонда жизненных средств, достающегося трудящемуся населению. Действительно, осуществление принципа учета индивидуальных затрат труда (первое требование товарного производства) на все растущей части экономического пространства аграрной сферы неизбежно должно вести к «экономии» совокупного фонда жизненных средств, используемого на оплату чужого труда. Ибо отныне оплачивается только рабочее время, в течение которого создается стоимость, и не оплачивается время «ничегонеделания», что предполагалось де-факто прежней, традиционной системой оплаты чужого труда, не разделявшей рабочее и свободное время работника. Новая система требует и большей интенсивности труда от каждого отдельно взятого работника, вовлеченного в производство, нередко при повышении индивидуальных ставок платы. В результате

возникает ситуация: одно и то же количество работы теперь выполняется не только меньшим числом работников, но и за меньшую совокупную заработную плату, чем это было при традиционных формах организации производства. Возникающая «экономия» в существенной своей части обращается на пополнение фонда прибавочного продукта, присваиваемого эксплуататорами, использующими чужой труд. Происходит, таким образом, не просто изменение форм оплаты чужого труда (т. е. превращение натуральной, традиционной формы в денежную, обусловленную экономикой товарного производства), но такое изменение, при котором исторически прогрессивный процесс высвобождения работника из уз традиционных коллективистских связей сопровождается фактическим ухудшением условий его существования, в частности условий формирования его фонда продовольственного потребления.

Более того, развитие интенсивного капиталистического земледелия на этапе его перехода к зрелой форме (когда механизация начинает выполнять функцию сбережения труда) характеризуется тем, что из производства выталкивается больше труда (вследствие сгона крестьян с земли, ликвидации парцеллярного хозяйства и др.), чем притягивается нового (в виде наемной рабочей силы). Последствия данной, порожденной экономическим процессом, диспропорции в большой степени усиливаются влиянием весьма сильного демографического пресса. Отсюда — дальнейшее углубление тенденции к сокращению совокупного количества рабочего времени у многочисленных отрядов сельских трудящихся, к росту давления на источники средств к существованию, в частности на рынок труда, что приводит в результате к снижению реальных доходов этих групп населения [5].

Внешний парадокс складывающейся в ряде развивающихся стран ситуации в том и состоит, что «зеленая революция», практически реализующая общемировые достижения научно-технического прогресса, действительно помогает в определенной степени решать острейшие проблемы продовольственного обеспечения, но лишь на макроуровне, в масштабах всего общества (удовлетворение существующего общенационального спроса на товарную продукцию зернового производства), одновременно, при отсутствии перераспределительной политики (аграрной реформы в первую очередь), она выступает как процесс, обостряющий проблемы продовольственного обеспечения, на микроуровне: условия продовольственного обеспечения значительных по численности групп эксплуатируемого населения не улучшаются, но ухудшаются. Или, если сказать иначе, технологическая трансформация определенной части земледельческого хозяйства существующими методами «зеленой революции» — это такое решение продовольственной проблемы, при котором социальный фактор (перераспределительный процесс) приносится в жертву голому принципу достижения макроэкономического равновесия.

Новые специфические противоречия формируются в национальных продовольственных комплексах (под которыми здесь подразумевается совокупность экономических связей и взаимодействий, охватывающих сферы производства и потребления продовольствия) под влиянием резко усилившихся в период независимости, особенно в 70-х—80-х годах, процессов мирового общения. Складывающаяся в результате этих процессов новая система потребностей в качестве своего органического элемента предполагает становление системы новых продовольственных потребностей, качественно отличающейся от своего традиционного аналога. В основе формирования облика новых потребностей лежит демонстрационный эффект стандарта жизни, характерного для экономически развитых стран, а его дополнительным генератором внутри местных обществ являются развивающиеся подразделения экономики, для которых характерны новые, индустриальные и постиндустриальные формы экономической деятельности.

Новые потребности, в том числе продовольственные, ныне интенсивно распространяются в среде городского населения развивающегося мира; в орбиту этого процесса, в частности, под воздействием «зеленой революции», постепенно вовлекается сельское население, а в ближайшей перспективе новые стандарты потребностей охватят значительно более крупные его отряды [6]. Два обстоятельства нужно отметить здесь применительно к развивающемуся миру. Первое: новая система потребностей распространяется далеко за границы тех участков экономического пространства, которым она адекватно соответствует (т. е. участков, занимаемых новыми, в противоположность традиционным, системами производительных сил). И второе: в то время как новые потребности, в том числе продовольственные, детерминируются процессами общемирового развития, в частности образцами потребления, сложившимися в центрах МКХ, продовольственные секторы национального производства опираются пока в значительной мере на традиционные системы производительных сил, ориентированы главным образом на традиционные типы потребления и поэтому не могут ответить на новый «вызов времени» — удовлетворить новые потребности (более того, нередко они «дают сбой» и в покрытии общественной потребности в основной продовольственной продукции). В результате мощный импульс получает рост продовольственного импорта, превращающийся в долговременно действующий фактор экономического развития «третьего мира». Тем самым империализм получает новые возможности осуществления политики по сохранению зависимости периферии МКХ от его располагающих избыточными продовольственными ресурсами центров.

В растущем разрыве между процессом осовременивания продовольственных потребностей, с одной стороны, и процессом становления продовольственного производства, отвечающего

щих и долгосрочных интересов обширных контингентов трудящегося населения, и состоит социальная сущность дихотомии национальных систем продовольственного обеспечения при капиталистически ориентированном развитии.

На качественно новом уровне и с качественно новыми общественными последствиями осуществляют интеграцию местных продовольственных комплексов в МКХ транснациональные корпорации, все более глубоко внедряющиеся в ткань производства и потребления продовольствия в развивающемся мире. По оценке Центра ООН по транснациональным корпорациям, в середине 70-х годов в развивающихся странах на долю ТНК приходилась одна восьмая часть всей продовольственной продукции, выпускаемой перерабатывающими отраслями промышленности данных стран, в начале 80-х годов этот показатель составлял 15% [11]. По многим свидетельствам, проникновение ТНК в продовольственные системы стран развивающегося мира продолжает наращивать силу [12].

ТНК осуществляют функции включения продовольственных систем развивающихся стран в формирующуюся новую систему общественного разделения труда как на уровне мирового капиталистического хозяйства в целом, так и на уровне составляющих его локальных звеньев. Так, ТНК, с одной стороны, активно подталкивают, а с другой — в максимально возможной степени используют к своей выгоде (присвоение прибыли) процессы перераспределения национальных ресурсов, связанных с производством и сбытом продовольственной продукции (усиление экспортной ориентации сельского хозяйства, внутреннее перемещение ресурсов для развития производства, работающего на удовлетворение продовольственного спроса местных имущих групп населения и др.); особой функцией ТНК является организация движения и распределение потоков продовольственных товаров (как в форме готовой продукции, так и в форме исходного сырья), производящихся в развивающихся странах, в пользу центров МКХ. В отчете Президентской комиссии США по голоду в мире (1980 г.) содержится на сей счет весьма откровенное признание: «ТНК выступают связующим торговым звеном между ресурсами развивающегося мира и спросом развитых (капиталистических.— *Авт.*) стран» [13].

В социальном плане ТНК образуют ту силу, которая не просто форсирует рост «дуалистичности» аграрной экономики, и в частности ее продовольственного сектора, но придает этой «дуалистичности» новые черты: анклавы продовольственного производства, «осовременива емого» ТНК, «работают» не столько на внутренний рынок, сколько на рынок внешний, на удовлетворение продовольственного спроса потребителя прежде всего в центрах МКХ. При этом ТНК обычно не стремятся ни основывать собственное производство продовольственного сырья, ни захватывать в собственность необходимые для этого местные природные ресурсы производства (земля, вода), хотя и такие

процессы в ряде случаев имеют место,— из-за опасения последствий, вытекающих из роста социальной напряженности в сельской местности, или из-за риска подвергнуться национализации и т. д. Они стремятся, как правило, овладевать такими стадиями воспроизводственного процесса, как переработка исходного сырья и сбыт готовой продукции, внедрение в земледельческое производство новой технологии и соответствующих ей средств производства (минеральные удобрения, машины и др.). Все же тяготы, связанные с собственно производством сырья, его непредсказуемый риск ТНК «передоверяют» местному хозяйству, в зависимости от условий — мелкокрестьянскому или формирующемуся капиталистическому [13а]. Более или менее широкой модернизации подвергается, очевидно, лишь часть звеньев аграрно-промышленного комплекса (АПК), захватываемых ТНК, что, в частности, особенно ярко проявляется в случаях, когда основным агентом производства в начальном звене АПК — сельском хозяйстве — оказывается мелкий производитель-крестьянин.

В целом установление контроля не над природными ресурсами, а над «ключевыми» (с позиций интересов ТНК) участками «многоэтажного» воспроизводственного процесса составляет характерную черту экспансии ТНК в продовольственных секторах развивающихся стран. И независимо от степени их участия в технологическом обновлении местного продовольственного производства, в расширении его перерабатывающих отраслей ТНК всегда выступают «творцами» западной модели производства, активно формируя новые параметры отношений зависимости на периферии МКХ [14].

Наконец, именно ТНК, с одной стороны, берут на себя функции наиболее активных проводников новых продовольственных потребностей в развивающихся странах, а с другой — способствуют реализации этих потребностей, в частности, тем, что концентрируют в своих руках растущую часть продовольственного производства в мире; они «воспитывают» потребителя продовольствия, ориентирующегося не на местные, а на мировые стандарты продовольственного потребления. Это касается в первую очередь потребителя из имущих слоев, способных удовлетворить большую часть или даже весь «пакет» продовольственных потребностей по общемировым стандартам. Такому «воспитанию» частично подвергаются и определенные группы бедняков, которые вынуждены затрачивать на потребление престижных, нередко с нулевой питательной ценностью, продуктов некоторую долю своих скудных доходов, недостаточных для удовлетворения их потребностей даже в основной продовольственной продукции. В результате ТНК, как и в других звеньях хозяйства, которыми они овладевают, сообщают по каналам системы продовольственного обеспечения в развивающихся обществах мощный импульс процессам углубления социального неравенства. В целом их деятельность не облегчает, а усугубля-

2 Зак. 992

ет трудности продовольственного обеспечения таких обществ, особенно их наиболее многочисленных, бедных слоев [15].

Несмотря на происходящие в аграрном секторе крупные технологические и экономические метаморфозы, относительная отсталость сельского хозяйства (неспособность сельского хозяйства удовлетворить общественную потребность в его продукции) в масштабах всей группы развивающихся стран в целом пока не сокращается, а скорее возрастает.

Этот рост ведет к усилению зависимости национальных систем продовольственного обеспечения развивающихся стран от развитых капиталистических государств. Между тем экспортные ресурсы продовольствия, сконцентрированные в этих государствах, все интенсивнее становятся орудием политического и экономического давления империализма на развивающийся мир. Особенно активно его ныне используют (прежде всего в рамках программ помощи, хотя и не только в этих рамках) США, располагающие наиболее значительной материальной базой для зарубежных поставок продовольствия и получающие все новые возможности для такого использования. Действительно, в то время как все растущее число стран развивающегося мира вынуждено прибегать к импорту зерна — основного продукта продовольственного потребления, все растущая часть общемировых экспортных ресурсов зерна концентрируется в Северной Америке (а здесь в подавляющей своей части именно в США). Так, если в период между двумя мировыми войнами на Северную Америку приходилось лишь около 25% мирового экспорта зерна, то в 1969—1971 гг.— уже 44%, в 1978—1979 гг.— 58%, а в 1980 г.— 60% [16]. Между тем в середине 70-х годов к чистым импортерам зерна относилось уже 83 страны развивающегося мира из 90 обследованных ФАО (на них приходится 98% населения развивающихся стран), при этом зерновой импорт таких импортеров с 1962—1964 гг. увеличивался на 6,7% в год [17], т. е. более чем вдвое превышал среднегодовые темпы прироста зернового производства в развивающемся мире.

Поэтому вполне закономерно, что осуществляемая ныне в ряде стран стратегия, направленная на достижение зернового самообеспечения, рассматривается в этих странах не только как средство устранения внутренних диспропорций в общественном воспроизводстве, но и как фактор освобождения от набирающего силу империалистического диктата, находящего почву именно в относительной отсталости сельского хозяйства, порожденной и консервируемой в конечном итоге системой отношений зависимости и эксплуатации в мировом капиталистическом хозяйстве.

Голодание широких масс трудящегося населения, как отмечалось выше,— основное социальное содержание продовольственного кризиса в развивающемся мире. Именно в законах движения частной собственности кроются его корни. При этом в развивающихся странах речь идет не только и не просто о социальном неравенстве, присущем всякому классовому обществу вообще; речь идет о специфическом типе такого неравенства, обусловленном воспроизводством отношений зависимости и эксплуатации на периферии мирового капиталистического хозяйства,— таком типе, при котором процессы абсолютного обнищания и соответственно голодовки охватывают огромные массы народа.

Такие массовые хронические голодовки — одно из наиболее наглядных проявлений кризиса капитализма как мировой системы. Пораженное ими население развивающихся стран и связанное с ним хозяйство стали наиболее слабым звеном всего воспроизводственного механизма в МКХ. В этом смысле продовольственный кризис, развертывающийся в периферийных зонах МКХ, обретает глубоко интернациональный характер [18].

Как показывает сегодняшняя действительность развивающегося мира, абсолютная численность голодающих здесь непрерывно возрастает. Например, по оценке ФАО, численность лиц, располагающих количеством продовольствия менее «критической нормы» (за каковую принята норма, обеспечивающая по меньшей мере 1,2 потребности основного обмена человеческого организма, т. е. примерно 1400—1600 к/калорий в день), составляла в развивающихся странах более пятой части всего населения — 360 млн. человек в 1969—1971 гг., 436 млн.— в 1974—1976 гг., 450 млн.— в конце 70-х годов и может достигнуть, по прогнозу ФАО, если сохранятся нынешние тенденции, 600—650 млн. человек в 2000 г. (по оценке же ее генерального директора, 700—750 млн.) [19]. Главный «заповедник» пауперизма в развивающемся мире — страны региона Южной и Юго-Восточной Азии, который в 70-х годах сосредоточивал около семи десятых общего количества лиц, не обеспеченных критической нормой продовольствия, а удельный вес таких лиц превышал четверть всего населения развивающихся стран этого региона [20].

Действительная же глубина продовольственного кризиса много больше, чем это фиксируется текущей и обозримой в ближайшем будущем ситуацией. Его подлинные масштабы нужно оценивать с точки зрения исторических задач, перед которыми стоит развивающийся мир. Одна из таких задач — переход к новым, современным системам производительных сил на всем экономическом пространстве, охватываемом входящими в него странами.

В этом смысле острейшее противоречие, преодоление которого объективно образует важнейшую цель долгосрочной стратегии экономического развития, состоит как раз в том, что возрастающие трудовые ресурсы развивающихся стран в главной своей массе обладают качественными признаками рабочей силы, присущей традиционным формам экономической деятельности, воспроизводятся по параметрам традиционного хозяйства, причем в значительной части, используя здесь слова К. Маркса, «в хиреющем виде» [21] (на традиционное хозяйство

как раз и приходится подавляющая часть пауперизированного, голодающего населения), в то время как для осуществления экономического прогресса общества этих стран императивно нуждаются в формировании совокупного работника нового типа, соответствующего требованиям современных форм экономической деятельности [22]. Последние предполагают, конечно, и становление соответствующего типа продовольственного потребления.

Отсюда ясно, какая большая нагрузка в перспективе ложится на продовольственные секторы стран развивающегося мира.

Некоторое представление о потребности в увеличении количества продовольствия, необходимом по крайней мере для частичного улучшения физических характеристик совокупного работника, и темпах прироста производства в продовольственном секторе сельского хозяйства дает динамичный прогноз мировой экономики [23] за период 1970—2000 гг., осуществленный группой экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым (Приложение I, табл. 1). Согласно этому прогнозу, развивающийся мир должен за эти три десятилетия увеличить производство зерна в 3,6 раза (с 652 млн. до 2328 млн. т), а продукции животноводства — в 4,4 раза (с 76 млн. до 332 млн. т).

При заложенном в прогнозе предположении, что подавляющая часть прироста совокупного продовольственного спроса будет удовлетворена за счет внутренних источников, а удельный вес импорта продовольственной продукции по сравнению с исходным периодом не изменится, прирост производства, практически пропорциональный приросту совокупного спроса, должен составлять: в зерновом хозяйстве — 4,4%, а в животноводстве — 5,0% в год в течение всего прогнозируемого периода (при среднегодовом приросте населения — 2,3%). (Прошедшие полтора десятилетия, охватывающие половину этого прогнозируемого периода, однако, показали, насколько далеки от реальности оказались предположенные показатели.)

Естественно, что при капиталистически ориентированном развитии, характерном для подавляющего большинства освободившихся стран Востока, у их правящих групп не было и не могло быть всесторонне разработанного подхода к ликвидации продовольственного кризиса. В рамках решения задач по устранению отсталости, унаследованной от эпохи колониального порабощения, больший акцент в различные периоды делается в этих странах на те или иные стороны комплекса мер, направленных на смягчение диспропорций, порожденных продовольственным кризисом, что находит отражение и в национальных стратегиях развития. С начала 50-х годов до примерно конца 60-х годов, когда эти стратегии опирались главным образом на «голый» детерминизм экономического роста («рост ради роста», «рост без развития», под которым в данном случае подразумевалось автоматическое перераспределение части плодов экономического роста в пользу более широких групп населения), продовольственный кризис в наибольшей степени выступает как фактор нарушения воспроизводственного процесса в национальном хозяйстве в целом (нехватка товарного продовольствия в пределах общественной потребности). Поэтому и попытки устранения продовольственного кризиса были подчинены достижению целей именно этой стратегии. Социальные аспекты этого кризиса, обусловленные сложившейся системой отношений собственности, которая закрепляет глубокое неравенство в распределении доходов, в частности расходуемых на продовольственное потребление, отодвигались на задний план. Но в 70-х годах социальные стороны продовольственного кризиса (голодание огромных, все возрастающих масс населения) все более болезненно отражаются на всем ходе общественного воспроизводства. В результате правящие группы вынуждены уделять больше внимания проблемам пауперизма, попытки сократить масштабы которого становятся существенно важным звеном стратегии развития в 70-х годах, особенно во второй их половине. Предпринимаемые меры, однако, паллиативны: для решения проблем улучшения условий существования пауперизованных слоев населения избирается путь не изменения отношений собственности, а лишь перераспределения части аккумулируемого государством дохода в пользу «сферы бедности», без изменения основ экономического строя.

Социалистическая ориентация, означающая последовательную перестройку унаследованных от прошлого отношений собственности, тем самым формирует важнейшие «внутренние» условия для коренного изменения уровня потребления продовольствия у широких слоев трудящегося населения. Открывающиеся возможности, однако, реализуются далеко не в полной мере. И причина этого состоит не только в том, что как раз в странах социалистической ориентации афро-азиатских регионов развивающегося мира сектор продовольственного производства отличается наибольшей отсталостью, но и в том, что именно эти страны подвергаются наиболее жестокой дискриминации со стороны империалистических держав.

Борьба развивающегося мира, поддерживаемая социалистическим содружеством стран, за утверждение нового мирового экономического порядка является одновременно борьбой за создание прочных «внешних» условий для решения продовольственной проблемы.

Глава I

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС: ВНУТРЕННИЕ СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В освободившихся странах на протяжении последних десятилетий углублялись те структурные диспропорции в сфере продовольственного обеспечения, которые органически связаны со всей динамикой многоукладной экономики на периферии мирового капиталистического хозяйства. В то время как количественные и качественные параметры общественных потребностей в продовольствии все интенсивнее формируются под воздействием современного общественного разделения труда, становления и укрепления современных форм экономической деятельности, демонстрационного эффекта потребления, распространяемого из экономически развитых стран, продовольственный сектор сельского хозяйства, призванный удовлетворять продовольственные потребности, пока весьма значительной частью своих подразделений представлен традиционным производством, натуральным или полунатуральным по характеру воспроизводственного процесса, потребительским (обеспечение продовольственных нужд лишь самих непосредственных производителей) по своим целям. Сфера продовольственного обеспечения представляет собой именно то подразделение хозяйственного организма развивающихся обществ, где последствия разрыва между «*системой потребностей*» и «*системой работ*»[1] сказываются наиболее болезненно для социального и экономического развития. Даже сравнительно незначительная нехватка продовольственной продукции, выпускаемой традиционным сектором хозяйства, может образовывать такие «критические узлы» в продовольственной ситуации, при которых небольшие временные затруднения при господстве стихийно рыночных отношений принимают характер общенационального бедствия (например, происходит скачкообразный рост цен, сопровождаемый изъятием с рынка и последующим складированием крупных масс товарного продовольствия, что, в свою очередь, дает новый толчок росту цен).

ТОВАРНЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ БАЛАНС (спрос и предложение продукции массового потребления)

Относительная отсталость сельского хозяйства развивающихся стран Востока проявляется в его неспособности удовлетворить общественную потребность прежде всего в продовольственной продукции массового потребления (в первую очередь в зерне и зернобобовых). Наиболее ярко эта неспособность обнаруживается в разрыве между рыночным спросом на такую продукцию и ее товарным предложением, причем этот разрыв во многих странах имеет тенденцию к углублению.

Несколько основных процессов детерминируют весьма значительный рост рыночного спроса на основную продовольственную продукцию. В последние десятилетия резко усилились процессы урбанизации в развивающемся мире, в частности в странах Востока; в результате существенно изменилось (и, как ожидается, еще более изменится в будущем) соотношение между сельским и городским населением, предъявляющим почти исключительно рыночный спрос на продовольствие. Так, удельный вес городского населения Азии (без СССР) с 1950 по 1975 г. вырос с 16,1 до 26,2% (и, как ожидается, увеличится до 37% в 2000 г.), а его численность возросла более чем в 2,5 раза (с 220 млн. до 592 млн. человек и, по прогнозу ООН, увеличится до 1373 млн. человек в 2000 г.) [2]. Это пополнение городского населения происходит в подавляющей массе своей за счет групп людей, питающихся преимущественно или исключительно зерновыми продуктами и другими продуктами массового потребления. Численно возрастающие отряды городских жителей вследствие процессов пауперизации могут и не увеличивать свой скудный рацион питания, тем не менее он обеспечивается лишь реализацией денежного дохода, как бы мал он ни был.

В деревне стран Востока устойчивый рост рыночного спроса на продовольствие связан также с продолжающимся размыванием традиционных форм хозяйства и развитием регулируемого государством товарного производства и товарного обмена. Происходит дальнейшая внутриотраслевая специализация в сельском хозяйстве (рост торгового земледелия), в ряде стран ожидается дальнейшее развитие экспорториентированных секторов в агросфере. Существенную эрозию натуральных форм экономики вызывает начавшаяся в середине 60-х годов «зеленая революция». Например, она дает мощный толчок развитию товарного обмена (при многократном увеличении участвующей в нем массы продукта) между деревней и городом; на своих ранних, трудоемких этапах (каковые проходят ныне большинство стран Востока) она же, втягивая в производство новые большие контингенты трудящегося населения, ранее пребывавшего в сфере традиционного хозяйства, способствует увеличению фонда денежной заработной платы, обмениваемой на рынке на продовольственные товары (даже если на этих этапах зачастую еще

сохраняются значительные остатки натуральных отношений по поводу использования в производстве чужого труда).

Денежный спрос на основную продовольственную продукцию увеличивается также в результате определенной перераспределительной политики государства, объектами которой являются, с одной стороны, сфера продовольственного потребления (государство, например, субсидирует цены на зерновые и некоторые другие продукты питания), а с другой — «сфера бедности» (например, с помощью государственных инвестиций создаются новые или расширяется емкость прежних «рабочих мест»; этот процесс может обеспечить получение трудящимися пусть весьма незначительного, но зато денежного дохода, расходуемого прежде всего на покупку продовольственных товаров); формой перераспределительной политики, связанной с товарообменными отношениями, является и столь значительно развившаяся в последние годы практика «работы за пищу», для расчетов по которой продовольственный фонд — целиком или определенную часть его — государство формирует путем закупок продовольствия на рынке.

Наконец, все более значительную роль в расширении рыночного спроса на продовольственные товары начинают играть межстрановые миграционные потоки, особенно усилившиеся после первой «революции цен» (середина 70-х годов). Ведущим центром притяжения мигрантов стали нефтедобывающие страны (особенно Арабского Востока), в которых развернулось строительное грюндерство.

Влияние миграционных потоков на продовольственные рынки проявляется с «двух концов». В принимающих странах приток мигрантов создает дополнительный устойчивый спрос на товарное продовольствие, причем этот прирост может быть весьма значительным. Так, в 1978 г. рабочие — выходцы из Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Южной Кореи, а также Кампучии формировали 12% совокупной рабочей силы на Арабском Востоке (по сравнению с 0,5% в 1970 г.) [3]. В странах же выхода мигрантов дополнительный спрос на товарное продовольствие возникает благодаря тем обширным денежным переводам, которые уехавшие на заработки рабочие высылают своим семьям, оставшимся на родине. Например, в 1980 г. мигранты из восьми государств региона Южной и Юго-Восточной Азии (Бангладеш, Индия, Пакистан, Непал, Шри-Ланка, Таиланд, Филиппины, Южная Корея), сосредоточенные по преимуществу в странах Ближнего Востока, перевели на родину 4628 млн. долл., или сумму, эквивалентную 94,7% чистого притока финансовых ресурсов, предоставленных развитыми капиталистическими государствами для целей развития по двусторонним и многосторонним соглашениям всем развивающимся странам региона в том же году [4]. Естественно, что одним из важнейших объектов рыночного спроса у семей мигрантов, относящихся в наибольшей массе своей к бедному и беднейшему

населению [5], является основная продовольственная продукция.

Между тем формирование предложения товарной продукции массового потребления за счет национального производства отличалось заметно бóльшим консерватизмом, чем формирование спроса на нее. Да иначе и быть не могло. Товарность земледелия в традиционной экономике, сосредоточившей подавляющую часть производства такой продукции, уже давно достигла своего предела и увеличиваться больше не могла.

В 50-х — начале 60-х годов, например, в странах региона Южной и Юго-Восточной Азии на рынок поступало 25—30% всей продукции зернового хозяйства, т. е. примерно столько же, сколько и в 40-х годах [6]. Положение в сфере товарного зернового обеспечения стало изменяться, по-видимому, лишь в 70-х годах, в результате становления интенсивных (как правило, капиталистических) форм производства в ходе «зеленой революции». Например, по расчетам, сделанным на основе данных статистики ЭСКАТО В. Н. Уляхиным, удельный вес товарного выхода зерновых и зернобобовых за пределы сферы сельского хозяйства увеличился за 70-е годы в странах этого региона на 3—5%; по отдельным странам это увеличение фиксируется следующими показателями, % [7]:

Страна	Начало 70-х годов	Конец 70-х годов
Индия	30,2	34,3
Индонезия . . .	32,2	35,1
Пакистан	32,0	35,0
Филиппины . . .	33,8	37,3
Шри-Ланка	35,7	41,2
Малайзия	35,0	40,6

Абсолютные же размеры товарной массы зерна, по нашим расчетам, возросли в этих странах за 70-е годы примерно в 1,2—1,5 раза.

Вывод о том, что в странах региона в 70-е годы, по-видимому, происходил определенный рост товарности зернового производства подтверждается имеющимися данными национальной статистики. В Индии, например, удельный вес поставок на регулируемые рынки продукции рисо- и пшеницепроизводящих хозяйств изменялся следующим образом, % к валовому сбору (в отношении пшеницы — к валовому сбору предшествующего года) [8]:

Год	Рис	Пшеница
1956/57	31,4	32,7 (1955/56 г.)
1968/69	21,8	28,8
1970/71	25,5	29,8
1976/77	28,1	31,7
1978/79	27,9	26,8
1979/80		31,4

Тенденция к падению товарности зернового производства, обусловленная процессами натурализации обширных пластов

мелких хозяйств в крупнейших районах страны, сменилась, с возникновением «зеленой революции», противоположной тенденцией — ростом его товарности. Однако во второй половине 70-х годов этот процесс стал давать сбои. Объяснялись они причинами не только экономического (недостаточной мощью потока «зеленой революции»), но, по-видимому, и политического характера. Например, пик падения товарности зернового хозяйства во второй половине 70-х годов приходится на 1978/79 г., когда у власти в Индии оказалась «Джаната парти», временно, на два с небольшим года (до середины 1979 г.), отстранившая от управления государством партию Национальный конгресс (И); последствия этой смены власти сказались в первую очередь в районах наиболее развитого интенсивного хозяйства — в Пенджабе (где товарность пшеницепроизводящего хозяйства за один лишь год сократилась с 60 до 50,8%), штате Хариана (41,2 и 33,8%) и округах торгового производства пшеницы в Западном Уттар-Прадеше. (Влияние политических процессов на продовольственное обеспечение в развивающемся мире многообразно; с некоторыми фактами такого влияния мы познакомимся ниже.) В результате и через 10—15 лет после начала «зеленой революции» в стране все еще не был восстановлен уровень товарности зернового хозяйства, утраченный в 60-х годах.

Успешнее протекало становление товаропроизводящего зернового хозяйства на Филиппинах. Здесь в 50-х годах, по данным национальной статистики, товарный выход продукции в рисосеющем хозяйстве составлял 39%, в 60-х годах этот показатель увеличился до 54%, а в 70-х — до 60%[9]. Даже если сделать скидку на определенное преувеличение действительного выхода товарного продукта в рисосеющем хозяйстве[10], то и тогда останется очевидным тот факт, что новый тип зернового производства, ориентированный на работу для рынка, занимает на Филиппинах относительно более широкое пространство в агросфере, чем, например, в Индии.

Естественно, особого внимания заслуживает «традиционный комплекс» деревни, закономерности развития которого пока еще оказывают, как отмечалось, весьма существенное воздействие на объем поставок основной продовольственной продукции на национальные рынки. Характерным явлением для обществ развивающегося мира остается то, что в мобилизации такой продукции они все еще продолжают зависеть от принудительных изъятий продукта из фонда необходимого продовольственного потребления мелкого производителя и его семьи (так называемые продажи из нужды для погашения неотложных денежных обязательств — налогов, ростовщических долгов и процентов по ним, денежной арендной платы и других, а также платежи натурой, например в форме натуральной арендной платы, поступления продукта по которой обращаются землевладельцем в товар и реализуются на рынке). И хотя доля таких принудительных изъятий продукта в результате «зеленой революции» в

70-х годах снизилась (в середине 50—60-х годов за счет таких изъятий формировалось по разным странам региона Южной и Юго-Восточной Азии от 40 до 80% товарной массы основной продовольственной продукции[11]), рыночное движение этих принудительных поставок действует как существенный фактор развития напряженности в динамике товарного продовольственного баланса, дестабилизируя предложение товарного продовольствия.

Действительно, вынужденный расставаться с той или иной частью необходимых жизненных средств, мелкий производитель превращается в покупателя, изымающего с рынка часть того продукта, который был реализован им ранее (или был отобран у него в виде различной докапиталистической дани). Как много он вынужден будет продать (или отдать даром), а затем вновь купить и каково будет у него конечное предложение товарного продовольствия, зависит от изменяющегося воздействия «внешних» для мелкого потребительского производства обстоятельств: масштабов внеэкономического гнета и степени экономической эксплуатации мелкого хозяйства, наличия внехозяйственных источников дохода, динамики цен, влияния погодных условий на размер урожая и др. («Аномальная» реакция на рыночную конъюнктуру у традиционного производителя проявляется, например, в том, что товарный выход продовольственной продукции у него сокращается тем больше, чем выше поднимаются цены на нее, ибо в этом случае он может погасить неотложные денежные обязательства продажей меньшего, чем прежде, количества своего продукта; обратную тенденцию мы наблюдаем при падении цен.) Именно поэтому объем поставок продовольствия на рынок обнаруживает заметные колебания по отдельным периодам и годам.

Полевые обследования, проведенные в разных странах Южной и Юго-Восточной Азии в 70-х годах, показывают, что мелким производителям удавалось «возвращать» с рынка от трети до половины проданной ими ранее продукции зерна (эти продажи составляли 35—40% валового урожая их хозяйств), а доля, приходившаяся на конечное предложение товарного зерна (включавшая и безвозмездно изымаемую из хозяйства продукцию, и нормальный товарный фонд, предназначенный для обмена), изменялась в пределах от менее чем одной пятой до более чем четвертой части валового сбора зерна[12] (табл. 2).

Уместно здесь сказать об отношении этих «возвратных» покупок к товарному производству. В движении через сферу рынка именно основной продовольственной продукции, формирующей главную массу жизненных средств у подавляющей части населения развивающегося мира, проявляется наиболее глубокое несоответствие между масштабами товарного производства и масштабами товарного обращения: второе заметно превосходит первое. Иначе говоря, в той ветви товарного обращения, которая представлена продуктом, «возвращенным» с рынка мел-

кими производителями, фиксируется типичный пример товарного обращения без товарного производства; между обоими процессами нет органического единства, основой которого было бы общественное разделение труда.

Исторический опыт показывает, что работающая «вхолостую» ветвь товарного обращения становится тем мощнее, чем интенсивнее протекают процессы обнищания непосредственных производителей, поставляющих продовольственную продукцию.

Показателен пример Бангладеш. В этой стране, согласно данным ряда выборочных обследований, в первой половине — середине 60-х годов на рынок поступало только 10% валового сбора риса. Но ко второй половине 70-х годов, как отмечает один из ведущих аграрников Бангладеш, Раисуддин Ахмед, ссылаясь на результаты последующих выборочных обследований, поставки риса на рынок увеличились. Так, по данным департамента сбыта сельскохозяйственной продукции, в 1976 г. на рынке было продано 33% всей массы зерна из основного (зимнего) урожая этой культуры, на который приходится две трети валовых сборов риса в этой стране [13]. Между тем проведенное в том же, 1976 г. выборочное обследование положения сельских семей показало, что какие-либо «рыночные излишки» зерна производило немногим более 4% сельских хозяев; только чуть более 9% хозяев могли полностью обеспечить себя продовольствием за счет собственного производства. А у 62% семей земледельцев собираемого урожая не хватало даже на то, чтобы обеспечить себе пропитание в течение трех месяцев [14]. Р. Ахмед стремится определить удельный вес «чистых покупателей риса» из числа семей, ведущих земледельческое хозяйство: по его расчетам, к таковым относится 53% семей, располагающих 19% всей хозяйственной площади (1973/74 г.) [15].

Однако на рынок выходит в качестве продавцов той или иной части своего урожая подавляющее большинство крестьян-рисоводов, выходит с единственной целью — немедленно добыть деньги для оплаты накопившихся срочных обязательств (долги, налоги и др.). Среди «мелких фермеров», возделывающих рис, таких продавцов, по оценке ЭСКАТО, было в 70-х годах до 60%. Это благодаря активности таких горе-продавцов в течение всего двух-трех недель или как максимум месяца, следующих за завершением уборки урожая, на рынке продавалась крупнейшая часть товарной и псевдотоварной продукции риса — 42% в конце 60-х годов, 40—60% — в 70-х [16]. На «затоваренном» рынке стремительно падают цены; обильную жатву пожинает торговый капитал. «Возврат» же проданного (или части его) с рынка начинается позднее и уже по высоким ценам.

Рост общения мельчайшего крестьянства с рынком происходит на фоне пандемии пауперизма в бангладешской деревне. Численность и удельный вес лиц, относящихся к бедному (душевые расходы по фонду потребления — менее 96 долл. в год; продовольственное потребление — менее 2122 к/кал на душу в день) и «крайне бедному населению» (соответственно — менее 53 долл. и менее 1804 к/кал), изменялись в сельской местности следующим образом [17]:

Год	Численность бедных, млн.	Удельный вес во всем сельском населении, %	Численность крайне бедных, млн.	Удельный вес во всем сельском населении, %
1963/64	36,7	64,6	—	—
1966/67	50,8	83,1	25,5	41,7
1976/77	64,8	86,7	45,2	60,4

В свете этой динамики вряд ли оставляет сомнение факт, что в первую очередь именно с продолжающимся обнищанием основной массы зернопроизводящего крестьянства следует связывать увеличение доли и массы зерна, проходящей рыночную метаморфозу. Во всяком случае, очевидно, что пауперизированный псевдотоваропроизводитель занял в товарном обращении зерновой продукции более прочное место, чем он занимал в 60-х годах.

В срезах других пластов сельскохозяйственной экономики влияние «традиционного комплекса» может выглядеть иначе.

В некоторых случаях воздействие кризиса, переживаемого мелким, традиционным хозяйством, на зерновое производство оказывается столь значительным, что из ряда «полнокровных» поставщиков зерна на национальный рынок начинают выпадать крупнейшие районы — производители зерновой продукции. Это — районы, где тенденции натурально-потребительской формы хозяйствования с ее определяющей чертой — «ограниченность производства рамками данного потребления есть здесь закон» [18] — начинают преобладать над тенденциями товарной формы производства. В результате в таких районах происходит натурализация зернового производства, при этом товарный выход зерновой продукции в отдельных случаях сокращается не только относительно (доля товарной массы в валовом сборе), но и абсолютно (физический объем товарной массы). К числу таких районов относятся обширные территории Восточной Индии.

Вот, например, какими показателями характеризуются изменения, происшедшие в объеме производства и товарном выходе риса, основной земледельческой (и продовольственной) культуры, в штате Западная Бенгалия за два с половиной десятилетия [19]:

Год	Сбор риса в штате, тыс. т	Доля в общеиндийском сборе, %	Товарные поставки риса на рынок штата, тыс. т	Доля в сборе риса в штате, %	Доля в общеиндийской товарной массе, %
1954/55	3756	15,3	1202	32,0	15,6
1978/79	6677	12,4	1200	18,0	8,0

Как видно, за четверть века, несмотря на увеличение сбора риса почти на четыре пятых, выход товарной продукции в рисо-

производящем хозяйстве весьма сильно сократился; в результате поставки зерна на рынок были низведены до уровня, типичного для середины 50-х годов, и «вес» района на общенациональном рынке риса понизился почти вдвое. В земледелии другого крупного района Восточной Индии — штата Бихар — можно даже с документальной точностью установить начальную временну́ю точку процесса натурализации зернового хозяйства. С середины 50-х годов производство пшеницы стало бурно расти и к концу 60-х годов оно увеличилось более чем в 2,5 раза (табл. 3); на рынок отправлялось до трети валового сбора этого зерна (товарная масса пшеницы увеличилась почти в 3 раза). Но тогда же, в конце 60-х годов, восходящая кривая роста товарного производства была прервана: пшеницепроизводящее хозяйство стали поражать процессы натурализации; началось «движение вспять», вернее, производство пшеницы продолжало стремительно разбухать (с конца 60-х годов до конца 70-х ее сборы увеличились еще в 2,8 раза), однако теперь производители зерна не менее стремительно рвали свои былые связи с рынком: товарность пшеницепроизводящего хозяйства упала в 2,8 раза (с 33,3 до 12%), а абсолютный объем товарных поставок пшеницы «застыл» на одном уровне (280—300 тыс. т в год). С точки зрения рыночной динамики результатов производства хозяйство стало работать как бы на «холостом ходу», ориентируясь на цели натуральной экономики — обеспечение фонда потребления (в данном случае продовольственного потребления в натуре) для самого непосредственного производителя: с конца 60-х годов на эти цели затрачивается вся без исключения масса прироста сборов пшеницы в штате (см. табл. 3).

Уникальный пример «отката» зернового хозяйства от едва народившихся товарных отношений к системе натуральных производственных связей фиксируется данными по наиболее отсталому району Восточной Индии — штату Орисса. По оценкам Министерства продовольствия и сельского хозяйства Индии, в середине 50-х годов «товарный излишек» риса в штате составлял 31—33% валового сбора этой культуры, но с конца 60-х годов на рынке реализуется уже ничтожная часть урожая риса: она составляла 6—7% в 1968/69—1975/76 гг. и всего лишь 2,8—3,7% в 1976/77—1978/79 гг.[20]. Зерновое хозяйство штата едва ли не полностью «вернулось» к натуральной системе отношений, включающей помимо прочего как натуральный бартерный обмен, так и товарный обмен, осуществляемый в пределах традиционной экономики деревни за счет воспроизводимого в ней продукта.

При оценке приведенных показателей товарности зернового хозяйства следует принять во внимание два существенных обстоятельства. Первое. Показатели товарности, относящиеся к концу 60-х годов и более позднему периоду, весьма точны: они основаны на учете массы зерна, действительно поступившей на регулируемые рынки; напротив, показатели, касающиеся 50-х

годов, получены или в результате расчета «товарных излишков», или в результате экспертных оценок поступлений зерна на рынок; в любом случае они опираются на довольно узкий экспериментальный материал. Именно в этом смысле их полезно сопоставить с этим последним. Например, расчетные или экспертные оценки, относящиеся к середине 50-х годов, по Западной Бенгалии вполне коррелируют с данными обследования группы деревень, осуществленного под руководством видного индийского экономиста Дж. П. Бхаттачарджи в 1955—1957 гг. Согласно этим данным, жители деревни продавали за деньги 32,3% валового урожая риса. Но по штату Орисса группой Бхаттачарджи получен показатель — 7,4%, резко отличающийся от приведенного выше официального показателя товарности рисопроизводящего хозяйства. Последний, по-видимому, значительно завышен: ведь даже для послевоенного времени (1946/47—1948/49 гг.) тот же официальный источник дает цифру «товарного излишка» — 15% (для Западной Бенгалии — соответственно 27,5%, т. е. цифру, близкую ко всем приведенным выше). И она, видимо, точнее отражает ситуацию, чем показатель 31—33%, столь сильно выпадающий из всего ряда показателей товарности (и который не «подпирается» соответствующими сдвигами в экономической структуре).

Второе. В показателях товарности, относящихся к 60-м — 70-м годам, не учтена масса продукта, которая была продана за деньги в деревне, но не вышла за ее пределы. К этой массе продукта относится продукт, который продан земледельцем ростовщику в оплату долгов на самых тяжелых для себя условиях, складирован ростовщиком, а затем возвращен в определенной пропорции этому же земледельцу в виде натуральной ссуды. Этот тип товарно-денежных отношений связан с воспроизводством «традиционного комплекса», ориентацией производства на цели личного потребления и к специализированной работе хозяйства на рынок касательства не имеет. В движении продукта, реализуемого за деньги, внутри деревни могут быть представлены и отмеченные выше отношения товарного обращения без товарного производства. Действительная недооценка уровня товарности зернового хозяйства может иметь место в случаях, когда недоучитывается масса зерна, продаваемая хозяевами-предпринимателями из своих запасов нанимаемым ими рабочим, которые оплачиваются деньгами. Но даже в таких сделках зачастую широко присутствует «традиционный комплекс»[21].

К типу районов с регрессирующей товарностью зернового хозяйства относятся и некоторые другие территории Индии, например штат Мадхья-Прадеш, где за 25 лет производство пшеницы возросло вдвое, а физический объем поставок этой культуры на рынок сократился в полтора раза; товарность же пшеницепроизводящего хозяйства уменьшилась в три раза (с 36 до 11,6%) (см. табл. 3). Вследствие именно усиления

тенденций натурально-потребительской формы хозяйствования, охвативших огромные территории, Индия пока не может восстановить средненациональную товарность зернового хозяйства до уровня, типичного для 50-х годов, даже несмотря на то, что в отдельных районах страны возникла в ходе «зеленой революции» новая система высокотоварного зернового производства, которая вносит все более весомый вклад в формирование этого средненационального уровня.

В развивающемся мире возникают и ситуации, когда натурально-потребительские тенденции начинают оказывать доминирующее влияние на развитие всей зерновой отрасли производства в национальном хозяйстве. К числу таких стран на Востоке относится, например, Марокко. В этой стране в 1959—1962 гг. на рынок поступило 25,8% валового сбора зерновых, в 1963—1965 гг.— 21,2%, то в 1969—1971 гг.— 10,6%, в 1972—1973 гг.— 8,2%, а в 1981 г.— 13,3% [22]. Затяжной продовольственный кризис, обусловленный относительной отсталостью зернового хозяйства (и непосредственно вызванный процессами его натурализации, особенно бурно протекавшими в 70-х годах), наиболее болезненно стал проявляться к концу 70-х — началу 80-х годов, когда страна стала прибегать к громадному зерновому импорту, покрывавшему до трети общенациональной потребности в этом продукте.

Было бы односторонне (и, очевидно, неправильно) рассматривать выпадение крупных блоков зернового хозяйства из рядов поставщиков товарного зерна на национальные рынки, их натурализацию как простое «попятное движение» («регресс») в процессах общественного разделения труда. Как раз наоборот — данное явление распада товарного производства есть негативное свидетельство складывающейся новой системы общественного разделения труда, охватывающей зерновое хозяйство, своего рода «выброс» из этой новой системы не соответствующих ей элементов. Зерновое хозяйство в развивающихся странах капиталистической ориентации претерпевает ту стадию экономической эволюции, для которой характерен углубляющийся «дуализм»: одно (гигантское по числу охватываемого населения) подразделение этого хозяйства все больше утрачивает те макрохозяйственные функции, которые оно выполняло ранее (поставки на рынок основной продовольственной продукции), и тем самым выпадает из общенациональной системы общественного разделения труда, как бы «выталкивается» из общего потока экономического развития; другое (значительно меньшее) подразделение, напротив, все более берет на себя решение острейших задач общественного воспроизводства, обеспечивая все растущую массу товарной продовольственной продукции. Это-то подразделение и выступает системообразующим началом в складывающемся новом общественном разделении труда. Обострение продовольственного кризиса в периоды такой смены возникает в результате того, что отрицательные последствия,

порожденные выпадением из поставщиков товарной продукции крупных блоков прежнего зернового хозяйства, еще не компенсируются адекватным образом формирующейся новой системой товарного производства. Эволюция национального хозяйства по капиталистическому пути, воздействующая на все стороны этой диспропорции, придает данной форме продовольственного кризиса неизбежно затяжной характер. Ситуация становится еще более болезненной для общества развивающейся страны, когда наиболее важный узел товарного производства, обеспечивающий основную продовольственную продукцию, оказывается за пределами национальных границ, т. е. когда решение острейших национальных задач общественного воспроизводства становится лишь частичным звеном процесса, протекающего в рамках международного капиталистического разделения труда.

Многостороннее воздействие на формирование товарной массы основной продовольственной продукции оказывает «традиционный комплекс» в зонах «зеленой революции» — зонах становления интенсивной формы капиталистического хозяйства. С одной стороны, он задерживает вымывание остатков натуральных отношений из зернового хозяйства, традиционно наиболее отсталой сельскохозяйственной отрасли. Так, в земледельческих хозяйствах, вступивших на путь интенсификации производства и уже отличающихся весьма высоким уровнем товарного выхода зерна, пока еще далеко не изжиты натуральные формы оплаты чужого труда, в том числе наемного, прочное положение занимают отношения бартерного обмена с другими контрагентами, участвующими в процессе производства.

В двух районах с весьма развитым (по стандартам первичных этапов «зеленой революции») в Азии интенсивным земледелием — Пенджабе (Индия) и Лагуне (Филиппины) распределение уходящей из хозяйства массы зерна (пшеницы — в первом районе и риса — во втором) осуществлялось, по данным полевых обследований зернопроизводящих хозяйств, следующим образом (% к валовому сбору)[23]:

Штат, район	Год обследования	Поставки на рынок	Выплаченная натуральная заработная плата	Ее удельный вес во всей выплаченной зарплате	Натуральные выплаты по бартерным сделкам
Пенджаб .	1978/79	51,4	16,9	35,0	2,8
Лагуна . .	1975/76	63,7	11,0	70,7	1,6

С другой стороны, «традиционный комплекс», прежде всего в форме земельной монополии докапиталистических собственников, продолжал выступать как могучий фактор принуждения производителя к увеличению массы товарных поставок зерновой продукции. В обследованных рисопроизводящих хозяйствах Лагуны на арендные платежи и чистые выплаты по долгам приходилось 49,5% всей обращенной в товар массы риса. Особенно сильно власть земельной собственности деформировала мель-

чайшее хозяйство, у которого арендные платежи формировали 59,1% всей массы отправляемого на рынок риса (вместе с выплатами по долгам — 64%), а удельный вес рыночных поставок риса в валовом сборе достигал 64,8%[24].

Прогрессирующую относительную отсталость сельского хозяйства огромного числа развивающихся стран и, в частности, обусловленный этой отсталостью импорт основной продовольственной продукции (вместе со всеми его многообразными травмирующими последствиями) необходимо рассматривать на фоне усиливающихся в сегодняшнем мире процессов интернационализации систем продовольственного обеспечения этих стран.

В послевоенный период из десятилетия в десятилетие увеличивалась масса продовольственных ресурсов, поступавшая в международный обмен в пределах МКХ. Особенностью этого процесса было то, что мощь потоков продовольствия из развитых капиталистических стран в развивающиеся возрастала гораздо интенсивнее, нежели мощь аналогичных потоков, шедших в противоположном направлении. По расчетам В. В. Рымалова, сделанным на базе статистической информации ООН, за 1953—1973 гг. физический объем продовольственных товаров, импортированных развивающимися странами из капиталистических государств, возрос почти в 2,8 раза, а импорт таких товаров, осуществленный последними из стран первой группы, увеличился лишь в 1,8 раза. При этом удельный вес продовольственного импорта развивающихся стран из группы капиталистических государств увеличился с 63,6 до 70,4% общего объема их продовольственного импорта. Взаимная торговля развивающихся стран продовольствием возросла за то же время в два раза, но доля импорта продуктов питания во всем их импорте таких продуктов понизилась — с 36,4 до 29,6%, в пользу развитых капиталистических стран[25]. Между тем за эти два десятилетия производство продовольствия в развивающихся странах увеличилось только в 1,8 раза[26].

Таким образом, по мере усиления процессов интернационализации систем продовольственного обеспечения все более отчетливо проявлялась закономерность: страны центров МКХ решительно утверждали себя в роли важных поставщиков продовольствия для развивающегося мира[27]. Касается это прежде всего основной продовольственной продукции, в первую очередь ресурсов зерна.

В предвоенные годы чистый экспорт зерна из стран колониальной и зависимой периферии МКХ составлял в среднем 12 млн. т в год[23]. В послевоенные годы ситуация радикально изменилась: из чистого экспортера зерна страны этой зоны МКХ стали его чистым импортером, при этом данный импорт стремительно нарастал, увеличившись с 10 млн. т в год в начале 60-х годов до 45—48 млн. т на рубеже 70—80-х годов; и, забегая вперед, отметим, что, по разработанному ФАО прогнозу (явно заниженному в отношении региона Ближнего Востока), к

1990 г. чистый импорт зерна в страны развивающегося мира может возрасти до 72 млн. т (табл. 4).

Конкретно ввоз зерна призван устранить «бреши» в системе товарного его обеспечения и восстановить равновесие между общественной потребностью в зерне (формируемой как целями удовлетворения текущего спроса, так и целями создания государственных страховых запасов) и товарными ресурсами зерновой продукции. Особенно сильно динамичное несоответствие между обеими сторонами товарного зернового баланса нарастает в странах региона Ближнего Востока, который по данному показателю в конце 70-х годов вышел на первое место среди «соперничающих» регионов — импортеров продовольствия в развивающемся мире. Активно способствует углублению этого разрыва, помимо других причин, могучий, непрекращающийся приток в страны региона рабочих-мигрантов. Внешние закупки зерна начинают все больше формировать самый фундамент национальных систем продовольственного обеспечения в странах региона. В ряде случаев импорт обеспечивает существенную (а в городских районах подавляющую) часть не просто товарного, но всего потребления основной продовольственной продукции. Так, в Иране чистый импорт зерна покрывал в 1975—1978 гг. 23,4%, а в 1979—1982 гг.— 26,7% совокупного спроса на этот продукт (и наибольшую часть рыночного спроса). Еще большую роль в формировании национального фонда продовольственного потребления играет ввоз зерна в Египте, где в указанные пятилетия этот импорт обеспечивал соответственно 38,9 и 46,5% общественной потребности в зерновой продукции[29]. В области же поставок пшеницы — главного вида пищевого зерна — государственно-монополистический капитал Запада вкупе с «пшеничными» монополиями стремительно оттесняет на «задворки» национального рынка местное земледельческое хозяйство. Об этом свидетельствуют следующие показатели роста удельного веса массы пшеницы, поступающей по каналам импорта, в общенациональном потреблении, %[30]:

1960—1963 гг.	1967—1970 гг.	1975—1978 гг.	1979—1982 гг.
50,8	58,3	69,1	74,1

Чтобы полнее представить себе значение этих цифр, отметим, что вряд ли в развивающемся мире найдется другая такая страна, где столь большое число населения (одно лишь городское население, питающееся зерном, покупаемым на Западе, составляет в Египте свыше 20 млн. человек) в столь большой степени зависело бы в удовлетворении рыночного спроса на основной зерновой продукт питания от импортных поставок (они обеспечивали в 1978—1980 гг. 92,5% всего фонда товарной пшеницы, потребляемой в стране[31]) и где импортом покрывается 40—50% общенациональных потребностей в продовольствии[32].

Напротив, в регионе Южной и Юго-Восточной Азии тенденция к росту зернового импорта с последней трети 70-х годов сменилась тенденцией к его сокращению (табл. 4). В некоторых странах (например, в Индии, на Филиппинах) товарное предложение зерна примерно достигало, а в отдельные годы даже превосходило величину платежеспособного спроса на него. Это обстоятельство, однако, не меняло сущностной стороны кризиса в товарном зерновом обеспечении: соответствие между спросом и предложением возникало лишь как результат крайне недостаточного потребления зерна огромными массами населения, занимающими место на «дне» общества.

В некоторых странах (особенно нефтедобывающих) интенсивно возрастающий импорт продовольственной продукции массового потребления является результатом специфической политики экономического роста, ставящей достижение целей промышленного роста, или роста сектора услуг, рассчитанного на удовлетворение потребностей богатых слоев населения, в преимущественное положение по отношению к целям сельскохозяйственного роста. Тем самым дополнительно, «сверху», стимулируется углубление разрыва между внутренним спросом и внутренним предложением товарной массы основной продовольственной продукции.

В росте импорта такой продукции, особенно зерновой, находит наглядное отражение весьма характерная черта нынешнего развития национальных систем продовольственного обеспечения: их интернационализация есть процесс в значительной степени «принудительный», обусловленный отсталостью местного продовольственного производства, в первую очередь его сырьевого сектора, этот процесс отнюдь не всегда и не во всем воплощает общемировую тенденцию экономической динамики — использование преимуществ международного разделения труда. Те крупные издержки, причем не только экономического, но и политического характера, которые обычно влечет за собой импорт такой продукции, представляют собой своего рода «плату за отсталость», которую столь активно стремятся реализовать страны центров МКХ в интересах своих монополий.

Во-первых, импорт в массовых масштабах основной зерновой продукции, осуществляемый к тому же в условиях усиливающейся дестабилизации мирового капиталистического хозяйства, означает непомерно большое отвлечение (или прямое расточение) национальных ресурсов от целей их производительного использования, причем отвлечение в той единственной форме (валютной), которая позволяет развивающимся странам оплачивать достижения научно-технического прогресса, протекающего в рамках МКХ за их пределами. Более того, все чаще складывается ситуация, когда развивающиеся страны уже не могут выделять финансовые ресурсы для оплаты импорта основной продовольственной продукции в объеме, необходимом для покрытия неотложных продовольственных нужд.

Характерен здесь пример развивающихся стран «благополучного» региона Южной и Юго-Восточной Азии в 1981 г. В этом году данная группа стран региона ввезла зерновых на 9,7 млрд. долл., и хотя на этот импорт было затрачено средств на 11,8% больше, чем в 1980 г., его физический объем оказался на 11,1% ниже уровня предшествующего года. ЭСКАТО комментировала: «Сокращение объема импортированного зерна не было простым отражением уменьшения потребностей в нем, оно было также результатом жестоких трудностей с платежами, вызванных ухудшением условий товарного обмена (на мировом капиталистическом рынке.— *Авт.*)» [33].

Во-вторых, именно на почве нехватки основной продовольственной продукции, в первую очередь зерна, возникают в развивающихся странах объективные условия, позволяющие империализму использовать продовольственный импорт (в особенности в форме «продовольственной помощи») в качестве «политического оружия». Среди непосредственных причин, формировавших внешнеполитический курс садатовского Египта, глубокая продовольственная зависимость от США занимала не последнее место: напомним, что, например, во второй половине 70-х годов свыше половины всего импортированного страной зерна было получено из США [34].

В-третьих, импорториентированная стратегия продовольственного обеспечения бумерангом бьет по национальному производству основной продовольственной продукции. Действительно, когда импорт начинает формировать весьма существенную (в ряде случаев подавляющую) часть товарной массы такой продукции и при этом обеспечивает значительную долю (а нередко и всю массу) государственных продовольственных ресурсов, внутренние продовольственные цены, реализуемые местными производителями продовольственной продукции, испытывают сильное депрессивное воздействие. Происходит это потому, что реализация импортного зерна осуществляется по ценам ниже сложившихся на национальном рынке (в частности, по субсидируемым потребительским ценам). Более того, при импорториентированной стратегии и государственные внутренние закупочные цены на зерно обычно опускаются ниже рыночных. Подавление (или существенное ослабление) стоимостных стимулов экономической деятельности активно тормозит дальнейший рост товарного производства основной продовольственной продукции. Яркие тому примеры дают Иран в период шахского режима или, например, Египет, где правительство в 70-х годах было вынуждено осуществлять жесткий контроль за производством основных культур с целью воспрепятствовать производителям переходить к возделыванию других культур, «хотя во многих случаях это обеспечило бы им более высокую прибыль» [35].

За всеми этими депрессивными процессами прослеживается общий стратегический подход государства к национальному зерновому хозяйству: помимо функций собственно зернового

обеспечения, все хуже осуществляемых, это хозяйство в течение длительного времени выполняло и продолжает выполнять функцию источника стоимостей, безвозмездно перемещаемых из деревни в город. Несмотря на предоставляемые государством субсидии для покрытия части цены на наиболее капиталоемкое средство производства египетского земледелия — минеральные удобрения, производители зерна несут при его производстве и реализации ощутимые потери. По расчетам западногерманских ученых И. Брауна и Х. Хаена, возможные чистые потери (т. е. потери за вычетом субсидий, выделяемых на использование минеральных удобрений) в экономике возделывания трех основных зерновых культур — пшеницы, риса и кукурузы — характеризовались с середины 60-х годов следующими показателями (млн. егип. ф. в среднем за год при ценах 1975 г.) [36]:

1965—1969 гг.	1970—1974 гг.	1975—1979 гг.	1980 г.
327,2	423,4	399,8	227,7

В 70-х годах, в эпоху осуществления садатовским режимом «политики открытых дверей» («инфитах»), когда резко возросло влияние на внутреннем рынке системы ценовых пропорций, сложившихся на мировом капиталистическом рынке (к тому же подверженных частым стихийным изменениям), производители пшеницы могли получить за свою товарную продукцию, реализуемую на свободном рынке, лишь 40—70% мировой цены (выраженной в реальной цене импортированной пшеницы), а в качестве оплаты обязательных поставок этого вида зерна (42,3% всей товарной массы пшеницы в 1969—1971 гг. и 41,7% в 1978—1980 гг.) и того меньше — 30—60% такой цены; производители же риса получали на свободном рынке за свою продукцию лишь 30—60% ее мировой цены, а в период энергетического кризиса середины 70-х годов (1974—1975 гг.) те же производители реализовывали при продаже риса только 14—16% его мировой цены [37].

Подавление стоимостных регуляторов производства в экономике зернового хозяйства вызвало два отрицательных следствия. Во-первых, заметно затормозился или даже прекратился рост сборов зерна. За 19 лет (с 1960—1963 по 1979—1982 гг.) среднегодовые сборы пшеницы увеличились всего на 26,3%, т. е. возрастали в среднем на 1,25% в год. Производство же риса, достигнув пика к концу 60-х годов, в 70-х годах стало сокращаться (среднегодовое сокращение на 0,7% в период между 1968—1970 и 1978—1980 гг.) [38]. Во-вторых, существенно усилились потребительские тенденции в зерновом производстве, тенденции к его натурализации. Эти тенденции обусловлены не столько (и во всяком случае, не только) дальнейшим обеднением значительных групп крестьян — производителей зерновой продукции, сколько нарушениями закона стоимости, подрывающими саму основу специализации хозяйства на производстве

для рынка. Действительно, на свободный рынок и в государственные закрома (по обязательным поставкам) деревня отпускала в 1969—1971 гг. 31,5% валового сбора пшеницы, а в 1978—1980 гг.— лишь 23,2% (соответственно 475 тыс. и 433 тыс. т этой культуры) [39].

При импорториентированной стратегии, закрепляемой политикой «открытых дверей», могут возникать и такие удивительные «парадоксы», когда местный сельскохозяйственный производитель-бедняк изобильно финансирует своего богатого зарубежного собрата. В самом деле, выплачивая весьма низкие цены производителям зерна, государство в Египте покупает импортное зерно по высоким (мировым) ценам. И в то же время оно субсидирует покупателя зерна на внутреннем рынке, устанавливая низкие потребительские цены. В результате та сумма стоимостей, которая безвозмездно изымается из хозяйств местных производителей зерна и перемещается в город, в конечном итоге растрачивается на субсидирование североамериканских фермеров, чтобы те вкупе с транснациональными корпорациями могли беспрепятственно осуществлять экспорт своего зерна в развивающиеся страны по монопольно высокой цене! [39а]

Импорториентированную стратегию в продовольственном обеспечении, столь характерную для стран Ближнего Востока, нужно оценивать также в связи с теми социальными последствиями, которые влечет за собой резко усилившаяся в последние десятилетия мобильность рабочей силы в регионе. Массовая миграция сельских рабочих — как межстрановая (движение населения в нефтедобывающие страны), так и внутристрановая (исход деревенского населения в города) — привела, как отмечает американский исследователь А. Ричардс, к «быстрой эскалации реальной заработной платы в деревне». Между тем вследствие, с одной стороны, сдерживающего влияния на сельскохозяйственные цены государственной ценовой политики, а с другой — роста импорта продовольственных товаров цены на основную продовольственную продукцию местного земледелия увеличивались медленнее, чем ставки заработной платы. Прежнее «равновесие» между заработной платой и ценами на продовольственную продукцию, реализуемыми сельскими производителями, рухнуло. Жалобы на «нехватку труда» стали слышны повсеместно в сельских местностях региона. Однако «подходящая технология», которая одновременно и возмещала бы этот недостаток труда, и способствовала бы росту объема производства, «была недоступна многим фермерам», причем особенно это касалось мелких хозяйчиков. В результате «рост сельскохозяйственной продукции отставал от стремительно вздувающегося спроса на продовольствие» [40].

Только многообразные меры государственного протекционизма, а среди них прежде всего поддержка экономически выгодных для сельского производителя продовольствия цен (зачастую предполагающая перекачку в сельское хозяйство части продук-

та, создаваемого в несельскохозяйственных отраслях) позволяют развивать товарное производство зерна, как это мы наблюдаем, например, в некоторых зонах производства пшеницы в Индии (интенсивно формирующееся капиталистическое хозяйство) или в рисосеянии в Шри Ланке в 70-х годах (мелкокрестьянское хозяйство по преимуществу).

Пример Шри Ланки особенно примечателен. В этой стране государство, осуществляя стратегию зернового импортзамещения (т. е. активно стимулируя рост производства зерновой продукции), поддерживало такое соотношение внутренних зерновых цен, при котором цены, реализуемые производителями риса, оказывались существенно выше цен, выплачиваемых потребителями риса. Именно обширные государственные субсидии, мощным потоком вливавшиеся в сферу реализации товарного зерна, производимого национальным хозяйством, способствовали росту производства товарного риса на базе мелкокрестьянского земледелия [41].

Из сказанного выше следует вывод, что было бы бессодержательно с научной точки зрения выводить показатель глубины продовольственного кризиса из простого сопоставления показателей динамики производства «вообще» и роста населения «вообще». Ибо такой подход игнорирует социальные и экономические процессы в их связи с демографическими процессами, которые в совокупности и определяют действительные параметры продовольственного кризиса на данном историческом этапе эволюции того или иного развивающегося общества.

При таком подходе остается в стороне, в частности, тот очевидный факт, что рост численности населения сопровождается, как правило, еще более интенсивным процессом изменения его структуры, связанным с развитием общественного разделения труда; в результате общественная потребность в продовольственных ресурсах во всех их качественных характеристиках изменяется либо опережающими темпами по отношению к темпам демографических изменений, либо — в более редких случаях, притом в отдельных отраслях, сферах экономической деятельности в определенные исторические периоды — более медленными темпами по отношению к темпам таких изменений. Что касается, например, основной продовольственной продукции, истинная величина ее нехватки (отражающая глубину кризиса в его экономическом проявлении) должна определяться не масштабами «нарушения» баланса «население — производство (продовольствия)», а масштабами нехватки товарной массы продукции, т. е. совокупным показателем, который отражает диспропорцию между динамикой общественной потребности в продовольствии, обусловленной именно как ростом численности населения, так и изменением его структуры, и динамикой предложения (производства) продовольствия. Ясно также, что в развивающихся обществах любые изменения в отношениях распределения, как правило, воздействуют в первую очередь на величину общественной потребности в продовольствии, причем безотносительно к первым двум процессам; при некоторых системах отношений распределения, детерминируемых «периферийной» формой капиталистической эволюции, может возникать, как увидим ниже, даже «избыток» продовольствия в условиях голодания большой массы народа.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ СТАНДАРТОВ ПИТАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА УГЛУБЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСПРОПОРЦИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Растущее влияние на жизнь местных обществ современных форм экономической деятельности, осуществляемое «извне», а с развитием индустриальной системы производительных сил — и «изнутри», проявляется помимо прочего в интенсивном формировании нового типа продовольственных потребностей, характерной чертой которых является более разнообразная структура питания, предполагающая, в частности, все более широкое внедрение в продовольственный рацион продукции животноводства, замену традиционных продуктов их более качественными аналогами и др. Определяет же конкретное наполнение этих новых потребностей (виды и пропорции потребляемых продуктов, приоритеты в их наборе и др.) демонстрационный эффект стандарта жизни (в том числе стандарта питания), характерного для экономически развитых стран. Данный эффект становится все более мощным, и главное — постоянно действующим фактором, детерминирующим углубление разрыва между возвышающимися потребностями продовольственного потребления и характером местного производства, в огромной своей части рассчитанного на удовлетворение потребностей не современного, а именно традиционного общества.

Новая система потребностей все более значительное влияние оказывает на структуру совокупного платежеспособного спроса на продовольствие.

Несоответствие между усиленно диверсифицирующимся спросом на продовольствие и номенклатурой предложения, обеспечиваемой местным производством продовольствия, имеет тенденцию к усилению. Данное несоответствие существенно стимулирует импорт продовольствия, при этом спрос на импортное продовольствие в таких условиях растет значительно более высокими темпами, нежели спрос на местное продовольствие. Так, по данным ФАО, в 90 развивающихся странах с 1962—1964 по 1974—1976 гг. каждый процент прироста внутреннего спроса на сельскохозяйственную продукцию вызывал прирост импорта сельскохозяйственных товаров на 1,75% [42].

Вместе с тем в некоторых районах развивающегося мира, относящихся главным образом к группе стран и территорий,

располагающих высоким среднедушевым доходом (например, Южная Корея, Тайвань) либо достаточно большим рынком на нетрадиционные продовольственные товары (например, Индия, Египет, Иран до революции 1978—1979 гг.), указанный разрыв сообщает импульс становлению ориентированных на удовлетворение нетрадиционного спроса отраслей продовольственного производства, причем, как правило, под контролем транснациональных корпораций (ТНК) и при их непосредственном участии. В частности, в Индии и Южной Корее на долю ТНК приходилось уже в 1975 г. до 15% всех активов (либо валовой выручки) пищевой промышленности [43].

Происходящие изменения в структуре продовольственного спроса отражают интенсивные процессы «размежевания» в системе продовольственного обеспечения. Суть этих процессов состоит в том, что по мере развития современных форм экономической деятельности, по мере роста неравенства в распределении национального дохода как в пространстве (усиливающаяся концентрация дохода, национального богатства в городах), так и — параллельно — между общественными классами воспроизводство жизненных средств в урбанистических центрах обнаруживает все более сильную тенденцию к отрыву от национальной почвы и/или к опоре «внутри» на такие подразделения производства, которые находятся вне пределов национального контроля, базируются на зарубежных технологических процессах, составляя частичное звено глобальной машины транснационального агробизнеса. При этом в таких центрах выделяются зажиточные и богатые группы населения, способные обеспечить себе как за счет своих частных доходов, так и за счет присвоения государственных средств потребление наиболее ценных и дорогих продуктов питания,— потребление, ориентированное на западные стандарты. В ряде случаев формирующиеся у этих состоятельных групп новые стандарты продовольственного потребления вызывают широкий импорт (или налаживание с помощью ТНК местного производства) таких продовольственных товаров, которые могут быть отнесены к предметам роскоши. В самом деле, многие продовольственные товары, отвечающие требованиям таких стандартов, как правило, содержат большую массу присоединенного нового труда (зачастую не изменяющего питательной ценности исходного сырья) и представляют на рынках развивающихся стран также объекты купли-продажи, которые практически недоступны для подавляющей части местного населения.

Новые стандарты продовольственного потребления складываются и у отдельных групп трудящегося населения, особенно занятых в современных секторах экономики и относящихся по национальным критериям к группам с высокими доходами.

В наиболее завершенном виде анклавы (прежде всего городские) продовольственного обеспечения, формируемого не в отдельных своих звеньях, а как целостность за счет инонациональных источников (включая как импорт продовольственных предметов роскоши, так и поставки продовольственных товаров местным производством, находящимся под контролем ТНК и опирающимся на импортное сырье и оборудование), возникли в странах, осуществляющих импорториентированную стратегию продовольственного обеспечения, особенно нефтедобывающих.

К такой группе стран относятся, например, многие арабские государства Ближнего Востока и Северной Африки. За период 1970—1983 гг. страны Арабского Востока увеличили импорт продовольственных товаров с 1 млрд. до 35 млрд. долл. (32 млрд. долл. в 1982 г.), при этом все более значительное место, особенно с конца 70-х годов, занимали в этом импорте закупки мяса и других дорогих продовольственных товаров [44]. Оцениваемый в динамике стоимостных величин, среднегодовой темп прироста данного импорта в 2—2,5 раза превосходил соответствующий темп прироста производства в продовольственных секторах рассматриваемой группы стран.

Постоянно растущий спрос на «дорогую» продовольственную продукцию, обеспечиваемый относительно небольшой частью местного населения, в условиях импорториентированной стратегии продовольственного обеспечения вызывает существенные изменения в специализации производства в местных аграрных секторах. Ряд земледельческих хозяйств (прежде всего хозяйства богатых производителей) и целые аграрно-промышленные комплексы (АПК) переходят к производству продовольственной продукции, требующей больших затрат живого и/или овеществленного труда на каждую ее единицу, как приоритетному объекту своей экономической деятельности, причем, как правило, этот переход осуществляется за счет и в ущерб развитию производства основной продовольственной продукции. Уже упоминавшийся ранее американский исследователь А. Ричардс, взяв в качестве основы для сравнения динамику производства пшеницы, пришел к выводу, что в странах региона Среднего Востока (сюда им включаются и государства Северной Африки) производство «продовольственных предметов роскоши» растет «обычно быстрее, чем производство основных зерновых культур». Так, производство мяса птицы увеличивалось более высокими темпами, чем производство пшеницы, в 9 странах из 14, производство овощей — в 10 странах и производство фруктов — в 7 странах из 14 [45].

В различных группах стран ведущим элементом новой структуры продовольственного потребления становятся различные виды продовольственной продукции. Во многих развивающихся странах регионов Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки таким ведущим элементом является мясо, причем, как правило, именно птицеводство, позволяющее наиболее полно обходить запреты в продовольственном потреблении, налагаемые психологией традиционного общества [46], утверждается в качестве наиболее динамично развиваю-

щейся отрасли животноводства [47]: именно эта отрасль переводится в первую очередь на рельсы промышленного производства, создавая наиболее широкие возможности присвоения высокой прибыли. Она же обеспечивает и другой важный компонент белкового питания — яйца.

В развивающемся мире новые стандарты продовольственного потребления формируются в первую очередь в городах, испытывающих наиболее сильное влияние демонстрационного эффекта, распространяемого из стран Запада. А здесь такие стандарты становятся достоянием по преимуществу групп лиц, располагающих высокими доходами. Переход к новым стандартам питания в ряде случаев облегчается и становлением соответствующих им типов производства, воспроизводственный процесс в которых пока еще в значительной степени (особенно в звеньях, на которые достижения НТР оказывают самое непосредственное влияние) зависит от поставок необходимой технологии из-за рубежа.

Становление птицеводческого комплекса в Индии весьма наглядный пример углубления дихотомии в системе продовольственного обеспечения. Как показало одно из специальных исследований проблемы, развитие птицеводства «на научной основе» в Индии началось лишь с 60-х годов. За период с 1961 по 1981 г. валовая выручка в отрасли возросла с 650 млн. до 5 млрд. рупий [48]. Как мы увидим ниже, подушевое потребление ряда основных продуктов питания в Индии за эти два десятилетия либо не увеличилось вовсе, либо увеличилось крайне незначительно. Зато потребление яиц (а их производство — ведущее направление птицеводства в Индии) выросло более чем в 3 раза: с 5,3 штуки на душу в 1961 г. до 18,4 — в 1981 г. (1971 г.— 9,8 штуки) [49]. Яйца стали «интегральной частью рациона городских жителей» (около 20% всего населения Индии), и по меньшей мере в городах (прежде всего в крупных) их использование в пищу «больше не осуждается определенными кругами индусов из высших каст». Понятно, что едят яйца далеко не все городские жители. Так, в четырех крупнейших городах Индии рост спроса на этот продукт обусловливается двумя факторами — расширением рядов «среднего класса» (т. е. увеличением численности лиц, получающих высокие доходы) и «изменением привычек питания, вызванным сильным влиянием Запада» [50].

По мере роста спроса на продукцию птицеводства заметные сдвиги претерпевало и производящее эту продукцию хозяйство. В 60-х годах отрасль покинула «задворки» и стала «коммерческим предприятием». Произошло это благодаря тому, что разведением птицы «на научной основе» занялись «крупные фермеры и образованные горожане из среднего класса». В различных городах и городках стали возникать крупные предприятия, располагавшие каждое от 0,5 тыс. до 50 тыс. кур-несушек [51]. Одновременно формировалась и комбикормовая промышленность, обеспечивающая концентрированными кормами «крупных фермеров», что «доставляло массу беспокойств мелким хозяевам», лишенным доступа к таким кормам. Крупное производство тем самым получало дополнительные преимущества перед мелким, наращивая свою конкурентоспособность [52]. А в середине 70-х годов птицеводство в Индии приобрело «облик хозяйства избранных» — «крупные фермеры и образованные бездельники-горожане, имеющие определенную подготовку, вторгаются в отрасль большими группами» [53].

Своим динамическим развитием современное птицеводческое хозяйство страны обязано достижениям НТР, которые монополизированы капиталом центров МКХ: «все промышленное птицеводство в Индии целиком зависит от импорта породистых производителей, которые и воспроизводят коммерчески окупаемое поголовье кур-несушек» [54]. Именно благодаря внедрению в производство гибридных пород кур, импортируемых из-за рубежа, столь интенсивно росло производство яиц в Индии в 70-х годах (уже в конце десятилетия гибридное поголовье обеспечивало до четырех пятых всего производства яиц) [55].

В более глубокие пласты населения новые стандарты продовольственного потребления проникают в странах региона Ближнего Востока, хотя и здесь развиваются черты дихотомии в системах продовольственного обеспечения. Например, по расчетам уже упоминавшегося западногерманского ученого И. Брауна, осуществленным на основе результатов обследования семейных бюджетов 1974/75 г., около 50% всех потребляемых в Египте мясных продуктов приходилось на 31% населения, представленных городскими жителями, располагающими средними и высокими доходами, при этом лица с высокими доходами забирают «главную часть» из этой доли [56]. Столь значительный удельный вес лиц, потребляющих мясо (хотя бы в минимальных количествах), объясняется главным образом тем, что городским жителям со «средними» (по статистике) доходами кое-что перепадает из государственной сети, распределяющей продовольствие (в том числе поступающие в страну импортные мясные продукты) по субсидируемым ценам. Только государственные субсидии позволяют расширять слой лиц, спорадически употребляющих в пищу мясо, что скрывает глубину фактической дихотомии. Приведенные цифры полезно сопоставить с данными о распределении национального дохода Египта: половина его приходится на 20% населения, причем 5% жителей получают 22% национального дохода (в 1965 г.— 19%), а 20%, сосредоточенных на другом полюсе общества, располагают лишь 5% национального дохода [57]. Согласно данным Национального центра социальных исследований, 40% населения Египта живут за официально установленной «чертой бедности», при этом в деревне за такой чертой живет 44% населения, а в городе — 33% [58]. Вполне естественно, что мясо не является принадлежностью рациона питания этой крупнейшей группы населения.

Косвенно это подтверждается и данными о динамике подушевого потребления мяса. С середины 60-х годов оно не выросло, а скорее даже обнаруживало тенденцию к сокращению: так, в 1966 г. душевое потребление мяса составляло в Египте 11,2 кг, в 1974—10,9, а в 1980 г.— лишь 10,6 кг[59]. Но даже при таком, стагнирующем, фонде потребления мяса (т. е. таком, при котором он возрастает, при всей неравномерности его распределения, лишь темпами, никак не превышающими темпы естественного прироста населения) местное животноводство мясного направления все менее оказывается способным удовлетворить общественную потребность в мясной продукции. Роль импорта в обеспечении национального потребления такой продукции существенно возросла. Если в 1966—1970 гг. импорт покрывал 12,3% всего потребления мяса в Египте, то в 1976—1980 гг. этот показатель увеличился до 22,6%[60].

Гораздо интенсивнее и острее диспропорции, обусловленные формированием новых стандартов продовольственного потребления, складывались в Иране, где при шахском режиме сформировалась обширная «клиентела» (связанная с госсектором буржуазия, бюрократическая прослойка), обильно кормившаяся за счет нефтяных доходов государства (характерно, что здесь подушевой внутренний продукт в городе составлял в 1976 г. без доходов от продажи нефти — 1830, а с таковыми — 3079 долл. против всего 251 долл. в деревне[61]). Как и в других странах Ближнего Востока, становление новых продовольственных стандартов потребления в Иране связано в первую очередь с значительным расширением потребления продукции животноводства, особенно в городах. При этом в 70-х годах все увеличивающаяся часть спроса на эту продукцию удовлетворяется за счет импорта. Так, за период 1970/71—1979/80 гг. подушевое потребление мяса (включая мясо птицы) в Иране выросло с 13,9 до 24,6 кг (1962/63 г.— 12,1 кг). Доля импортируемого мяса в общем потреблении (без мяса птицы) с 1973/74 по 1977/78 г. увеличилась с 6,1 до 25,2% (в городе же — с 10,6 до 40,8%). Все эти прогрессивные изменения в структуре питания касались верхних и средних по имущественному положению слоев иранского общества, включая занятых современными формами экономической деятельности; напротив, бедные слои населения не только испытывали нехватку протеинов и витаминов, но и не получали достаточного количества калорий[62].

Процессы социальной поляризации, находившие яркие отражения в области продовольственного обеспечения, сопровождались в Иране, особенно сильно в последнее предреволюционное пятилетие, углублением дихотомии между сферами производства и потребления, в свою очередь оказывавшей обратное депрессивное влияние на систему продовольственного обеспечения.

Именно в это пятилетие страна пережила интенсивнейшее углубление диспропорции между величиной потребительского

(в том числе продовольственного) спроса, качественно изменявшегося и возраставшего, как снежный ком, под влиянием перемещения огромных масс нефтедолларов в руки «клиентелы», с одной стороны, и масштабами и структурой производства, призванного этот потребительский спрос удовлетворять,— с другой. Эта экономическая диспропорция через механизм инфляции и других процессов, вызвавших нарушение стоимостных пропорций обмена, весьма болезненно сказалась на всем процессе технологической модернизации продовольственного сектора, производящего основную продовольственную продукцию (этот сектор в наибольшей его части представлен крестьянским хозяйством, преимущественно традиционного типа). В частности, практически полностью прекратился рост использования в сельском хозяйстве минеральных удобрений: их ежегодное потребление в 1973/74—1977/78 гг. «замерзло» на уровне около 330 тыс. т. «Бум потребления», возникший в эти годы, стимулировал лихорадочный рост импорта не только продовольственной продукции, рассчитанной на особый спрос (спрос зажиточных и богатых групп населения), но и продукции, предназначенной для удовлетворения массового спроса (прежде всего зерна). А это, в свою очередь, оказывало дополнительное тормозящее воздействие на развитие производства основной продовольственной продукции. В иранском обществе за последнее пятилетие существования шахского режима произошла, по-видимому, не имевшая аналога в послевоенной истории развивающегося мира рассогласованность процессов, детерминирующих спрос, с одной стороны, и предложение — с другой. Пример Ирана выявляет закономерность: рассогласованность спроса и предложения, несостыкованность между потреблением и производством продовольствия, сопровождающаяся отрицательными последствиями для процесса воспроизводства и в агросфере, и в национальном хозяйстве в целом, становится тем глубже, чем больше общественного продукта, воспроизводимого в мировом капиталистическом хозяйстве, перераспределяется в форме монопольной ренты в пользу государства, выступающего в пределах этого хозяйства «совокупным лендлордом», и чем интенсивнее эта рента становится источником непомерно высокого роста личных доходов имущих слоев местного общества[63].

В ряде случаев главным продовольственным продуктом, в первую очередь характеризующим складывающийся новый стандарт продовольственного потребления, оказывается вовсе не мясо и другая животноводческая продукция, а более «дорогая» (и более «престижная») зерновая культура, по сравнению с распространенной в данном районе. С такими случаями мы встречаемся в странах Тропической Африки. Типичен здесь пример Сенегала. Эта страна, где основная продовольственная продукция, рассчитанная на массовый спрос и производящаяся на месте,— «дешевые» зерновые (просо и сорго), под влиянием главным образом спроса состоятельных городских групп населе-

ния (представленных здесь прежде всего многочисленной и многообразной бюрократией) интенсивно импортирует «дорогое» зерно — пшеницу и рис (помимо других дорогостоящих продуктов питания). Импорт обеспечивал, например, в 1971—1974 гг. 100% потребления пшеницы и свыше 80% — риса, причем на оплату зернового импорта расходовалось 60% валютной выручки от реализованного главного экспортного продукта сенегальского земледелия — земляного ореха. Высокая концентрация значительных личных доходов в городе, происходящая, в частности, на основе присвоения бюрократическими группами части экспортной выручки, обеспечиваемой деревней, привела к тому, что для Сенегала стали характерны разительные различия между городом и деревней по уровню душевого потребления продовольствия. В то время как в городе «средняя душа» получала 2500 калорий, 70% сельского населения потребляло меньше 2000 калорий на душу, при этом оно испытывало сезонные нехватки продовольствия: протеино-калорийная недостаточность питания особенно давала себя знать в большинстве сельских районов накануне вызревания урожая [64].

Аналогичные проблемы возникают и в Нигерии — в связи с переходом ее городского населения (прежде всего групп с высокими доходами) на потребление «дорогой» пшеницы, которая практически целиком (за исключением 1,5% общего объема ее потребления) обеспечивается поставками из-за рубежа [65].

Таким образом, в формировании систем обеспечения продовольствием групп лиц с высокими (по стандартам развивающегося мира) доходами прослеживается двоякий процесс: воспроизводство продовольственных ресурсов таких групп местного общества становится периферийным звеном воспроизводства продовольствия в центрах мирового капиталистического хозяйства; вместе с тем в орбиту комплекса продовольственного обеспечения таких групп (особенно их наиболее состоятельного слоя) втягиваются и некоторые подразделения местного хозяйства, воспроизводство в которых в огромной степени зависит от процессов, происходящих в мировом капиталистическом хозяйстве. Становление такого продовольственного комплекса, в большой степени или в иных случаях едва ли не целиком изолированного от «экономики масс», связано с формированием глубоких экономических диспропорций, с обострением социальных противоречий.

Прежде всего, становление таких продовольственных комплексов существенно усиливает напряженность национальных систем продовольственного обеспечения, причем усиливает в самом уязвимом звене — в обеспечении продовольственными ресурсами многочисленных отрядов бедных людей. По меньшей мере два негативных последствия влечет за собой импорт продовольственных продуктов роскоши: с одной стороны, расхищение скудных валютных ресурсов развивающегося мира (за пределами нефтедобывающих стран), т. е. затруднение процесса

накопления, в частности производительного накопления в местном сельском хозяйстве, а с другой — сокращение возможностей импорта (в необходимых размерах) продовольственной продукции массового потребления (т. е. возможностей удовлетворения спроса бедных людей). Внутри страны развертывание продовольственного производства, работающего на спрос состоятельного населения, может вызывать (и, как мы видим, действительно вызывает) такие изменения в размещении производственных ресурсов (как природных, так и вещественных) и такие сдвиги в специализации сельского хозяйства, в результате которых страдает одновременно и производство, обеспечивающее основную продовольственную продукцию, и те многочисленные группы населения, у которых такая продукция формирует подавляющую часть рациона питания.

Что касается производства, речь идет не только и не просто о том, что затормаживается экономический рост в зернопроизводящем хозяйстве, но и о том, что оно приобретает худшие черты — та или иная, нередко значительная, часть его подразделений подвергается процессам натурализации. Вместе с тем то обстоятельство, что определенные подразделения зернового хозяйства берут на себя функции производства и поставок на рынок фуражного зерна, вносит принципиально новый момент в совокупность процессов, воздействующих на рыночную динамику пищевого зерна. Устойчивый рост спроса на продукцию животноводческих отраслей, стимулируемый прежде всего группами населения с высокими доходами, порождает и усиливает повышательную динамику цен на фуражное зерно, которая, в свою очередь, вызывает повышение цен и на пищевое зерно. Тем самым такой спрос становится одним из существенно важных стихийных регуляторов движения цен на зерновом рынке. Последствия влияния этого регулятора проявляются в развивающемся обществе тем острее, чем напряженнее ситуация в области снабжения населения страны пищевым зерном. Взвинченные цены наиболее болезненно бьют как раз по бедным слоям населения, у которых потребление зерна — главный источник возмещения их энергетических затрат ($^3/_4$, $^4/_5$ и более) и которые и при низших зерновых ценах обычно не могут обеспечить себя в необходимом объеме этим продуктом [66]. «Конкуренция между обитателями жилищ и обитателями птичников должна быть сведена к минимуму» [67],— призывают люди, близко знакомые с теми трудностями, которые активно формирующийся продовольственный комплекс, ориентированный на удовлетворение потребностей состоятельных групп людей, вносит в систему продовольственного обеспечения неимущего и малоимущего населения [68].

Наконец, переход зажиточных сельских хозяев к производству трудоемкой и капиталоемкой продукции, осуществляющийся под влиянием роста спроса на такую продукцию со стороны групп населения с высокими доходами, катализирует процессы

углубления имущественного (а вместе с ним неизбежно и социального) неравенства в деревне, ибо в случаях, когда «относительно процветающие фермеры без всякой меры производят высокоценные культуры (вместо „дешевых" зерновых.— *Авт.*), дистанция между фермерами по размерам их доходов может увеличиваться»[69]. Формирование нового продовольственного комплекса, переключая на себя все растущую часть материальных (в том числе дефицитных) ресурсов всего общества, закрепляет результаты углубления имущественного неравенства.

Глава II

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Социальные параметры продовольственного кризиса в обществах развивающихся стран не могут быть правильно оценены вне контекста того особого положения, которое эти страны занимают в мировой капиталистической системе хозяйства.

То обстоятельство, что в периферийных областях этой системы капитал оказался не в состоянии преобразовать экономические порядки на всем пространстве, над которым он установил господство, предопределило развитие процесса абсолютного обнищания среди трудящихся групп населения в масштабах, не имеющих аналогов в мировой истории. Капитал, с одной стороны, воспроизводит и усиливает имущественное и социальное неравенство, порождая процессы обнищания значительных отрядов трудящихся в зоне собственно капиталистического производства, а с другой — и это в данном случае главный результат его господства — воспроизводит ужасающий пауперизм огромной массы населения, пребывающего в «болоте» допромышленных форм труда с его основным элементом — «полуразмытым», но капиталом же законсервированным традиционным хозяйством.

Вопрос о развитии процессов пауперизации и неизбежных спутницах этих процессов — голодовках больших масс населения — при незавершенности преобразования капиталом предшествующих ему экономических порядков специально рассматривал В. И. Ленин. Он писал: «„На пограничных областях" капитализма (т. е. в тех странах и в тех областях народного хозяйства, в которых капитализм только возникает, встречаясь с докапиталистическими порядками) рост нищеты — и притом не только „социальной", но и самой ужасной физической нищеты, до голодания и голодной смерти включительно — принимает массовые размеры. Всякий знает, что к России (конца XIX в.— *Авт.*) это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо европейской стране»[1]. Тем более актуальна эта ленинская мысль при характеристике пауперизма в сегодняшнем развивающемся мире.

Последствия процессов абсолютного обнищания и хронического голодания больших масс населения велики. Они поража-

ют каждую клеточку ткани социального организма развивающегося общества.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДАНИЯ ПАУПЕРИЗИРОВАННЫХ ТРУДЯЩИХСЯ

Свое непосредственное и наиболее драматическое выражение в процессе общественного воспроизводства продовольственный кризис в его социальных параметрах получает на стадии потребления продовольствия. Действительно, вследствие массовой пауперизации трудящихся в развивающихся странах бюджеты миллионов семей сплошь и рядом не достигают такого уровня, который обеспечивал бы удовлетворение основных продовольственных потребностей человека. Происходит это потому, что отрасли хозяйства, в которых сосредоточивается трудовая деятельность пауперизованного населения, в целом характеризуются технологической отсталостью, низкой производительной силой труда, сохранением и даже преобладанием таких социальных форм использования рабочей силы, отличительной особенностью которых являются методы эксплуатации, позволяющие эксплуататорам отчуждать определенную, нередко значительную часть необходимого продукта непосредственных производителей.

Дополнительный импульс обострению социального аспекта продовольственной проблемы дала попытка ее технологического разрешения — «зеленая революция». На отдельных узких участках аграрного производства она, несомненно, способствовала некоторому росту занятости трудящихся, увеличению в отдельных случаях их заработной платы, избавлению непосредственных производителей от гнета докапиталистических методов эксплуатации. Но параллельно с пространственно ограниченными базисными изменениями, а в значительной мере — раньше их и независимо от них происходили более широкие изменения в надстройке аграрного общества за пределами очагов капиталистического земледелия, уже не имевшие адекватной опоры в сфере самого сельскохозяйственного производства. За этими «пределами» деревенская верхушка усваивала отдельные, буржуазно-индивидуалистические по своему характеру представления и нормы поведения и стремилась привести в соответствие с ними результаты своей экономической деятельности, т. е. сконцентрировать в своих руках максимально возможное количество прибавочного продукта. В условиях острого аграрного перенаселения, растущих трудностей преодоления инвестиционного барьера, закрывающего переход к высокопроизводительным системам земледелия, излюбленным средством достижения этой цели стало, с одной стороны, сохранение внеэкономического принуждения непосредственного производителя, с другой — такая «модернизация» социальных связей между собственническими «верхами» общества и его пауперизированными и пролетаризированными «низами», которая резко ускорила процесс разложения традиционной системы социальных гарантий личности. Между тем в рамках этой системы в значительной мере обеспечивалось воспроизводство крупных отрядов рабочей силы — пусть на низком, но зато относительно гарантированном уровне. Таким образом, почти повсеместно усиливалась зависимость продовольственного потребления трудящихся от выходящих за пределы личностных и общинных связей и потому совершенно не поддающихся их контролю рыночных факторов, таких, как колебание цен на продовольствие или изменения спроса на наемный труд в данном районе.

Под совокупным воздействием описанных выше причин хроническое недоедание в сочетании с кратковременными периодами почти полного голодания стало постоянной особенностью воспроизводства рабочей силы крупных отрядов трудящихся и в городе, и в деревне. Получение максимально приближенной к действительности, основанной на прямых подсчетах цифры, показывающей число недоедающих и голодающих в странах Азии, Африки и Латинской Америки, пока что невозможно; поэтому в имеющихся оценках велико значение различных расчетов и допусков, возможно сильно искажающих реальную картину. Тем не менее они позволяют представить масштаб проблемы. Так, на протяжении 70-х годов доля лиц с подушевым среднесуточным пищевым рационом калорийностью менее 1,2 основного метаболизма, по оценке ФАО, составляла во всех развивающихся странах одну пятую — одну четвертую населения. Основной метаболизм (ОМ) эквивалентен количеству энергии, затрачиваемой на поддержание жизнедеятельности человека данного роста и веса в нейтральных температурных условиях, в состоянии легкого голодания и полного покоя[2]. Следовательно, при энергообеспечении менее 1,2 ОМ человек фактически не может считаться полноценным членом общества, для него непосилен любой труд, кроме самого легкого и непродолжительного.

В отдельных странах расчетный удельный вес населения с рационом энергоемкостью менее 1,2 ОМ был заметно выше общих для развивающихся стран показателей. Так, в середине 70-х годов он составлял 26% в Пакистане, 29% — в Непале, 30% — в Индонезии и Судане и 38% (почти две пятых населения) — в Бангладеш[3]. Если же сравнивать статистически устанавливаемое среднедушевое потребление продовольствия не с 1,2 ОМ, а с более высокими нормами, так с принятой экспертами МБРР нормой энергоемкости рациона для Южной и Юго-Восточной Азии, равной 2150 килокалорий в сутки на душу (т. е. с такой нормой, которая, в отличие от 1,2 ОМ, «разрешает» средние по интенсивности мускульных усилий виды трудовой деятельности, характерные для хозяйства, не подвергшегося технологической перестройке, на протяжении большей части года, за исключением отдельных, краткосрочных периодов интен-

сивного труда), или с ее национальными модификациями, то, например, в Бангладеш нормой в 2122 килокалории не было обеспечено в 1976/77 г. уже 87% всего населения [4]. Что касается крупнейшей развивающейся страны — Индии, то здесь доля недоедающего и голодающего населения — одна из самых высоких в мире, из-за чего даже по социально обезличенным показателям, таким, как расчетная калорийность суточного рациона среднего индийца (1979 килокалорий в 1972—1974 гг., 1949— в 1975—1977 гг.), эта страна заметно отстает не только от развитых капиталистических, но и от всех в целом развивающихся стран (2282 килокалории в 1975—1977 гг.) [5].

Каковы бы ни были расхождения в разных оценках общей численности недоедающего населения, авторы их единодушны во мнении, что три четверти людей, лишенных «нормы» продовольственного потребления, проживает в сельской местности [6]. Уже в силу столь высокой концентрации недоедания в деревне, оно должно привлекать первостепенное внимание и исследователей, и практиков. Но кроме того, следует учитывать, что продовольственное потребление именно сельских трудящихся самым непосредственным образом влияет на изменения в продовольственной ситуации в целом, ибо от того, обеспечивается ли им полноценное или неполноценное питание, зависят развитие и шлифовка производительных способностей и профессиональных навыков работников, несущих главную тяжесть борьбы за решение продовольственной проблемы.

Рассмотрим в этой связи результаты проведенного в 1977 г. в Пакистане общенационального выборочного обследования тех аспектов физического состояния населения, которые в основном определяются питанием (вес, рост, их соотношение, содержание гемоглобина в крови и т. д.). Эти результаты [7] тем более интересны, что положение в области продовольственного обеспечения в Пакистане в конце 70-х годов — если судить о нем по национальному продовольственному балансу — не должно было, казалось, вызывать озабоченность. В самом деле, за вычетом той части продовольственного фонда, которая уходит на экспорт, семена, корм скоту, техническую переработку и теряется при хранении и приготовлении пищи, национальное производство вкупе с импортом, по расчетам, обеспечивало каждому пакистанцу суточный рацион калорийностью 2381 килокалория (при принятой для страны норме 2354 килокалории) и с содержанием белка на уровне, заметно превышающем норму (соответственно 63 и 42 г). Однако прямые данные обследования развенчивают среднестатистическое благополучие. Оказалось, что у двух пятых населения Пакистана фактическое отношение веса к росту до такой степени было ниже медицински установленных стандартов, что могло быть результатом лишь систематического, долговременного недоедания. Кроме того, была отмечена значительная территориальная и социальная концентрация лиц с неудовлетворительным по причине плохого питания физическим состоянием. В первую очередь оно было свойственно кочевникам Белуджистана и Синда и по всей стране — безземельным сельскохозяйственным рабочим. Последние были описаны исполнителями обследования и как группа населения с наиболее частой встречаемостью анемии.

Таким образом, обследование наглядно продемонстрировало, что макропоказатели обеспеченности продовольствием, «пренебрегающие» глубоким неравенством в распределении доходов между различными группами населения, могут сильно приукрашивать реальную картину продовольственного потребления трудящихся и что обусловливаемое питанием физическое состояние отрядов рабочей силы, преимущественно занятых как раз в производстве продовольствия, отличается устойчивыми особенностями, которые не могут не влиять на физическую работоспособность представителей этих отрядов.

Физическая работоспособность человека — главный предмет исследований эргономики, в поле зрения которой в последние 10—15 лет все чаще оказывалось трудовое население развивающихся стран. Специалистами по эргономике установлена прямая зависимость между качественными и количественными характеристиками питания человека и его физической работоспособностью (правда, отчетливо эта зависимость проявляется лишь статистически, на групповом уровне) [8]. Низкий вес, хронические заболевания и функциональные расстройства организма, причиной которых явилось систематически неполноценное питание, в совокупности закрепляют такие свойства рабочей силы, как неспособность к часто повторяющемуся значительному динамическому напряжению, к выполнению работ, требующих в течение продолжительного времени быстроты, высокой точности и координированности движений, хорошего глазомера, постоянного внимания и т. п. Следовательно, малый вес, замедленность реакции, быстрая утомляемость — качества, отличающие столь многих плохо питающихся сельскохозяйственных рабочих, снижают их выработку и в конечном счете заработную плату. Но неполноценное питание рабочих не является их «частным делом», за его последствия расплачиваются не одни только рабочие, а общество в целом. Плохо питающиеся трудящиеся, занятые в сельском хозяйстве, слишком медленно и недостаточно полно приспосабливаются к изменениям в условиях производства, вызываемым внедрением современной техники и передовых агротехнических приемов. Так возникает проблема качественного несоответствия наличной рабочей силы новым требованиям, предъявляемым обществу к производству основных продовольственных культур.

Для особо перенаселенных аграрных районов, в которых пока что почти безраздельно господствует ручной труд, данная проблема еще как будто не стоит. Но даже в этих районах в определенные промежутки сельскохозяйственного сезона, имеющие ключевое значение для его конечных результатов, требует-

ся максимальная мобилизация физических сил работника — но на пути к ней серьезным препятствием воздвигаются физиологические последствия неполноценного питания. Так, экспериментально было доказано, что анемия, порождаемая нехваткой в крови некоторых поступающих с пищей минералов, снижает фактически достигаемую физическую работоспособность представителей низших по доходу групп трудящихся, и без того невысокую из-за их малого среднего веса, до 60% той величины, которая была бы возможна в случае, если бы содержание гемоглобина в их крови было близким к норме [9].

Итак, для того чтобы народнохозяйственная функция пауперизованных трудящихся, занятых в продовольственном секторе сельского хозяйства, уже сейчас реализуемая ими с трудом, частично, не превратилась со временем в фикцию, должен в корне измениться характер воспроизводства их рабочей силы. Прежде всего они должны вырваться из тисков полуголодного существования, резко повысив объем продовольственного потребления. Но становление работника нового типа, способного к овладению новыми трудоинтенсивными видами работ, к практическому овладению достижениями НТР, требует также и полного преобразования самой структуры питания сельских трудящихся, в том числе и тех, кто по показателям его объема как будто не относится к числу пауперизированных слоев деревни.

Для подтверждения этого положения рассмотрим подробно структуру продовольственного потребления низших по доходам/расходам групп сельского населения (табл. 5, 6, 7). Бросается в глаза, что само по себе продовольственное потребление занимает непропорционально большое место в их общем потреблении, что, однако, не обеспечивает ни весьма невысокого среднедеревенского объема продовольственного потребления, ни рекомендуемой нормы калорийности и содержания в нем белка. Следует также иметь в виду, что приведенные в таблицах показатели продовольственного потребления не отражают внутригодовую динамику питания неимущих. Между тем нерегулярность и недостаточность доходов приводят к резким посезонным перепадам в объеме и в степени разнообразия диеты пауперизированных сельских трудящихся. Причем амплитуда этих перепадов обычно не совпадает с колебаниями в интенсивности и продолжительности мускульных усилий, требуемых видами работ, характерных для разных периодов сельскохозяйственного сезона.

Так, во многих рисопроизводящих районах Южной и Юго-Восточной Азии сельскохозяйственные рабочие испытывают значительные трудности в продовольственном обеспечении непосредственно перед уборкой урожая — периодом наиболее интенсивных трудовых усилий. К этому времени цены на рис, поднимаясь до наивысшего в сезон уровня [10], делают его недоступным для многих семей. Там, где возможности найма вне

сельского хозяйства ограниченны, рабочие прибегают в основном к двум вариантам выхода из положения (выбор конкретного варианта диктуется материальными возможностями той или иной семьи). В лучшем случае зерно в рационе заменяется более дешевыми, но менее питательными корнеплодами, в худшем — семья садится на фактически голодный паек. И оба варианта чреваты понижением (хотя и в разной степени) физической работоспособности части сельских трудящихся в начале периода, отличающегося особо напряженным трудовым ритмом, выдержать который, как отмечалось выше, трудно даже при среднем, «нормальном» для неполноценно питающихся работников уровне продовольственного потребления.

Далее, структура продовольственного потребления большинства непосредственных производителей сельскохозяйственного продукта сохраняет специфический, исторически отсталый облик, в том числе и у многих из тех, кто по размерам своих доходов способен обеспечивать свои семьи питанием, удовлетворительным в количественном отношении. И действительно, в то время как основной тенденцией изменений не только в развитых странах, но и в современном секторе развивающихся стран становится диверсификация рациона, наполнение его такими компонентами, которые являются конечными продуктами работы длинной и технологически сложной производственной цепочки, соответствующей высокой степени общественного разделения труда, внутреннее строение рациона многих сельских трудящихся отличается крайней бедностью, безусловным преобладанием зерна, слабым участием в его формировании других, кроме растениеводства, отраслей сельского хозяйства. В результате даже в тех случаях, когда энергетическое и белковое обеспечение соответствует принятым нормам, несбалансированность однообразной традиционной диеты все равно может вызвать серьезные нарушения в развитии детского и функционировании взрослого организма.

Выше уже отмечалось, сколь сильно может ухудшаться трудоспособность страдающих анемией сельскохозяйственных рабочих Пакистана. Поскольку рабочие во всех развивающихся странах в массе своей образуют отряд сельских трудящихся с крайне низкими доходами, структурная бедность их рациона может рассматриваться как прямое следствие попыток расширить объем продовольственного потребления за счет его качества. Но вот перед нами результаты обследования, осуществленного в 1976/77 г. французскими и алжирскими учеными в вилайе Аурес (Алжир). Здесь были собраны сведения о питании и здоровье населения одного сельского района, состоящего в основном из семей, ведущих мелкое земледельческое хозяйство, обеспечивающее уровень потребления несколько выше доступного алжирским рабочим, занятым в традиционном аграрном секторе. Сами местные жители рассматривали свое питание как достаточное и действительно не страдали от недоедания.

Но их пища — из-за низкой урожайности основных продовольственных культур, характерной для этих отсталых потребительских хозяйств, и из-за недостаточной отраслевой диверсификации сельского хозяйства района, а подчас и просто из-за слепого следования традиционной диете — сводилась главным образом к пшеничным и ячменным лепешкам, крупам, вареным овощам и лишь незначительному количеству свежих овощей, фиников, фруктов и молочных продуктов. В итоге 35—37% детей в возрасте до года были поражены все той же анемией, 42% мальчиков в возрасте до 4 лет и девочек-подростков — рахитом, 18—24% всего населения — различными формами авитаминоза [11].

Следует отметить, что несовершенная структура питания деревенской бедноты меняется крайне медленно и не во всем в лучшую сторону (см. табл. 7). Расходы на пищу у сельскохозяйственных рабочих Индии в 1963/64 г. достигали 75%, а в 1970/71 г.— 76,8% всех потребительских расходов. За восемь лет удельный вес этих расходов практически не изменился. Внутри собственно продовольственного потребления небольшие сдвиги все же произошли, однако и в начале 70-х годов зерно сохраняло свое безусловно господствующее положение. Доля расходов на зерно сократилась всего на 11,5%, что вполне может быть объяснено либо переходом части рабочих на более грубые и дешевые сорта зерновых, либо погодовыми колебаниями производства и цен. Аналогично объясняются и изменения в долях затрат на сахар, растительное масло, овощи и фрукты. 35-процентный прирост расходов на яйца, рыбу, мясо-молочные продукты тоже можно было бы списать на счет рыночной конъюнктуры; однако в сопоставлении с сокращением доли расходов на бобовые почти на $^1/_3$ он скорее свидетельствует о наметившемся переходе от растительных белков к более ценным белкам животного происхождения. Но одновременно более чем вдвое выросли расходы на чай, кофе, различные кустарным или промышленным способом приготовленные освежающие смеси. Этот прирост уже никак не может быть объяснен колебаниями цен. И хотя в абсолютных цифрах он незначителен, симптоматично, что сельскохозяйственные рабочие, при всех несовершенствах их диеты, стали тратить больше на продукты, не улучшающие качество питания, но зато являющиеся своеобразным суррогатом «роскоши» вроде кока-колы, соков, пива, доступной более состоятельным слоям сельского населения.

Подобного рода попытки добиться иллюзорного «осовременивания» диеты указывают на вероятность широкого распространения в будущем во многих аграрных районах развивающихся стран такой тенденции структурных сдвигов в потреблении, которая пока что четко проявилась лишь в некоторых странах и по своей сути препятствует эффективному обращению прироста доходов на питание. Опыт Мексики и некоторых африканских стран капиталистического развития показывает, что

доля расходов на продукты может расти и за счет покупок кока-колы (питательность — нулевая), детского питания (в антисанитарных условиях деревни может нанести непоправимый вред ребенку), высокоочищенного полированного риса (лишенного очисткой тиамина и потому при однообразной диете грозящего болезнью бери-бери) и других широко рекламируемых, соблазнительно выглядящих продуктов, изготовленных за рубежом либо в своей стране в соответствии со стандартами и вкусовыми запросами пресыщенного, физически малоактивного западного потребителя. В этом случае улучшения качества питания не происходит, и даже в относительно благополучных по уровню дохода сельских семьях некоторые их члены, в первую очередь дети, будут по-прежнему страдать от последствий качественно неполноценного питания [12].

Здесь мы подходим к ключевому вопросу: каковы долговременные последствия недостаточности и несбалансированности питания миллионов людей в развивающихся странах? Исследование связей между здоровьем детей и их продовольственным потреблением наиболее наглядно, на наш взгляд, показывает воздействие социального аспекта продовольственной проблемы на перспективы воспроизводства рабочей силы в развивающихся странах.

Одним из важнейших условий нормального развития ребенка является разнообразие его диеты. Детский организм куда болезненней взрослого реагирует на отсутствие или нехватку каких-то отдельных аминокислот, витаминов, кальция или железа, даже при нормальной энергетическо-белковой насыщенности принимаемой пищи. Примечательны в этом отношении данные о влиянии питания на физическое состояние разных половозрастных групп населения, полученные в 1965—1971 гг. на Филиппинах. В семьях с низкими доходами (и в городах и в деревне) содержание гемоглобина в крови ниже нормы было отмечено у 43% взрослых и 73% детей, а витамина «А» — соответственно у 26 и 77% [13].

Далее, потребности юного организма в калориях и протеине относительно выше на единицу веса, чем аналогичные потребности взрослого. Между тем даже тот скудный объем продовольствия, что доступен бедным семьям, распределяется в них таким образом, что при видимом равенстве потребления повышенные нужды детей и беременных и кормящих женщин удовлетворяются далеко не в той степени, в какой это необходимо. Уже упоминавшееся филиппинское обследование показало, что в семьях с низкими доходами продовольственное потребление мужчин поставляло им 81% калорий от нормы, тогда как калорийность диеты детей в возрасте 4—9 лет равнялась 69%, детей моложе 4 лет — 64%, а кормящих матерей, обычно жертвующих частью своей доли в пользу недавно отнятых от груди детей,— только 46% от нормы [14]. Поскольку при недостаточной энергоемкости рациона входящий в его состав протеин вместо

того, чтобы образовывать «кирпичики», из которых строятся ткани растущего организма, в значительной степени сжигается в топке текущих энергозатрат, резкий отрыв фактической калорийности детского рациона от нормы косвенно свидетельствует и о куда более остром, чем у взрослых, неблагополучии в области белкового обеспечения.

Наконец, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В ходе годового обследования сельских семей тханы Матлаб (Бангладеш, 1979/80 г.) выяснилось, что существует также неравенство в распределении пищи между детьми разного пола в пределах одной и той же возрастной группы. Определяемое питанием физическое состояние девочек было неблагополучным чаще, чем у их сверстников-мальчиков. Особенно заметна эта разница среди подростков [15]. Учитывая раннее замужество многих деревенских девушек, можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, типологически близкой положению сельскохозяйственных рабочих, испытывающих наибольшие трудности в продовольственном обеспечении накануне уборки урожая. А именно — организм девушек вступает ослабленным в ожидающий его период повышенных нагрузок во время частых беременностей и кормления. Конечно, все это самым отрицательным образом должно сказаться и на здоровье и жизнестойкости молодых матерей, и на здоровье их будущего потомства. В целом при общем низком уровне и неудовлетворительном характере продовольственного потребления неимущих его недостатки с особенной силой бьют по самым хрупким, самым уязвимым и в то же время ключевым по своему значению звеньям механизма физического воспроизводства крупных отрядов рабочей силы в развивающихся странах.

Последствия такого положения трагически многообразны по своим проявлениям, но, в сущности, однотипны. Во-первых, сохраняется высокая детская смертность. О ее масштабах дают представление следующие подсчеты: с 1965 по 1970 г. в Индии, Пакистане и Египте непосредственно от недоедания и вызванных им тяжелых функциональных расстройств организма умерло свыше 8 млн. детей в возрасте до 5 лет [16]; ожидалось, что по тем же причинам в одной Индии из 23 млн. детей, родившихся в 1983 г., почти 3 млн., вероятнее всего, могли умереть в возрасте до года и еще 1 млн. не доживет до 12 лет.

Во-вторых, часть выживших детей образуют армию малолетних калек. По далеко не полным данным ЮНИСЕФ, в 1978 г. в развивающихся странах насчитывалось более 10 млн. парализованных, слепых, слабоумных детей, главной причиной неполноценности которых было относительно краткосрочное острое голодание в самые первые годы жизни и постоянное недоедание их матерей в период беременности [17].

В-третьих, в той жестокой войне, которую нищета ведет с детьми, неудовлетворительное питание постоянно пользуется поддержкой многочисленных союзников; объединение их усилий дает разрушительный синергетический эффект, заключающийся во взаимоусилении недоедания и болезней.

Обычно родителями и врачами в развивающихся странах фиксируются лишь видимые причины смерти детей в бедных семьях. Из них наиболее распространенными считаются желудочно-кишечные и респираторные заболевания. Однако в тех немногочисленных случаях, когда к установлению причин смерти систематически привлекались диетологи, выяснялось, что как минимум половина детей, скончавшихся в возрасте до пяти лет, умирали не просто от голода и не просто от дизентерии, а были жертвами именно синергетического эффекта [18], и ответственность за его разрушительные действия невозможно разделить между его диетологическими и бактериологическими составляющими. Добавим, что губительный эффект недоедания и болезней особенно силен в условиях бедности, одновременно обрекающей ребенка и на голод, и на антисанитарные условия жизни с самого рождения. Другими словами, наряду с взаимоусилением голода и инфекции происходит еще взаимоусиление дефектов продовольственного потребления той или иной семьи и ее потребления в целом.

В самом деле, плохо питающиеся дети нередко не защищены от грязи, холода, сырости, паразитов. Именно поэтому они особенно подвержены инфекционным заболеваниям. В свою очередь, неполноценное питание ослабляет сопротивляемость организма инфекции (равно как и эффективность лекарств, если они вообще доступны бедной семье), заметно увеличивает возможность патологических осложнений и летального исхода. Поэтому-то цифры смертности и увечий непосредственно от недоедания показывают лишь меньшую часть опустошительной дани, взымаемой с детей пауперизацией родителей.

Наконец, и среди тех детей, которые в данный момент кажутся абсолютно здоровыми, широко распространены неявно выраженные расстройства организма. Они возникают на почве некачественного питания либо недоедания, а чаще всего — того и другого вместе. По одной из недавних оценок, в конце 70-х годов в развивающихся странах такими расстройствами могло быть поражено до трех четвертых детей в возрасте до 5 лет [19]. Более достоверную и детальную картину дает табл. 8, демонстрирующая установленное прямыми обследованиями распределение детей в возрасте до 6 лет по шкале Гомеса. В соответствии с данным международно принятым показателем величина веса ребенка, при которой не нарушается типичное для каждой возрастной группы соотношение между весом и ростом, принята за стандарт для сравнения. Нормальным считается вес, составляющий не менее 90% стандартного. Первая степень отклонения (притом только в сторону понижения, так как число детей с излишним весом статистически ничтожно) от стандартного веса — 10—25%, вторая — 25—40%, третья — свыше 40%.

Несомненно, что если отклонения веса первой степени могут

в значительной степени объясняться индивидуальными особенностями роста ребенка или другими специфическими причинами, не связанными с объемом и структурой питания, то вторая и третья степень отклонений в подавляющем большинстве являются следствием резкой несбалансированности рациона, хронического недоедания и эпизодического голодания, уже испытанных ребенком в его короткой жизни. В то же время недостаточный вес — верное свидетельство наиболее распространенного физиологического результата неполноценного питания, хронической энергетическо-белковой недостаточности, которая как раз с наибольшей силой выражается в замедленном физическом и умственном развитии ребенка. И как можно заключить по данным табл. 8, доля детей, которых социальные условия удовлетворения элементарной, первичной человеческой потребности, потребности в пище, лишили возможности нормально развиваться, была в середине 70-х годов чрезвычайно велика. Она составляла почти 42% в сельской местности даже в Шри Ланке, выделявшейся среди других освободившихся стран относительно высоким уровнем развития систем здравоохранения и социального обеспечения. В деревне же Бангладеш эта доля превышала 85% общей численности детей в возрасте до 6 лет.

Формирование ребенка как полноценной личности тем быстрее и эффективнее, чем информативнее и многообразнее его взаимодействие с окружающей средой. Энергетически-белковая недостаточность вместе с бедностью различными способами блокирует поток информации, поступающей в организм извне, чрезмерно упрощает и стереотипизирует варианты межличностного общения, которые могли бы способствовать интенсивной стимуляции детского мозга. Ребенок вял и апатичен потому, что ему не хватает питательных веществ, поддерживавших бы его активность,— взрослые и другие дети, сами находящиеся в дегуманизирующих условиях пауперизма, избегают контактов с таким «неотзывчивым» партнером. Экономя скудные энергоресурсы, заброшенный голодный ребенок мало двигается, мало тренирует органы чувств, реакцию, глазомер, вестибулярный аппарат и т. п.— тем самым он заранее готовит себя на роль отстающего ученика в школе.

В самом деле, экспериментально установлено, что у школьников, в раннем возрасте страдавших от энергетическо-белковой недостаточности, понижена способность к синхронизации движения и наблюдения, зрительного и слухового восприятия; что они нередко не различают сходные фигуры, по-разному ориентированные в пространстве; что сосредоточение дается им с огромным трудом. В результате они не могут овладеть чтением и письмом в установленные школьной программой сроки [20].

Правда, их отставание может быть преодолено за счет специального продленного обучения; но недостаточно развитая система образования в освободившихся странах и бедность родителей не позволяют создать реальные возможности для наверстывания упущенного. Не умея толком читать и писать даже после двух-трех лет обучения, дети, пострадавшие от недоедания, выходят из начальной школы, по существу, такими же неграмотными, как и вошли в нее, а дальнейшее обучение для них невозможно, ибо они безнадежно отстают и от предъявляемых средней школой требований, и от своих сверстников из обеспеченных семей. Впрочем, дети бедноты не только вступают в систему образования на физиологически неравных условиях с детьми тех, кто образует имущие слои общества в развивающихся странах, но и во время пребывания в школе это неравенство продолжает не сокращаться, а углубляться (табл. 9).

Таким образом, социально обусловленная физиологическая отсталость детей бедняков дополняется физиологически обусловленной культурной отсталостью, и в быстро меняющихся общественных условиях даже ближайшего будущего детям пауперизированных трудящихся будет еще труднее найти такое место в обществе и такое занятие, которые помогли бы им разорвать унаследованные от родителей путы нищеты и голода. В целом же нынешние объем и структура потребления пауперизованных трудящихся приводят к деградации как наличной, так и будущей рабочей силы, отсекают массу самодеятельного населения от современных видов работ, техники и технологии и тем самым лишают прогрессивные системы той массовой социальной основы, на которой только и возможно их прочное становление.

МАССОВЫЙ ПАУПЕРИЗМ: РЫНОК И ПРОИЗВОДСТВО ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Переход от натуральной экономики к товарной, детерминируемый ростом общественного разделения труда, помимо прочего означает, что движение продовольственной продукции из сферы производства в сферу потребления все более втягивается в систему рыночных связей, опосредуется товарообменными отношениями. Воспроизводимые в национальных хозяйствах развивающихся стран продовольственные ресурсы отличаются той особенностью, что они самая весомая составляющая совокупного фонда личного потребления, а основная продовольственная продукция — главный (самый массовый) компонент совокупного фонда продовольственного потребления. Согласно одной из последних оценок ЭСКАТО, в западном и южном районах региона Южной и Юго-Восточной Азии (т. е. на территории от Ирана на западе до Бангладеш на востоке) на продовольственный сектор приходится основная часть чистой продукции, создаваемой в сельском хозяйстве, которое, в свою очередь, обеспечивает свыше двух пятых валового внутреннего продукта (в юго-восточном и восточном районах региона — от четверти до трети) [21]. Продовольственные товары формируют и

весьма крупную часть общей товарной массы, обращающейся на внутренних рынках этих стран. Даже в такой промышленно развитой стране развивающегося мира, как Индия, на товарную продовольственную продукцию, учитываемую только на оптовых рынках, на рубеже 70—80-х годов приходилось 38% общей стоимости товарной продукции (при этом на товарную массу зерна и бобовых — 13%) [22]. Поэтому от емкости внутреннего рынка на продовольственные товары в большой степени зависит то, насколько интенсивно в данном развивающемся обществе «срабатывает» обратная связь — от сферы потребления к сфере производства,— в конечном итоге определяющая динамику последнего.

Между тем на периферии мирового капиталистического хозяйства разложение традиционной экономики, призванное сообщить мощный импульс расширению внутреннего рынка, при отсутствии крупных социальных преобразований перераспределительного характера не дает такого результата. Оно сопровождается, как уже отмечалось, процессами массовой пауперизации населения, в том числе и той его части, которая втягивается в орбиту товарного производства, вырастающего на развалинах традиционной экономики (различные группы мельчайших товаропроизводителей, производящих продукт исключительно ради целей личного потребления; различные отряды наемных работников, получающих мизерную заработную плату и занятых как в хозяйствах потребительского типа, так и в капиталистических заведениях, и др.). В этих условиях внутренний рынок (прежде всего на продукцию массового потребления) расширяется преимущественно экстенсивным путем — посредством простого количественного увеличения «потребительских единиц» населения при крайне низком (и при том слабо изменяющемся) уровне подушевого потребления главной его массы. Интенсивному же типу развития внутреннего рынка (качественно изменяющийся спрос при его количественном увеличении) как раз и препятствует массовый пауперизм.

Возникает ситуация, по своим конечным результатам весьма близкая к той, которая складывалась в 80—90-х годах XIX в. в России и которую Ф. Энгельс в переписке с Н. Даниельсоном характеризовал следующим образом: «Ведь одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает*. Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются как *крестьяне;* их покупательная способность сводится к минимуму, и пока они, как *пролетарии,* не освоятся с новыми условиями существования, они будут представлять весьма скудный рынок для вновь возникших промышленных предприятий» [23]. Воспроизводство пауперизма в массовых масштабах, как отмечалось ранее,

образует характернейшую черту социально-экономической эволюции развивающихся стран, оказавшихся в орбите влияния законов движения капитала. Задерживая рост и без того крайне низкой покупательной способности у многочисленных групп трудящегося населения, этот процесс как явление постоянного характера, «работающее» при капиталистически ориентированном развитии на длительную перспективу, сильнейшим образом угнетает внутренний рынок этих стран, вызывая хирение важнейших его подразделений (включая продовольственное).

Характерен в этом отношении пример крупнейшей страны развивающегося мира — Индии, где, по определению Плановой комиссии страны, «почти 50 процентов нашего народа живет по стандартам ниже границы бедности — непрерывно в течение длительного периода времени», причем свыше четырех пятых такого населения сосредоточено в деревне [24]. Поэтому закономерно, что на протяжении десятилетий, в частности в 60-х и особенно 70-х годах, душевое потребление основных продовольственных продуктов при крайне низких абсолютных величинах фактически не увеличивалось, а в отношении главного продукта питания — зерна — даже обнаружило тенденцию к сокращению (см. табл. 10; для большей наглядности в таблице приводятся также данные о душевом потреблении тканей).

На резко тормозящую роль процессов абсолютного обнищания больших групп людей, призванных обеспечить наибольший рыночный спрос на основную продовольственную продукцию, в развитии экономически эффективного хозяйства, производящего такую продукцию, обращают внимание многие авторы. Индийский социолог М. В. Надкарни весьма точно формулирует суть проблемы, подчеркивая, что «даже при нынешнем (1979 г.— *Авт.*) уровне использования новой технологии сельское хозяйство Индии обладает громадным потенциалом увеличения продуктивности, который может быть реализован лишь в случае, если спрос на сельскохозяйственную продукцию вырастет достаточно высоко, чтобы оправдать увеличение текущих затрат на гектар площади, и если будут преодолены институциональные барьеры на пути внедрения более производительной техники» [25].

При стагнирующем же спросе, в отсутствие социальной политики, на широком фронте и крупномасштабно преобразующей отношения собственности, государство вынуждено прибегать к внеэкономическим (волевым) методам расширения внутреннего рынка на основную продовольственную продукцию (или — в зависимости от конкретных обстоятельств — удержания объема рынка в прежних размерах и предотвращения угрозы его сокращения: последнее случается при возникновении любых процессов, внезапно взвинчивающих цены на продовольствие,— при «взрывах» инфляционных процессов, при неурожаях и др.). Среди этих методов — бюджетно-перераспределительная политика государства, «вздувающая» платежеспособный спрос у бед-

нейшей части населения (в ряде случаев и у богатых слоев общества). Действительно, для того чтобы поддержать сложившуюся, «застывшую» на весьма низком уровне, душевую норму продовольственного, в особенности зернового, потребления, государство во многих странах Востока выделяет из своего бюджета крупные средства для субсидирования продажных цен на продовольственные товары, в первую очередь зерно, реализуемое через государственную распределительную сеть. Причем эти средства после инфляционного спурта цен на мировом капиталистическом рынке в 1973/74 г. значительно выросли, например: в Бангладеш — в полтора-два раза к началу 80-х годов, в Индии — в два с половиной раза, в Пакистане — в два — три с половиной раза, в Шри-Ланке — в четыре (1979 г.) — два с половиной раза (1980—1981 гг.)[26]. Продовольственные субсидии — одна из наиболее обременительных статей государственных бюджетов развивающихся стран[27], своего рода плата (отнюдь не компенсирующая последствия) за бессилие парализовать влияние разрушительных процессов, генерируемых системой мирового капитализма на своей периферии.

Ныне государство во многих странах Востока выступает на национальных рынках и крупнейшим покупателем зерна (поддерживая своей политикой закупочных цен товаропроизводящие хозяйства, прежде всего капиталистические, но в ряде случаев — и непосредственных производителей), и крупнейшим его продавцом, стремясь ослабить гнет проблем, порождаемых массовым пауперизмом; на государственных складах постоянно хранятся крупные запасы нереализованного зерна[28].

Все это свидетельствует о весьма знаменательном явлении: при определенных (в ряде случаев даже при довольно скромных) успехах «зеленой революции», если она не сопровождается глубокими социальными преобразованиями, критические диспропорции, т. е. диспропорции, в данный момент оказывающие наиболее сильное тормозящее воздействие на экономический рост, имеют тенденцию перемещаться из экономической сферы (нехватка товарной продовольственной продукции массового потребления) в социальную сферу (голодание массы бедного населения при формировании «избытка» продовольствия). Но экономическая диспропорция в продовольственном обеспечении (нехватка товарной продукции) отнюдь не исчезает, просто массовый пауперизм скрывает ее глубину: действительное проявление этой диспропорции сдерживается только крайне низкой общественной потребностью (представленной платежеспособным спросом) в продовольственной продукции.

* * *

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод, что в обществах развивающихся стран существенно изменяется характер массовых голодовок.

Безусловно, в этих обществах все еще продолжают возникать голодовки, обусловленные тяжелым наследием колониального порабощения — длительной консервацией продовольственного сектора сельского хозяйства стран зависимой периферии МКХ в экстенсивной фазе развития, причем при ухудшающихся условиях (прогрессирующая деградация почвенного покрова, обнищание массы непосредственных производителей — хозяев, представляющих основную производительную силу в этой фазе развития земледелия и др.). Именно в этой фазе развития периодически повторяющиеся стихийные природные бедствия вызывают столь катастрофические последствия — немедленные массовые голодовки, связанные с крупными неурожаями продовольственных культур, прежде всего зерновых, образующих основу питания подавляющей части населения. Воздействие этого фактора на главную массу связанного с традиционным производством населения является тем значительнее, чем беднее становится функционирующий в его рамках непосредственный производитель, с одной стороны, и чем более распадается традиционная коллективистская (общинная и иная) система связей, предоставляющая наиболее обездоленным людям деревни, главным жертвам массовых голодовок, некоторые гарантии против возможных последствий таких стихийных бедствий,— с другой. (Поэтому-то, кстати говоря, столь резко увеличивается в периоды неурожаев количество лиц, у которых энергетическое содержание питания меньше критической нормы.) В целом, однако, значение фактора неурожая как непосредственной причины возникновения массовых голодовок с конца 70-х и в 80-х годах ослабевает: во многих странах благодаря накоплению в руках государства значительных продовольственных ресурсов, прежде всего зерна (как путем закупок товарной продукции в зонах «зеленой революции», так и путем импорта зерна), и образованию государственной продовольственной распределительной сети все чаще удается амортизировать, смягчать негативные последствия крупных неурожаев[29].

Полезно, однако, обратить внимание и на степень этого смягчения. Например, в Индии в неурожайном 1979/80 г. государство не импортировало ни грамма зерна, возместив (лишь частично) зерновой дефицит из собственных запасов зерна, целиком сформированных из внутренних источников. Частично удалось ослабить, но не предотвратить инфляционный скачок цен, возникший на почве неурожая (и других, общеэкономического характера, причин): при увеличении общего индекса товарных цен с 1979/80 по 1980/81 г. на 18,2% индекс зерновых цен возрос на 17,3% (а на всю группу продовольственных товаров сельскохозяйственного сектора — на 11,2%), в то время как на предшествующие четыре года (1975/76—1979/80 гг.) общий индекс увеличивался в среднем за год на 5,1%, а индекс зерновых цен — на 2,4%. В результате душевая норма зернового потребления 1980 г. не могла достигнуть предкризисной величины; она удерживалась на небывало низком за предшествующие 20 лет уровне — 410 г в день[30] (только в 1975 г. эта

норма опускалась еще ниже — до 406 г; ср. также показатель зернового потребления в табл. 10) [31].

Главной же причиной, определяющей характер массовых голодовок на периферии мирового капиталистического хозяйства, является, как отмечалось выше, особая форма капиталистического развития, в результате которой все возрастающая масса людей, если перефразировать здесь известные слова К. Маркса, теряет старый мир и не обретает нового [32]. Она шаг за шагом выталкивается из сферы традиционного производства без адекватного включения в иные, современные, формы экономической деятельности и тем самым лишается условий обеспечения себя в необходимых размерах жизненными средствами. Изменение облика голодовок в развивающемся мире исследовательская группа Института социального развития ООН характеризует так: «...семьи, отторгнутые от традиционного страхового фонда деревни, голодают теперь не тогда, когда случаются плохие урожаи, а тогда, когда они не имеют работы» [33]. А голодовки в таких условиях принимают форму хронического недоедания [34], охватывающего жизни ряда сменяющих друг друга поколений и сопровождающегося, как отмечалось выше, массовыми случаями крайнего физического истощения и отставания в умственном развитии. Хронические голодовки такого типа, охватывающие большие группы людей, есть имманентное следствие и весьма яркое проявление социальных и экономических деформаций, порожденных зависимой формой капиталистического развития [35].

Глава III

ОТ ТРАДИЦИОННОГО ЭКСТЕНСИВНОГО ХОЗЯЙСТВА К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ИНТЕНСИВНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ

В настоящее время аграрная экономика развивающихся стран Востока переживает переломный этап, суть которого заключается в смене систем хозяйствования и изменений внутренней структуры аграрного сектора. Последний теряет свою однородность и все более расчленяется на два подразделения: традиционное, основанное на экстенсивных формах производства, и современное, базирующееся на растущем использовании интенсивных факторов роста. Закономерный и объективно необходимый для освободившихся стран процесс интенсификации их сельского хозяйства включает в себя элементы как стихийного развития, так и развития, подчиненного сознательному, целенаправленному воздействию государства.

Среди различных стран развивающегося мира страны Южной и Юго-Восточной Азии в наибольшей степени продвинулись на пути интенсификации своего сельского хозяйства. В этом плане они представляют собой «картину будущего» для многих афро-азиатских государств. Имеет смысл поэтому рассматривать особенности перехода продовольственного сектора развивающихся стран к современным системам производства на примере этого региона [1].

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

До середины 60-х (в ряде случаев — середины 70-х) годов экономический рост в земледелии стран региона осуществлялся преимущественно за счет расширения обрабатываемых площадей и вовлечения в производство дополнительных контингентов рабочей силы. Урожайность сельскохозяйственных (особенно зерновых) культур росла медленно (табл. 11), и ее прирост обеспечивал весьма незначительную долю в общем приросте сборов этих культур. Более того, в отдельные периоды введение в оборот менее продуктивных земель служило причиной снижения средненациональных показателей урожайности.

Ныне в большинстве стран региона свободных для освоения земель практически не осталось. Причем речь идет не только о

трудности и подчас невозможности увеличения пахотнопригодных площадей силами самих сельских производителей — представителей традиционного хозяйства. Зачастую колонизация земель в значительных масштабах экономически неэффективна даже при условии привлечения государственных средств. Например, в Шри Ланке соотношение расходов на освоение территории и стоимости годовой продукции, произведенной в ее пределах, равняется 12 : 1 — 15 : 1. Между тем в развивающихся странах, включая Шри Ланку, коэффициент выхода продукции (в стоимостном исчислении) на единицу затрат в целом не превышает 1,5—1,7 [2].

Земельный голод особенно ощутим в странах Южной Азии. В Бангладеш, например, еще в начале 70-х годов пашни и пары составляли 96,8% земель, пригодных для возделывания, а в последние годы из-за деградационных процессов в окружающей среде происходит даже сокращение площадей, подходящих для использования в сельском хозяйстве (табл. 12). Почти исчерпаны возможности освоения новых земель и в странах Юго-Восточной Азии. На Филиппинах уже в 80-х годах целинные земли могут сократиться до минимума. Лишь в Индонезии и Малайзии резервы земель, доступных для хозяйственного использования, оцениваются в практически значимых величинах, но их колонизация требует крупных мелиоративных работ и в целом трудноосуществима на данном этапе экономического развития этих стран.

Исчерпание фонда свободных земель, пригодных для эксплуатации при минимальных затратах, означает резкое сокращение потенциала роста сельского хозяйства на экстенсивной основе. Касается это в первую очередь традиционного сектора, возможности которого к дальнейшей пространственной экспансии на подавляющей части территории региона уже исчезли (или исчезнут полностью в ближайшем же будущем). Более того, в ряде случаев имеет место тенденция к физическому сокращению экономического пространства, занимаемого традиционным хозяйством: часть пригодных для сельскохозяйственной эксплуатации земель теряется в результате бурно развивающихся процессов урбанизации (плодородные пахотные земли захватываются богатеющей верхушкой городского общества, использующей их под строительство роскошных особняков [3]) и т. д.

Прекращение возможностей роста продовольственного производства в традиционном хозяйстве происходит на фоне усиливающихся процессов его деформации.

Кризис традиционного хозяйства проявляется прежде всего в углублении диспропорции между увеличивающимися ресурсами живого труда и реальными возможностями их включения в процесс производства при существующих социально-экономических условиях (рост относительного аграрного перенаселения). Эта диспропорция, сформировавшаяся как результат многовековой эксплуатации развивающихся стран капиталом развитых капиталистических стран, консервирования им отсталых экономических форм на периферии мирового капиталистического хозяйства, в дальнейшем получила новый сильный импульс вследствие высокого демографического давления.

Отсюда — усиливающееся измельчание мелкого землепользования, сопряженное с процессами обнищания мелких производителей-хозяев [4]. Одно из следствий этой хозяйственной деградации — растущая тенденция не только к натурализации собственной хозяйственной деятельности у таких производителей (например, «проедание» на месте их скромного фонда рыночных «излишков» продовольственной продукции, действительных и потенциально возможных), но и ко все большему их превращению в активных потребителей «чужой», т. е. произведенной в других хозяйствах, продовольственной продукции.

Весь этот процесс экономической деградации ряда подразделений продовольственного сектора сопровождается прогрессирующим (при стихийном ходе аграрной эволюции) ухудшением состояния природных факторов производства, образующих основу традиционного хозяйства, что является прямым следствием господства капитала извне над таким хозяйством. Действительно, как свидетельствует обширный исторический опыт развивающегося мира, в традиционном хозяйстве действует закономерность (первоначально вызванная к жизни еще в эпоху колониального порабощения развивающихся стран и насильственного включения традиционных производителей в формировавшуюся тогда систему мирового капиталистического хозяйства): чем интенсивнее традиционное хозяйство втянуто в выполнение несвойственных ему функций — в производство меновой стоимости для обогащения эксплуататоров, как иностранных, так и местных, — тем сильнее растет давление, не компенсируемое последующими восстановительными процессами, на природные факторы производства. Так, во многих развивающихся странах весьма широкие масштабы приняли процессы разрушения главной естественной производительной силы земледелия — почвы [5].

Разрушение почвенного покрова — это только часть проблемы развивающегося экологического кризиса, обусловленного деградацией традиционного хозяйства.

В каждом конкретном случае экологические нарушения могут возникать в различных частях природной системы. Существенно то, что в силу особенностей биосферы любое из этих нарушений имеет длинную цепь последствий [6]. Даже незначительные экологические нарушения, накапливаясь подобно «снежному кому», ведут к серьезным деградационным изменениям в агроприродных системах в целом. Такие изменения подрывают производственную основу традиционного хозяйства, ухудшая всю совокупность характеристик природной среды, в которой оно функционирует; производственный потенциал сель-

ского хозяйства значительно ослабевает в результате разрушения тех природных элементов, введение которых в оборот могло бы повысить интенсивность производства и в рамках традиционной экономики.

Сложность ситуации заключается в том, что усиление процессов деградации традиционного хозяйства обнаруживается в период, когда требования, предъявляемые развивающимся обществом к аграрному сектору, как отмечалось выше, повысились и качественно изменились. Как показала практика, опора на импорт продовольствия и тем более продовольственную помощь западных стран не может служить стабильной основой для удовлетворения расширяющегося спроса на продукты питания в развивающихся странах.

Итак, под влиянием углубляющегося кризиса традиционных способов хозяйствования (который проявляется, в частности, в процессах сокращения продуктивности земли), с одной стороны, и значительного удорожания природных факторов производства [7] — с другой, уже к 60-м годам оказались в значительной степени исчерпанными в развивающихся странах Азии возможности экстенсивного роста сельскохозяйственного производства; в 70-х же годах переход к интенсивным системам земледелия стал еще более необходимым, чем это ощущалось в середине 60-х годов, когда стартовала «зеленая революция». Осознание этого факта вызвало переориентацию политики государства: оно сосредоточивает средства и усилия на отдельных, наиболее подготовленных к восприятию современных систем хозяйствования подразделениях аграрной сферы. Так был дан толчок процессу технологических преобразований в земледелии, оказавшему столь крупное воздействие на системы продовольственного обеспечения развивающихся стран Востока.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕНСИВНЫХ ФОРМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

Развернувшаяся в странах Южной и Юго-Восточной Азии «зеленая революция» была призвана ускорить развитие зернового хозяйства путем укрепления материально-технической базы относительно крупных частных хозяйств. В условиях этих стран увеличение выхода зерновой продукции, которая может быть отправлена за пределы продовольственного сектора без ущерба для воспроизводственного процесса в нем, могло быть осуществлено только за счет повышения продуктивности земли. На решение этой задачи и была ориентирована новая технология возделывания продовольственных культур, внедрение которой активно поощрялось государством в странах региона.

Действительно, «зеленая революция» позволила повысить производственный потенциал сельского хозяйства стран Юж-

ной и Юго-Восточной Азии. За последние 15—20 лет в сельском хозяйстве этих стран происходил интенсивный рост использования современных средств производства, включая выведенные специально для тропического и субтропического поясов высокоурожайные сорта (ВУС) зерновых культур, минеральные удобрения, средства химической защиты растений, высокопроизводительную технику (табл. 13 и 14).

К концу 70-х годов по масштабам распространения гибридных сортов зерновых Южная и Юго-Восточная Азия занимала первое место среди развивающихся регионов. На ВУС приходилось более двух третей посевных площадей под пшеницей и треть посевов риса [8].

Одновременно ускоренными темпами шло увеличение использования минеральных удобрений, повышение дозы внесения которых необходимо для раскрытия потенциала урожайности новых сортов зерновых. Если до «зеленой революции» основная масса этого важного средства интенсификации потреблялась при возделывании экспортных, по преимуществу технических, культур, то с разработкой и внедрением в практику новой технологии, отзывчивой на удобрения, большая их часть стала применяться в производстве продовольственных культур.

В ходе «зеленой революции» ускорилось также введение в эксплуатацию водных ресурсов. Заметно увеличился удельный вес поливных земель в общей возделываемой площади (см. табл. 13).

Расширение использования современных средств производства дало возможность повысить продуктивность землепользования: рост урожайности (табл. 15 и 16) и площади повторных посевов. Таким образом, именно действие интенсивных факторов роста обеспечило ускорение роста производства продовольственных культур в странах Южной и Юго-Восточной Азии со второй половины 60-х годов.

Оценивая «зеленую революцию» с точки зрения ее технологических характеристик, следует упомянуть об относительно высокой капиталоемкости формирующихся современных систем земледелия. В принципе биолого-химический тип интенсификации, наблюдаемый в странах региона, требует меньших производственных затрат, чем, например, тип интенсификации, базирующийся на широком использовании средств механизации. Тем не менее при существующем соотношении цен на средства интенсификации производства и продовольственную продукцию (табл. 17) рост производственных расходов, связанный с освоением новых систем хозяйствования, остается весьма значительным. Такое положение объясняется, во-первых, комплексным характером новой технологии, малой степенью взаимозаменяемости ее компонентов, во-вторых, неспособностью самих развивающихся стран в силу недостаточно высокого уровня экономического развития обеспечить аграрный сектор средствами производства в необходимом количестве и по доступным для

крестьян ценам. Решение этой проблемы за счет внешних источников затруднено из-за господства западных монополий на мировом капиталистическом рынке.

Отличительной чертой «зеленой революции» является также возникающая в ходе ее развития потребность в весьма значительных энергетических затратах. Причем эффективность использования невозобновимых видов энергии значительно меньше, чем в традиционных системах производства. Так, согласно обследованию ФАО, при переходе к производству риса по новой технологии расходы энергетических ресурсов в расчете на единицу площади возрастают в 38 раз, в то время как урожайность — в 2,1 раза [9].

Еще одна важная характеристика современных систем хозяйствования заключается в их привязанности к районам поливного земледелия. Орошение выступает, как правило, в качестве необходимой предпосылки и условия реализации потенциала новой технологии.

Капитало-, энерго- и гидроемкость современных систем земледелия, развивающихся в отдельных подразделениях аграрной сферы, во многом определили характер и особенность динамики производства продовольствия в последние два десятилетия.

Процесс утверждения прогрессивных форм хозяйствования не был равномерным и всеохватывающим. На фоне общей тенденции к ускорению развития продовольственного сектора сельского хозяйства отчетливо выделяются периоды подъема и спада этого процесса.

Во многих странах неожиданно быстрый рост производства зерновых — пшеницы и риса был достигнут на первых этапах «зеленой революции» (вторая половина 60-х — первая треть 70-х годов). Ключевую роль в динамичном развитии зернового хозяйства сыграла новая технология возделывания зерновых культур, опирающаяся на высокоурожайные сорта, отзывчивые на применение минеральных удобрений. Благоприятные условия для перехода к более продуктивным системам хозяйствования были также созданы деятельностью государства (расширение кредитования сельских производителей, способных переходить к новой агрикультуре; введение гарантированных закупочных цен на зерновые культуры; организация снабжения деревни агротехническими средствами и их субсидирование). Внедрение научных достижений и изменение товарного обмена в пользу сельского хозяйства способствовали более эффективному использованию инфраструктурного потенциала, созданного к началу «зеленой революции» в аграрной сфере. Немаловажную роль в увеличении сборов зерновых во второй половине 60-х — начале 70-х годов сыграли и хорошие погодные условия.

Характеризуя первое пятилетие развития «зеленой революции» в Индии, Е. И. Миронова отмечает узость ее территориальной базы, социальную ограниченность, неравномерность от-

раслевого охвата земледельческого производства [10]. Эти черты были свойственны начальному периоду «зеленой революции» и в других странах Южной и Юго-Восточной Азии. Между тем поразительно быстрые темпы роста производства продовольствия, наблюдавшиеся в то время, позволяли предполагать, что в недалеком будущем будет преодолена региональная и социальная очаговость процессов становления современных форм земледелия.

Однако к середине 70-х годов рост производства продовольственных культур затормозился. Впервые с середины 60-х годов подушевая обеспеченность населения зерном за счет национального производства сократилась в большинстве государств региона. Причем спад в производстве зерновых был обусловлен именно замедлением развития современных систем земледелия, возникновением целого комплекса препятствий на пути продвижения «зеленой революции».

Таким препятствием явилась, например, недостаточная подготовленность аграрной экономики развивающихся стран к быстрому и последовательному восприятию производительных сил эпохи научно-технической революции. В начале «зеленой революции» слабость научно-исследовательской базы стран региона компенсировалась деятельностью международных аграрных исследовательских центров, отличающихся высокой квалификацией сотрудников, широтой научных связей, хорошим финансовым обеспечением. Схожесть агроэкологических условий некоторых районов Южной и Юго-Восточной Азии с районами, где проводились исследования в области новых систем земледелия, позволила на первых порах добиться успехов в освоении импортируемой технологии без особых работ по адаптации на местном уровне. Однако уже к 70-м годам стала очевидной потребность в развертывании широкой деятельности по приспособлению этой технологии к разнообразным и сильно дифференцированным природно-экономическим условиям региона Южной и Юго-Восточной Азии. Сложность использования научных достижений в производстве продовольствия объяснялась также следующим: становление новых систем хозяйствования происходило и происходит не столько путем постепенного перехода к отдельным, более совершенным средствам и методам производства, сколько посредством усвоения сельскими производителями целого агротехнического комплекса, разработанного в научных центрах и внедряемого как бы «сверху». В результате качественно новые требования предъявляются как к организации научных работ (привлечение специалистов различного профиля, координация их действий, проведение междисциплинарных исследований), так и к деятельности по внедрению полученных результатов в практику (например, необходимость налаживания тесных контактов между крестьянами и агротехническими службами).

Даже разработка и внедрение лишь одного компонента но-

вой агрикультуры — высокоурожайных сортов — представляет собой трудную задачу. Выведение и размножение семян требует организации централизованных агрономических исследований, густой сети селекционных станций, семеноводческих хозяйств. Растущие потребности развивающихся стран в высокоурожайных сортах уже не могут быть обеспечены за счет внешних источников. Характерно, что в середине 70-х годов Международным исследовательским институтом риса на Филиппинах было принято решение о замене поставок новых семян развивающимся странам поставками генетического материала с тем, чтобы сами сорта выводились на местах силами национальных институтов. Таким образом, на государственные организации была возложена не только задача выращивания особо чистых, «элитных», семян, но и селекция новых сортов продовольственных культур [11].

На пути внедрения научных достижений в практику сельскохозяйственного производства развивающиеся страны столкнулись с проблемой недостатка у сельских производителей агротехнических знаний, с проблемой нехватки квалифицированных кадров «нижнего звена». В среднем, например, по Индии на одного чиновника службы распространения агротехнических знаний приходилось 1000—1200 крестьянских семей, т. е. в 3—4 раза меньше требуемого соотношения (один чиновник может обслужить не более 300 хозяйств) [12]. При таком соотношении, естественно, крайне трудно наладить тесные контакты земледельцев с научными учреждениями. Особенно неблагоприятно положение менее обеспеченной части крестьянских хозяйств, поскольку влиятельная верхушка товаропроизводителей, переходящих к новой агрикультуре, обеспечивает себе преимущественный доступ к научно-технической информации.

Расширение региональных рамок «зеленой революции» затормозилось и в результате замедления темпов ирригационного строительства. Так, прирост орошаемых площадей в Бангладеш с 1967 по 1972 г. составил 530 тыс. га, а с 1972 по 1976 г. всего 80 тыс. га. Соответствующие показатели для Филиппин равнялись 300 тыс. и 170 тыс. га [13]. Сокращение темпов роста орошаемых площадей отмечалось в первой половине 70-х годов в Индии. Поскольку развитие ирригации не поспевало за распространением посевов высокоурожайных сортов зерновых, то к середине 70-х годов последние заняли практически все имеющиеся в распоряжении продовольственного сектора земли с искусственным орошением. В Индии, например, к 1975/76 г. доля орошаемых площадей в посевах риса составляла 38,2%, а под высокоурожайными сортами было засеяно уже 32,3% посевных площадей под этой культурой. Соответствующие показатели для пшеницы составили 65,8 и 61,8% [14].

Одновременно остро встал вопрос качества ирригационной системы. Старые ирригационные сооружения не могли обеспечить своевременность полива и возможность контроля за водо-

потреблением, необходимые для реализации потенциала урожайности новой технологии производства продовольственных культур. По данным конференции ООН по водным ресурсам, в Южной Азии требовалось улучшить состояние ирригационной сети на 50% орошаемых площадей, в Юго-Восточной Азии — на 45% [15]. Если крупные зажиточные хозяйства, располагающие современными водоподъемными установками, могли регулировать уровень воды на полях, то масса мелких хозяйств не была в состоянии с помощью традиционных ирригационных сооружений обеспечить защиту посевов продовольственных культур от резких колебаний водоснабжения.

Наряду с трудностями внутринационального характера, оказавшими влияние на динамику «зеленой революции», в начале 70-х годов стало отчетливо проявляться тормозящее воздействие на становление современных систем земледелия процессов, протекающих в рамках международной капиталистической экономики. Расширение и усиление этого воздействия обусловливается особенностями выбранной странами региона стратегии модернизации продовольственного сектора, опирающейся на широкое использование дефицитных производственных ресурсов (переход от опоры на естественные ресурсы — земля и пр. — к более широкому применению предметов овеществленного труда), часть из которых может быть восполнена только за счет внешних источников. Преодоление зависимости стран региона от импорта основных продуктов питания сопровождается, таким образом, увеличением ввоза из-за рубежа современных средств интенсификации, привлечением иностранных квалифицированных кадров. В 1975 г., по оценкам ФАО, в 90 развивающихся странах на производительное потребление, обеспечиваемое за счет импорта, приходилось 33% общей суммы текущих затрат материальных средств в растениеводстве (этот показатель составлял в странах Южной и Юго-Восточной Азии 27%, в странах Ближнего и Среднего Востока — 37%). Еще более высока была доля импортного компонента в текущих затратах на средства производства промышленного происхождения, в расходах на минеральные удобрения — 56% (соответственно по регионам 58 и 39%, на механизацию — 66% (80 и 60%), на средства защиты растений — 87% (90 и 90%) [16].

Последствия включения отдельных подразделений продовольственного сектора в систему мировых экономических связей неоднозначны. С одной стороны, использование преимуществ международного разделения труда способствует ускорению развития сектора. Благодаря использованию достижений мировой науки стал возможен сам феномен «зеленой революции». С другой стороны, по мере втягивания формирующихся новых систем производства продовольствия в межотраслевой обмен в пределах мирового капиталистического рынка на развитии продовольственного сектора отражается неравноправное положение освободившихся государств в мировом капиталистическом хо-

зяйстве. Усилившаяся с первой половины 70-х годов дестабилизация стихийно-рыночных регуляторов воспроизводственного механизма в МКХ — колебания цен на мировом капиталистическом рынке, инфляция, энергетический кризис — оказала дезорганизующее влияние на становление современных форм земледелия в большинстве развивающихся стран, в том числе и в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Резко ухудшив условия товарного обмена между сельским хозяйством и промышленностью, эти процессы приостановили техническое перевооружение их продовольственного сектора.

Тот факт, что развивающиеся страны не обладают достаточным экономическим потенциалом, чтобы быстро и выгодным для себя образом реагировать на изменения в международной торговле и международном разделении труда, ярко продемонстрировал энергетический кризис 1973—1975 гг. При высокой степени монополизации капиталом ТНК производства и сбыта товаров, исходным сырьем для которых служит нефть, удорожание энергетических ресурсов повлекло за собой, как известно, резкое увеличение цен на минеральные удобрения, ядохимикаты, горючее для средств механизации. Сказалось и отставание предложения от растущего спроса. Сложность ситуации заключалась в том, что рост цен и возникновение дефицита энергоемких средств сельскохозяйственного производства произошли в период, когда аграрная экономика многих развивающихся стран уже начала ориентироваться на их использование.

Проводя протекционистскую политику в отношении формирующихся современных систем земледелия, государство в странах Южной и Юго-Восточной Азии стремилось смягчить воздействие мирового капиталистического рынка на условия сельскохозяйственного производства. С этой целью были повышены гарантированные цены на зерновые культуры, увеличилось субсидирование критически важных компонентов новой агрикультуры, усилился контроль над их распределением. Однако предпринятые меры серьезно осложнили финансовое положение стран региона. В конечном счете размер субсидий был сокращен, и цены внутреннего рынка на энергоемкие средства сельскохозяйственного производства значительно возросли. Характерно, что если в США цена на бензин для фермеров повысилась на 60% (с 1973 по 1975 г.), а цены на пшеницу, кукурузу, сою удвоились, то в Индии цена на керосин повысилась на 140%, на удобрения — в среднем на 80%, а цена на пшеницу и рис, выплачиваемая сельским производителям, увеличилась всего на 40% [17]. Государству в странах Южной и Юго-Восточной Азии не удалось также сдержать спекулятивные тенденции: рост цен на черном рынке снижал эффективность политики субсидирования. Несбалансированность снабжения между районами затрудняла получение средств интенсификации в нужном количестве и в нужное время.

В итоге многие менее зажиточные хозяйства (не говоря уже о мелких хозяйствах — «попутчиках» «зеленой революции») были вынуждены отказаться от применения современных агротехнических средств в прежних масштабах. В результате заметно снизились темпы прироста использования удобрений и ядохимикатов. В ряде случаев также сократилось применение ирригационных установок, действующих на основе механических двигателей: многие хозяйства вернулись к традиционным средствам полива [18]. Все это отрицательно сказалось на качестве орошения. Наблюдалось также несоответствие в темпах роста применения различных средств интенсификации. В группе менее зажиточных хозяйств увеличение площадей под высокоурожайными сортами не подкреплялось соответствующим ростом применения удобрений, ядохимикатов, развитием ирригации. Само распространение новых сортов тормозилось медленным внедрением других составляющих новой агрикультуры: нарушение заложенного в новой агрикультуре принципа комплексности применения средств и методов производства приводило к падению показателей урожайности зерновых культур в районах интенсивного развития «зеленой революции» [19].

Из-за роста издержек производства менее обеспеченная часть крестьян возвратилась к традиционным методам хозяйствования. Часть более состоятельных предпринимательских хозяйств под давлением ухудшившихся условий производства в зерновом хозяйстве перешла от товарного производства риса и пшеницы к возделыванию других коммерческих культур. В группе крупных землевладельцев, вставших на путь капиталистического преобразования своих хозяйств, происходила переориентация движения накоплений: расширилось их использование в непроизводительных целях (ростовщичество, спекулятивные операции).

Во второй половине 70-х годов приток капиталов, вызванный некоторым расширением иностранной помощи сельскому хозяйству афро-азиатских стран и, главное, увеличением государственных инвестиций, направляемых на социально-экономическое преобразование аграрной сферы, способствовал новому ускорению развития продовольственного сектора [20]. Выделение дополнительных ассигнований на ирригационное строительство привело к увеличению темпов роста площадей с искусственным орошением. Значение имело также расширение работ по реконструкции оросительной сети и улучшению ее качества. Повышению эффективности использования ирригационного потенциала содействовали предпринимаемые государством меры по строительству полевых каналов [21]. Характерным примером в этом отношении является политика предоставления льготных займов местным властям из централизованных источников в Индонезии с целью стимулирования оросительных работ непосредственно на деревенских полях.

В расширении возможностей регулирования водопотребле-

ния при возделывании зерновых культур важную роль сыграло ускорение развития «малой» ирригации, последовавшее вслед за реализацией программ электрификации деревни и снижением цен на энергоемкие ресурсы (в частности, на ирригационные установки и горючее для них).

Во второй половине 70-х годов сказались успехи в развитии сельскохозяйственной науки и в расширении деятельности по распространению агротехнических знаний. К этому времени с помощью государства были сделаны крупные шаги в укреплении материально-технической базы аграрной науки, в создании сети центров по выведению новых, устойчивых к заболеваниям сортов сельскохозяйственных культур, в подготовке кадров для сельского хозяйства, в организации пропаганды среди крестьян новых средств и методов производства.

Снижение цен на энергоемкие средства сельскохозяйственного производства на мировом капиталистическом рынке и увеличение их выпуска в самих развивающихся странах имело своим последствием рост применения современных агротехнических средств в модернизирующихся подразделениях аграрной экономики.

Таким образом, во второй половине 70-х годов улучшение объективных условий развития сельского хозяйства в странах Южной и Юго-Восточной Азии, а также предпринятые государством меры по преодолению препятствий на пути становления современных систем земледелия способствовали известной стабилизации процессов модернизации продовольственного сектора и ускорению роста производства зерна в странах региона. При этом содержание аграрной стратегии, реализуемой в странах региона, оставалось прежним: индустриализация сельского хозяйства на базе технологии, отличающейся весьма высокой капитало- и энергоемкостью и доступной, следовательно, лишь наиболее крепким, в основном кулацким, хозяйствам. Примечательно, что рекомендации Всемирной продовольственной конференции (Рим, 1974 г.) ориентировали именно на такое развитие [22].

Выбранные меры преодоления трудностей (развитие собственной промышленности, выпускающей современные средства сельскохозяйственного производства, обеспечение лучших условий их приобретения на мировом капиталистическом рынке в рамках борьбы за переустройство мирохозяйственных отношений, увеличение субсидий при продаже агротехнических средств и др.) дали немалые положительные результаты: за счет решения многих чисто производственных проблем странам Южной и Юго-Восточной Азии удалось ускорить продвижение «зеленой революции».

В то же время к началу текущего десятилетия на фоне относительно стабильного развертывания «зеленой революции» стали вырисовываться проблемы долговременного характера, выдвинувшие на передний план вопрос о близких пределах мо-

дернизации продовольственного сектора на основе осуществляемой модели и выявившие необходимость изменить подходы к технологическим преобразованиям, проводимым в сфере производства продовольствия.

Даже для поддержания процессов модернизации «зеленой революции» в уже созданных границах требуются значительные материальные и финансовые затраты государства. Так, субсидирование современных агротехнических средств, начатое как временная мера, призванная стимулировать переход ряда групп сельских производителей к новым методам хозяйствования, в настоящее время представляет собой постоянный элемент государственной политики в отношении продовольственного сектора. Предоставление государством долгосрочных и среднесрочных займов даже для весьма зажиточных хозяйств является необходимым условием осуществления ими производственных затрат, связанных с освоением новой технологии.

Потребность в еще больших капиталовложениях возникает при расширении региональных рамок «зеленой революции». Это прежде всего капиталовложения на развитие научно-исследовательской базы. Опыт развивающихся стран показал, что только на основе приспособления сельскохозяйственной технологии, заимствованной в странах Запада, нельзя достигнуть прочных успехов. Дальнейший прогресс в производстве продовольствия тесным образом связан с усилиями самих освободившихся государств по развитию новых направлений аграрных исследований. Между тем среди стран региона Южной и Юго-Восточной Азии лишь Индии удалось сформировать разветвленную сеть научных институтов, способных генерировать новые открытия [23]. Большинство же стран региона продолжает испытывать трудности даже в адаптации уже имеющихся научных достижений. В одном из докладов Азиатскому банку развития отмечалось применительно к странам Южной и Юго-Восточной Азии, что «развитие институтов, способных разрабатывать новую технологию, было медленным и трудным... Во многих странах региона, в сущности, не наблюдалось прогресса в развитии научно-исследовательской базы» [24]. Если провести сравнение с развитыми капиталистическими странами, выявляется существенный разрыв в масштабах ассигнований на НИОКР в аграрной сфере.

В середине 70-х годов, т. е. спустя 10 лет после начала «зеленой революции», восемь крупных стран Южной и Юго-Восточной Азии, вместе взятые, на научную деятельность в области зерноводства (включая деятельность по распространению агротехнических знаний) расходовали в 6,5 раза меньше средств, чем, например, Япония. Темпы увеличения этих расходов в Японии были также заметно выше [25]. В конце 70-х—начале 80-х годов во всех странах развивающегося мира в целом на исследовательские работы для сельского хозяйства затрачивалась сумма, равная примерно 0,25% стоимости продук-

ции, производимой в аграрном секторе, в то время как в промышленно развитых странах — 1—2% [26].

При оценке перспектив развития современных подразделений продовольственного сектора важное значение имеет также учет того факта, что при движении по пути интенсификации на базе выбранной модели снижается капиталоотдача от инвестиций в сельское хозяйство. В частности, по мере вовлечения в хозяйственное использование наиболее доступных водных ресурсов происходит удорожание ирригационного строительства. Кроме того, во многих районах стран рассматриваемого региона ресурсы поверхностных вод близки к исчерпанию и возможности расширения поливных площадей за счет их использования ограниченны. Это прежде всего относится к странам Южной Азии. Например, на Индию, сосредоточивающую 15% населения земного шара, приходится всего 5% мирового стока рек [27].

Развитие «малой» ирригации позволяет существенно расширить ресурсную базу поливного земледелия, но условия для строительства водоподъемных ирригационных сооружений имеются не повсеместно; эксплуатация подземных вод дорого обходится государству (субсидирование ирригационных установок, снабжение земледельческих хозяйств электроэнергией по ценам ниже ее стоимости). При существующей социальной структуре деревни круг хозяйств — потенциальных владельцев средств малой ирригации, несмотря на субсидии, остается узким. Кроме того, стихийное широкомасштабное строительство трубчатых колодцев несет опасность серьезных экологических нарушений. Согласно данным обследований, во многих районах Южной Азии в результате многократного увеличения плотности скважин понизился ниже нормы уровень грунтовых вод, что привело к осушению традиционных источников орошения [28]. Менее состоятельные крестьянские хозяйства, использующие эти источники, тем самым лишаются возможности вести поливное земледелие.

В складывающейся ситуации перспективы интенсификации производства продовольствия в рамках поливного земледелия тесным образом связаны с оптимизацией имеющегося ирригационного потенциала. В настоящее время эффективность эксплуатации оросительной системы в странах Южной и Юго-Восточной Азии крайне низка. Потери воды в сети необлицованных каналов достигают 45—50% [29]. Слабость развития дренажа и других почвозащитных систем оборачивается расширением процессов засоления и заболачивания, что ведет к снижению плодородия почв на больших массивах сельскохозяйственных земель.

В 70-х и 80-х годах в странах Южной и Юго-Восточной Азии была проведена серия экспериментальных проектов по рационализации использования ирригационной сети. Опыт осуществления этих проектов показал, что совершенствование оросительной системы требует не только значительных дополнительных капиталовложений (изыскание которых при ограниченности ресурсов неизбежно требует сокращения ассигнований на новое ирригационное строительство в целях расширения территориальных границ интенсивного поливного земледелия), но и проведения социально-экономических преобразований. Малоземелье большинства крестьянских хозяйств, крайняя раздробленность землепользования, неравномерное распределение водных ресурсов среди различных категорий сельских производителей препятствуют эффективному использованию ирригационного потенциала. Для выделения площади под строительство отводных каналов, ликвидации чересполосицы и спрямления границ земельных участков необходимы мероприятия, затрагивающие отношения собственности на землю. Между тем правящие круги стран региона проявляют крайнюю сдержанность в области изменения земельного статус-кво в деревне.

Еще одна причина снижения эффективности действия ирригационной сети — деградационные процессы в окружающей среде в районах преобладания традиционного хозяйства. Усилившаяся здесь эрозия почв, как было отмечено выше, приводит к нарушению режима поверхностного стока и учащению наводнений. Увеличение потока твердых веществ в водостоках влечет за собой заиление водохранилищ. По этой причине, например, расчетная длительность работы недавно построенного в Пакистане водохранилища Мангла сократилась, по оценкам специалистов, со 100 лет до 75—55 лет. На Филиппинах сроки возможного использования оросительного комплекса Амбуклао сократились в два раза [30]. Растущее обезлесение территорий в районах распространения традиционного экстенсивного типа хозяйствования приводит к понижению уровня грунтовых вод. Сужается, следовательно, ресурсная база «малой» ирригации.

Проведение природовосстановительных мероприятий, включающих исследование экологических последствий сооружения ирригационных объектов, ограничение стихийного развития скважинной ирригации и сдерживание ухудшения состояния окружающей среды в районах традиционного сельского хозяйства, представляет собой, таким образом, необходимое условие дальнейшего развития «зеленой революции». Становится также ясно, что в районах с хрупкой гидрологической базой оказывается нецелесообразным поощрять расширение производства влагоемких продовольственных культур (каким, в частности, является рис).

К числу проблем долговременного характера, от решения которых зависят темпы и масштабы развития «зеленой революции», относится проблема условий растущей интеграции продовольственного сектора развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство. Хотя усилия по развитию промышленности, обслуживающей сельское хозяйство, дали свои положительные результаты, сохраняется зависимость стран региона от

импорта материально-вещественных элементов сельскохозяйственного производства. Более того, идет постоянное увеличение расходов на импорт агротехнических средств. Немаловажную роль в этом процессе играет деятельность ТНК, занимающих господствующее положение на мировом капиталистическом рынке средств сельскохозяйственного назначения. Деловая ограничительная практика монополий (картельный раздел рынков, блокировка на торгах и навязывание источников снабжения) приводит к удорожанию закупаемых развивающимися странами средств сельскохозяйственного производства. Складывается парадоксальная ситуация: «зеленая революция», призванная освободить развивающиеся страны от обременительных валютных расходов на импорт продовольствия, увеличивает давление на национальный фонд валютных ресурсов. Только во второй половине 70-х годов стоимость импорта удобрений, пестицидов, средств механизации и других агротехнических средств увеличилась в Индии в 2,5 раза, в Индонезии, Пакистане, на Филиппинах — более чем в 2 раза. Доля продовольствия в стоимости общего импорта страны сократилась в этот период в Бангладеш с 22,2 до 15,4%, а доля средств интенсификации сельскохозяйственного производства увеличилась с 3,7 до 7,6%. В Индии соответствующие показатели равнялись 10,7 и 4,1%; 5,1 и 7,3% [31].

Очевидно, что и в дальнейшем, придерживаясь нынешней технологической модели преобразования продовольственного сектора, страны Южной и Юго-Восточной Азии будут продолжать прибегать к ввозу из-за рубежа многих средств интенсификации, в том числе и таких, в производстве и торговле которых сильны позиции монополистического капитала. Кроме того, как показала практика, организация промышленности по выпуску агротехнических средств также не дает возможности преодолеть зависимость от мирового капиталистического рынка (необходимость импорта оборудования, ноу-хау, сырья). Развитие такой промышленности не всегда экономически целесообразно для многих развивающихся стран (встают проблемы емкости рынка сбыта, оптимального размера предприятий).

Что касается перестройки мирохозяйственных отношений в интересах развивающихся стран, то такие положения программы Нового мирового экономического порядка, как обеспечение стран, в наибольшей степени затронутых энергетическим кризисом, регулярными поставками энергоемких средств сельскохозяйственного производства, увеличение продаж удобрений и ядохимикатов на льготных условиях, в основном остались на бумаге.

В перспективе сохраняется вероятность периодического удорожания энергоемких средств производства. Свидетельство тому — новое повышение цен на нефть и нефтепродукты в самом конце 70-х годов. С помощью дополнительных субсидий, выделенных на проведение протекционистских мер из скудных

бюджетных ресурсов, и увеличения внутреннего производства агротехнических средств государство в странах Южной и Юго-Восточной Азии смогло смягчить влияние нового взлета цен на условия производства в продовольственном секторе. Это не означало, однако, что последствия второй волны энергетического кризиса были менее значительными и глубокими, чем последствия энергетического кризиса 1973—1975 гг. Дело в том, что повторный рост цен на энергоемкие производственные ресурсы произошел в период общего ухудшения внешнеэкономических условий развития народного хозяйства многих развивающихся стран. Депрессия в сфере внешней торговли, сокращение или сохранение на неизменном уровне объема иностранной помощи, увеличение процентных ставок на международном рынке капиталов и другие процессы свели на нет многие позитивные результаты экономических преобразований 70-х годов.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что с точки зрения сегодняшних производственных задач развития сельского хозяйства важен пересмотр технологических параметров современных систем земледелия, на основе которых осуществляется преобразование продовольственного сектора. При растущей сложности мобилизации водных ресурсов для нужд орошения перспективы развития сектора тесно связаны с разработкой и внедрением в практику современной технологии возделывания засухоустойчивых культур, с созданием высокопродуктивных систем богарного земледелия. Суходольное земледелие остается до сих пор за рамками экономического прогресса в сельском хозяйстве. Разрыв во времени между исчерпанием в ряде районов водных ресурсов и практическим внедрением новой технологии для засушливых районов в недалеком будущем может усилить напряженность ситуации. При увеличивающейся дестабилизации мирового капиталистического хозяйства все очевидней становится потребность развивающихся стран в таких системах хозяйствования, которые в меньшей степени зависят от факторов, находящихся вне сферы контроля государства, и которые базируются на оптимальном использовании местных ресурсов. Рост цен на энергоемкие средства производства стимулирует более широкую постановку вопроса о целесообразной энергоемкости сельскохозяйственного производства, подчеркивает необходимость развития систем хозяйствования, опирающихся на биологический круговорот веществ [32]. Усилению внимания к технологическим характеристикам действующей модели модернизации аграрного сектора способствуют также процессы социального порядка. Задача вовлечения в экономический прогресс более широкого контингента сельских производителей требует разработки современной агрикультуры, менее капиталоемкой (и, следовательно, предполагающей более широкое использование достижений НТР в области повышения эффективности фотосинтеза), нежели та, которая служит основой для интенсификации сельскохозяйственного производства в настоящее время.

Новые условия хозяйственной деятельности, сложившиеся в продовольственном секторе стран Южной и Юго-Восточной Азии в последние два десятилетия, способствовали переходу части зажиточных хозяйств к экономическим методам получения доходов, к увеличению вложения капитала на единицу площади. Между тем, как писал В. И. Ленин, «самое понятие: „добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала“ *предполагает* изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продуктов и пр. и пр.» [33]. Такой качественно новой формой инвестиционного процесса, изменяющего способ производства продовольственной продукции, и явилось становление интенсивной технологии возделывания зерновых на основе применения высокоурожайных сортов; внедрение этой технологии дало импульс к преобразованию материально-технической базы наиболее крупных, состоятельных хозяйств деревни стран региона. Что касается менее имущих сельских производителей, то в своей основной массе они остались за пределами экономического прогресса, наблюдаемого в продовольственном секторе стран Южной и Юго-Восточной Азии. Таков был итог первых этапов «зеленой революции».

Очаговый характер «зеленой революции» был вполне предсказуем. Трудно было ожидать, что внедрение современной технологии, не сопровождаемое существенными сдвигами в отношениях собственности на основные средства сельскохозяйственного производства, может вывести за рамки традиционного сектора более или менее значительное число сельских производителей. Бедность подавляющей массы крестьянства, глубокое имущественное и социальное неравенство при наличии экономически сильной и политически влиятельной эксплуататорской прослойки деревни с самого начала поставили узкие социальные рамки для технологических преобразований в продовольственном секторе.

Во-первых, при постоянном изъятии через рынок, аренду, платежи по ростовщическому кредиту значительной части потенциального фонда накопления малоземельного сельского производителя крайне трудно преодолеть «инвестиционный барьер», связанный с освоением новой системы земледелия [34]. А. П. Колонтаев приводит следующие данные по Индии о росте производственных расходов при переходе от традиционной агротехники производства к современному интенсивному земледелию: при возделывании риса затраты на семена и удобрения увеличиваются почти в 3 раза, на ирригацию — в 2 раза. Общий размер затрат в расчете на единицу площади увеличивается более чем в 2 раза. При производстве пшеницы общий размер затрат возрастает более чем в 7 раз (расходы на семена, удобрения — более чем в 10 раз, на ирригацию — почти в 5 раз) [35]. Эти данные характеризуют положение, сложившееся в первые годы развития «зеленой революции».

Во-вторых, действуя индивидуально, на свой страх, мелкий сельский производитель не в состоянии уменьшить возникающий при переходе к новой системе земледелия экономический риск, вызванный ростом зависимости его хозяйства от факторов, находящихся вне сферы его контроля (доступность новых средств сельскохозяйственного производства, динамика цен мирового капиталистического рынка на эти средства производства и др.). Именно поэтому, как показывает практика осуществления в странах Южной и Юго-Восточной Азии программ интенсификации зернового хозяйства, даже имея возможность получить от государства кредиты и современные производственные ресурсы по субсидированным ценам, малоимущие крестьяне отказываются от применения более прогрессивных средств и методов производства, если им не гарантируется сохранение доходов при неурожае.

Неустойчивость ресурсной базы новой агрикультуры тормозит переход к ней не только малоземельных хозяйств, едва обеспечивающих свои продовольственные потребности, но и многих мелких предпринимательских хозяйств, поскольку стабильность производства имеет для них жизненно важное значение. Периодические ухудшения условий хозяйствования могут преодолевать только достаточно крепкие предприниматели, и то нередко лишь при поддержке со стороны государства [36].

В-третьих, верхушка товаропроизводителей обеспечивает себе преимущественный доступ к ключевым средствам новой агрикультуры (предметы овеществленного труда, из природных ресурсов — вода). Это происходит и в том случае, когда распределение средств интенсификации осуществляется по государственным каналам. Социально доминирующая группа крупных землевладельцев, превращающихся в предпринимателей и кулаков, использует все свое экономическое и политическое могущество, чтобы не допустить «просачивания» вниз по социальной лестнице предоставляемых государством выгод.

В зависимости от конкретных обстоятельств, характерных для тех или иных районов «зеленой революции», круг хозяйств, вовлекаемых в процесс технологической модернизации продовольственного сектора, бывает разным — и по составу, и по величине. Этот круг обычно шире там, где выше доля относительно крепких хозяйств и социальное размежевание между группами хозяйств выражено менее явно, где более развита инфраструктура сельского хозяйства, налажена система государственных и кооперативных поставок средств интенсификации, а мелкие хозяйства имеют более широкие возможности получать кредиты из институционных источников. Расширению этого круга в ряде случаев способствуют и определенные техни-

ко-экономические мероприятия государства. В ряде районов «зеленой революции» некоторую роль в увеличении числа хозяйств, вовлеченных в процесс технологической модернизации, сыграли разработки в области усовершенствованных средств производства, применение которых экономически оправдано в рамках небольших по площади и финансовым возможностям хозяйств. В частности, земледельцы активно приспосабливают внедряемую «сверху» технологию к своеобразным местным условиям, и к настоящему времени уже достигнуты определенные успехи в «подгонке» достижений НТР к специфике отсталых аграрных районов развивающихся стран региона.

Иллюстрацией этого положения служит изобретение и внедрение в практику новых удешевленных средств орошения: бамбуковых трубчатых колодцев; переносных насосов, с помощью которых обычно добывается питьевая вода; небольших ветряных ирригационных установок. Эти изобретения позволяют снизить расходы на обеспечение регулируемого водопотребления, необходимого для реализации потенциала урожайности новой технологии. Широко применяются также улучшенные сорта продовольственных культур, выведенные эмпирическим путем на основе селекционированных на научных станциях гибридных сортов. Улучшенные сорта отличаются достаточно высокой урожайностью и одновременно хорошо соответствуют особенностям конкретных природных условий [37].

Подобные технико-экономические преобразования в традиционных подразделениях земледельческого хозяйства позволяют экономить дефицитные производственные ресурсы, в какой-то степени ослабляя зависимость крестьянского хозяйства от процессов, происходящих за его рамками.

Последние этапы «зеленой революции» показали, что в центрах ее развития не только относительно крупные, но и значительная часть менее зажиточных хозяйств непосредственных производителей перешли к широкому использованию минеральных удобрений, высокосортных семян, к применению новых методов обработки почвы и т. д. Однако если в первой группе хозяйств все эти современные средства производства применяются одновременно, в сбалансированном соотношении, новая агрикультура представлена в довольно полном объеме, то во второй группе используются лишь отдельные ее компоненты [38]. Если в хозяйствах сельской буржуазии идет постоянное насыщение их современными агротехническими средствами, то в менее состоятельных, малоземельных хозяйствах при ухудшении условий воспроизводства (падение рыночных цен, ослабление государственной поддержки и др.) происходит сокращение масштабов применения современных производственных ресурсов и даже возврат к традиционным средствам и методам хозяйствования.

Признавая необходимость для развивающихся стран многовариантного пути приобщения различных категорий хозяйств к

технологической модернизации, нельзя не обратить внимание на ряд негативных сторон некомплексного применения современных средств и методов производства в группе мелких хозяйств. Так, малоземельный крестьянин нередко переходит к использованию отдельных средств интенсификации, поскольку ему трудно отказаться от предоставляемых государством льгот (субсидий, порой бесплатного распределения некоторых производственных ресурсов, различного рода услуг). Между тем его финансовых возможностей не хватает для обеспечения всего технологического комплекса, а государство не в состоянии полностью покрыть производственные потребности массы крестьянских хозяйств. Происходит, следовательно, растрата дефицитных национальных ресурсов, поскольку, как справедливо отмечает Н. П. Гусаков, «экономическая эффективность интенсификации в конечном счете определяется фактором, находящимся в минимуме» [39]. Кроме того, при отсутствии в нужном количестве всех средств производства — составляющих новой агрикультуры — прирост урожайности продовольственных культур нередко достигается за счет чреватого экологическими нарушениями чрезмерно интенсивного использования природного потенциала [40].

Таким образом, кулацкие хозяйства пользуются не только преимуществами, обусловленными возможностями более значительных вложений в средства новой агрикультуры и более комплексным их применением (что повышает общую отдачу от используемых средств интенсификации), но и преимуществами, вытекающими из более рационального использования природных ресурсов. Малоимущие хозяйства, не способные обеспечить сбалансированное применение средств интенсификации, могут получить краткосрочные выгоды от частичного приобщения к «зеленой революции», но терпят ущерб в долгосрочном плане.

Сельская буржуазия имеет также возможность эффективнее использовать современные средства производства благодаря более крупным размерам земельных наделов, имеющихся в их распоряжении. Конечно, с развитием капиталоемкого земледелия размер хозяйства все более определяется не площадью землепользования, а неприродными элементами производительных сил. Тем не менее сохраняются преимущества более крупных по площади хозяйств в области организации производства, концентрации производственных ресурсов. Стратегами «зеленой революции» активно пропагандировалась такая черта новой технологии, как равная выгодность от применения в любых по площади хозяйствах. Между тем при малоземелье снижаются выгоды даже от использования биолого-химических инвестиций. Так, при орошении минеральные удобрения вымываются с небольшого участка, и, если в соседних хозяйствах не применяется это средство повышения урожайности, снижается отдача от его использования. Вовсе бессмысленна борьба с вредителями и сорняками с помощью ядохимикатов, если она ограничена рам-

ками одного небольшого по площади хозяйства. При малоземелье, раздробленности землепользования трудно осуществимо также регулирование водопотребления на полях. Современные же средства подъемного орошения эффективно могут использоваться только достаточно крупными земельными собственниками и арендаторами. Мелкие хозяйства вынуждены покупать воду у зажиточных односельчан, причем, как правило, после орошения последними своего поля. В результате не обеспечивается необходимая своевременность и качество полива.

Активное внедрение средств механизации в группе кулацких хозяйств, начавшееся со второй половины 70-х годов, дает новые импульсы процессам дифференциации сельскохозяйственных производителей. Если учесть остроту энергетического кризиса, наблюдаемого в традиционных подразделениях аграрной экономики, становится ясно, что применение сельскохозяйственных машин, заменяющих тягловый скот во время пахотных и уборочных работ, несет предпринимательским хозяйствам весьма ощутимые выгоды. Относительное аграрное перенаселение, безусловно, сдерживает рост применения трудосберегающей техники. Однако, как и в других сферах экономической деятельности, развитие производительных сил в сельском хозяйстве приводит к возникновению технологических процессов, осуществимых только с помощью машин, которые не могут быть заменены использованием большей массой ручного труда. По мере разработки и внедрения таких машин, отвечающих особенностям разнообразных конкретных условий развивающихся стран региона, все больше будут выявляться преимущества хозяйств, располагающих относительно крупными земельными участками, которые позволяют применять технику наиболее эффективно.

Проигрыш в эффективности использования производственных ресурсов обусловливает все более явное отставание мелких хозяйств от относительно более крупных в усвоении современных методов производства продовольственных культур. За счет большей массы трудовых затрат малоземельный сельский производитель может временно сохранить за собой превышение в выходе сельскохозяйственной продукции на единицу площади по сравнению с крупным землевладельцем-предпринимателем, но все более уступает ему в производительности труда. Кроме того, попытки приобщиться к нововведениям часто означают для малоимущего владельца мелкого хозяйства известную потерю самостоятельности. Мелкий товаропроизводитель вынужден прибегать к «услугам» крепких хозяйств — арендовать у них средства механизации, современные ирригационные установки, порой покупать у этих хозяйств высокосортные семена, удобрения. Таким образом, предпринимательская верхушка приобретает дополнительные рычаги власти в деревне, новые источники получения доходов. Сдача в аренду современных средств производства за высокую плату, ростовщичество на основе использования полученных от государства кредитов, перепродажа ве-

щественных элементов производства — такая деятельность характерна для многих «прогрессивных» фермеров. Для мелких же товаропроизводителей попытки модернизировать техническую базу своих хозяйств нередко влекут за собой умножение источников экономической зависимости от предпринимательской верхушки деревни, потерю части дохода в ее пользу.

Таким образом, менее состоятельной части крестьянских хозяйств — агентов «зеленой революции» приходится платить высокую цену за участие в экономическом прогрессе, что служит объективной основой их отставания от зажиточных предпринимательских хозяйств, развитие которых и определяет решение проблемы товарного продовольствия в развивающихся странах региона. Еще больший разрыв наблюдается между основными носителями «зеленой революции» и огромной массой тех хозяйств, которые остались и остаются за рамками ее действия. Причем многим сельским производителям «зеленая революция» принесла прямое ухудшение их материального и социального положения. Ростом арендной платы, ухудшением условий аренды ознаменовались уже первые шаги «зеленой революции». Широкие масштабы приобрело вытеснение крестьян с земли, вызванное переходом ряда групп крупных землевладельцев к самостоятельному ведению хозяйства [41]. «Зеленая революция» оказала также разрушительное воздействие на традиционные институты социальных гарантий [42]. Малоимущие слои деревни лишаются последних источников средств к существованию и в результате усиливающейся ломки системы традиционных трудовых отношений, которые заменяются на новые отношения, подчиненные задаче извлечения максимальной прибыли [43]. На продовольственном положении бедной части населения деревни отрицательно сказывается также растущее загрязнение окружающей среды, вызванное ростом применения токсических продуктов (минеральные удобрения, ядохимикаты) [44].

В дальнейшем обострение социальных проблем в ходе процессов интенсификации земледелия, по всей видимости, будет вынуждать государство в странах Южной и Юго-Восточной Азии принимать меры по преодолению отрицательных последствий «зеленой революции». Упор при этом будет делаться на расширение финансовой поддержки части мелких хозяйств и на разработку новых подходов к технико-экономическим преобразованиям (распространение агрикультуры, рентабельной в малоземельном хозяйстве и соответствующей его ресурсному потенциалу). Очевидно, что увеличение потока финансовых средств, направляемых в наиболее отсталые подразделения продовольственного сектора, и модификация технико-экономических подходов к его преобразованию — необходимое, но далеко не достаточное условие перехода широкой массы крестьянских хозяйств к современным средствам и методам производства. Вовлечение в процесс модернизации мелких производителей продовольствия требует прежде всего изменения социаль-

ных условий их деятельности. Причем при переходе от экстенсивных к интенсивным системам производства остро встает проблема обеспечения крестьян не только природными ресурсами производства (земля, вода), но и современными средствами производства.

Учитывая же дефицит материальных и финансовых ресурсов, растущую экономическую силу и политическое влияние обуржуазивающейся деревенской верхушки, можно предположить, что государство в странах региона будет по-прежнему поддерживать развитие в первую очередь крупных предпринимательских хозяйств в ущерб мелким, осуществлять политику «опоры на сильных», которая препятствует созданию прочной массовой базы производства, способной обеспечить в необходимом объеме поставки основной продовольственной продукции.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕНСИВНОГО ХОЗЯЙСТВА

Развитие интенсивного земледелия в его капиталистической форме есть многогранный процесс, оказывающий воздействие на различные сферы жизни общества. Сила его общественного влияния определяется в каждый данный исторический момент и достигнутой степенью зрелости самого процесса, и масштабами его пространственного распространения. Для ознакомления с этим спектром взаимосвязанных проблем воспользуемся материалами по одному-единственному району развивающегося интенсивного земледелия — индийскому штату Пенджаб.

Выбор Пенджаба не является, конечно, случайностью. Это ныне самый развитый во всем развивающемся регионе Южной и Юго-Восточной Азии район капиталистического интенсивного земледелия, ушедший по пути складывания технологически современного земледельческого производства значительно дальше, чем подавляющая часть других территорий региона, переживающих «зеленую революцию». К этому можно добавить обеспеченность первоклассным статистическим материалом (например, по некоторым передовым округам Пенджаба имеются сопоставимые в историческом плане подробные данные о бюджетах и производственных ресурсах хозяйств, относящихся к различным социальным группам).

Пенджабский материал позволяет проследить социально-экономический процесс параллельно сразу на нескольких его «этажах»: 1) микроуровень — становление интенсивной формы капиталистического производства на развалинах традиционной экономики непосредственно в самом хозяйстве; 2) средний уровень — динамику социальных издержек капиталистической интенсификации земледелия в пределах самого района; 3) макроуровень — нарастающее влияние района интенсивного хозяйства на общенациональную систему продовольственного обеспечения (в особенности на товарный зерновой баланс).

Более того, будучи сопоставлен с развитыми системами интенсивного капиталистического хозяйства других районов развивающегося мира — за пределами Азии, пенджабский феномен позволяет полнее оценить возможные направления изменений нынешних параметров такого хозяйства в самой Азии и соответственно мысленно увидеть то, что пока скрывается за горизонтом.

Приступим теперь к разбору показателей, касающихся экономики пенджабских хозяйств [45], сосредоточив внимание на процессах их перехода от традиционной формы производства к капиталистической интенсивной форме.

Оснащенность земледельческих хозяйств средствами производства. В середине 50-х годов земледелие Пенджаба отличалось интенсивным водопользованием — орошалось тогда 40—45% всей обрабатываемой площади, при этом выделялись районы, где под поливом находилась значительно большая часть площади (к числу таких относятся и рассматриваемые здесь пенджабские округа, где орошалось 68—74% возделываемой площади, табл. 18). Решающую роль в развитии поливного земледелия играла система крупных ирригационных сооружений, обеспечивавшая устойчивый полив (по масштабам распространения таких систем штат не знал себе равных в Индии).

Современные же орудия труда использовались в ничтожной степени. Даже в наиболее развитых районах (см. табл. 18) такие орудия обычно представляли собой улучшенные варианты традиционных орудий труда. Иначе говоря, применяемые средства производства адекватно соответствовали традиционному экстенсивному типу хозяйствования.

Более того, имевшийся весьма скудный фонд улучшенного инвентаря был распределен с большим преимуществом в пользу мелких по землепользованию хозяйств: последние в расчете на единицу площади имели такого инвентаря в 3—5 раз больше, чем крупные по размерам землепользования хозяйства (см. табл. 18).

Можно сказать, что группа таких «крупных» землепользователей воплощала тип экстенсивного хозяйствования даже еще более выпукло, чем группы мелких и мельчайших земледельцев. Обратная зависимость между величиной земельного участка и величиной производственных инвестиций на каждую единицу его площади составляла (и составляет) важнейший признак (причем отнюдь не только в Пенджабе) традиционной экономики.

Ситуация радикально изменилась 15 лет спустя — к началу 70-х годов. В районе заметно увеличился удельный вес поливных земель (до 78% всего пахотного клина в 1978—1979 гг.) [46]. Особенно значительно он вырос в более крупных по размерам обрабатываемой площади хозяйствах. Качественно изменились и количественно многократно возросли инвестиции в средства производства. В современный инвентарь, например, крупные хо-

зяйства в расчете на гектар пашни вкладывают средств в 70—110 раз (при учете роста индекса цен за период — примерно в 35—55 раз) больше, чем в середине 50-х годов. Более того, этот показатель у них в 2—4 раза превосходит таковой в группе мелких хозяйств. Аналогичные межвременные и межгрупповые различия мы наблюдаем и в использовании такого важного элемента новой агрикультуры, как удобрения (см. табл. 18). Закономерностью, таким образом, становится следующее: чем крупнее хозяйство, тем полнее оно демонстрирует признаки современной интенсивной агрикультуры, занимая место лидера индустриального прогресса в земледелии.

Земледелие стало и более трудоемким: к началу 70-х годов в нем использовалось в расчете на гектар пашни живого труда на 64—70% больше, чем 15 годами ранее (см. табл. 18). Тем самым «зеленая революция» в Пенджабе наглядно подтвердила тот установленный наукой факт (и сама дала материал для этого), что на своей первой стадии, характеризующейся переворотом в продуктивности земли (но не в системе факторов, определяющих экономию труда), она активно способствует притягиванию в процесс производства новых масс рабочей силы. В какой же социальной форме эта новая рабочая сила выступает?

Имеющиеся материалы дают возможность довольно точно ответить на этот вопрос. Они свидетельствуют о коренном изменении зависимости воспроизводственного процесса в различных (сопоставимых) группах хозяйств от использования чужого труда, в подавляющей своей массе выступающего в Пенджабе (особенно с начала «зеленой революции») в качестве наемного труда капиталистического типа.

Наемный труд. В середине 50-х годов труд работников, привлекаемых в хозяйство со стороны на условиях свободного или кабального найма, составлял менее пятой части всего используемого в земледелии живого труда (см. табл. 18), и даже в верхней группе хозяйств на чужой труд приходилась всего треть величины затрат живого труда (в нижних группах этот показатель был весьма незначителен). Но через 15 лет удельный вес чужого труда в общей сумме затрат живого труда в земледельческой отрасли хозяйства достиг почти одной второй, при этом у верхних групп производителей он составлял уже три пятых—три четвертых общей величины используемого ими живого труда (см. табл. 18). Показатели структуры прироста затрат (в расчете на гектар) живого труда дают еще более впечатляющую картину социальной динамики в земледелии: они свидетельствуют, что при весьма крупном увеличении этих затрат главная масса (77—93%) их прироста приходилась на чужой (в основном капиталистический наемный) труд. Земледелие Пенджаба (по меньшей мере его районов, втянутых в процесс «зеленой революции») сделало крупнейший шаг на пути своей капиталистической трансформации.

Характерна и такая деталь: практически почти весь прирост производства (а он был, как увидим несколько ниже, весьма значительным) происходил на основе вовлечения в процесс производства новых многочисленных контингентов наемных работников. В эволюции пенджабского земледелия ярко проявилась закономерность, которую В. И. Ленин сформулировал следующим образом: «...переход к эксплуатации наемных рабочих обусловливается не только расширением площади хозяйства при старой технической основе его, — так бывает только при экстенсивном, примитивном хозяйстве,— но и повышением данной техники, превращением ее из старой в новую, приложением к той же площади земли добавочного капитала в виде, например, новых машин или искусственных удобрений или увеличения и улучшения скота и т. д.» [47].

Новые контингенты наемных работников формировались из разоряемых групп мелкособственнического местного населения, прежде всего крестьян и ремесленников [48]. В результате за период с середины 60-х до середины 70-х годов при общем увеличении числа дворов сельского населения на 20% число дворов сельских рабочих возросло на 49%. И если в 1964/65 г. их удельный вес составлял 17,4% в общем числе сельских дворов, то в 1974/75 г.— уже 21,2%, подавляющая их часть (73,5%) приходилась на дворы сельскохозяйственных рабочих. Существенно возросла и абсолютная численность данного главного отряда сельского пролетариата — с 654 тыс. в 1964/65 г. до 913 тыс. в 1974/75 г. (оба показателя включают цифры и по штату Хариана, выделенного из Пенджаба в 1966 г.; собственная доля Пенджаба — 701 тыс.), или на 39,6% [49].

Процессы изменения социальной структуры сельского населения, обусловленные развитием капитализма, активно происходили в Пенджабе и в последующие годы. По данным переписей населения, с 1971 по 1981 г. удельный вес лиц, работающих по найму в сельском хозяйстве, увеличился с 20 до 23%, в то же время доля лиц, основной доход получающих от ведения своего хозяйства, сократилась с 43 до 36% (1961 г. — 50%) [50].

Тем не менее собственной рабочей силы Пенджабу уже не хватает. В периоды напряженных полевых работ он притягивает большие массы сельскохозяйственных рабочих из других районов страны. В конце 70-х годов, по разным оценкам, на полях штата работало от 100—150 тыс. до 220 тыс. рабочих-мигрантов, выходцев главным образом из отсталых районов Уттар-Прадеша, Бихара, Ориссы (последняя цифра эквивалентна 8% рабочей силы штата) [51]. В целом рабочие-мигранты составляли примерно пятую часть всех наемных рабочих, используемых в сельском хозяйстве штата.

Производительность труда. В этом важнейшем показателе отражена мера экономической эффективности производства. Исчисленный в одних и тех же единицах, этот показатель позволяет проводить сравнения как ситуаций, относящихся к различ-

ным историческим периодам, так и различных производящих объектов (например, групп хозяйств) в пределах одного данного периода [52].

В середине 50-х годов не наблюдалось межгрупповых различий в производительности труда при производстве всех земледельческих культур, или даже показатели производительности у «крупных» землепользователей выглядели хуже, чем у мелких (о причинах этого было сказано раньше). Некоторые преимущества крупные хозяйства имели в производстве основной зерновой культуры (наряду с хлопчатником) на поливной земле (см. натуральные показатели в табл. 18), но они обусловливались лишь большей концентрацией ресурсов на производстве этой культуры, в ущерб производству других культур. Сравнение всего ряда показателей производительности труда в указанные годы с очевидностью это подтверждает (ср. показатели общей производительности труда в земледелии и производительности труда в пшеницепроизводящем подразделении хозяйства в табл. 18).

Сама же производительность труда была крайне низкой. На производство одной тонны пшеницы затрачивалось около 500 часов, т. е. количество живого труда, характеризующее экстенсивный тип хозяйствования в рамках именно традиционной экономики (от 300 до 1000 человек-час на тонну зерновой продукции). При такой форме производства подавляющая часть воспроизводимого продукта нормально должна идти на возмещение затрат живого труда. Это мы и видим в рассматриваемом здесь Фирозпуре, где в 1954/55—1956/57 гг. на регулируемые рынки для последующего вывоза в другие районы страны и собственно пенджабские города было отправлено 18,8% валового сбора пшеницы [53], остальная его часть была потреблена в деревнях округа. Этот показатель также полностью согласуется с признаками традиционной экономики на ее начальных этапах превращения в товарное хозяйство.

С началом эпохи «зеленой революции» ситуация изменяется. В происшедших к началу 70-х годов сдвигах можно выделить два характерных момента. Во-первых, существенно повысилась средняя производительность труда в зернопроизводящем хозяйстве: теперь на производство тонны пшеницы затрачивается 227 часов, или в 2—2,2 раза меньше, чем в середине 50-х годов. Это пока весьма большая величина, но нужно помнить, что, как и повсюду в развивающихся странах Востока, в Индии, в частности в Пенджабе, «зеленая революция» начиналась с так называемого «биологического» этапа интенсификации производства, при котором ведущую роль в преобразовании производительных сил земледелия играло внедрение комплексов средств производства, предполагающих трудоемкие технологические процессы. Трудосберегающая стадия в развитии интенсивного земледелия формируется в этих странах позже: в Пенджабе, самом развитом в Индии районе «зеленой революции», ее контуры стали прорисовываться примерно со второй половины 70-х годов. Нижеследующие показатели прироста тракторного парка в Пенджабе дают некоторое представление об этом процессе [54] (показатель 1961 г., включая штат Хариана, выделенный из Пенджаба в 1966 г.), тыс. штук:

1961 г.	1966 г.	1972 г.	1977 г.	1979/80 г.	1981 г.
7,9	10,6	42	57	105	125

В результате рывка (особенно сильного начиная с последней трети 70-х годов) в развитии механизированного хозяйства [55] Пенджаб (вместе со штатом Хариана) прочно занял место лидера нарождающегося промышленного переворота в зонах «зеленой революции». К началу 80-х годов в Пенджабе один трактор приходился на 63 га посевной площади и 40 га — обрабатываемой (против среднеиндийского показателя — 473 га). При этом штат, располагая 3,8% посевной площади страны (1978/79 г.), концентрировал 21% тракторного парка (1977 г.) (соответствующие показатели для штата Хариана — 3,1 и 12,6%) [56]. Если учесть, что за 70-е — начало 80-х годов возросло применение и более простых орудий, способных сберечь живой труд (например, число молотилок увеличилось в Пенджабе с 55 тыс. в 1967 г. до 230 тыс. в 1981 г.), то с еще большим основанием можно заключить, что к концу 70-х годов сравнительно вялые темпы роста производительности труда в пенджабском земледелии сменились существенно более высокими (напомним, что этот процесс стал происходить при общем замедлении роста продуктивности земли).

Во-вторых, заметным увеличением производительности труда по сравнению с ситуацией середины 50-х годов отличаются все без исключения сопоставимые по размерам обрабатываемой площади группы хозяйств (рост в 1,5—2,5 раза и более), но при этом системой показателей, касающихся рубежа 60—70-х годов, четко выявляется закономерность: производительность труда в хозяйстве тем выше, чем лучше оно оснащено современными средствами производства. Наибольшей производительностью труда обладает верхняя группа хозяйств, в заметно большей степени, чем нижние их группы, продвинувшаяся к рубежам новой системы производительных сил в земледелии. И хотя отрыв этой группы по данному показателю экономической эффективности от нижних групп был к началу 70-х годов сравнительно незначительным (хозяйства из верхней группы затрачивали 198 часов на производство тонны пшеницы, в то время как хозяйства из нижних групп — 293—305 часов), он имел уже качественно иную, чем при традиционной экономике, основу — углубляющиеся различия в применяемом овеществленном труде. Такие различия, как известно, и приводят в движение механизм закона преимущества крупного производства перед мелким. С начальным этапом становления этого закона мы и имеем дело в Пенджабе 70-х — начала 80-х годов.

Главным непосредственным результатом увеличения производительной силы труда в пенджабском земледелии было образование материальных предпосылок для резкого повышения товарности производства; на рынок пошел продукт, который ранее, при традиционной системе хозяйствования, должен был идти на возмещение затрат живого труда, а существенное увеличение продуктивности земли обеспечивало и большой рост самой массы товарного продукта. О том, какую роль оба эти фактора сыграли в товарном зерновом балансе стран, переживающих «зеленую революцию», мы расскажем немного позже, здесь же уместно упомянуть о том, что с началом «зеленой революции» изменения в масштабах рыночных связей у всех групп хозяйств произошли весьма крупные: на рубеже 70-х годов половина всех производственных расходов у них была оплачена деньгами (у крайних групп этот показатель повышается — табл. 19, — это является типичным как раз для экономики товарного хозяйства на ее стадии перехода к капиталистическому производству); о том, что эти изменения обусловлены именно становлением новой агрикультуры, наглядно свидетельствуют также такие показатели: при возделывании ВУС пшеницы удельный вес денежных расходов в общей сумме производственных расходов был почти в 1,5 раза выше, чем при возделывании обычных ее сортов (см. табл. 19).

Не менее разительные изменения произошли в продуктивности земли. Переход к новой агрикультуре ознаменовался скачкообразным ростом урожайности. Средняя урожайность культуры, оказавшейся в орбите влияния «зеленой революции» в первую очередь, — пшеницы — за весьма короткий период поднялась до величины, невиданной в Южной и Юго-Восточной Азии: в рассматриваемом районе Пенджаба она выросла с 10—11 до 24 ц/га, или в 2—2,5 раза (см. табл. 18), причем главная часть прироста приходилась на вторую половину 60-х годов, когда «зеленая революция» бурно набирала силу и размах (в 1964/65 г. урожайность пшеницы в Пенджабе составляла всего 13 ц/га). В 70-х же годах с помощью новой агрикультуры уже не удавалось обеспечить столь обильный прирост урожайности — последняя составляла лишь 25 ц/га в 1977/78 г. и 28 ц/га в 1981/82 г. [57].

В обоих сравниваемых периодах крупные по земельной площади хозяйства несколько превосходили мелкие по показателю урожайности (см. табл. 18). Но если раньше, при традиционной агрикультуре, такой результат был следствием большей концентрации ресурсов экстенсивного типа (живой труд при системе поливного земледелия) на производстве главного продукта, в ущерб развитию других отраслей хозяйства, то теперь данный результат достигается лучшей оснащенностью крупного хозяйства современными средствами производства, его техническим превосходством над мелким. Формирование качественно нового механизма, задающего параметры плодородия почвы

(который реализуется земледельческим капиталом в свою пользу), и образует определяющий технологический признак «зеленой революции», который наиболее ярко проявляется как раз на ее «биологическом» этапе.

В какой же степени и в каком направлении изменяются общегрупповые показатели продуктивности в расчете на гектар используемой в хозяйстве пахотной площади? Сравнение показателей данного ряда позволяет нам достаточно точно установить, насколько преодолен на основе новой агрикультуры «врожденный порок» традиционной системы хозяйства, который можно было бы определить следующим образом: чем крупнее по используемой площади хозяйство, тем ниже его показатели выхода продукции на единицу площади — при производительности труда, примерно равной или даже более низкой, чем в мелком по площади хозяйстве, принадлежащем мелкому же земельному собственнику. В рассматриваемом нами районе мелкие хозяева с каждого гектара пашни получили растениеводческой продукции на 40—60% больше, чем богатые (см. табл. 18). Образуется такой разрыв в продуктивности в результате того, что мелкие производители гораздо полнее используют имеющиеся у них природные ресурсы производства (так, они чаще занимают хозяйственную площадь под двойные посевы); к этому их подстегивает и накапливающееся в мелком традиционном хозяйстве относительное перенаселение и вытекающая отсюда нужда и потребность взять от земли максимально возможное количество ее плодов.

Другая причина различий в продуктивности — воспроизводимая в традиционной экономике система внеэкономического принуждения, подавляющая стимулы к увеличению хозяйственного дохода экономическими методами; в результате крупное по площади хозяйство, использующее чужой труд на кабальных условиях, обычно ведется хуже и получает с единицы площади валового продукта меньше, чем более мелкое хозяйство, семейные работники которого собственным трудом участвуют в процессе производства [58].

«Отставание» крупного по площади хозяйства от мелкого по продуктивности земли — закон традиционной сферы отнюдь не одного лишь Пенджаба. По свидетельству Комитета Экономического и социального совета ООН по планированию развития, такого рода явления к началу 70-х годов «были обнаружены во многих странах; тем не менее существующие системы землевладения и риск, связанный со сдачей земли в аренду, с одной стороны, и снятием ее в аренду — с другой, выступают в качестве факторов, способствующих сохранению крупных по площади хозяйств; в результате земля не используется с нужной интенсивностью, в то время как трудовые ресурсы мелкого хозяйства заняты в производстве лишь частично» [59]. Закономерно, что громадное преимущество, которым обладает мелкое хозяйство (земля под которым принадлежит его владельцу) по

сравнению с крупным в реализации производительной силы земли при традиционных (экстенсивных) формах производства, всегда было и остается одним из основных экономических аргументов в пользу раздробления крупного землевладения и передачи земли в руки крестьян — непосредственных производителей.

С наступлением эпохи «зеленой революции» ситуация начинает радикально изменяться. Внедрение в производство интенсивных технологий, которые с максимальной полнотой используются как раз крупными по площади (обычно наиболее богатыми и располагающими значительными денежными ресурсами) хозяйствами, вызвало к жизни принципиально новые межгрупповые соотношения в динамике роста продуктивности земли. Крупное (богатое) хозяйство стало опережать по показателю темпов такого роста мелкое (бедное) хозяйство. В результате к концу 60-х годов в районах «зеленой революции» Пенджаба стало намечаться «выравнивание» общегрупповых показателей погектарной продуктивности (см. табл. 18). Тенденция к такому «выравниванию» в развитых сельскохозяйственных районах продолжалась и в 70-х годах; для земледелия же менее развитых районов (пока в той или иной степени связанных с традиционной агрикультурой) оставалась характерной отмеченная ранее обратная зависимость между размером хозяйственной площади и продуктивностью земли. Так, выборочное обследование, проведенное в 1975/76—1977/78 гг. в нескольких разных по уровню развития округах этого штата Индии, выявило следующие различия между группами хозяйств по продуктивности земли (валовой продукт с га пашни в среднем за трехлетие, тыс. рупий) [60]:

Районы — лидеры «зеленой революции»:	Мелкие	Средние	Крупные	Всего
Амритсар	4,8	5,3	5,0	5,0
Лудхияна	4,9	4,9	5,1	5,0
менее развитые районы:				
Дасья	4,2	3,9	3,7	3,9
Анандпур Сахиб . . .	2,3	2,0	1,9	2,0

Лишь в начале 80-х годов начинают формироваться в Пенджабе районы (это его центральные округа), где продуктивность каждого гектара пашни в крупных (капиталистических) хозяйствах уже устойчиво превосходит таковую в мелких хозяйствах [61].

Для того чтобы добиться такого перелома, крупным землевладельцам — предпринимателям штата — лидера «зеленой революции» во всей Южной и Юго-Восточной Азии понадобилось примерно 15 лет. И лишь с этого момента в основном завершается формирование целостности признаков, адекватных капиталистическому хозяйству интенсивного типа, — постепенное становление трудосберегающей стадии производства при опережающем росте продуктивности земли и существенном

превышении ее абсолютной величины в крупном хозяйстве по сравнению с аналогичными показателями в мелком хозяйстве. На подавляющей же части территории региона, охваченной «зеленой революцией», крупное по площади хозяйство пока, по-видимому, только подтягивается по уровню продуктивности к мелкому.

Сравнительный анализ стадий и социальных последствий развития капиталистического интенсивного хозяйства. Рассмотренный феномен Пенджаба (Индия) лишь начальная веха на пути становления интенсивного производства в его капиталистической форме. В своем дальнейшем течении «технологическая революция» в крупном хозяйстве, властно вторгаясь на все новые участки экономического пространства, во все более широких масштабах трансформирует условия производительной деятельности у большой массы трудящегося населения. Зрелый этап такого типа развития (своего рода «прообраз будущего» Пенджаба и других районов Азии с формирующимся капиталистическим земледелием) демонстрирует северо-западный экономический район Мексики (а в нем прежде всего штат Сонора), страны, втянувшейся в «зеленую революцию» 20 годами ранее стран Южной и Юго-Восточной Азии.

За два десятилетия (1950—1970) в земледелии района произошел подлинный промышленный переворот, опирающийся на достижения НТР (в том числе в биологии, в частности генетике). Урожайность пшеницы в штате Сонора возросла с 16 ц/га в 1950/51 г. до 46 ц/га в конце 60-х годов (первые годы старта «зеленой революции» в Пенджабе), т. е. один лишь прирост урожайности за сопоставимый период в два раза превосходил таковой в технологически самом развитом в Южной и Юго-Восточной Азии районе интенсивного земледелия. Столь впечатляющий рост продуктивности земледелия сопровождался радикальными сокращениями затрат живого труда. К началу 70-х годов бурно развивавшаяся механизация низвела потребности хозяйства в живом труде до 6 человеко-дней на гектар обрабатываемой площади. Капиталистическое производство стало высокорациональным, отличаясь производительностью труда, сравнимой с таковой в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран. На рубеже 60—70-х годов на производство одной тонны пшеницы (при восьмичасовом рабочем дне) в северо-западном районе Мексики затрачивалось 10,4 часа (в Пенджабе в то же время, напомним, — 227 часов), т. е. выход этого вида зерна за час составлял 95,8 кг (в интенсивном секторе земледелия Пенджаба — 4,4 кг, в крупных же хозяйствах — 5,1 кг) [62].

Параллельно с экономическим прогрессом в районе стремительно возрастал безземельный пролетариат. В Сонора в 1940 г. он составлял 57% общего числа работников, занятых в земледелии штата, в 1960 г. — 62%, а в 1970 г. — уже примерно 75% [63]. По свидетельству Цинтии Алькантара, исследовав-

шей последствия процессов модернизации в мексиканском земледелии, «повсеместно в штате» доля безземельных рабочих становилась «все более тяжкой». В частности, вследствие широкой механизации земледельческих операций, «помимо первых трех трудных месяцев каждого года, этим людям совершенно нечего делать во время месяцев механической обработки почвы и высева основных культур района»[64]. В результате на шесть месяцев в году рабочие бывают полностью выключены из процесса производства[65]. Дополнить картину их обездоленности помогают такие «детали»: «В хорошие времена сохранить свой рацион питания, состоящий из бобов, маисовых лепешек, перца и кофе, им удается лишь благодаря займам, полученным у местных лавочников, которые взимают по ним проценты даже тогда, когда в этом нет необходимости... В плохие времена семьи неквалифицированных рабочих выживают лишь с помощью того, что они могут добыть на морском берегу, и всего того, что им удается вырастить на сантиметрах предназначенного для жилья клочка земли, порою врубленного в уличную полосу. Их дети так же слабы и изнурены недоеданием, как и дети рабочих в самых отсталых районах с натуральным хозяйством в Центральной Мексике; исключением является лишь ограниченное число общин, где детям посчастливилось оказаться объектами программы, финансирующей школьные завтраки»[66].

Индустриальный аграрный капитал в ходе своего развития, как свидетельствует приведенный пример результатов становления зрелой стадии капиталистического производства в земледелии стран развивающегося мира, создает собственную резервную армию наемного труда, имманентными признаками которой являются пауперизм и хроническое голодание образующих ее лиц. Тем самым индустриальный аграрный капитал не просто вносит весьма весомый «вклад» в развитие относительного перенаселения в деревне, но и как самая динамичная экономическая сила в аграрном обществе активно формирует у него все более худшие черты (сокращение времени занятости в процессе производства при резком усилении ее неравномерности — удлиняющиеся периоды ничегонеделания сменяются все более короткими периодами чрезмерно интенсивного труда; растущая дробность источников дохода и др.).

Процессы абсолютного обнищания сопутствуют капиталистической рационализации производства и в земледелии «благополучного» Пенджаба. Они стали сильнее поражать штат уже с самых первых шагов его «зеленой революции». Согласно результатам исследования, осуществленного Индирой Раджараман, за 1960/61—1970/71 гг. произошло «значительное снижение» абсолютного уровня личного потребления у беднейшей — 25-процентной — группы сельского населения; те стандарты потребления, которые стали характерны для этой группы на рубеже 60—70-х годов, всего за десять лет до того были свойственны лишь 20% сельского населения. При этом существенно

увеличился удельный вес (и еще больше — абсолютная численность) населения, относящегося к наиболее обнищавшим слоям деревни (у которых личное потребление характеризуется величиной меньшей, чем соответствующая так называемой «границе бедности»), — с 18,4 до 23,3%. Больше всего процессы абсолютного обнищания затронули сельскохозяйственных рабочих — из них доля живущих по стандартам худшим, нежели официально рассчитанная допустимая «бедность», поднялась с 23,7 до 32,9%[67]. Отныне уже не один из четырех, как это было накануне «зеленой революции», а каждый из трех рабочих, если перефразировать здесь известные слова К. Маркса, обеими ногами стоит «в болоте пауперизма»[68]. В результате сельскохозяйственные рабочие стали формировать самый крупный отряд наиболее пауперизированного населения, вытеснив с этого амплуа «земледельцев»-хозяев: за десятилетие удельный вес последних в таком населении снизился с 47,1 до 31,4%, а удельный вес первых увеличился с 22,6 до 40,5%. Раджараман комментирует: «...разбухание контингента сельскохозяйственных рабочих намного превосходило величину, которая могла бы считаться допустимой, если сопоставлять ее с приростом спроса на труд как следствия „зеленой революции“»[69].

70-е годы не внесли существенных изменений в эту картину. Несмотря на дальнейшую технологическую модернизацию земледелия и обусловленный этим процессом рост производительной силы труда[70], реальная заработная плата наемных рабочих удерживалась на одном и том же уровне или обнаруживала даже некоторую тенденцию к понижению[71]. Годовой же заработок рабочих, получаемый за работу по найму, по-видимому, сократился за десятилетие. Например, в 1974/75 г. рабочие-мужчины в Пенджабе за работу на полях своих нанимателей получили лишь 71,2% той суммы, которую они получили в 1968/69 г. (в Хариане — только 63,1%). Как и в других районах Индии, это сокращение объяснялось, «с одной стороны, уменьшением числа проработанных рабочими дней в году (с 305 до 252 и с 306 до 234 соответственно в Пенджабе и Хариане на рабочего-мужчину. — *Авт*), а с другой — инфляцией, съедавшей часть их денежных доходов»[72].

О процессах обнищания значительной части сельскохозяйственного трудящегося населения Пенджаба в 70-х — начале 80-х годов свидетельствуют и другие источники. «Любому наблюдателю, побывавшему в деревне Пенджаба, — отмечается в одном из них, — бросается в глаза факт, что численность пауперизированных крестьян очень велика. Весьма многие из таких крестьян — мелких и мельчайших хозяев уходят в города, где пополняют ряды уличных торговцев (типичная форма относительного перенаселения в городах. — *Авт.)* или городского пролетариата»[73]. Остающиеся в деревне крестьяне, относящиеся к этим группам, как показывают результаты обследования, проведенного под руководством Г. С. Бхалла, «не в состоянии

заработать средств, достаточных для того, чтобы удовлетворить свои первейшие нужды», и это несмотря на то, что «мельчайшие хозяева (имеющие земельную площадь менее 1 га) от 60 до 70%, а мелкие (земельная площадь от 1 до 2 га) — от 30 до 40% своего совокупного дохода формируют из заработков, получаемых от деятельности за пределами собственного хозяйства». В результате «в самом сердце зеленой революции — Пенджабе около одной трети мельчайших и почти одна четверть мелких хозяев живет по стандартам худшим, чем те, которые фиксируются линией бедности» [74].

Развитие интенсивного земледелия в его капиталистической форме, таким образом, дало новый мощный импульс процессам социальной дифференциации в пенджабской деревне. И дело не только в том, что «плоды столь внушительного, не имеющего параллелей, роста в сельском хозяйстве штата попали в руки богатой верхушки землевладельческих классов» [75], а основная масса трудящегося населения, создававшего эти плоды, была отброшена от их распределения. Дело еще и в том, что при всеобщности процессов относительного обнищания трудящегося населения в аграрном секторе Пенджаба под влиянием «зеленой революции» постепенно стали формироваться, как отмечалось, и процессы абсолютного обнищания, охватывавшие ряд значительных по численности групп сельских трудящихся. Здесь важно не упустить из виду: исходные рубежи этих последних процессов в силу исторически сложившегося более высокого уровня жизни пенджабского сельского пролетариата и полупролетариата расположены в штате много дальше от средненациональной границы «абсолютной нищеты», чем в подавляющем большинстве других районов Индии. Противостоять всестороннему наступлению эксплуататорских классов на этот жизненный уровень все более активно и начинают сельские трудящиеся штата. В результате «нынешний сельский Пенджаб демонстрирует ситуацию острой социальной напряженности» [76].

О степени классовой поляризации аграрного населения Пенджаба, обнаружившейся уже на ранних этапах «зеленой революции», достаточно наглядное представление дают материалы осуществленных в первой половине 70-х годов сплошных переписей лиц, относящихся к различным (по социальным характеристикам) группам деревенского населения. Эти материалы (они представлены в табл. 20) окончательно развеивают уже порядком развенчанный миф о Пенджабе (созданный в свое время английской колониальной администрацией) как «стране крестьян-собственников». Они показывают, что почти тремя пятыми всей используемой под земледельческим хозяйством земли распоряжаются всего 12% семей — представителей как уже сложившейся крупной сельской буржуазии, так и прочих групп эксплуататоров чужого труда, в том числе формирующихся в предпринимателей, при этом верхи сельской буржуазии (как правило, выходцы из богатых землевладельцев), со-

ставляя лишь 3,5% земледельческих семей (4% самодеятельного населения), сосредоточивают более четверти всей хозяйственной площади штата (см. табл. 20).

На другом полюсе земледельческого сектора деревенской экономики находится немного менее 70% семей (55% самодеятельного населения), которые располагают лишь 15% земельной площади, разделенной на столь крошечные клочки, что даже на самых крупных из них, ведя хозяйство, невозможно обеспечить голодный прожиточный минимум. Это — главный эксплуатируемый отряд сельской бедноты, непрерывно пополняемый разоренными крестьянами и ремесленниками, и это — средоточие пауперизированного населения. Из этого отряда выделилась самая представительная группа современной пенджабской деревни (одна треть самодеятельного населения) — сельскохозяйственные рабочие, для которых продажа рабочей силы сельским хозяевам становится единственным или главным источником средств к существованию.

Пенджаб не просто район наиболее зрелого в Индии процесса капиталистического классообразования в аграрной сфере. Это — район и наиболее динамичного процесса усиления неравенства в распределении быстро растущего продукта главной отрасли экономики — сельского хозяйства.

Сравнительный анализ роли «очагов» современного интенсивного хозяйства в национальных системах продовольственного обеспечения. В Мексике «зеленая революция», избирательно охватывая отдельные участки пространства агросферы, резко усилила порайонную неравномерность развития сельского хозяйства; в результате она радикально изменила размещение главных источников снабжения страны основной продовольственной продукцией. Благодаря утверждению новых форм хозяйства, опиравшегося на вновь созданный ирригационный потенциал, округа поливного земледелия Северо-Запада и Севера превратились «в основные производящие районы страны» [77]. В 1970 г. один лишь северо-западный район, концентрируя 8,6% экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, обеспечивал 25,2% всей сельскохозяйственной продукции Мексики (вместе с северным районом — 41,9%) и 24,5% стоимости ее экспорта [78] (представленного в районе главным образом продукцией сельского хозяйства).

Пределы группы хозяйств — носителей экономического прогресса, обусловленного «зеленой революцией», были поразительно узки. Например, в 50-х годах, в самый разгар «зеленой революции», 80% прироста сельскохозяйственного продукта в Мексике обеспечивали всего 3% хозяйств. Л. Браун, директор Института проблем глобального развития (США), комментировал: «Именно эти крупные, применяющие большой капитал, фермы, основанные на поливных землях, оказались в состоянии реализовать преимущества новых сортов пшеницы, как только они были внедрены в производство». Между тем «большие сег-

менты населения новой технологией затронуты не были»[79]. Основная масса представленных этими «сегментами» людей оставалась в системе традиционного, полунатурального хозяйства.

В результате в Мексике сформировалась «дуалистическая» модель сельскохозяйственного развития[80], — та самая модель, последыши которой позже, через 15—20 лет, под влиянием «зеленой революции» станут утверждаться в перенаселенной деревне стран Азии, не переживших эпохи глубоких аграрных преобразований и развивающихся по капиталистическому пути.

«Зеленая революция» позволила стране на определенный период избавиться от импорта зерна (на 15 лет — с 1955 по 1969 г. — от импорта пшеницы и на 10 — в 60-х годах — от импорта кукурузы, главного продукта питания основной части населения). Более того, страна даже экспортировала некоторые массы зерна. Но производственный потенциал «очагов» высокоразвитого, интенсивного хозяйства[81] оказался в конечном итоге слишком слаб для того, чтобы парализовать последствия нараставшего в 70-х годах кризиса производства продовольствия в обширных зонах традиционного земледелия, прежде всего в крестьянском хозяйстве[82]. С начала 70-х годов страна превратилась в импортера зерна и иной продовольственной продукции[83].

Знаменательно при этом такое «совпадение»: ухудшение экономических параметров продовольственного кризиса (нехватка продовольствия, в особенности основной продовольственной продукции) развертывалось в Мексике на фоне ухудшения его социальных параметров: процессы пауперизации населения, ослабленные в 50-х и частично в 60-х годах, вновь стали развиваться в 70-х годах[84]. В 1979 г. свыше половины населения страны питалось по стандартам более низким, чем те, которые были рекомендованы Национальным институтом питания в качестве минимальной нормы; при этом 28,2% населения (19 млн.) относилось к числу лиц с «очень низким уровнем питания» (у половины из них энергетическое содержание основного рациона составило всего 1650—2060 калорий — эти люди формировали наиболее пауперизированные группы бедноты)[85].

Что касается Пенджаба, то, хотя интенсивное земледельческое хозяйство района еще и не «доросло» до той степени зрелости, которая характерна для его мексиканского аналога, оно начинает выполнять в общенациональном воспроизводственном процессе те же функции, что и северный и особенно северо-западный районы орошаемого земледелия в Мексике, при этом пока с заметно большим размахом.

«Зеленая революция», нашедшая в пенджабско-харианском районе наиболее подходящую социальную и экономическую почву для своего развития, существенно подняла роль района в формировании общеиндийского зернового фонда. Если взять главную отрасль зернового производства — пшеницепроизводящее хозяйство, — мы видим, что при сравнительно небольшом

увеличении доли посевной площади под пшеницей в общенациональных посевах этой культуры (от менее чем одной шестой в середине 50-х годов до неполной пятой части в конце 60-х—70-х годах) район стал сосредоточивать до одной трети всего объема производства пшеницы в Индии, против одной пятой в середине 50-х годов (табл. 21).

Но главное достижение — в контексте задач по устранению «узких мест» в общенациональном воспроизводстве — заключалось в другом: рост концентрации потенциала зернового производства в рассматриваемом районе интенсивного хозяйства сопровождается такими изменениями структурных параметров этого производства, которые адекватно соответствуют требованиям современного общественного разделения труда. Так, если в середине 50-х годов товарный выход продукции пшеницепроизводящего хозяйства составлял немногим более трети валового урожая, то 25 лет спустя он достиг уже почти трех пятых такого урожая. В итоге на протяжении 70-х годов район обеспечивал до половины общенационального рыночного фонда пшеницы и более, в то время как в середине 50-х годов на него приходилось менее четвертой части этого фонда (см. табл. 21).

Прогресс, измеренный в абсолютных показателях, выглядит еще внушительнее. На рубеже 70—80-х годов район Пенджаб—Хариана производил пшеницы в пять-шесть раз, а отпускал на рынок зерна этого вида в девять раз больше, чем в середине 50-х годов (см. табл. 21). Сборы пшеницы в районе в конце 70-х годов намного превосходили ее сборы во всей Индии два с половиной десятилетия назад, а поставки зерна этого вида на регулируемые рынки района более чем в два раза превышали показатель его поставок на рынки всей Индии в середине 50-х годов.

В 70-х годах, особенно со второй половины десятилетия, пенджабско-харианский район стал стремительно отбирать у южных штатов их монополию на поставки на общенациональный рынок товарного риса — первой по значимости зерновой культуры в Индии. В начале 80-х годов штаты Пенджаб и Хариана обеспечивали уже до одной трети общего объема таких поставок (на рубеже 60—70-х годов на долю района приходилось менее одной десятой общенациональной массы товарного риса — табл. 21А).

Добиться таких феноменальных результатов, причем за весьма короткий период, предпринимательским группам района помогла всесторонняя государственная поддержка: государство выступило могучей силой, организующей и направляющей весь процесс технического перевооружения земледельческого хозяйства; из государственной казны на местных богатых землевладельцев-предпринимателей хлынул неиссякаемый золотой дождь (создание новой инфраструктуры, в частности крупных ирригационных сооружений; субсидирование цен на средства производства, в особенности столь важные для интенсивного земле-

делия, как минеральные удобрения; поддержание закупочных цен на зерновую продукцию на весьма высоком уровне; предоставление обильных кредитов и др.). Все это позволило им занять место лидирующего отряда в классе сельскохозяйственной буржуазии Индии (по зрелости капиталистических производственных отношений; по глубине технологической трансформации производства; по размерам богатства, присвоенного в результате эксплуатации чужого труда и захвата государственных средств).

Таким образом, в Индии, как ранее и в Мексике, с возникновением «зеленой революции» в размещении зернового производства происходит качественный по своему характеру сдвиг: территориальные границы земледельческого хозяйства, выполняющего функции основного поставщика товарного зерна на общенациональный рынок, заметно сужаются, а сами эти функции все более переходят к ограниченным территориально-производственным комплексам с принципиально новыми системами земледельческого хозяйства, соответствующими эпохе НТР.

Этот процесс находит отражение и в показателях товарности зернового производства. Например, в Индии товарный выход продукции пшеницепроизводящего хозяйства в течение всего периода 70-х годов никак не мог подняться до уровня, характерного для середины 50-х годов, — 32,7% валового урожая. Зато в пенджабско-харианском районе он поднялся, как отмечалось, до 58,2% (подробнее см. табл. 21). Те же явления мы наблюдаем и в рисопроизводящем хозяйстве, с той, однако, разницей, что отставание показателя товарности этого хозяйства, типичной для 70-х годов, от показателя товарности, характерной для середины 50-х годов, было еще более значительным (соответствующие показатели: 26—28 и 31,5%) [86].

С полным основанием можно утверждать, что только благодаря формированию технологически зрелого зернового хозяйства в таких «очаговых» районах, как наиболее развитые округа штатов Пенджаб и Хариана, весьма небольших по территории, удается предотвращать падение общенациональной товарности зернового производства: мощный поток товарного зерна на общенациональный рынок из таких «очагов» интенсивного земледелия позволяет в известной мере компенсировать сокращение поставок товарного зерна из обширных районов распространения традиционного хозяйства, во многих из которых происходит ныне процесс натурализации зернового производства; этот процесс, как отмечалось ранее, — одно из наиболее ярких проявлений кризиса традиционных форм экономики.

Перечень характеристик района Пенджаб — Хариана был бы далеко не полным, если не упомянуть о его роли в создании государственных запасов зерна, с помощью которых правящие классы страны решают крупные социальные проблемы. За 70-е годы район постепенно превратился в основной источник мобилизации товарного зерна в закрома государства. За период 1978/79—1981/82 гг. на долю района приходилось 69,3% общей массы закупленного государством зерна, при этом риса — 59,2%, а пшеницы — 77,5% (один лишь штат Пенджаб обеспечил 60,6% общенациональных государственных резервов пшеницы); в среднем за год государство закупало в районе 3,4 млн. т риса и 5,5 млн. т пшеницы (общенациональные показатели — соответственно 5,75 млн. и 7,04 млн. т) [87].

Столь значительный отрыв пенджабско-харианского оазиса капиталистического земледелия (как и некоторых других, меньших по общенациональной значимости, очагов интенсивного хозяйства) от всей массы районов традиционного и полутрадиционного (едва затронутого процессами технологической модернизации) земледелия, сопровождаемый ростом концентрации производства на верхних ярусах деревенского общества, свидетельствует еще об одной закономерности, которую привносит неравномерность развития, порождаемая «зеленой революцией». Это — все возрастающая зависимость (уже сейчас чрезвычайно высокая) национальной системы продовольственного обеспечения от своекорыстных интересов и устремлений сравнительно небольших, локально ограниченных прослоек богатых землевладельцев-предпринимателей, все сильнее утверждающих свою монополию на производство товарного зерна — основного продукта питания населения в развивающихся странах Азии. Опыт некоторых стран показывает, что данная экономическая диспропорция таит в себе политический заряд большой взрывной силы. Не случайно новую общенациональную роль пенджабского интенсивного земледелия (именно его роль поставщика основной массы зерна для государственных резервов), взращенного государственной политикой на основе использования средств инвестиционного фонда всей страны, пытаются эксплуатировать современные сикхские сепаратисты в своей борьбе против национальных интересов индийского народа. В такого рода процессах и находит свое яркое отражение политическая сторона продовольственного кризиса.

Благодаря развитию интенсивного земледельческого хозяйства в его очаговой форме Индия к концу 70-х годов добилась зернового самообеспечения. Более того, как и Мексика в 60-х годах, страна стала экспортировать небольшие массы зерна (0,9—0,5% общенациональных сборов в 1978—1980 гг.) [88]. Тем самым впервые за многие десятилетия были разжаты экономические клещи продовольственного кризиса (по меньшей мере в части, касающейся снабжения населения зерном). Но достигнут такой прогресс был при крайне низком уровне среднедушевого потребления (примерно 2000 калорий в день, против 2500 калорий в Мексике): масштабы голодания и недоедания обнищавшего населения (около половины его общей численности) были столь велики, что этот среднедушевой показатель опустился ниже минимально допустимой отметки (рекомендуемая медициной минимальная норма продовольственного потребления).

А в 80-х годах страна постепенно вновь стала прибегать к зерновому импорту (0,5% объема ресурсов пищевого зерна, предназначенных для внутреннего потребления, в 1981 г., 1,5% — в 1982 г., 3,6% — в 1983 г. [89]). И возникла та же самая проблема, которая встала перед мексиканским обществом на рубеже 60—70-х годов: сможет ли протеже государства, интенсивное земледельческое хозяйство, самостоятельно справиться со все усложняющимися задачами зернового обеспечения страны уже в ближайший обозримый период?

* * *

Социальные параметры (а в огромной степени и сами масштабы) происходящих технологических сдвигов в земледелии обусловлены природой общественного строя, ориентацией общественно-экономического развития той или иной страны. Стратегия сельскохозяйственного роста, фактически осуществляемая ныне во многих освободившихся странах Востока, развивающихся по капиталистическому пути, пока не соответствует императивной потребности включения в процесс развития всего пространства, занимаемого сельским хозяйством. Предусматривая концентрацию увеличивающейся массы наличных (как местных, так и получаемых извне) ресурсов на сравнительно неширо́ких участках этой отрасли национальной экономики, она призвана укрепить прежде всего крупные частные хозяйства — социальное ядро новых, интенсивных систем земледелия. «Рационализм» такой избирательной стратегии при острой нехватке ресурсов для инвестиций заключается для правящих слоев в заложенных в ней возможностях «немедленной отдачи», по сравнению с альтернативной стратегией технологического и социального преобразования всего массива традиционного хозяйства. Но социально-экономические издержки ее огромны: реализация стратегии избирательного роста сильнейшим образом стимулирует становление «дуалистической» структуры аграрных порядков, стихийный механизм воспроизводства которой препятствует подъему как раз тех многочисленных групп крестьян, которые способны обеспечить наиболее широкую основу роста производства в продовольственном секторе.

В самом деле, на развивающуюся в рамках «зеленой революции» зрелую форму аграрного капитала правящими слоями возложена существеннейшая функция: устойчивое производство в необходимом количестве (т. е. в объеме платежеспособного спроса) основной продовольственной продукции. В результате если раньше воспроизводство промышленного капитала индустриально-урбанистических центров зависело в огромной степени от поставок основной товарной продовольственной продукции, выжимаемой методами внеэкономического принуждения (прежде всего ростовщическая и рентная эксплуатация) из традиционного производителя и импорта зерна из-за рубежа, то теперь, с постепенным утверждением в анклавах агросферы промышленных форм аграрного капитала, такая зависимость в странах, переживающих «зеленую революцию», сократилась, причем в ряде случаев весьма значительно. В частности, существенно уменьшается или даже прекращается зерновой импорт (страны Южной и Юго-Восточной Азии по преимуществу, но лишь отдельные страны на Ближнем Востоке, например Турция). И это знаменует фундаментальное изменение в воспроизводственном механизме капиталистического уклада: капитал обретает свою собственную базу в воспроизводстве основного компонента фонда продовольственного потребления для эксплуатируемого им труда (зерна).

Но тем самым устраняется (либо резко ослабляется) один из главных экономических стимулов как преобразования социальных отношений в традиционной сфере, так и дальнейшего перераспределения в ее пользу материальных ресурсов. Не случайно в социальном плане «зеленую революцию» консервативные силы местных обществ рассматривают «заменителем» аграрной реформы, ее «технологической альтернативой». Таким образом, из внутреннего кризиса условий капиталистического воспроизводства (нехватка товарной продовольственной продукции для массового потребления) господствующие классы временно выходят лишь за счет закрепления традиционного сектора — главного производителя основной продовольственной продукции — в функции «отстойника» развивающегося вне его капитала (перенасыщение «избыточной» рабочей силы, застой или даже падение производительности труда, рост аграрного пауперизма и т. д.), тем самым усиливая кризисное состояние всей аграрной и соответственно всей национальной экономической системы. За ослабление же зерновой зависимости от центров мирового капиталистического хозяйства страны, переживающие наиболее значительный расцвет «зеленой революции», как правило, стали расплачиваться усилением технологической и ресурсной (импорт средств производства) зависимости от транснационального капитала.

Глава IV

ВЛИЯНИЕ ЦЕНТРОВ МИРОВОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Неоколониальная продовольственная политика империализма, направленная прежде всего на создание благоприятных условий для функционирования частного иностранного капитала агропромышленного комплекса в развивающихся странах, представляет собой важную составную часть совокупного воздействия государства и монополий центров мирового капиталистического хозяйства на продовольственное обеспечение стран на периферии этого хозяйства. Мобильно меняющиеся функции и формы проведения этой политики находятся в тесной связи с масштабами и направлениями деятельности транснационального капитала агробизнеса на каждом конкретном этапе развития последнего. Вместе с тем подчиненность и принадлежность неоколониальной продовольственной политики империализма в отношении развивающихся стран его общестратегическим целям одновременно предполагает и ориентацию этой политики на задачи более широкие, общие и долговременные, чем те, которые определяются потребностями обслуживания текущих интересов «своего» капитала агропромышленного комплекса.

Несмотря на определенное различие в масштабах, направлениях и методах достижения конечной цели — преобразование аграрной сферы развивающихся стран, включая и ее продовольственные подразделения, в соответствии с неоколониальной моделью международного разделения труда, — деятельность империалистического государства и частного капитала агропромышленного комплекса сводится к общему знаменателю, заключающемуся в том, что в своей основе она противоречит стремлению народов освободившихся стран искоренить такое несовместимое с человеческим достоинством явление, как голод, и продолжает выступать важнейшей предпосылкой продовольственного кризиса на периферии мирового капиталистического хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Анализ генезиса и нынешнего состояния продовольственного кризиса в развивающихся странах немыслим без учета многообразных аспектов воздействия, которое оказывали и продолжают оказывать на ход этого кризиса ведущие империалистические державы. Возможность оказания такого воздействия в значительной мере предопределена зависимым положением развивающихся стран в системе мирового капиталистического хозяйства. Основными субъектами воздействия выступают государство и частный (прежде всего монополистический) капитал развитых капиталистических стран в лице агропромышленных ТНК.

Государственно-монополистическое регулирование воспроизводственного процесса в развитых капиталистических странах все более активно выходит за национальные рамки и включает мирохозяйственные связи в качестве объекта своего воздействия. Неоколониальная продовольственная политика Запада в отношении развивающихся стран выступает как зримое воплощение данной тенденции, демонстрируя расширение вмешательства центров мирового капиталистического хозяйства в социально-экономические процессы, происходящие на его периферии в эпоху неоколониализма.

Органичной частью этой политики империализма выступает государственно-монополистическое регулирование внешнеэкономических предпосылок успешного функционирования продовольственных комплексов в развитых капиталистических странах. Цель такого регулирования — создание условий для экспорта товаров и вывоза частного капитала на периферию мирового капиталистического хозяйства. В распоряжении империалистического государства находится целый арсенал средств для реализации неоколониальной продовольственной политики. К ним в первую очередь относится экспорт государственного капитала.

В зарубежной научной и публицистической литературе вывоз государственно-монополистического капитала из развитых капиталистических стран постоянно выдается за «помощь», оказываемую освободившимся государствам. Устоявшимися оборотами стали такие выражения, как „продовольственная помощь“, „помощь для развития“, „агентства помощи“ и т. п. Не соглашаясь, естественно, со смысловой нагрузкой, вкладываемой буржуазными специалистами в понятие «помощь», многие советские исследователи употребляют его как рабочее, соответствующее понятию «экспорт государственно-монополистического капитала». В этом смысле оно используется и в данной работе.

Ведущими компонентами неоколониальной продовольственной политики империализма являются продовольственная помощь и помощь для развития сельскохозяйственного производства. К первой из названных форм помощи относятся поставки продовольствия в развивающиеся страны на льготной и безвозмездной основе, ко второй — предоставление на этой же основе материально-финансовых ресурсов, содействующих развитию

сельскохозяйственного производства, в том числе его продовольственных подразделений.

Неоколониальная продовольственная политика империализма складывается из национальных продовольственных политик развитых капиталистических стран и международных экономических организаций капиталистического мира. Основанием для характеристики этих политик как единой политики империализма служит наличие у них общих черт, закономерно присущих отношениям развитого капиталистического мира с развивающимися странами. Это единство прослеживается за разнообразием национальных подходов, и существует несмотря на то, что национальные продовольственные политики выступают орудиями межимпериалистической конкуренции.

Существенное влияние на все характеристики неоколониальной продовольственной политики империализма оказывает то обстоятельство, что она является составной частью его общей неоколониалистской политики, выступая воплощением последней на данном конкретном участке взаимодействия развитых капиталистических и развивающихся стран. Изменения в продовольственной политике явственно отразили перемены общестратегического курса империализма в отношении развивающегося мира в послевоенный период, эволюцию этого курса от рассмотрения освободившихся стран преимущественно с позиции борьбы с «коммунистическим влиянием» к признанию возрастающей роли этих стран во всех сферах международной жизни.

Начиная со второй половины 60-х годов политика неоколониализма формируется в условиях растущего воздействия освободившихся стран на экономическое и политическое развитие мирового капиталистического хозяйства. Одна из основных причин этого — усиление значения развивающегося мира как фактора бесперебойного и динамичного хода воспроизводственных процессов в главных центрах империализма. Империализм вынужден прилагать все возрастающие усилия для того, чтобы направлять процессы, протекающие на периферии мирового капиталистического хозяйства, в желательное для себя русло, стремясь увековечить неравноправное положение развивающихся стран в мирохозяйственных связях и одновременно обеспечить определенную перестройку этих связей в соответствии с требованиями, которые определены этапом перехода развитых капиталистических стран к научно-технической системе производительных сил. Масштаб и характер целей, на достижение которых направлена общая неоколониалистская политика империализма, диктует необходимость переноса центра тяжести этой политики на решение долгосрочных и фундаментальных проблем, связанных с функционированием развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Урегулирование этого круга проблем в 80-х годах начинает выступать непременным условием достижения более частных текущих целей, которые стоят перед развитым капиталистическим миром.

Тенденция к возрастанию роли факторов стратегического характера проявляется и в эволюции неоколониальной продовольственной политики империализма. От сравнительно узких целей формирования рынков сбыта для излишков сельскохозяйственной продукции североамериканских стран она постепенно переходит к выполнению задачи по содействию структурной перестройки мирохозяйственных связей и обеспечению условий стабильного протекания этой перестройки. Ныне неоколониальная продовольственная политика империализма непосредственно воздействует на сложные процессы становления капитализма в аграрной сфере развивающихся стран, активно создает новые формы зависимости этих стран от империалистических держав.

Наряду с увеличением объемов средств, выступающих материальной основой неоколониальной продовольственной политики Запада, и расширением сферы влияния этой политики в развивающемся мире изменялись и ее приоритетные направления. В первые послевоенные годы основная масса материально-финансовых ресурсов на льготных условиях, которые имели непосредственное отношение к продовольственному обеспечению развивающихся стран, выступала в форме продовольственной помощи. Данный вид помощи по самой своей сути является акцией кратковременного действия, призванной лишь сократить глубину продовольственных диспропорций в освободившихся странах. Повышение в последующем удельного веса помощи для развития сельскохозяйственного производства, направлявшейся и в продовольственные его подразделения, явилось закономерным следствием возникшей на Западе необходимости в рассчитанном на длительную перспективу преобразовании производственного аппарата в сельском хозяйстве развивающихся стран как неотъемлемом условии освоения капитализмом аграрной сферы этих стран.

Произошел определенный сдвиг в уровне государственно-монополистического воздействия Запада на продовольственное обеспечение освободившихся государств. От двухсторонних связей, несущих на себе зримые черты преференциальных отношений, сложившихся в период колониального господства, совершается восхождение к наднациональным формам воздействия развитых капиталистических стран на продовольственные системы развивающегося мира. Эта тенденция находит воплощение в расширении деятельности международных организаций. Соответственно растет и круг стран, в отношении которых активно проводится неоколониальная продовольственная политика империализма. Неуклонно возрастает объем средств, расходуемых в рамках данной политики.

Способность неоколониальной продовольственной политики империализма гибко реагировать на изменяющиеся условия, в которых она реализуется, сочетается с постоянством ее социальной сущности, отражающей интересы класса буржуазии

центров МКХ, прежде всего монополистической. Проблемы голода в развивающемся мире интересовали творцов продовольственной политики лишь в той мере, в какой они способствовали или препятствовали осуществлению мероприятий, вызванных к жизни внутренними потребностями развитых капиталистических стран. До тех пор пока масштабы и острота продовольственного кризиса не превратили его в существенное препятствие намерениям Запада продолжать проходящую под его контролем интеграцию развивающегося мира в мировое капиталистическое хозяйство, продовольственная проблема оставалась второстепенным фактором формирования внешней продовольственной политики империализма.

Длительная история внешней продовольственной политики капитализма, истоки которой берут начало в колониальном прошлом, свидетельствует о поистине трагических результатах пренебрежения насущными продовольственными потребностями подконтрольных территорий. Примером может служить стимулирование производства продовольственной продукции, предназначенной для экспорта либо для питания обеспеченных групп городского населения. Этот сектор экономики, как правило, развивался в ущерб производству продовольствия для общенациональных нужд. Так, индийский ученый К. Гошал писал, что на протяжении второй половины XIX в., когда англичане увеличили вывоз зерна из Индии в 11 раз, смертность в этой стране от голода возросла в 20 раз [1].

Начиная с 60-х годов продовольственная проблема в развивающихся странах предстала перед Западом в новом свете. Резко увеличившаяся численность голодающего населения в развивающихся странах побудила научные и политические круги Запада к принятию мер по ослаблению наиболее острых проявлений продовольственного кризиса в экономической и политической жизни освободившихся стран. С экономической точки зрения систематическое недоедание отрицательно сказывается прежде всего на воспроизводстве рабочей силы; в результате значительная часть трудоспособного населения не может преодолеть барьер, препятствующий ее преобразованию в рабочую силу, соответствующую современным формам экономической деятельности.

Политический аспект деструктивного влияния продовольственного кризиса заключается в том, что голодающее население представляет собой постоянный фактор политической нестабильности в той или иной стране и тем самым несет угрозу устойчивости взаимосвязей, которые стремятся наладить развитые капиталистические страны в рамках мирового капиталистического хозяйства. И наконец, в идеологическом плане важность смягчения нежелательных для Запада проявлений продовольственного кризиса состоит в том, что именно в сфере продовольственного обеспечения решается вопрос принципиальной важности: возможно ли ликвидировать голод и обеспечить

нормальный ход воспроизводства на пути капиталистической трансформации общества.

Тем не менее в последние годы основным фактором формирования неоколониальной продовольственной политики империализма выступает не заинтересованность в смягчении проявлений продовольственного кризиса, а изменение отношения Запада к роли аграрного сектора развивающихся стран в целом. Все более отчетливо проявляющаяся связь динамики сельскохозяйственного развития с темпами общеэкономического развития, расширением спроса на потребительские товары и средства производства и т. д. превращает задачу преобразования аграрной сферы, включая сектора, связанные с производством продовольствия, в необходимое условие для дальнейшей интеграции развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство.

Столкнувшись с необходимостью скорректировать свою неоколониальную продовольственную политику с учетом актуальности продовольственной проблемы в развивающихся странах, империалистические державы тем самым были логикой развития поставлены в двойственное положение. С одной стороны, эта политика должна удовлетворять интересам империалистических держав, тем самым выступая фактором формирования и углубления продовольственных трудностей, а с другой — способствовать смягчению продовольственного кризиса, в той мере, в какой этот кризис ущемляет интересы этих держав.

Характерные для 70-х годов иллюзии творцов неоколониальной продовольственной политики империализма о возможности проведения столь внутренне противоречивой политики базировались прежде всего на трактовке продовольственного кризиса как технико-экономического явления. Вот как охарактеризовала этот подход известная американская исследовательница продовольственного положения в развивающихся странах С. Джордж: «До недавнего времени голод обычно рассматривался как техническая проблема, подлежащая техническому решению, либо, в редких случаях, как временное расстройство в целом жизнеспособной мировой экономической системы» [2].

Чем яснее осознавался мировой общественностью комплексный характер продовольственной проблемы, равноценными слагаемыми которой являются и господство отсталых производственных отношений в развивающихся обществах, усиливающее неравномерность распределения национального дохода, и вовлеченность их на неравноправных условиях в мировое капиталистическое хозяйство, тем явственнее вырисовывалась неспособность неоколониальной продовольственной политики империализма включить в свои функции борьбу с голодом. Если на технико-экономическом уровне анализа можно попытаться очертить небольшой круг если не совпадающих, то хотя бы не противоречащих интересов развитых капиталистических и развивающихся стран в отношении к продовольственной проблеме

в последних, то при переходе к анализу социальных корней голода становится очевидной несовместимость принципов, на которых базируется неоколониальная продовольственная политика развитого капиталистического мира, с мерами, необходимыми для реального искоренения голода.

К числу этих принципов относятся: 1) доминирование интересов частного капитала в формировании продовольственной политики, который ориентирован на удовлетворение потребности в продовольствии лишь в пределах платежеспособного спроса. Более того, низкий уровень потребления (в том числе продовольственного) основной массы трудящегося населения позволяет сохранять стоимость рабочей силы на низком уровне, а это выступает одним из моментов, стимулирующих иностранный капитал препятствовать повышению этого уровня сверх минимально необходимого; 2) базирование перестройки сельскохозяйственного производства на решениях, усиливающих зависимость (технологическую и финансовую) развивающихся стран от центров мирового капиталистического хозяйства; 3) ориентация, как правило, на сохранение социальной структуры в прежнем или слегка модифицированном виде при условии, что она обеспечивает интеграцию развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство, т. е. в конечном счете поддержка сил, которые консервируют внутренние предпосылки, порождающие продовольственный кризис; 4) политизация условий оказания помощи, ведущая к концентрации материально-технических средств в группе стран, представляющих военно-политический или экономический интерес для ведущих империалистических стран и выступающих в роли их союзников на международной арене, причем вне зависимости от серьезности наблюдаемой в них продовольственной ситуации; 5) отсутствие непосредственного учета позиции самих развивающихся стран при формировании продовольственной политики Запада.

Можно констатировать, что реальные предпосылки для модификации содержания неоколониальной продовольственной политики Запада с целью адресовать последнюю к реальным причинам голода весьма ограниченны, так как принципы осуществления этой политики являются производными от структурных характеристик мирового капиталистического хозяйства, изменение которых означало бы качественное перерождение капитализма. Попытки использовать интенсификацию неизменной по своему содержанию неоколониальной продовольственной политики развитых капиталистических стран для ослабления драматизма продовольственной ситуации в развивающемся мире неизбежно ведут к обострению существующих противоречий между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства, т. е. к результатам, противоположным тем целям, которые пытаются вменить этой политике западные стратеги.

Важным фактором, воздействующим на эволюцию неоколониальной продовольственной политики империализма, выступают отношения между государством и частным капиталом. Данная политика является орудием государственно-монополистического регулирования внешнеэкономических условий деятельности частного капитала, прежде всего связанного с продовольственной сферой. Аналогично «разделению труда», имеющему место в национальных границах, когда государство берет на себя развитие сфер экономической деятельности, необходимых для воспроизводственного процесса, но непривлекательных для частного капитала, в международных экономических отношениях империалистическое государство «обслуживает» частный капитал, создавая предпосылки для экспорта производимых им товаров или содействуя его экспансии за национальные границы.

Стимулирование товарного экспорта занимает важное место в неоколониальной продовольственной политике развитых капиталистических стран из-за ограниченных возможностей иностранного капитала непосредственно внедряться в сферу сельскохозяйственного производства на территории развивающихся государств. Не случайно бывшие метрополии заняты поисками новых моделей производства взамен плантационной, которые позволили бы наладить гарантированное обеспечение монополий продукцией сельского хозяйства. Один из вариантов сопряжения деятельности транснациональных корпораций и традиционного сельского хозяйства развивающихся стран, который активно поддерживается неоколониальной продовольственной политикой империализма, состоит в контрактации мелких земледельцев ведущей к практически полной утрате последними экономической самостоятельности. В такой ситуации иностранный капитал ограничивается занятием доминирующих позиций в сфере обработки продовольственной продукции, международной торговли и других стадиях, не связанных непосредственно с производством продовольствия.

По мере наращивания мощи ударной силы частного капитала — ТНК последние, в том числе монополии агробизнеса, все настоятельнее выдвигают требования снять ограничения, накладываемые на их деятельность государствами развивающегося мира. Внешняя продовольственная политика империализма во все большей мере начинает использоваться как инструмент давления на правительства освободившихся стран, подталкивая их к пересмотру отношения к частному капиталу.

Таким образом, отношение государства в развитых капиталистических странах к «своему» частному капиталу в сфере неоколониальной продовольственной политики постоянно эволюционирует. От содействия сбыту излишков сельскохозяйственной продукции империалистическое государство переходит к поддержке сбыта товаров всего агропромышленного комплекса. Важнейшей задачей государственно-монополистического вмешательства становится внедрение новой системы производительных сил в сельское хозяйство развивающихся стран. При этом

преследуется цель связать деятельность мелкотоварного крестьянства с деятельностью ТНК агробизнеса. И наконец, государство империалистических держав приводит в действие имеющиеся в его распоряжении средства для изменения государственной экономической политики освободившихся стран, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для операций крупного частного иностранного капитала, включая компании агропромышленного профиля.

Неоколониальная продовольственная политика империализма противоречива по самой своей сути. С одной стороны, она достаточно эффективно выполняет поставленную перед ней задачу — оказывать помощь в создании внешнеэкономических предпосылок для активизации деятельности монополий агробизнеса в развивающемся мире. С другой стороны, ее отрицательное суммарное воздействие на условия решения проблем, связанных с продовольственным кризисом в развивающихся странах, ведет к обострению противоречий между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства, что подрывает основы функционирования этого хозяйства. Истекшие десятилетия показали иллюзорность надежд правящих кругов развитых капиталистических стран на возможность привить внешней продовольственной политике в ее сложившихся формах функцию противодействия издержкам собственной деятельности. Военная сила также не может быть долгосрочной заменой разрешения сложившегося противоречия между развитыми капиталистическими и развивающимися странами по поводу комплекса проблем продовольственного обеспечения населения последних. Накладываясь на другие противоречия между названными группами стран, продовольственный кризис в развивающемся мире подчеркивает необходимость изменения системообразующих характеристик мирового капиталистического хозяйства.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИАЛИЗМА

В послевоенный период главной целью продовольственной политики империализма оставалось обеспечение максимально эффективного (с точки зрения капитала центров мирового капиталистического хозяйства) функционирования хозяйственных механизмов развивающихся стран в системе международного капиталистического разделения труда. Однако поскольку в течение указанного времени происходило изменение условий действия данной системы и выдвигались новые требования к ее участникам, то соответственно менялись и формы неоколониальной продовольственной политики империализма, значимость и целевые установки отдельных ее направлений. С учетом сказанного представляется целесообразным выделить в истории

продовольственной политики западных государств в развивающемся мире четыре периода, отличающиеся друг от друга по ряду характеристик. Первый этап продолжался со времени окончания второй мировой войны до середины 60-х годов, второй — охватил следующее десятилетие и завершился мировым продовольственным кризисом 1972—1974 гг., третий — длился с середины до конца 70-х годов, четвертый начался на пороге 80-х годов.

Следует отметить, что на первых двух этапах продовольственная политика империализма в развивающихся странах была по преимуществу политикой империализма США; на их долю приходилась и подавляющая часть поставок продовольствия на льготных условиях, и большинство проектов помощи для развития сельского хозяйства, осуществлявшихся странами Запада в развивающемся мире. Лишь с 70-х годов в материальном обеспечении глобальной продовольственной политики империализма, а значит, и в ее формулировании все более активную роль стало играть Европейское экономическое сообщество, а также Япония.

Первый этап. Два обстоятельства оказали решающее влияние на формы неоколониальной продовольственной политики, проводившейся США на этом этапе. Во-первых, хронический кризис перепроизводства в сельском хозяйстве США, своими корнями уходивший в обстановку военных лет, когда правительство, осуществляя политику государственно-монополистического регулирования, скупало «все, что не могло быть продано на рынке»[3]. В послевоенные годы «поддержка высоких цен продолжала стимулировать производство и склады федерального правительства были полны дорогостоящих и к тому же не находящих спроса на рынке товаров»[4]. В 1954 г. стоимость «излишков» продовольственной продукции составляла почти 7 млрд. долл. Затраты же на их хранение доходили до 1 млн. долл. в день[5].

С середины 50-х годов в США стало осуществляться государственное финансирование программ изъятия земель из сельскохозяйственного производства. К 1965 г. законсервированные площади составляли уже 60 млн. акров, а выплаты фермерам в виде компенсации за сокращение производства превышали 2 млрд. долл. в год[6]. И все же, несмотря на эти меры, проблема «излишков» продолжала оставаться чрезвычайно острой — в условиях НТР быстрыми темпами росла производительность труда, повышалась урожайность.

Во-вторых, на протяжении большей части первого периода относительно низким оставался платежеспособный спрос на американскую продукцию на мировых коммерческих рынках. Развитые капиталистические страны Европы долгое время не имели возможности значительно расширить закупки продовольствия по ценам мирового рынка из-за слабости экономического потенциала в послевоенные годы. Еще меньшими возмож-

ностями коммерческого импорта продовольствия располагали развивающиеся страны. Развивающийся мир в этот период рассматривался Западом преимущественно сквозь призму своих политико-стратегических интересов, среди которых доминировало стремление не допустить возобладания антикапиталистического начала в национально-освободительных движениях в странах, борющихся за достижение политической независимости. В этом свете продовольственные трудности стратегически важных для Запада стран, прежде всего расположенных в азиатском регионе, способствовали достижению двух первоочередных целей: поддержке угодных Вашингтону режимов и сбыту скопившихся в США «излишков» сельскохозяйственной продукции.

В результате на долгие годы основу неоколониальной продовольственной политики США стали составлять льготные поставки продовольствия в рамках программ помощи. Основным законодательным актом, регулирующим предоставление продовольственной помощи странам развивающегося мира, явился «Закон о развитии и помощи сельскохозяйственными товарами», более известный как Закон 480 (1954 г.).

Одной из важнейших задач продовольственной помощи на этом этапе было создание и расширение коммерческих рынков для американских сельскохозяйственных товаров в странах-получателях. При этом выгода от решения проблемы перепроизводства американского продовольствия доставалась в первую очередь торговым монополиям США, осуществлявшим поставки продовольствия по государственным программам помощи.

Торговля продовольствием в рассматриваемый период не имела сколько-нибудь существенного значения для освободившихся стран, и продовольственная помощь США увеличивалась более быстрыми темпами, чем поставки продовольствия по ценам мирового рынка. Концессионные поставки являлись основой экспорта пшеницы Соединенными Штатами — с 1956 по 1966 г., а на долю коммерческой торговли пришлось лишь 29,8%. Объем коммерческих поставок пшеницы в основные страны-получатели был крайне невелик и не превышал для Пакистана 4%, Индии — 5%, Египта — 8% общего ее импорта. Практически весь американский экспорт риса в Индию и Индонезию — крупнейшие страны-получатели — осуществлялся, минуя коммерческий рынок, по программам продовольственной помощи [7].

На первом этапе весьма слабо использовалась такая форма продовольственной политики империализма, как финансирование продовольственного производства в развивающихся странах (путем предоставления инвестиционных ресурсов на льготной основе). Это в значительной мере было связано со стремлением Соединенных Штатов к сбыту максимально возможного количества «излишков» своей зерновой продукции. До середины 60-х годов американский конгресс не давал разрешения на использование технической и экономической помощи для производства таких продовольственных товаров, которые могли бы конкурировать с товарами сельскохозяйственного экспорта США.

Незначительный интерес к проблемам аграрной сферы, и в частности продовольственным отраслям производства, который демонстрировали программы помощи развитых капиталистических стран, был предопределен и господствовавшими в послевоенные годы среди западных экономистов и политиков теоретическими представлениями, в которых сельскохозяйственное развитие рассматривалось как производное от индустриального. При этом предполагалось, что быстрый рост промышленности повлечет оживление и в аграрной сфере. Созданию атмосферы пренебрежения, в теории и на практике, проблемами аграрного развития на периферии мирового капиталистического хозяйства содействовало и уменьшение заинтересованности капиталистического мира в развивающихся странах как поставщиках технического сельскохозяйственного сырья, которое по издержкам производства стало проигрывать в конкуренции с синтетическими материалами.

Даже к концу рассматриваемого этапа, когда сельскохозяйственному производству в развивающихся странах стали уделять гораздо большее внимание, чем в 50-е годы, финансовые обязательства данному сектору экономики по каналам двусторонней помощи (без учета продовольственной) составили (в процентах, среднегодовые за указанный период): Япония — 16% (1962—1966 гг.), Великобритания — 18% (1962—1966 гг.), США — 13% (1963—1967 гг.), Франция — 9% (1962—1966 гг.). Для международных финансовых организаций аналогичный показатель составил: для Мирового банка — 11% (1962—1966 гг.), Межамериканского банка развития — 24% (1961—1966 гг.) [8].

Основной поток помощи на данном этапе шел по линии двустороннего сотрудничества, что отвечало интересам бывших метрополий в поддержании экономических отношений прежде всего со своими бывшими колониями, а также обеспечивало наибольшую степень давления на получателя помощи. Доля официальной помощи для развития, предоставленной по каналам международных организаций странами — членами Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития, в 1961 г. составила 12,1%, а в 1965 г. даже снизилась до 6,2% [9].

Двусторонняя помощь для развития сельскохозяйственного, в том числе продовольственного, производства оказывалась прежде всего в форме технического содействия и поставок товарной продукции. Помощь в сфере капитального строительства в сельском хозяйстве была препоручена главным образом международным финансовым учреждениям во главе с группой МБРР. Это строительство было преимущественно связано с сооружением объектов инфраструктуры, в основном ирригационного профиля.

Те незначительные средства, которые выделялись на поддержку хозяйства, производящего продовольствие, в подавляющем большинстве шли на развитие экспортного производства, минуя производителей традиционных продовольственных культур.

Второй этап охватывает период с середины 60-х до середины 70-х годов. Его начало по времени совпадает с периодом резкого обострения продовольственной ситуации во многих освободившихся странах афро-азиатского мира. Неурожаи середины 60-х годов, повлекшие голодовки больших масс населения, как нельзя ярче обнажили крайнюю отсталость сельского хозяйства, прежде всего его секторов, производящих продовольствие. При низком платежеспособном спросе остро ощущалась нехватка товарной продовольственной продукции массового потребления, в первую очередь зерна.

Усилилось давление на мировые запасы зерна, сосредоточенные прежде всего в небольшой группе капиталистических стран, располагающих его «излишками». Вырос некоммерческий спрос на зерно, предъявляемый наименее развитыми странами Азии и Африки. Ситуация, когда объектами продовольственной помощи США — главного и основного донора западного мира — было небольшое число их близких политических и военных союзников, сменилась положением, когда в качестве «просителей» американского продовольствия на льготной основе выступило множество самых различных стран развивающегося мира, обеспечить потребности которых США уже не могли, а часто и не хотели. К тому же с середины 60-х годов быстро увеличивался коммерческий спрос на американскую продовольственную продукцию и кормовое зерно в Японии и ряде стран ЕЭС, находившихся в то время в фазе экономического подъема.

Рост экономической заинтересованности западных стран в развивающемся мире (рынки сбыта промышленной продукции, поставщики стратегически важных видов сырья, дешевая рабочая сила и т. п.) происходил на фоне завоевания освободившимися государствами все более прочных позиций на международной политической арене. Это вело наиболее трезвых политиков капиталистического мира к осознанию необходимости установления надежной основы для долговременных отношений между центрами и периферией мирового капиталистического хозяйства и неизбежности определенной перестройки существующих взаимосвязей между названными группами стран в соответствии с требованиями, диктуемыми НТР. Экспансия западного капитала и товаров в развивающиеся страны стала все более тормозиться отсталостью социально-экономических структур последних и порождаемой этой отсталостью нестабильностью внутриполитического положения.

В этих условиях неоколониальная продовольственная политика империализма претерпевает заметные изменения. Перемены затрагивают прежде всего структуру финансовых потоков по линии помощи в развивающиеся страны — сокращение финансирования поставок продовольствия на льготной основе сопровождается возрастанием внимания доноров к производству продовольствия в самих развивающихся странах. В то же время меняется и характер продовольственного экспорта в эти страны — резко снижается доля продовольствия, поступающего на льготной основе, и возрастает роль международной торговли продовольственными товарами.

Помимо причин, непосредственно связанных с усугублением продовольственной ситуации в развивающемся мире и неспособностью Запада приглушить остроту этой ситуации путем продовольственной помощи, переход к определенному стимулированию производства продовольствия на местах объясняется и тем, что отсталость сельского хозяйства в целом стала серьезным препятствием на пути перестройки мирохозяйственных связей, которая дала бы развитым капиталистическим странам возможность специализироваться на наукоемкой продукции, оставив развивающимся странам ресурсоемкое и нарушающее экологическое равновесие производство.

В рассматриваемый период главную роль в разработке и проведении продовольственной политики империализма продолжали играть Соединенные Штаты Америки, ввиду их особого положения как в сельскохозяйственном производстве капиталистического мира, так и в системе финансово-кредитных институтов Запада.

Именно в середине 60-х годов начался процесс ухудшения внешнеторгового баланса США — проблема, которая ранее никогда так остро перед ними не стояла. Американская администрация стала спешно изыскивать возможности сокращения дефицита торгового баланса США; способствовать этому были призваны расширение коммерческой торговли продовольствием, а также переход от оплаты значительной части концессионных поставок продовольствия в развивающиеся страны в местной валюте к расчетам в долларах или конвертируемой валюте [10]. Это значительно сузило возможности освободившихся государств в приобретении американского продовольствия, столкнув их с необходимостью непроизводительного расходования дефицитной иностранной валюты. Доля поставок по Закону 480 во всем экспорте сельскохозяйственной продукции резко упала — с 20% в 1966—1968 гг. до 4% в 1974 г. Значительно сократились и некоммерческие поставки в развивающиеся страны в натуральном выражении — с 17 млн. т в 1966 г. до 3 млн. т в 1974 г.; при этом поставки пшеницы и продуктов из нее уменьшились за тот же период в 10 раз — с 14 млн. до 1,4 млн. т [11].

Расширение коммерческой торговли продовольствием явилось результатом действия как объективных, так и субъективных факторов. К первым можно отнести собственно процесс

экономического роста, который вел в развивающихся странах как к увеличению «количественного» спроса, отражая процесс усиления товаризации продовольственного обеспечения больших групп населения на основе дальнейшего развития общественного разделения труда, так и к формированию и усилению «качественного» спроса, т. е. спроса на многие новые товары, соответствующего меняющимся продовольственным потребностям слоев и групп с высокими доходами. Обе эти тенденции усиливали привязанность к внешнему рынку, если учесть отставание роста продовольственного производства от увеличения платежеспособного спроса на него в большинстве стран Востока.

К субъективным факторам можно отнести особую политику государств-доноров, и в первую очередь США, направленную на усиление их внешнеторговой экспансии в сфере продовольственного обеспечения стран-получателей, а также на расширение рынков для сельскохозяйственных товаров развитых капиталистических стран. Этому во многом содействовала политика продовольственной помощи США. Ей придавалось большое значение для формирования в странах-получателях такой структуры продовольственного рациона, которая наиболее соответствовала бы экспортной ориентации американского сельского хозяйства. При этом выражалась уверенность, что «страны, которым мы помогаем сегодня, завтра станут нашими покупателями» [12].

В целях создания коммерческих рынков для своих сельскохозяйственных товаров Соединенные Штаты широко использовали значительные фонды в местной валюте, накопленные в результате реализации продовольствия по Закону 480 до 1971 г.[13]. (С 1971 г. продовольственная помощь стала поступать только на основе долларовой оплаты.)

Одновременно американское правительство сознательно стимулировало проекты развития животноводческого сектора и производства птицы в развивающихся странах с наиболее высокими доходами на душу населения, с тем чтобы обеспечивать реализацию дорогостоящих кормов, сокращая при этом поставки продовольственного зерна по программам помощи. Так, в Иране эти проекты расширяли «коммерческий импортный рынок кормового зерна, соевой муки и других дополнительных кормов» [14].

Фактором непосредственного углубления социальных противоречий в агросфере в рассматриваемый период являлась и помощь для развития сельского хозяйства освободившихся стран. Это было связано в первую очередь с усилением внимания в инвестиционной деятельности национальных и международных финансово-кредитных институтов Запада к процессу становления интенсивного сельскохозяйственного производства капиталистического типа (так называемая «зеленая революция») и отсюда — к превращавшемуся в капиталистического предпринимателя зажиточному и богатому хозяину-земледельцу как конечному получателю ресурсов по каналам западной помощи для развития сельского хозяйства.

Нельзя отрицать определенной заинтересованности империализма в смягчении продовольственной ситуации в развивающихся странах. Однако усилия, направленные в сторону решения продовольственной проблемы, детерминировались прежде всего стремлением Запада извлечь максимально возможные выгоды из создавшегося положения, поэтому неудивительно, что «зеленая революция» являлась лишь частичным ответом на данную многогранную проблему.

Становление капиталистических форм ведения земледелия в развивающихся странах опиралось не только на возросший приток финансовых ресурсов по каналам государственно-монополистической помощи сельскому хозяйству, главным образом из международных финансовых институтов во главе с Мировым банком [15]. Понимая, что объем иностранных средств незначителен для существенных сдвигов в аграрной сфере развивающихся стран, агентства помощи, контролируемые империалистическими странами, используют свое влияние для угодной им ориентации национальной политики стран — получателей помощи. Не случайно, что именно с начальными этапами «зеленой революции» совпадает выдвижение США требования о мерах по «самопомощи» в производстве сельскохозяйственной продукции [16], недвусмысленно подталкивающего развивающиеся страны к широкому использованию западной технологии.

Насаждая западную модель трансформации сельского хозяйства этих стран, агентства помощи соответственно изменили формы поддержки проникновения западной технологии в аграрную сферу этих стран. Так, Мировой банк значительно увеличил финансирование по статье «сельскохозяйственное кредитование», направленное на поддержку «зеленой революции», специально создавая для этих целей в странах-получателях сеть банков сельскохозяйственного развития. Нацеленность этих кредитов прежде всего на «способного к нововведениям и эффективного (читай — зажиточного.— *Авт.*) фермера», который должен продемонстрировать своим односельчанам все достоинства «зеленой революции» [17]. Побочными, но не второстепенными результатами приобщения зажиточных крестьянских хозяйств к современным методам производства, принесенным «зеленой революцией», явились рост обнищания населения, уменьшение производства традиционных продуктов питания, составляющих основную часть рациона неимущих слоев населения, усиление зависимости сельского хозяйства от импортируемых средств производства и многие другие негативные аспекты, формирующие оборотную сторону процесса капиталистической трансформации сельского хозяйства в развивающемся мире.

Показательно, что среди причин, которые, по мнению деятелей из Мирового банка, привели к расширению сельскохозяйственного финансирования развивающихся стран западными госу-

дарствами в этот период, ни словом не упоминалось о голодающих и недоедающих. Эти социальные аспекты продовольственной проблемы в то время лежали за пределами политики помощи для развития освободившихся стран.

Несмотря на активизацию поддержки финансово-кредитными институтами Запада мероприятий в рамках «зеленой революции» во второй половине 60-х — начале 70-х годов большое внимание по-прежнему уделялось крупномасштабным проектам инфраструктуры, прежде всего строительству ирригационных сооружений. На протяжении рассматриваемого периода именно это направление было ведущим в деятельности Международной ассоциации развития (МАР): за 1965—1974 гг. на ирригацию было израсходовано 616 млн. долл., или 35% всех средств, направленных в сельское хозяйство развивающихся стран по линии МАР, а из всей дву- и многосторонней помощи для развития сельского хозяйства, оказанной развитыми капиталистическими странами в конце рассматриваемого периода (1973—1974), на ирригационные проекты пришлось 32% (1,2 млрд. долл.) [18]. Выгоды от реализации этих проектов получают преимущественно верхушечные деревенские слои (если не считать западных контракторов, вовлеченных в строительство и поставки материалов и оборудования). Примечательно, что в официальных документах Мирового банка ирригационные проекты даже не упоминаются среди проектов, связанных с улучшением положения мелких сельскохозяйственных производителей.

Значительная доля материально-финансовых ресурсов, поступающих в рамках помощи для развития сельскохозяйственного производства, по-прежнему поглощалась экспортными секторами. Экспортный уклон в производстве продовольственных культур, поддерживаемый структурой средств, поступающих по каналам государственной помощи, определяется комплексом причин. Важную роль здесь играет преимущественная ориентация транснациональных корпораций на рынки развитых капиталистических стран, так как емкость этих рынков высококачественных продуктов питания с высокой степенью обработки (а именно такие продукты стоят в центре внимания западного агробизнеса) намного превосходит определяемую платежеспособным спросом емкость аналогичных рынков в развивающемся мире.

Важно и то обстоятельство, что определенные фирмы и институты западных держав за время господства в колониях накопили научный и производственный опыт в производстве целого ряда тропических культур, составляющих основу пищевкусового экспорта развивающихся стран. Разработана технология, использующая оборудование и химикаты, к производству которых причастны агропромышленные монополии Запада. Таким образом, созданы предпосылки для активного привлечения частного капитала к поставкам товаров и услуг для экспорториентированных проектов, финансируемых национальными и наднациональными организациями помощи для развития.

По мере углубления вовлеченности развивающихся стран в международное капиталистическое разделение труда объективно усиливается заинтересованность центров мирового капиталистического хозяйства в ликвидации наиболее вопиющих проявлений нехватки продовольствия на его периферии, тормозящих реализацию нарастающих тенденций интернационализации экономической жизни. Особенно остро для этих центров встает вопрос об использовании природных и экономических ресурсов развивающихся стран в условиях кризисного состояния экономики ведущих капиталистических держав, длящегося с начала 70-х годов, и продолжающегося роста мощи монополистического капитала, ищущего новые сферы приложения. В этой ситуации достижение определенного уровня социально-политической стабильности в развивающихся странах (что является одной из важнейших предпосылок притока иностранного капитала в ту или иную страну) и формирование рабочей силы, отвечающей требованиям эпохи НТР, есть проблемы, непосредственно связанные с улучшением продовольственного обеспечения населения данной группы стран, которые во все возрастающей мере оказывают влияние на формирование стратегий международных и национальных учреждений, связанных с помощью для развития.

На этом фоне начинается *третий этап* в продовольственной политике развитых капиталистических стран в отношении развивающегося мира. Он в значительной мере связан с глубоким продовольственным кризисом 1972—1974 гг., особенно тяжело поразившим многие развивающиеся страны Азии и Африки. Падение производства зерна сопровождалось резким повышением спроса на него, причем не только в развивающихся, но и в развитых капиталистических странах. Обострение в этот же период энергетического кризиса на Западе ударило по всем сторонам сельскохозяйственного производства — с повышением цен на нефть произошел рост издержек производства, переработки и транспортировки сельскохозяйственной продукции, увеличились цены на сельхозмашины и орудия, удобрения, гербициды и пестициды, значительно повысились морские фрахтовые ставки.

Используя кризисную ситуацию в продовольственном положении, торговые монополии США поспешили взвинтить цены на продовольствие и кормовое зерно, а их продовольственная помощь сократилась до самого низкого за всю ее историю уровня. Именно тогда, когда развивающиеся страны испытывали наиболее острую необходимость в продовольственной помощи, добиться ее оказалось особенно сложно.

В этой обстановке западные страны были вынуждены уделить большее внимание укреплению продовольственного сектора в самих развивающихся странах. Рассматриваемый этап ха-

рактеризуется не только значительно возросшим объемом финансовых средств, направляемых в сельскохозяйственное производство этих стран по международным и двусторонним каналам помощи для развития, но и увеличением доли международных экономических организаций, прежде всего Мирового банка и ряда региональных банков развития, в потоке средств, поступающих в аграрную сферу развивающихся стран. Если в 1970—1972 гг. на эти организации в среднем приходилось 18,8% ресурсов, относимых буржуазной статистикой к «официальной помощи для развития» (ОПР), то в 1978—1980 гг. аналогичный показатель составил уже 32,4%. При этом доля сельского хозяйства в обязательствах на условиях ОПР, взятых на себя международными экономическими организациями, выросла с 34% в 1973 г. до 49% в 1979 г., в то время как аналогичный показатель по двусторонним обязательствам составил соответственно 9 и 17%[19].

Опережающий рост активности государственно-монополистического воздействия Запада на аграрную трансформацию развивающихся стран на наднациональном уровне объясняется рядом причин. Во-первых, масштабность, компетентность и степень влияния международных экономических организаций капиталистического мира выступают необходимым подспорьем усилиям, предпринимаемым отдельными капиталистическими странами, которые пытаются найти решение столь трудной и все более актуальной задачи, как формирование производственных отношений в аграрной сфере, однопорядковых с существующими в центрах мирового капиталистического хозяйства. Во-вторых, деятельность международных организаций в меньшей мере подвержена колебаниям внешнеполитического характера, которые накладывают существенный отпечаток на политику национальных агентств помощи. Определенная инерционность курса наднациональных организаций благоприятствует реализации долгосрочных усилий, связанных с преодолением отсталости аграрной сферы развивающихся стран. В-третьих, международные организации выступают как соразмерные по размаху и объему деятельности контрагенты ТНК. Немаловажно и то обстоятельство, что в наэлектризованной атмосфере отношений центров и периферии мирового капиталистического хозяйства выставляемая напоказ «нейтральность» международных организаций служит ширмой для использования методов давления, неприемлемых в обычной практике межгосударственных контактов.

В этом отношении показательна деятельность Мирового банка, руководство которого претендует на роль лидера западного мира в формировании политики в отношении развития аграрного сектора освободившихся стран. Стремясь сбить накал антиимпериалистических настроений, проявляющихся во все большем числе развивающихся стран по мере роста разочарования в результатах развития на периферии мирового капиталистического хозяйства, и доказать возможность решения наболевших социальных вопросов в рамках существующего международного экономического порядка, специалисты Мирового банка выдвинули концепцию «борьбы с бедностью», практической реализацией которой в аграрной сфере является политика «сельского развития». Эта политика трактуется как деятельность, направленная на улучшение положения бедняков в сельских районах[20].

Сведя в конечном итоге понятие «бедняк» к «мелкому фермеру», а последнего определив как крестьянина с наделом площадью до 5 га, деятели Мирового банка переводят решение сложного комплекса проблем обнищания населения, включающего вопросы, связанные с недостаточным потреблением пищи, в плоскость чисто производственных решений.

При этом полностью опускаются проблемы распределения, которые составляют сердцевину вопроса о распространении полноценного рациона питания среди всего населения развивающихся стран. Стратеги империализма идут на сознательное пренебрежение проблемами распределения, прежде всего проблемой распределения земельной собственности эксплуататорских классов в пользу непосредственных производителей. Более того, политика помощи выступает зачастую опорой для тех режимов в развивающемся мире, которые на деле способствуют увековечению существующего неравномерного распределения земельной собственности и средств производства в целом, а также содействуют упрочению неравноправного распределения экономической силы и власти в масштабах мирового капиталистического хозяйства. Все это, вместе взятое, дает основание рассматривать концепцию «борьбы с бедностью» не только как совокупность организационно-технических рекомендаций, но и как активно работающий в идеологическом плане альтернативный вариант тем преобразованиям, которые либо уже проводят у себя освободившиеся страны социалистической ориентации, либо объявлены большинством развивающихся стран в качестве целей в борьбе за новый международный экономический порядок.

Закономерно, что за бортом программ помощи сельскому развитию освободившихся государств остаются как раз те слои населения (в первую очередь безземельные и безработные), в которых голод и нищета имеют наибольшее распространение.

Данный подход Мирового банка, в основных чертах разделяемый другими агентствами помощи для развития, явился логичным продолжением попыток западного мира улучшить продовольственную ситуацию в развивающихся странах посредством «зеленой революции». «Лобовая атака» в переносе западной технологии и применении капиталоемких средств производства, характерная для начальных этапов «зеленой революции», в условиях господствующих в аграрной сфере докапиталистических производственных отношений смогла охватить лишь узкий слой наиболее зажиточных хозяйств. Продемонстрировав

положительные сдвиги в области повышения производства продовольственных культур, «зеленая революция» вместе с тем усугубила социальную напряженность в деревне. В одной из опубликованных на Западе работ с беспокойством отмечалось, что «если модернизация сельского хозяйства (развивающихся стран.— *Авт.*) пойдет по пути развития крупного капиталоемкого и механизированного производства, то останется мало надежд на перемены иные, чем в форме революции»[21].

Тем не менее правящие круги развитых капиталистических стран продолжали активно поддерживать распространение «зеленой революции» в освободившихся странах. Прежде всего это связано с тем, что «зеленая революция» обеспечивает ТНК то, чего они как раз и домогаются в развивающемся мире: расширение рынков сбыта продукции, в первую очередь отраслей агробизнеса, повышение уровня товарности сельского хозяйства, более активное включение аграрной сферы в экономическую жизнь страны и т. д. А самое главное — «зеленая революция» представляет собой модель развития, в наибольшей степени привязанную к воспроизводственному процессу в странах Запада и поэтому служащую основой для формирования новых, технологически более зрелых форм зависимости в дополнение к уже существующим.

Названные факторы предопределили настойчивость капиталистических стран Запада в поисках путей стимулирования «зеленой революции» на более широком, чем на начальном этапе, социальном базисе. Предлагаемая Мировым банком политика сельского развития и является шагом в данном направлении.

Руководители Мирового банка стремятся к расширению фронта экономического роста в деревне за счет перераспределения части финансовых и материальных ресурсов за пределы круга традиционных получателей помощи в пользу более мелких крестьянских хозяйств, но лишь тех из них, кто обладает необходимыми предпосылками для подключения к товарному производству, базирующемуся на западной технологии. Более того, оптимальным вариантом товарного производства, по замыслу творцов концепции «борьбы с бедностью», является экспорториентированное. В результате существенная часть средств, которая поступает в продовольственный сектор экономики развивающихся стран, предназначается для финансирования производства продовольственной продукции на экспорт. Такое производство, конечно вносит определенный вклад в пополнение валютных резервов развивающихся стран. Однако оно нередко не только не связано с облегчением продовольственной ситуации в этих странах, но, напротив, способствует ее осложнению, так как при «земельном голоде», особенно характерном для афро-азиатских стран, экспортные культуры вытесняют традиционные продовольственные, которые являются основой пищевого рациона наиболее нуждающихся в улучшении питания низших по доходам групп населения. Так, на Филиппинах стратегия форсирования производства продовольствия на экспорт, выработке и реализации которой всячески содействовали западные агентства помощи, привела, по словам профессора Корнельского университета М. Лэтема, к ситуации, при которой «среднедушевое потребление калорий оказалось одним из самых низких в Азии и намного меньше научно рекомендованных норм. Тем не менее Филиппины экспортируют в расчете на энергетические затраты на душу населения в день около 600 ккал в форме пальмового масла и около 400 ккал — в форме сахара»[22].

Помощь для развития продовольственного сектора нередко означает содействие в расширении производства пищевых продуктов, которые в конечном счете попадают на столы жителей развитых капиталистических стран или сравнительно немногочисленных состоятельных групп населения — в развивающихся. Примером такой помощи может служить содействие, оказанное частным капиталом и государствами Запада увеличению производства продукции животноводства в ряде латиноамериканских и азиатских стран, которое было связано с благоприятной конъюнктурой на мясные продукты на мировом рынке на протяжении 70-х годов. Эти программы оказали минимальное положительное влияние на рацион питания основной массы жителей развивающихся стран. Как подчеркивает известный мексиканский экономист Е. Федер, «иностранные инвестиции ориентируют продукцию животноводства на экспорт в индустриальные страны с высокими рыночными ценами. В истекшем десятилетии подушевое потребление мяса в слаборазвитых странах уменьшилось и будет уменьшаться, за исключением периодов рыночных кризисов, в то время как потребление мяса в богатых странах постоянно достигает новых рекордных уровней»[23].

Аналогичным образом обстоит дело с производством зерновых, стимулируемым за счет средств, поступающих в рамках помощи для развития сельскохозяйственного производства на двусторонней и многосторонней основе. Деятели Мирового банка преподносят увеличение удельного веса таких кредитов на развитие производства зерновых в общем объеме ресурсов сельскохозяйственного кредитования как свидетельство растущей озабоченности продовольственной ситуацией в развивающемся мире. По данным Мирового банка, если в среднем за период 1969—1973 гг. на эту статью приходилось 27% сельскохозяйственного кредитования, то уже в 1974—1975 гг.— 51%[24]. Однако не следует упускать из виду, что зерновые являются не только основными поставщиками энергии в продовольственном рационе населения многих развивающихся стран, но и основным компонентом кормов для животноводства и птицеводства, продукция которых недоступна для большинства жителей развивающихся стран. За период с 1966—1968 по 1977—1979 гг. ежегодное использование зерна на корм скоту в развивающемся

мире возросло с 52 млн. до 84 млн. т[25]. По нашему мнению, связь между происходящим в развивающихся странах увеличением производства животноводческой продукции и расширением кормовой базы для нее не случайна, особенно если принять во внимание общность источников финансирования этих процессов.

Деятельность западных агентств помощи развитию в сфере продовольственного обеспечения в освободившихся странах совпадает с насущными потребностями последних в создании национальной производственной базы продовольственного самообеспечения лишь в той мере, в какой формирование этой базы содействует нормальному функционированию существующей системы неравноправных мирохозяйственных связей в рамках мирового капиталистического хозяйства, и осуществляется, исходя из принципов, приемлемых для указанных буржуазных институтов.

Подобный ракурс рассмотрения продовольственной ситуации в развивающемся мире предопределил акценты в воздействии Запада на производственный аппарат продовольственных подразделений сельского хозяйства освободившихся стран: стимулирование не просто производства продовольствия, а производства, основывающегося на широком использовании западной технологии и средств производства; забота не о повышении уровня питания у непосредственных производителей, а упор на товаризацию производства продовольственных культур с целью обеспечить продовольствием в первую очередь городских жителей, так как голод в городах представляет более серьезный вызов политической стабильности, чем голодание сельского населения, и т. д.

Представляется, что усилия по реорганизации сферы продовольственного обеспечения в развивающихся странах в той мере, в какой они связаны с проблемой недоедания в этих странах, необходимы империалистическим странам лишь постольку, поскольку они помогают приглушить наиболее вопиющие проявления голода, оставляя при этом достаточно обширные массы населения в состоянии хронического недоедания. Поэтому и непосредственные задачи увеличения производства продовольствия в развивающихся странах рассматриваются Западом лишь в связи с использованием технологических решений, базирующихся на активном включении в международное капиталистическое разделение труда. Практически не оказывается поддержка производству традиционных продовольственных культур, требующих значительно меньшей доли покупных средств производства, не говоря уже об их импортном компоненте.

Ограничение сложного комплекса проблем продовольственного обеспечения развивающихся стран, как и других социальных проблем в рамках политики сельского развития, лишь технико-экономическими аспектами развития, зиждется на априорно выдвинутом западными специалистами тезисе об автоматическом улучшении уровня жизни тех групп мелких земледельцев, которые вовлекаются в товарное производство в рамках проектов помощи. Однако в ряде появившихся на Западе работ эта исходная посылка подвергается сомнению. Так, американский экономист А. Берг отмечает, что, хотя стоимость валового продукта крестьянских хозяйств при возделывании товарных культур выше, чем при выращивании культур традиционного земледелия, затраты многих крестьянских семей на питание сокращаются, так как все средства идут на поддержание производства[26]. Крестьянские хозяйства, втягиваемые в товарное производство, становятся зависимыми винтиками огромной машины агробизнеса, лишенными права выбора в своей деятельности, обремененными долгами, насильственно ориентируемыми на западные стандарты потребления.

Стремясь совместить приобщение мелкого крестьянства к возделыванию прибыльных товарных культур и решение проблемы снабжения продуктами питания не только зажиточных, но и малоимущих слоев населения, западные институты помощи для развития оказывают активную поддержку ведущимся в международном масштабе сельскохозяйственным исследованиям. Одной из их основных целей является разработка индустриальных технологий возделывания традиционных продовольственных культур, что должно позволить значительно расширить фронт внедрения современных производительных сил в сельское хозяйство развивающихся стран.

Характерной особенностью рассматриваемого этапа является расширение круга западных институтов, активно проводящих политику в отношении аграрного сектора развивающихся стран, включая его продовольственные подразделения. Это относится и к ЕЭС, усилившему предоставление финансовых ресурсов как на двусторонней основе, так и по линии Европейского фонда развития (ЕФР) — крупнейшего финансово-кредитного учреждения Сообщества, выдающего займы на льготных условиях. Из общей суммы 1,3 млрд. долл., полученной развивающимися странами от ЕФР на цели развития сельского хозяйства в период 1958—1979 гг., большая часть была предоставлена после 1972 г. При этом многосторонняя помощь Сообщества ориентируется прежде всего на страны — ассоциированные члены ЕЭС[27].

Совершенно особенный характер носит помощь для развития сельского хозяйства развивающихся стран, оказываемая Японией. С 1973 г. эта помощь (достигшая в 1981 г. 435 млн. долл. только на двусторонней основе[28]) широко используется для осуществления в развивающихся странах проектов, целью которых является создание надежных источников импорта в Японию кормового зерна, сои, сахара, тропических фруктов и др. Эту политику Япония особенно эффективно проводит в ряде стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

На третьем этапе дальнейшему изменению подвергалось второе основное направление продовольственной политики импе-

риализма — поставки продовольствия на льготной основе в развивающиеся страны. В первую очередь это относится к продовольственной помощи ведущего донора капиталистического мира — США.

Кризисная ситуация в продовольственном положении наиболее бедных по размерам душевого дохода стран развивающегося мира, сложившаяся в начале 70-х годов, вынудила Соединенные Штаты внести ряд изменений в сохранившиеся программы продовольственной помощи, с тем чтобы максимально приспособить их к задачам обновляемой неоколониальной политики [29]. Продовольственная помощь продолжала активно содействовать достижению традиционных целей — обеспечивать политический нажим на страны-получатели, а также способствовать внешнеторговой экспансии США в освободившиеся государства. Именно эти две тенденции, скорректированные с учетом изменений в мировой политической и экономической ситуации, в середине 70-х годов оставались определяющими моментами программ продовольственной помощи на третьем этапе их действия.

В продовольственной стратегии безусловный приоритет отдавался коммерческой торговле продовольствием по сравнению с предоставлением продовольственной помощи [30].

В течение 70-х годов ежегодные поступления в США от сельскохозяйственного экспорта возросли более чем в 5 раз — с 6,9 млрд. долл. в 1969—1971 гг. до 38,7 млрд. долл. в 1979—1981 гг.[31].

Во второй половине 70-х годов новым качественным явлением, которое привело к заметным структурным изменениям в коммерческой торговле продовольствием, оказался активный выход на мировой рынок стран ОПЕК. С одной стороны, это было вызвано значительным ростом доходов после неоднократного с 1973 г. повышения цен на нефть, а с другой — слишком медленным развитием собственного сельскохозяйственного производства в этих странах, которое в ряде случаев к тому же подавлялось конкурирующим импортом продовольственных товаров; начиная с середины 70-х годов нефтедобывающие государства являлись наиболее динамично растущими рынками для американской продовольственной продукции [32].

Продовольственная помощь с начала ее предоставления (1954 г.) использовалась США для создания в странах-получателях коммерческих рынков для американской сельскохозяйственной продукции. Причем в разряд коммерческих покупателей из числа государств — объектов продовольственной помощи США — во второй половине 70-х годов переходили и развивающиеся страны с низким среднедушевым доходом, в отличие от предыдущих этапов, когда круг коммерческих покупателей расширялся в основном за счет либо развитых капиталистических государств — на первом этапе, либо ограниченной группы стран и территорий в развивающемся мире, пользующихся особой поддержкой Соединенных Штатов,— на втором этапе (Тайвань, Южная Корея, Турция и др.) [33].

Тем самым расширялось число стран-получателей, вынужденных искать решение проблем, вызванных изменением структуры рациона питания населения под воздействием продовольственной помощи стран Запада. Действительно, при переходе широких масс населения к потреблению импортируемых продуктов, например от риса к пшенице, с одной стороны, могут страдать интересы мелких крестьян, реализующих часть продукции на рынке и не имеющих возможности изменить структуру производства с учетом сдвига в продовольственных потребностях, а с другой — возникает проблема изыскания дополнительных средств в иностранной валюте для финансирования импорта пользующихся повышенным спросом иностранных продовольственных товаров, причем в условиях, когда по тем или иным причинам сокращаются или прекращаются их льготные поставки, что и было характерно для рассматриваемого периода.

Во второй половине 70-х годов продовольственная помощь США отличалась еще большей политической избирательностью, чем когда-либо прежде. В этот период подавляющая часть концессионных поставок продовольствия поступала в Израиль и Египет [34].

На третьем этапе заметно расширилась продовольственная помощь развивающимся странам со стороны Европейского экономического сообщества. Посредством ее ЕЭС стремилось ослабить позиции США в странах — получателях помощи и одновременно не допустить конкурентов в уже существующие зоны «особых отношений» Сообщества с развивающимся миром. Продовольственная помощь, субсидируемая за счет средств государственных бюджетов стран — членов ЕЭС, служила в первую очередь глобальным интересам «европейских» ТНК, облегчая их внедрение в экономику стран-получателей. В частности, продовольственная помощь ЕЭС все более ориентируется на страны — ассоциированные члены Сообщества. Поставки продовольствия по этой линии особенно возросли в связи с заключением соглашения «Ломе-II» между этими двумя группами государств (1980 г.).

Анализ двусторонних программ продовольственной помощи отдельных стран ЕЭС свидетельствует о том, что выбор получателей определяется прежде всего степенью общей экономической и политической «отдачи» этих программ для империалистических доноров.

В то же время само существование продовольственной помощи тесно связано с образованием «излишков» продовольственной продукции в странах ЕЭС. В результате действия единой сельскохозяйственной политики на протяжении 70-х годов в ЕЭС наблюдалось значительное повышение производства ряда товаров над внутренним платежеспособным спросом. Глав-

ным образом это относится к зерновым, прежде всего пшенице, а также к молочным продуктам и некоторым другим продовольственным товарам. Затраты на поддержание этого превосходящего потребности производства и хранение не находящих сбыта в системе коммерческой торговли продовольственных товаров ложатся тяжелым бременем на бюджет ЕЭС. Так, в 1980 г. на поддержку программ производства молока, часть излишков которого скармливалась скоту, было израсходовано 43% всех средств в рамках бюджета единой сельскохозяйственной политики Сообщества, что составило 7 млрд. долл.[35]. Использование в таких обстоятельствах продовольственной помощи как поглотителя части излишнего продовольствия оказывалось в ряде случаев более выгодным мероприятием, чем содержание значительных запасов[36].

При этом зачастую ни страны ЕЭС, ни США и другие западные доноры не принимали во внимание ситуацию с производством в странах-получателях. Например, приток американского зерна в Бангладеш в период относительно высоких урожаев в последней имел крайне тяжелые последствия для местных производителей — происходило снижение цен, выплачиваемых им за произведенную продукцию, разорение широких масс крестьян, работавших на рынок, и как следствие — снижение производства продовольствия.

Как отмечали прогрессивные американские экономисты Дж. Коллинз и Ф. Лаппе, «демпинг большого количества дешевого американского зерна в развивающиеся страны делает для мелких местных производителей экономически невозможным вести конкурентную борьбу с иностранными поставщиками на зерновых рынках»[37]. Это характерно и для продовольственной помощи других западных доноров, предоставляемой многим странам Азии и Африки[38].

Действительно, как показывают результаты ряда исследований, поставки продовольственной помощи не только не способствовали снижению остроты продовольственной проблемы, но, напротив, тормозили процесс достижения самообеспеченности продовольствием развивающихся стран[39]. Пример нескольких стран-получателей свидетельствует, что продовольственная помощь странам капиталистической ориентации выступает как форма поддержки угодных Западу правящих режимов и служащих им опорой социальных групп и зачастую просто не доходит до городских, а тем более деревенских низов, которые несут на себе основное бремя тяжести продовольственного кризиса. Это ведет к обострению социальной напряженности в данной группе стран.

Четвертый этап внешней продовольственной политики Запада в отношении развивающихся стран начался на рубеже 70—80-х годов. Особенности данной политики на рассматриваемом этапе тесно связаны с усилением двух тенденций на арене международной жизни.

Во-первых, это резко возросшая агрессивность империализма, его ставка на военную силу как решающий фактор внешнеполитической деятельности. Данный курс во многом определен безуспешностью попыток капиталистических государств преодолеть кризисные тенденции в функционировании мирового капиталистического хозяйства и затормозить утрату позиций капиталистического мира в его историческом споре с мировой системой социализма. Отсюда следует и отношение Запада к развивающимся странам, которое во многом исходит из того, в какой мере эти страны можно пристегнуть к империалистической политике противоборства со странами социалистического содружества. Милитаризация внешнеполитического курса, особенно характерная для США, ведет к тому, что помощь для развития (в том числе и продовольственным секторам народного хозяйства развивающихся стран) и продовольственная помощь — прежде всего предоставляемые на двусторонней основе — направляются в первую очередь в освободившиеся страны, связанные с империализмом по линии военного сотрудничества. На другом полюсе по размерам получаемой помощи оказываются страны социалистической ориентации, занимающие антиимпериалистические позиции,— Никарагуа, Эфиопия, Ангола, Мозамбик и др.

Причем если ранее увязывание военно-стратегических интересов страны-донора с предоставлением названных видов помощи было предметом «тайной» дипломатии, то теперь такая обусловленность возведена в ранг государственной политики. Так, госдепартамент США прямо объявил, что «американская помощь будет предоставляться тем странам, которые непосредственно содействуют достижению стратегических целей Соединенных Штатов или в которых могут быть размещены американские войска»[40]. Действительно, военные ведомства США сыграли далеко не последнюю роль в том, что в первой половине 80-х годов подавляющая часть американской продовольственной помощи приходилась на Израиль, Египет, Пакистан, Кению и некоторые другие страны, представляющие интерес для этой империалистической державы прежде всего с военно-политической точки зрения. Именно эти страны были ведущими получателями и военной помощи со стороны Соединенных Штатов.

Усиление борьбы двух мировых систем предопределило ужесточение подхода к предоставлению помощи также западноевропейскими странами. Здесь тенденция к политизации условий предоставления помощи для развития стала принимать все более откровенные формы. Характерным можно считать заявление министра по вопросам экономического сотрудничества ФРГ о том, что страна «будет расширять отношения только с теми развивающимися странами, которые занимают дружественную позицию в отношении западного союза»[41]. Волна консерватизма захлестнула даже традиционно выдававшуюся за «ней-

тральную» политику продовольственной помощи ЕЭС, обусловив строгий отбор получателей этой помощи на двусторонней основе.

Второй существенной чертой эволюции государственно-монополистического капитализма в рассматриваемый период является дальнейший рост могущества ТНК, усиление воздействия частного, в первую очередь монополистического, капитала на государственную деятельность, включая сферу помощи. Это означает, что маршруты ресурсов, поступающие по двусторонним каналам помощи, будут в еще большей степени воспроизводить структуру заграничных инвестиций ТНК в развивающемся мире, т. е. сосредоточиваться в странах, обладающих относительно развитой инфраструктурой, емким внутренним рынком, квалифицированной рабочей силой, полезными ископаемыми, удобным географическим положением и т. д. Таким образом, помощь, связанная с продовольственным обеспечением развивающихся стран, еще меньше будет ориентироваться на реальное положение дел в данной области и все больше детерминироваться законами прибыльного приложения капиталов.

Растет использование продовольственной помощи и в качестве инструмента конкурентной борьбы. К этому средству внешнеторговой экспансии все чаще прибегают и «новички» в сфере экспорта продовольствия. Показателен в этом отношении пример Японии. С середины 70-х до начала 80-х годов она увеличила масштабы помощи продовольствием в шесть раз[42]. Существенная особенность программ японской помощи заключается в том, что ее основу составляют уже не закупаемые в третьих странах продовольственные товары, как это было ранее, а продукция собственных рисоводческих хозяйств Японии, что позволяет ей успешнее конкурировать с США на рынках азиатских стран, которые являются основными потребителями риса.

Ленинские слова о конкуренции «нескольких империализмов»[43] на современном этапе подтверждаются, в частности, нарастанием противоречий между США и странами ЕЭС в связи с борьбой за рынки сбыта сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах. В некоторых из них Европейское сообщество сумело потеснить позиции США и ряд других традиционных поставщиков продовольствия и создать, в частности посредством политики продовольственной помощи, коммерческие рынки сбыта для зернового хозяйства Франции.

Существенные сдвиги происходят на четвертом этапе в деятельности международных экономических организаций капиталистического мира. Более долгосрочный характер задач, стоящих перед ними, выразился в том, что они основной акцент при предоставлении помощи стали делать на необходимость сдвигов в экономической политике стран — получателей этой помощи. Главные требования, выдвигаемые при этом,— простор для частнокапиталистической деятельности, в том числе и для

иностранного капитала, ограничение расходов на социальные нужды, в том числе субсидий на продукты питания. Не случайно такого рода рецепты, рекомендованные прежде всего Международным валютным фондом, вызывают бурные протесты населения тех развивающихся стран, правительства которых следуют предписаниям названного института.

В политике неоколониализма наблюдается тенденция к переводу всего комплекса отношений с развивающимся миром на «здоровую» основу свободного предпринимательства, которая в конечном счете призвана заменить государственную помощь частными иностранными инвестициями. В русле этой тенденции Мировой банк проводит линию на дифференцированный подход к своим клиентам. Наиболее развитым из освободившихся стран предлагается обращаться за займами к коммерческим банкам, странам с более низкими экономическими показателями предоставляются сравнительно жесткие кредиты МБРР, а доступ к займам Международной ассоциации развития, отличающимся льготными условиями, открыт лишь для наименее развитых стран. При этом предполагается постоянное «созревание» получателей кредитов, т. е. переход их из низших групп в высшую. Целью такого подхода является дальнейшая интеграция развивающегося мира в мировое капиталистическое хозяйство, насаждение капиталистических отношений либо путем непосредственного контакта с транснациональными компаниями и банками, либо под диктовку агентств помощи. При этом интересы беднейших по уровню подушевого дохода стран страдают в наибольшей степени. Так, кредитование МАР сократилось в 1982 г. почти на 40% по сравнению с запланированным ранее уровнем[44]. И это сразу отразилось на объеме средств, поступающих в аграрную сферу таких стран.

В целом для внешней продовольственной политики развитых капиталистических стран на четвертом этапе характерен дифференцированный подход к получателям помощи в сфере продовольственного обеспечения, подход, базирующийся на предпочтениях, диктуемых военно-стратегическими интересами империализма либо частными интересами крупного монополистического капитала. Вместе с тем на этом этапе наблюдается известное изменение иерархии целей внешней продовольственной политики империализма. Цели, отражающие интересы ТНК и носящие краткосрочный и узкопрагматический характер, становятся ведущими в государственно-монополистическом регулировании внешнеэкономических связей развитых капиталистических стран с развивающимися, оттеснив долгосрочные задачи стабилизации этих связей на второй план.

Одним из проявлений этой тенденции и стало сокращение доли финансовых ресурсов, предоставляемых государственными и международными институтами капиталистического мира на льготных условиях, за счет повышения доли рыночных форм заимствования, что не только усиливает финансовую зависи-

мость освободившихся стран, но и предполагает полный отказ от ориентации на потребности малоимущих и неимущих слоев населения при использовании кредитов коммерческих банков для развития аграрной сферы и ее продовольственных подразделений.

Все более отчетливо проявляющееся доминирование интересов частного капитала во внешней продовольственной политике развитых капиталистических стран непосредственно связано с резким возрастанием в последние 10—15 лет мощи продовольственных ТНК [45].

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СТРАНАХ ВОСТОКА

Одной из характерных черт современного этапа развития систем продовольственного обеспечения в странах зоны МКХ стало массированное вторжение транснациональных корпораций (ТНК) в сферы производства, распределения и торговли продовольствием [45а]. О том, какое значительное место, особенно в 70-х и 80-х годах, в деятельности монополистического капитала Запада занял мировой продовольственный комплекс, свидетельствует тот факт, что уже в начале 80-х годов из 734 крупнейших международных монополий 100 ТНК с числом занятых 3,5 млн. человек и совокупной выручкой 325 млрд. долл. действовали преимущественно в промышленности по производству продовольствия, при этом ежегодная выручка каждой из 15 крупнейших компаний превышала 5 млрд. долл.[46].

Концентрация и централизация капитала в отраслях агробизнеса происходит поистине стремительными темпами [47]. Но даже на фоне крупнейших компаний резко выделяются «гиганты из гигантов», такие, как «Юнилевер», «Нестле» и некоторые другие, входящие в число лидеров транснационального капитала МКХ по масштабам своей деятельности [48].

Широким фронтом ТНК агробизнеса устремляются в продовольственные комплексы развивающегося мира, которые в 70—80-х годах становятся выгоднейшей сферой предпринимательской деятельности, обеспечивая широкое (фактически все более расширяющееся) экономическое пространство для экспансии этих ТНК.

Овладевая важнейшим звеном национальных систем жизнеобеспечения, ТНК существенно трансформируют внутренние условия социально-экономического процесса на периферии МКХ. Складывается ситуация, при которой, как пишет упоминавшийся выше мексиканский экономист-аграрник Э. Федер, «национальная аграрная политика в развивающихся странах не является более продуктом их собственного творчества. Она замышляется и осуществляется международным монополистическим капиталом агробизнеса» [49].

Национальные продовольственные комплексы развивающегося мира все более начинают функционировать как часть мировой системы производства, распределения и потребления продовольствия, подчиненной небольшой группе крупнейших международных монополий, направляются государственно-монополистическим капиталом Запада вкупе с ТНК на такой путь развития, который обеспечивает «углубление интеграции развивающихся стран в глобальную капиталистическую экономику, беспрепятственное поступление сырья, развертывание в этих странах новых рынков для промышленных товаров и гарантирует условия для прибыльных инвестиций» [50]. Именно на фоне этих глобальных процессов, навязываемых центрами МКХ развивающемуся миру, следует оценивать конкретный результат деятельности ТНК в сфере продовольственного обеспечения стран этого мира.

Ситуация, складывающаяся во многих развивающихся странах, максимально удовлетворяет таким условиям расширения экспансии западных ТНК, как благоприятный инвестиционный климат, дешевая рабочая сила и высокий уровень прибыли от капитальных вложений в продовольственные отрасли хозяйства, расширение внутреннего рынка в этих странах на ряд продовольственных товаров особого качества в связи с значительным усилением процессов урбанизации, сопровождающихся, как отмечалось, ростом концентрации доходов, расходуемых на потребление (в том числе продовольственное), в руках прежде всего имущих слоев города.

Поле деятельности ТНК в развивающемся мире обширно. Формы ее многообразны.

Одно из важнейших направлений этой деятельности, исторически сложившееся раньше других,— экспортная торговля «традиционными» сельскохозяйственными товарами (прежде всего продукцией тропического земледелия) из развивающихся стран. При этом ТНК все чаще организуют и направляют развитие производства такой продукции, ставя под свой контроль целые сельскохозяйственные отрасли, в ряде случаев представленные, как правило, мелкими производителями (например, производство кофе, какао, отчасти бананов и ананасов),— либо непосредственно, либо через местные государственные и кооперативные сбытовые и закупочные организации (так называемый «контрактный фарминг» — производство и поставки сельскохозяйственного сырья по договорным соглашениям с местными производителями — мелкими крестьянами и/или сельскими предпринимателями).

Степень монополизации такой торговли необычайно высока. По авторитетному свидетельству центра ООН по транснациональным корпорациям, последние в конце 70-х годов продолжали контролировать около 80% экспорта сельскохозяйственных товаров из развивающихся стран [51]. В торговле некоторыми видами продукции доля ТНК еще выше (табл. 22).

При этом основной контроль над движением подавляющей части товарной продукции тропического земледелия, экспортируемой из развивающихся стран, захватили несколько крупнейших монополий. В мировом распределении в сбыте бананов заправляют три ТНК — «Юнайтед Брендз», «Касл энд Кук» и «Дель Монте», на которые приходится около половины мировой торговли этой продукцией. Восемь крупнейших перерабатывающих фирм держат в своих руках 55—60% мирового рынка кофе [52]. Такая же картина наблюдается и в экспортной торговле многими другими сельскохозяйственными товарами.

Другим важнейшим направлением деятельности продовольственных ТНК, особенно интенсивно развивающимся примерно с 70-х годов, является организация производства готовых продуктов питания, в том числе продуктов с высокой стоимостью, добавленной «многоярусной» обработкой. Именно за счет активного проникновения в пищевую промышленность столь значительно выросло число филиалов ТНК в продовольственных комплексах развивающихся стран.

В середине 70-х годов из 165 крупных и крупнейших ТНК агробизнеса (размер годовой выручки — свыше 300 млн. долл. у каждой), обследованных Центром ООН по транснациональным корпорациям (всего таких ТНК было 188), 110 монополий имели в развивающихся странах 800 филиалов, на которые приходилась одна восьмая часть всей продукции, выпускаемой перерабатывающей промышленностью этих стран [53]. Кроме того, через систему участия, лицензий, договоров о поставках транснациональные корпорации контролируют в развивающихся странах большое число национальных предприятий, связанных с производством сельскохозяйственной продукции. Поэтому в действительности под властью транснационального капитала оказывается заметно большая часть перерабатывающей промышленности. В странах АСЕАН, например, к началу 80-х годов ТНК контролировали более 30% производства по переработке продовольственной продукции [54].

Захват продовольственных комплексов развивающегося мира происходит параллельно с значительными структурными изменениями в деятельности ТНК агробизнеса.

Наряду с ростом концентрации и централизации капитала в сфере агробизнеса наблюдается усиление диверсификации производственной деятельности ТНК. При этом, с одной стороны, в сферу интересов «традиционных» продовольственных монополий попадают все новые отрасли сельского хозяйства, а с другой — происходит все более широкое проникновение в сферу производства и торговли сельскохозяйственной продукцией транснациональных корпораций, не связанных ранее с сельским хозяйством и пищевой промышленностью [55]. Происходит сложный процесс «взаимопроникновения, вертикальной и горизонтальной интеграции, диверсификации, концентрации и конгломератизации крупных компаний: продовольственные монополии внедряются в непродовольственные отрасли и, наоборот, не связанные со сбытом продовольствия компании все активнее занимаются его производством и торговлей» [56].

Все это свидетельствует о растущей привлекательности сферы агробизнеса для монополистического капитала, возможности присвоения высоких прибылей, обеспечению которых способствует ряд факторов.

Один из важнейших факторов — низкие издержки производства продукции. Особенно незначительны, по сравнению с условиями производства в развитых капиталистических странах, затраты на рабочую силу [57]. Но и в случае, когда продукция производится в крестьянских хозяйствах, связанных с ТНК системой «контрактного фарминга», картина остается схожей — «цена производителя в реализуемой цене такой продукции крайне незначительна» [58].

Стремление достичь максимальной прибыли при наименьших затратах ведет к передислокации целых отраслей продовольственного производства и переработки в развивающиеся страны. Относительно более высокие цены на землю и более высокая стоимость рабочей силы на Гавайях заставили ТНК «Касл энд Кук» перевести производство и переработку ряда тропических продовольственных продуктов на Филиппины и в Таиланд. По той же причине «Дель Монте» переместила производство ананасов с Гавайских островов на Филиппины [59], в Кению и Гватемалу, «Доул» — на Филиппины и в Таиланд. Рост стоимости рабочей силы в развитых капиталистических странах вызвал значительное расширение во многих развивающихся странах производства и переработки птицы для ее последующего экспорта, поскольку в данной отрасли высока доля трудоинтенсивных операций (отделение мяса от костей и др.) [60].

В этой связи можно отметить, что чаще всего в развивающиеся страны переводится производство и переработка того сельскохозяйственного сырья, которое требует широкого привлечения ручного труда. Однако следует сказать, что такой перевод может быть связан и с основанием технологически зрелого производства и переработки сырья (механизированная уборка урожая, создание птицеводческих и животноводческих комплексов, автоматических перерабатывающих заводов) [61].

Укреплению позиций западного агробизнеса во многих развивающихся странах способствует также политика их правящих групп в отношении иностранных инвестиций в сельское хозяйство, и в частности в производство продовольствия.

Испытывая острые трудности в выплате громадных сумм по внешней задолженности, не рассчитывая на сколько-нибудь значительный приток инвестиций в рамках западной помощи для развития, многие афро-азиатские страны в последние годы делают попытки привлечь частный иностранный капитал, а вместе с ним и передовую технологию, облегчая условия для деятельности ТНК в различных отраслях сельского хозяйства

и промышленности, в частности пищевой. Эта тенденция не носит абсолютного характера, и даже отмечены случаи изгнания крупных компаний агробизнеса из принимающих стран («Нестле» из Нигерии, «Кока-Кола» из Индии и др.).

Однако период жесткого отношения к иностранной собственности (проявлявшегося помимо прочих мер и в ее национализации) и усиления контроля над деятельностью ТНК к середине 70-х годов во многих странах завершился; с этого времени начинает все больше утверждаться тенденция к либерализации доступа иностранных монополий в ряд секторов национальной экономики, в том числе в сельское хозяйство и пищевую промышленность. Западные монополии агробизнеса освобождаются от пошлин при ввозе оборудования для обрабатывающих предприятий, им предоставляются различные налоговые льготы, гарантируется свободный перевод прибылей, государство обеспечивает создание необходимой для функционирования продовольственных ТНК инфраструктуры [62]. Так, широкое проникновение западных монополий в производство и переработку продовольственного сырья в ряде стран АСЕАН в значительной степени объясняется созданием в них современной инфраструктуры. И наоборот, относительно незначительные инвестиции ТНК агробизнеса в такой стране АСЕАН, как Индонезия, объясняются помимо прочих причин тем, что инфраструктура в стране одна из худших в Азии.

Значительную помощь продовольственным монополиям в расширении их деятельности в развивающихся странах оказывают правительства развитых капиталистических государств, что диктуется еще и особыми политическими интересами последних в принимающих странах. Так, с начала 80-х годов резко активизировало свою деятельность по содействию экспансии в развивающиеся страны американских ТНК агробизнеса правительство США [63]. Особенно широка поддержка монополий агробизнеса со стороны международных финансово-кредитных институтов Запада — Мирового банка, региональных банков развития и др. До середины 60-х годов МБРР весьма мало занимался финансированием сельскохозяйственного развития. «Именно тогда, когда ТНК агробизнеса начали свои прибыльные операции в „третьем мире“, Банк увеличил капиталовложения в сельское хозяйство и долю средств, направляемых в аграрный сектор в целом» [64]. Более того, именно с помощью средств Мирового банка создавались условия для последующего прибыльного приложения капитала монополий Запада — на первых этапах главным образом в сфере производства и переработки традиционных тропических культур, а за последние 10—15 лет преимущественно в животноводстве, производстве мяса и др.

Все более подчиняя своему контролю производство продовольствия в зоне МКХ, транснациональные корпорации перекраивают карту размещения продовольственных отраслей хо-

зяйства, развивая международное разделение труда в агросфере этой зоны в удобном и выгодном для своих интересов направлении. Выше уже упоминалось о перемещении ТНК некоторых производств, обслуживающих продовольственные нужды западного потребителя, из одних районов развивающегося мира в другие. С начала 70-х годов ТНК все активнее занимаются и частичным переводом отдельных отраслей, производящих продовольственное сырье и готовую продукцию, из развитых капиталистических стран в развивающиеся, причем объектом такого перевода может быть и производство культуры, «выращиваемой в обычных климатических условиях» [65]. Особенность этого процесса, в отличие от его «промышленного аналога» (вынос на периферию МКХ из его центров части отраслей промышленности), возможно, состоит в том, что в аграрной сфере ТНК покушаются на наиболее дефицитные в развивающихся странах ресурсы — землю, доступную для сельскохозяйственного использования, и воду, добыча и включение в производство которой сопряжено с растущей затратой национальных финансово-материальных средств.

Направление инвестиций западных монополий в сельское хозяйство развивающихся стран отражает основные тенденции в политике ТНК агробизнеса — производство продовольственной продукции (в том числе фруктов, овощей, мяса и др.) с высокой степенью обработки для экспорта в развитые капиталистические государства (а также для продаж состоятельным потребителям в развивающихся странах).

Многие районы развивающегося мира все чаще становятся «огородами и садами, фермами и птичниками», поставляющими продукцию для потребления в Японии, странах ЕЭС, США. К концу 70-х годов уже более 25% всей пищевой промышленности развивающихся стран ориентировано на удовлетворение продовольственных запросов западного мира [66].

В этом отношении характерным является пример Филиппин. С начала 70-х годов страна превратилась в одного из ведущих производителей бананов и консервов из них. При этом в банановой промышленности Филиппин доминируют американские и японские ТНК, которые распространили свою монополию прежде всего на экспортную торговлю продукцией. «Если филиппинские предприниматели еще могут участвовать в производстве бананов на экспорт, то в самом экспортном бизнесе им отводится мизерная роль — он практически полностью находится в руках трех американских фруктовых ТНК и гигантской японской компании „Сумитомо“ [67]. Например, американская ТНК „Касл энд Кук“ обеспечивает более трети всего филиппинского экспорта бананов в Японию [68]. Именно контроль над сферой обращения приносит ТНК максимальные прибыли» [69].

В 70-е годы западные монополии превратили Филиппины в одну из крупнейших каучуковых плантаций Юго-Восточной Азии. При этом в стране, где практически не осталось свобод-

ных земель, «расширение площадей для производства каучука могло иметь место только за счет изъятия земель, занятых под другими культурами»[70].

Контролируемое ТНК производство, занимающее значительные земельные площади, развивается и в других странах АСЕАН. В них расширяется производство на экспорт таких новых товаров, как манго, молодая кукуруза, спаржа, горох, грибы, побеги бамбука и т. д. Так, в Малайзии, Таиланде, на Филиппинах ТНК участвуют в производстве, ориентированном исключительно на экспорт, «экзотических» видов овощей и фруктов. В Японию, Гонконг, Северную Америку отправляются плоды манго, арбузы, папайя и др. На Филиппинах с участием иностранного капитала создаются крупные хозяйства, занимающиеся производством на экспорт в развитые капиталистические страны грибов, бобов и т. д. ТНК вкладывают средства в «цветочный» бизнес, ориентированный на поставку продукции в США и Западную Европу, и т. д.[71].

С середины 70-х годов ТНК начали в странах Азии производство на экспорт замороженных фруктов и птицы, причем темпы развития этих новых отраслей пищевой промышленности уже чрезвычайно высокие — в 1975—1980 гг. экспорт названных товаров, например из Таиланда, ежегодно увеличивался в 3,3 раза. И темпы эти, очевидно, еще более возрастут, «так как ввиду трудоемкого характера переработки и постоянно растущего рыночного спроса на мясо в промышленно развитых странах западные импортеры мяса считают инвестиции в развивающиеся страны необходимыми и весьма прибыльными»[72].

Так, японские и американские ТНК все глубже проникают в сферу производства и торговли мясом крупного рогатого скота и птицы на Филиппинах. Эти компании «намерены превратить Филиппины в базу для экспорта мясных продуктов в Японию и другие азиатские страны»[73]. В переработке мяса для его последующего экспорта участвуют дочерние компании таких американских ТНК, как «Армур», «Свифт», «Феникс» и др. На принадлежавших им предприятиях производятся различные виды мясных продуктов — ветчина, колбасы, бекон, мясные консервы с овощами и т. д. Причем в то время как ТНК расширяют экспорт этих товаров, самообеспеченность Филиппин в говядине не достигает и 50%. Как отмечает Р. Офренео, в стране растет число голодающих и недоедающих людей, тем не менее «Филиппины вывозят за рубеж мясные продукты — один из ценнейших источников необходимого организму протеина»[74].

В целом ситуация в развивающихся странах складывается таким образом, что они все глубже втягиваются транснациональными корпорациями агробизнеса в современное международное капиталистическое разделение труда, при котором обширные подразделения их аграрных секторов превращаются в

первичные «цеха» по производству сельскохозяйственной продукции и подготовке ее к потреблению в странах развитого капитализма. При этом, как замечает известный гонконгский экономист Хо Квонпинг, «западный и японский потребитель не имеет представления, откуда поступают эти продукты: практически все экзотические продовольственные товары имеют на себе клеймо всего нескольких ТНК: «Доул», «Дель Монте», «Юнайтед Брэндс»[75].

В целом подчиненный ТНК производящий сектор продовольственного комплекса (включающий как стадию производства определенного продовольственного сырья, так и конечную стадию его переработки), обеспечивающий поставки продовольственной продукции особой номенклатуры и особого качества в другие страны (главным образом развитые капиталистические), выступает как производственный анклав, интегрированный не в местное хозяйство, а в мировую систему капиталистического хозяйства, образуя «внешний отдел» капиталистической экономики главных импортеров такой продукции, продолжение их внутреннего рынка.

Особое место в экспансии ТНК агробизнеса занимает производство на внутренний рынок развивающихся стран. Здесь отчетливо выделяются две главные тенденции. Во-первых, это — стремление сдерживать там, где это представляется возможным, производство основных культур как процесс, нежелательный для крупнейших монополий, осуществляющих торговлю продовольственным зерном, или препятствующий переключению местных ресурсов на производство продукции, которое монополизировано ТНК.

Несмотря на широкую рекламу внедрений западных ТНК в продовольственное производство развивающихся стран как фактора, положительно влияющего на развитие последнего и даже на смягчение продовольственной проблемы в развивающемся мире, эти монополии в действительности не заинтересованы в инвестициях в производство основных продовольственных культур, поскольку такие инвестиции не способны принести «даже скромных прибылей»[76]. Как вынуждены все чаще признавать сами представители развивающихся стран, «модернизация сельского хозяйства третьего мира, осуществляемая большим бизнесом по капиталистическому пути, способствует общей стагнации продовольственного производства, в особенности производства основных продовольственных культур»[77].

В связи с тем что производство сельскохозяйственной продукции, контролируемое ТНК, активно поглощает лучшие земли и использует заметную часть доступных водных ресурсов, под основные продовольственные культуры нередко отводятся лишь худшие, менее продуктивные земельные площади. Это увеличивает издержки производства по возделыванию таких культур и соответственно отрицательно воздействует на продовольственное положение широких масс городского и сельского

населения. Увеличение производства мяса на экспорт, осуществляемое ТНК, в ряде случаев усиливает напряженность продовольственной ситуации в развивающихся странах, ибо сопровождается ростом использования земельных площадей для выращивания кормовых культур вместо продовольственных, готовых для непосредственного употребления в пищу [78].

Вторая тенденция — расширение производства и продажи продовольственной продукции с высокой стоимостью, добавленной обработкой, продукции «евроамериканского» типа (по номенклатуре, технологии производства и соответственно цене), в расчете прежде всего на достаточно обеспеченные слои населения (но не только на них).

В результате ТНК вырабатывают такую структуру продовольственного потребления внутри развивающихся стран, которая все меньше соответствует структуре местного производства продовольствия и при этом мало «стыкуется» с уровнем доходов главной массы населения — наиболее многочисленных групп трудящихся, как раз и призванных обеспечивать массовый и емкий спрос на внутреннем рынке. Отрицательная роль ТНК агробизнеса в потребительском звене национальных систем продовольственного обеспечения в том и состоит, что, активно навязывая западные стандарты продовольственного потребления во всех слоях населения, оказавшихся в орбите их влияния, эти монополии принуждают общества развивающихся стран выплачивать им особую дань, размеры которой прямо пропорциональны масштабам их хозяйничанья в продовольственных комплексах этих стран: за одно и то же количество (по питательной ценности) потребляемого продовольствия населению развивающегося общества приходится расплачиваться все более значительной частью своего совокупного дохода. Более того, часть продукции, выпускаемой ТНК под видом «продовольственной», обладает питательной ценностью, близкой к нулю, или вообще таковой не обладает [79]. Именно в растрате той или иной части совокупного общественного труда (обеспечивающей в то же время присвоение высоких прибылей продовольственным монополиям) проявляется глубоко отрицательная роль внедрения в сферу потребления экономически отсталого общества так называемой фирменной продовольственной продукции с высокой степенью обработки. Поистине велик «тот вклад, который транснациональные корпорации вносят в создание спроса, а не в удовлетворение жизненно важных потребностей на рынках, испытывающих острую нехватку доходов»! [80].

В бедных слоях населения последствия этого «вклада» ощущаются особенно трагично. Ведь ТНК закрепляют спрос на производимую ими продукцию не только у богатых, но и у многочисленных отрядов трудящихся, получающих мизерные доходы, и тем самым «переключают на себя» часть платежеспособного продовольственного спроса этих людей за счет уменьшения их и без того низкого спроса на местные традицион-

ные продукты питания (как правило, более необходимые для поддержания энергетически достаточной нормы потребления). Например, «производители фирменных товаров успешно реализуют среди потребителей с низкими доходами такие продукты, как напитки и кондитерские изделия, замещая таким образом часть спроса на нефирменные, основные продукты питания» [81].

Определяя свое отношение к таким явлениям, комиссия ООН по транснациональным корпорациям называет навязываемую последними структуру потребления в развивающихся странах «неуместной», подчеркивая, что ТНК формируют в развивающихся странах такие модели «потребительского спроса и структуры потребления, которые могут быть неприемлемы в экономических и социальных условиях многих из этих стран» [82]. Среди «неуместных» могут быть самые разнообразные товары — напитки, искусственные пищевые продукты и многое другое.

Но наиболее извращенный вид западная модель потребления принимает в развивающихся странах с ростом потребления таких вредных для здоровья людей товаров, как табачные изделия и спиртные напитки, с особой настойчивостью навязываемые ТНК местному населению. Сбыт этих товаров приносит ТНК сказочные прибыли, и не случайно монополии не жалеют средств на рекламу, прибегая зачастую к таким ее формам, которые находятся «вне закона» во многих странах развитого капитализма [83]. И это приносит свои результаты. Директор Всемирной организации здравоохранения был вполне прав, подчеркивая тот «прискорбный факт», что «в тех странах, где население испытывает наибольшую нужду в продовольствии, где широко распространены бедность и неграмотность... из года в год становится все больше курильщиков, без всякой нужды ухудшающих свое здоровье и усложняющих решение и без того крайне серьезных проблем социального и экономического развития» [84].

Сбыт табачных изделий транснациональными корпорациями в развивающихся странах за последние годы заметно вырос: в Африке, например, за 70-е годы продажа сигарет на душу населения выросла на треть, в Латинской Америке и Азии увеличение сбыта было еще большим. Но достигнутое не предел: отличающиеся необычайной экономической мощью табачные ТНК резко расширяют объем своих операций в развивающемся мире, рассматривая его «как растущий рынок для своей продукции, которой все более начинают сторониться американцы» [85].

То же самое относится к распространению в развивающихся странах спиртных напитков. Монополизация рынка спиртных напитков и его интернационализация привели к тому, что население развивающихся стран все сильнее втягивается в орбиту деятельности ТНК, занятых в этой сфере; в результате «потребителями алкоголя становятся те слои населения, которые до

сих пор мало интересовались такими напитками». При этом «верхушечные слои в этих странах, обладая высокой покупательной способностью, стали очень скоро ориентироваться на западный образ жизни»[86]. Но вместе с тем благодаря хорошо продуманной и мощной рекламе вырос спрос на спиртные напитки и среди слоев населения с более низкими доходами.

Если общемировое производство пива с начала 60-х до начала 80-х годов увеличилось в 2 раза, то в странах развивающегося мира, благодаря главным образом усилиям ТНК, оно возросло на 400%[87]. Из 46 стран, где производство этого алкоголя с 1975 по 1980 г. увеличилось более чем на 50%, 42 страны являются «беднейшими» (по определению ООН), в которых голод и недоедание широко распространены среди значительных масс трудящегося населения.

Переориентация стандартов продовольственного потребления у населения развивающихся стран под влиянием ТНК агробизнеса происходит в разнообразных формах. Одна из них — стимулирование в развивающихся странах спроса на сублимированные продукты. Наибольший вклад в создание такого спроса внесла Италия, обеспечивая «сначала робко, а затем все с большей уверенностью поставки высококачественных итальянских продуктов в страны третьего мира вместе с традиционной помощью в виде риса, пшеницы и кукурузы»[88]. Основными потребителями новых видов продовольствия являются страны Сахеля, Африканского Рога и юга Африки. В данном случае сбыт дорогостоящих продуктов, которые долгое время могут храниться в жарком климате без создания для этого специальных условий и одновременно с этим являются престижными видами продовольствия, соответствующими западным стандартам, приносит громадные прибыли ТНК, стимулирующие последних увеличивать поставки на рынки развивающихся стран практически любых продуктов, прошедших процесс сублимационной обработки: мясо, рыбу, помидоры, цитрусовые, овощные супы, зеленый горошек и др. В итоге «после успеха первых экспериментов страны третьего мира уже сами делают запросы на сублимированное продовольствие»[89]. Судан, например, разработал трехлетнюю программу расширения потребления такой продукции. Таким образом, устанавливаются новые формы зависимости национальных систем продовольственного обеспечения от продовольственных ТНК, которые контролируют как производственные мощности, так и технологию процесса сублимации, формируют структуру сбыта, исходя в конечном счете из интересов максимализации прибыли, активно влияют на стандарты продовольственного потребления в развивающихся странах.

Как было отмечено в Третьем обзоре Центра ООН по ТНК (1983 г.), в последние годы отмечаются значительные перемены в стратегии ТНК агробизнеса. При общем значительном росте абсолютных масштабов операций ТНК в развивающихся странах относительно сокращается непосредственное участие этих

монополий в сфере производства в сельском хозяйстве и усиливается их внедрение в другие, смежные отрасли экономики. Непосредственное участие в производстве в ряде случаев замещается, как отмечалось ранее, опосредованным — через «контрактный фарминг»[90]. Существенно повышается роль ТНК в обеспечении сферы производства в сельском хозяйстве средствами производства и технического содействия, характер которых соответствует новейшим достижениям НТР (поставки элитных семян и племенного материала, агрохимических средств и техники, в том числе специализированной, консультативное обслуживание и др.). Возникает ситуация, при которой воспроизводственный процесс в самых современных, технологически новых подразделениях продовольственного сектора национальных хозяйств попадает во все большую зависимость от ТНК агробизнеса, становится составной частью воспроизводственного процесса в соответствующих звеньях экономики стран центров МКХ.

Весьма важным направлением формирования и укрепления такой зависимости является усиливающаяся монополизация транснациональными корпорациями сферы научно-исследовательских и опытных конструкторских разработок, касающихся сельскохозяйственного производства. Как свидетельствуют исследования, подавляющая масса НИОКР концентрируется у небольшого числа крупных монополий. В частности, крайне высокой степенью монополизации отмечается выведение гибридных семян высокоурожайных сортов зерновых и др. Корпорации, занимающиеся производством и сбытом высококачественного семенного материала и одновременно работающие над созданием новых технологий производства сельскохозяйственных культур,— крупные «агрохимические» ТНК, контролирующие производство и сбыт пестицидов, гербицидов, удобрений.

Еще в 60-е годы в капиталистическом мире производством семян было занято около 1 тыс. частных фирм. В 70-е годы началось активное проникновение транснациональных корпораций в эту область. С 1970 по 1980 г. около 50 крупных ТНК приобрели 150—200 семеноводческих компаний, многие из которых были ведущими в своих областях[91]. В итоге ТНК активно занялись производством и сбытом гибридных семян в развивающихся странах[92].

Одним из главных средств установления контроля ТНК над внедрением в земледелие нового семенного материала является монополизация ими патентов на те или иные сорта растений. С конца 60-х годов в Европе и в 70-х годах в США было введено патентное право в сфере растениеводства, что стимулировало ТНК заняться сбытом семян под своей торговой маркой. Свыше 30% всех патентов в области растениеводства, выданных с 1970 по 1979 г., принадлежит всего пяти монополиям, три компании являются владельцами 80% патентов на бобовые, четыре контролируют 45% патентов на семена хлопка, 60% —

на семена салата, 48% — на семена соевых бобов, 36% патентов на семена пшеницы [93]. Имея патент на какой-либо сорт семян, корпорация-владелец получает возможность взимать особую плату за использование этого сорта, дополнительно к обычной цене реализации. При этом в ряде случаев ТНК ухищряются запатентовать те сорта культурных растений, которые выводили и сохраняли, передавая из поколения в поколение, сами непосредственные производители традиционного общества [94].

Вторжение ТНК в семенное хозяйство развивающегося мира сопряжено с серьезной угрозой ухудшения мирового генофонда используемых в сельскохозяйственной практике растений, поскольку внедряемый транснациональными корпорациями в развивающиеся страны патентованный семенной материал часто вытесняет традиционные, негибридные семена, в результате теряются их ценнейшие качества, накопленные веками эволюции. «А поскольку это происходит в глобальном масштабе, страны, по преимуществу сельскохозяйственные, невольно бросаются в объятья ТНК, которые превращаются в единственных владельцев сельскохозяйственных ресурсов мира... Сопротивляемость тех или иных растений развивалась на протяжении многих тысячелетий, но сейчас ее приносят в жертву ради прибылей корпораций за какие-нибудь десятилетия» [95].

Утверждению воспроизводства зависимого типа в современном секторе земледельческого хозяйства способствует и сам характер «услуг», оказываемых ТНК в развитии новых систем производительных сил в аграрной сфере развивающегося мира. Гибридные семена, как известно, не производятся в самом хозяйстве, специализирующемся на выпуске конечного (сырьевого) продукта земледелия, их для каждого нового цикла производства приходится покупать заново. Более того, оптимальная экономическая отдача (т. е. величина производимого продукта) от использования нового семенного материала достигается лишь при использовании весьма большой массы удобрений (причем в строго определенном для каждого сорта земледельческой культуры наборе) и средств борьбы с вредителями растений. Соответственно максимальную прибыль обеспечивает сбыт всего производственного комплекса, а не отдельных его элементов в розницу. Поэтому ТНК и продают в развивающиеся страны новую технологию одновременно со всем набором средств производства, образующих ее материальную основу (высокоурожайные семена, весь «пакет» удобрений, гербицидов, пестицидов и др.), накрепко привязывая воспроизводственный процесс в их продовольственных секторах к воспроизводственным потокам в центрах МКХ и реализуя эту зависимость в присвоении значительной массы неоплаченного труда населения стран — объектов их хозяйничанья.

В 70-е годы агрохимия была одной из наиболее динамично развивающихся отраслей химической промышленности в мире [96].

При этом наиболее быстро растущим рынком являются развивающиеся страны, где, по мнению специалистов «агрохимических» ТНК, коэффициент потенциального роста спроса на продукцию агрохимии составляет 15—20% в год [97]. Высокая монополизация ТНК сбыта этой продукции характерна для всех районов развивающегося мира. Наблюдается она и в странах Азии; в некоторых из них четыре-пять монополий к концу 70-х годов захватили в свои руки подавляющую часть внутреннего рынка на агрохимические средства производства [98].

Технологическое преобразование земледельческого хозяйства, осуществляемое ТНК, в ряде случаев сопровождается в развивающихся странах процессами, отрицательное влияние которых далеко выходит за пределы собственно сферы производства. В частности, в практику «агрохимических» ТНК вошел сбыт на зарубежных рынках той продукции, которую они по различным причинам не могут реализовывать в своих странах. Часто поводом к этому служит запрет сбыта из-за опасности данной продукции для здоровья населения. По данным Всемирной организации здравоохранения, в развивающихся странах в результате воздействия пестицидов ежегодно заболевает 500 тыс. человек. Специалисты считают, что причиной этих болезней являются те химикалии, которые ввозятся в Африку, Азию и Латинскую Америку «агрохимическими» ТНК и использование которых запрещено или ограничено в развитых капиталистических странах [99].

В меньшей степени на развитие продовольственных секторов стран Востока оказывают влияние НИОКР, осуществляемые ТНК в сфере животноводства. Однако и здесь есть области, в которых монополии расширяют поле своей деятельности. Птицеводство стран Азии, например, испытывает «все более сильную конкуренцию со стороны производителей улучшенных гибридных пород птицы, которыми являются частные компании США, Канады, Западной Европы» [100]. В Индии эти компании непосредственно конкурируют с государственными племенными хозяйствами, выращивающими птицу более дешевых, но менее эффективных пород. В Пакистане государственные фермы просто «решили не выходить на коммерческий рынок», где их продукция неконкурентоспособна по отношению к продукции ТНК. Действительно, как отмечает индийский экономист М. Мансур, «чрезмерная зависимость от иностранной технологии, навыков и методов может отрицательно сказываться на развитии местной инициативы» [101]. И это уже происходит во многих странах развивающегося мира.

Таким образом, надежды развивающихся стран на создание с помощью транснациональных корпораций агробизнеса мощного сектора продовольственного производства, обладающего необходимой структурой, оказываются несбыточными. Создаваемые западными монополиями производственные и перерабатывающие мощности в агросфере и пищевой промышленности

развивающихся стран не только не интегрированы в общий хозяйственный механизм этих государств, но зачастую являются причиной подрыва сложившихся связей в системе продовольственного обеспечения освободившихся стран, способствуя росту числа обездоленных людей. Такая аграрная структура развивающихся стран, при которой производство ориентируется прежде всего на продовольственные стандарты развитых капиталистических государств, а также на зажиточное меньшинство принимающих стран, приводит, по справедливому замечанию Э. Федера, к «хаосу в предложении продовольствия, к истощению сельскохозяйственных ресурсов, геометрическому росту численности бедных людей и безработицы как в деревне, так и в городе и к неизбежному в этих условиях голоду» [102].

В системе производства и потребления продовольствия в развивающихся странах транснациональные корпорации выступают не просто как частный иностранный капитал, озабоченный присвоением максимально возможной прибыли, но и как мощнейший двигатель дальнейшего разделения труда в экономике несоциалистического мира, включая развивающиеся страны: и в этой своей роли они все более глубоко и на качественно новом уровне интегрируют продовольственные комплексы (производство, распределение, торговля, потребление) этих стран в мировое капиталистическое хозяйство. Данная интеграция не есть ровный и гладкий процесс, а, напротив, сопряжена с формированием новых диспропорций в динамике продовольственного комплекса, вытекающих как из становления в развивающихся странах замкнутого на все мировое капиталистическое хозяйство потребителя, так и из усиливающегося рассечения сферы национального производства и рынка продовольствия на все более не состыкующиеся между собой сегменты. Овладевая продовольственным комплексом, ТНК утверждают в нем зависимый тип капиталистического воспроизводства, не ослабляют, а, напротив, усиливают процесс развития «дуалистической» системы аграрных порядков.

Неподвластность действий ТНК в сфере продовольственного обеспечения (как, впрочем, и в любой другой сфере) национальному контролю выносит саму проблему контроля за пределы отдельно взятого развивающегося общества — на международный уровень, превращая ее решение в объект объединенных действий международного сообщества стран.

* * *

Углубление противоречий, связанное с негативным воздействием центров мирового капиталистического хозяйства на продовольственную ситуацию на его периферии, является составной частью и конкретным воплощением нарастающего кризиса существующего типа взаимоотношений между развитыми капиталистическими и развивающимися странами.

Достигнутый к середине 80-х годов уровень экономического могущества и масштабов деятельности агропромышленных ТНК делает все более актуальным решение противоречивой по своей сути задачи, стоящей перед ведущими империалистическими державами: с одной стороны, они должны продолжать всемерное содействие экспансии этих корпораций в развивающиеся страны (проблема сама по себе чрезвычайно сложная, если учесть необходимость освоения обширных пластов традиционной экономики), а с другой — направлять свои усилия на смягчение экономических диспропорций и социальной напряженности, вызванных данной экспансией, и в особенности в сфере продовольственного обеспечения.

Принципы функционирования государственных институтов, формирующих внешнюю продовольственную политику империализма, таковы, что при определении основных направлений этой политики предпочтение отдается частным, текущим, зримым задачам монополистического капитала перед общими долгосрочными и опосредованными целями, стоящими перед капиталистическим миром в целом. Соответственно основное внимание внешней продовольственной политики сконцентрировано на поддержке ТНК, а проблемы продовольственного обеспечения жителей развивающихся стран рассматриваются исходя из того, в какой мере данные проблемы препятствуют или способствуют осуществлению этой поддержки.

В столь несбалансированном подходе государства в странах центров мирового капиталистического хозяйства к регулированию внешнеэкономической деятельности явственно слышны отзвуки буржуазного экономического мышления прошлых лет, когда привлечение иностранного капитала рассматривалось как гарантия «экономического роста», а последний, в свою очередь, отождествлялся с «развитием».

Как убедительно демонстрирует ситуация в продовольственном обеспечении развивающихся стран, неотложность мер по упорядочению деятельности частного капитала в мирохозяйственных связях, по «укорачиванию» шлейфа деструктивных последствий его вмешательства в сферу продовольственного обеспечения развивающихся стран вытекает даже из задачи обеспечения нормальных условий воспроизводства всего мирового капиталистического хозяйства, в котором эти страны выполняют все более жизненно важные функции. Однако с начала 80-х годов наблюдается прямо противоположная тенденция. Интересы ТНК начинают оказывать все большее влияние на государственно-монополистическую деятельность, в том числе в области внешней продовольственной политики. Тем самым, выступая активным инструментом экспансии частного капитала развитых капиталистических стран в аграрную сферу развивающегося мира в целом и его продовольственные подразделения в частности, империалистическое государство объективно содействует нарастанию диспропорций в данной сфере, дающих

новый импульс росту социальной и экономической нестабильности в развивающихся обществах.

Не в силах здесь помочь и усиливающееся вмешательство империалистического государства. Слитность институциональных форм регулирования международных экономических связей в рамках МКХ и неоколониального содержания этих связей не допускает возможности радикальных изменений какой-либо одной стороны их единства без фундаментальных перемен в другой. Никакая перестройка существующего механизма государственно-монополистического регулирования деятельности транснационального капитала в сфере агробизнеса без изменений в характере мирохозяйственных связей не сможет вызвать ничего, кроме формирования диспропорций в национальных системах продовольственного обеспечения, хотя и в несколько смягченной (на первых порах) форме.

Динамика и характер изменений внешней продовольственной политики империализма в отношении освободившихся стран являются производными от сдвигов не только в условиях функционирования частного иностранного капитала в развивающемся мире. Фактором, который во все возрастающей мере определяет конкретные формы и расстановку акцентов названной политики, выступает национально-освободительная борьба развивающихся стран, направленная на современном этапе на избавление от наиболее одиозных форм экономической зависимости от стран развитого капитализма. Именно эта борьба выступает катализатором тех, пока еще весьма ограниченных, уступок и компромиссов, на которые приходится идти ведущим империалистическим державам в своей внешнеэкономической деятельности, ставит их перед реалиями взрывоопасной ситуации в развивающихся странах, обусловленной, помимо других причин, продовольственным кризисом, усиливает степень обратной связи (изначально ослабленной сложившимися отношениями зависимости) между периферией и центрами МКХ, тем самым вынуждая развитые капиталистические страны во все большей мере принимать в расчет интересы развивающегося мира при выработке своего неоколониалистского курса.

Важным событием в ходе упомянутой борьбы, ознаменовавшим крупный успех демократических сил и отразившим ослабление сил империализма, стало почти единодушное одобрение мировым сообществом комплекса требований развивающихся стран о создании нового международного экономического порядка (НМЭП), основным содержанием которых явился протест против неравноправного положения развивающегося мира в мировом капиталистическом хозяйстве.

В требованиях, выдвигаемых развивающимся миром, нашли отражение его насущные потребности (которые одновременно выступают проявлением противоречий развития на периферии мирового капиталистического хозяйства), намечены пути смягчения дискриминационной практики Запада в отношениях с

развивающимися странами [103]. В частности, в «Программе действий», принятой на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г. и конкретизирующей основные положения концепции НМЭП, предлагается обеспечивать развивающиеся страны продовольствием без перенапряжения их платежных балансов, содействовать расширению возделываемых земель, а также снабжению удобрениями и сельскохозяйственной техникой, стабилизировать рынки экспортируемых продовольственных товаров и т. д.

Широкий круг вопросов, поднимаемых концепцией НМЭП и тесно связанных с задачей продовольственного обеспечения в развивающихся странах, имеет непосредственное отношение к проблеме реализации экспортной продукции, производимой этими странами. Это и стабильность валютных поступлений, значительная часть которых расходуется на импорт продовольствия, и тенденция к увеличению разрыва в уровнях цен на промышленные и сырьевые товары, и относительное падение спроса на натуральное сельскохозяйственное сырье, и засилье ТНК в сфере сбыта многих товаров, производимых в развивающихся странах, и многие другие [104].

Ключом к урегулированию вопросов, связанных с реализацией экспортной продукции развивающегося мира, многие государства этой группы стран считают осуществление так называемой интегрированной программы по сырью, которая была выдвинута на VI сессии ЮНКТАД в Найроби в 1976 г. Эта программа должна регулировать продажу 18 основных сырьевых товаров экспортного назначения, которые производятся в освободившихся странах (12 из них — продукция сельского хозяйства). Она предусматривает пересмотр уже существующих и заключение новых международных товарных соглашений, направленных на поддержание определенного уровня цен, установление объемов производства названных товаров, возмещение потерь при падении цен, а также приведение цен данных товаров в соответствие с ценами на готовые изделия (принцип индексации). Одновременно предусматривается создание буферных запасов как инструмента стабилизации рынков. Финансирование буферных запасов должно осуществляться из так называемого общего фонда, формируемого из взносов экспортеров и импортеров.

Важным направлением в отстаивании развивающимися странами своих законных интересов является борьба за доступ на рынки развитых капиталистических стран готовых изделий и полуфабрикатов. Как известно, развитые капиталистические страны с помощью многочисленных тарифных и нетарифных ограничений препятствуют проникновению сырья, прошедшего промышленную обработку, на свои внутренние рынки, тем самым существенно снижая долю производителя сырья в цене конечной продукции.

Значительная часть требований по программе НМЭП свя-

зана с пересмотром существующего в МКХ валютно-финансового механизма, в частности с предоставлением средств по линии официальной помощи для развития, а также с предоставлением продовольственной помощи и созданием резервных запасов продовольствия. Развивающиеся страны выступают за смягчение условий помощи, ориентацию ее на цели развития (что имеет особое значение для нужд продовольственного обеспечения), за отказ от использования всех видов помощи для политического давления.

В целом следует отметить, что постановка проблем и борьба за их реализацию в рамках НМЭП, острая критика, прозвучавшая в связи с этим в адрес существующих принципов взаимоотношений между развитыми капиталистическими и развивающимися странами, а также определенные успехи, достигнутые на пути претворения провозглашенных целей в жизнь, явились крупными шагами в продвижении к экономической самостоятельности освободившихся стран, способствовали консолидации их сил и осознанию насущных национальных интересов.

Многие положения программы НМЭП легли в основу Международной стратегии развития на 80-е годы, хотя их антиимпериалистическое содержание было приглушено под давлением западных держав.

Вместе с тем опыт 70-х годов продемонстрировал недостаточность пусть ощутимых, но локальных и не вписанных в общий контекст антиимпериалистической борьбы ударов по неоколониалистским принципам организации МКХ, типа тех, что были осуществлены странами — членами ОПЕК для реального изменения господствующего в этом хозяйстве типа взаимоотношений. Империалистические страны продемонстрировали умение приспособляться к изменяющейся обстановке и в экономическом, и в политическом плане, более того — использовать ухудшение общей экономической ситуации в мире к своей выгоде. Примером такого маневрирования может служить перестройка всей неоколониалистской политики Запада в 70-е годы, когда на передний план деятельности государственного аппарата развитых капиталистических стран выдвигается буржуазно-реформистское направление, в определенной мере учитывающее необходимость сочетания краткосрочных интересов отдельных стран капиталистического мира с его общими, долгосрочными потребностями. В области неоколониальной продовольственной политики империализма данное направление реализуется прежде всего в псевдоориентации на «бедняка» и попытках подменить решение реальных проблем продовольственного обеспечения полумерами, которые, хотя и создают предпосылки для борьбы с наиболее острыми проявлениями голода, не только бессильны устранить хроническое недоедание широких масс населения, но и воспроизводят условия для рецидивов массовых голодовок.

Не случаен тот факт, что выдвижение концепции «борьбы

с бедностью» группой МБРР, принятие новых направлений помощи в США, стимулировавшее аналогичные сдвиги в позиции других стран — членов ОЭСР, совпало с выдвижением требований развивающихся стран о новом мировом экономическом порядке. Демонстрация «нового» подхода к нуждам и потребностям развивающихся стран, в том числе и в сфере продовольственного обеспечения, недвусмысленно выдвигала альтернативу требуемым переменам, должна была подвести общественность этих стран к мысли о перспективах урегулирования основных проблем развития освободившихся стран в рамках господствующего в МКХ экономического порядка, о возможности «осознания» правящими кругами развитых капиталистических стран проблем и трудностей, стоящих перед развивающимся миром.

Довольно быстрая и решительная переориентация на пороге 80-х годов большинства империалистических государств на ужесточение внешнеполитического курса в отношении освободившихся стран, отразившаяся и на неоколониальной продовольственной политике империализма, не только продемонстрировала всю иллюзорность надежд на добровольную, по инициативе самых развитых капиталистических стран, реальную перестройку мирохозяйственных отношений, но и ясно показала необходимость активизации совместных наступательных усилий развивающихся стран в качестве предпосылки таких изменений. Без мощного политического и при возможности экономического давления развивающихся стран даже ограниченные требования буржуазных реформистов не могут быть реализованы на практике, не говоря уже о более решительных преобразованиях общедемократического характера. Подтверждением служит неудача, постигшая в 70-е годы капиталистический мир в попытке преодолеть обострившиеся в неоколониальной политике противоречия между текущими и долгосрочными интересами капиталистического развития за счет активизации деятельности наднациональных организаций. Подчиненность влиянию США, которое все более концентрируется на удовлетворении сугубо американских интересов, и незыблемость мировоззренческих установок и стереотипов капиталистического хозяйствования, лежащая в основе деятельности международных экономических организаций капиталистического мира, оказались весьма неблагоприятной почвой для реализации буржуазно-реформистских идей начала 70-х годов.

Тактика империализма, перешедшего в наступление на развивающийся мир на рубеже 70—80-х годов, изменилась. Отодвинув на второй план так и не принесшие облегчения неимущим слоям программы помощи «бедным», страны развитого капитализма пытаются навязать развивающемуся миру собственные, отнюдь не оригинальные, решения стоящих перед последним международных и национальных проблем. При этом основное внимание сконцентрировано на двустороннем уровне

отношений, где интересы Запада отстаиваются либо одной, либо группой развитых капиталистических стран, или же подчиненной им международной организацией. На коллективных форумах, где давление империалистических держав менее ощутимо, они используют тактику проволо́чек, стремятся обойти принципиальные вопросы, поставленные концепцией НМЭП. Эти страны отказываются обсуждать проблемы ограничения деятельности ТНК, признания права национального суверенитета над природными ресурсами, равенства развивающихся стран в решении международных экономических проблем, соглашаясь лишь на обсуждение различных аспектов регулирования международной торговли и предоставления помощи. Такая позиция отнюдь не благоприятствует решению продовольственной проблемы в развивающихся странах, так как право в полной мере распоряжаться своими природными ресурсами, в первую очередь землей, возможность реально контролировать и направлять деятельность агропромышленных ТНК являются столь же важными предпосылками организации нормального продовольственного обеспечения, как и стабильность цен на международных рынках и получение финансовых ресурсов на льготной основе.

В этих условиях развивающиеся страны, разочарованные результатами переговоров об установлении НМЭП, все большее внимание начинают уделять вопросам укрепления собственных позиций в переговорах с Западом. В экономической сфере это находит отражение в попытках в максимальной степени использовать потенциал внешнеэкономических отношений между развивающимися странами в соответствии с концепцией «коллективной опоры на собственные силы». Несомненно плодотворным вкладом в достижение как национальных, так и международных целей, стоящих перед развивающимся миром, является его крепнущее экономическое и политическое сотрудничество с социалистическими странами.

Глава V

ОСОБЕННОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ГРУППАХ СТРАН

О ТИПОЛОГИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ

При наличии общих черт в системах продовольственного обеспечения развивающиеся страны Востока существенно различаются между собой по типу конкретных продовольственных ситуаций и динамике их развития. Эти различия определяются как характером и темпами изменений в общественном разделении труда в национальных хозяйствах, так и параметрами стратегии, избираемой правящими кругами для решения проблем продовольственного обеспечения при данной ориентации общественно-экономического развития.

В приведенных ниже материалах, касающихся восьми развивающихся стран Востока, представлен широкий типологический набор динамики конкретных ситуаций в области продовольственного обеспечения. Уместно выделить некоторые общие принципы, касающиеся возможных путей разработки этой типологии. Из сказанного выше следует, что было бы неправомерно думать, что тип продовольственной ситуации, свойственной данной стране, формируется «неповторимыми» особенностями ее развития. Как раз напротив, он выступает как результат влияния на систему продовольственного обеспечения всей совокупности общих (т. е. характерных для всех или тех или иных значительных групп развивающихся стран) факторов (как стихийно действующих, так и сознательно формируемых волей государства), однако такого влияния, в пределах которого влияния отдельных общих факторов различаются своей силой, направленностью (в том числе социальной) и отсюда конечным эффектом. Иначе говоря, речь идет о различной динамике различных элементов «общего», те или иные сочетания которых образуют спектр (в реальной действительности — довольно широкий) «особенного» — типы конкретных продовольственных ситуаций.

Поскольку последние рассматриваются как результат динамичных процессов, очевидно, что изменение силы действия какого-либо одного общего фактора в рамках всей совокупности таковых может привести к изменению картины всей продоволь-

ственной ситуации, характерной для данного развивающегося общества (например, при более или менее значительном перераспределении собственности в пользу неимущих, в частности при добивающейся такой цели аграрной реформе, может резко возрасти общественная потребность в продовольственных ресурсах, удовлетворить которую страна, уже, предположим, достигшая стадии продовольственного самообеспечения, не в состоянии; в результате она усиленно начинает превращаться в импорториентированную страну). Таким образом, при неизменяемости параметров, присущих данному типу продовольственной ситуации, может изменяться страновой состав «ячейки», относящейся к данному типу.

Конечно, от угла зрения исследователя, его видения социально-экономического процесса в целом зависит то, какие критерии (и при какой их иерархии) будут отобраны для оценки типа продовольственной ситуации. Мы же кратко остановимся на том, как в рамках действия некоторых общих закономерностей могут формироваться различия в конкретных страновых ситуациях в сфере продовольственного обеспечения.

Продовольственные ситуации в развивающихся странах Востока различаются по степени удовлетворения общественной потребности в продуктах питания за счет национального производства.

Как было показано выше, наметившийся еще с конца 60-х годов во многих импортирующих продовольствие странах Азии и Северной Африки переход от экстенсивных форм земледельческого хозяйства к интенсивным (в рамках «зеленой революции») призван создать условия и соответственно производственный потенциал для выхода из продовольственного кризиса в его наиболее критических (на данном этапе) экономических параметрах (прежде всего нехватка товарной продовольственной продукции массового потребления в пределах общественной потребности). С целью подтолкнуть этот переход, усилить его динамику правящими группами данных стран осуществляется стратегия, направленная на превращение сельского хозяйства в импортзамещающую отрасль экономики. Однако разные исходные уровни развития сельского хозяйства, характерные для втянутых в «зеленую революцию» стран, различия в степени усилий, прилагаемых государством для решения поставленных задач, с одной стороны, различия в интенсивности формирования групп населения, включающихся в новые формы общественного разделения труда (и соответственно порывающих с системой натуральных отношений),— с другой, предопределили и различия (притом существенные) в стадиях достижения национальными хозяйствами развивающегося Востока продовольственного импортзамещения.

Конкретно такого рода различия проявляются в структуре источников формирования общенационального продовольственного фонда. Например, Индия в результате начавшегося с се-

редины 60-х годов перехода к развитию современных интенсивных форм земледельческого хозяйства в основном сумела к началу 80-х годов добиться зернового самообеспечения, причем при крайне низкой (в целом стабильной на протяжении всех 60—70-х годов) душевой норме зернового обеспечения. Тем самым разрыв между общественной потребностью в основном продукте питания и масштабами производства, призванного ее обеспечить, был устранен.

Для Индонезии характерна в целом та же макроэкономическая динамика продовольственной ситуации, что и для Индии, с той, однако, разницей, что усилий правящих кругов в области развития интенсивного земледелия оказалось недостаточно, чтобы достигнуть к началу 80-х годов продовольственного самообеспечения (даже по основным продуктам питания). Динамический разрыв между общественной потребностью и национальным производством стал углубляться, и страна вынуждена ориентироваться на импорт с целью добиться соответствия предложения продовольственной продукции платежеспособному спросу (крайне низкий уровень которого, кстати говоря, обусловлен, как и в Индии, процессами пауперизации больших масс населения). В противоположность Индии, однако, среднедушевой уровень продовольственного потребления здесь несколько повысился (примерно на 15% за полтора десятилетия).

Путем развития интенсивных форм производства (в особенности в мелкокрестьянском хозяйстве) правящие группы Шри Ланки на протяжении полутора десятилетий предпринимали отчаянные попытки в максимально возможной степени уменьшить зависимость национальной системы продовольственного обеспечения (прежде всего по продукции массового потребления) от мирового рынка и соответственно его экономической и социальной динамики. В своем зерновом балансе лишь к началу 80-х годов страна смогла несколько ослабить роль импорта, которая все еще чрезмерно высока (удельный вес зернового импорта в общенациональном зерновом фонде сократился примерно с половины до немногим более одной трети).

Существенные различия между странами прослеживаются не только по характеру формирования фонда основной продовольственной продукции.

Общей закономерностью для развивающихся стран Востока является углубляющийся разрыв между масштабами общественной потребности в продовольственной продукции, обеспечивающей полноценное питание (в частности, продукции, богатой белками и жирами животного происхождения), и масштабами производства, поставляющего такую продукцию. (Соответствующие отрасли производства зачастую представлены наиболее отсталыми формами национального хозяйства.) Этот разрыв дает импульс осуществлению импорториентированного «начала» в стратегии продовольственного обеспечения (при этом имеется в виду не только собственно импорт готовой продовольственной

продукции особого качества, но и создание, прежде всего в рамках филиалов ТНК, незавершенных производств, опирающихся на импорт технологии и соответствующего ей оборудования, сырья, например кормов, и т. д.). Но между страновыми ситуациями по данному направлению продовольственного обеспечения имеются различия, определяемые влиянием широкой совокупности факторов. Во-первых, различной степенью интенсивности отличается по странам динамика становления секторов производства, связанных с современными формами экономической деятельности и означающих становление новых социальных типов населения и соответственно выработку у него новых (нетрадиционных) стандартов питания, при этом, что особенно важно отметить, процессы осовременивания системы потребностей (в том числе продовольственных), частично стимулируемые развитием таких секторов, могут далеко выходить за их пределы. Во-вторых, с различной интенсивностью происходят процессы роста социального неравенства, в частности обогащение эксплуататорских групп общества, как раз и располагающих возможностью в полном объеме удовлетворять свой спрос на продовольственную продукцию особого качества. В-третьих, страны существенно различаются по имеющимся местным ресурсам, необходимым для производства такой продукции. Естественно, что чем глубже развиваются процессы осовременивания системы потребностей, чем больше растет социальное неравенство и выше уровень экономического потенциала данного развивающегося общества, тем, как правило, сильнее становится зависимость воспроизводства фонда продовольственной продукции особого качества от вненациональных факторов. Такова общая тенденция развития. Из представленных в настоящей главе стран такая тенденция наиболее отчетливо проявляется в Египте (а из непредставленных здесь государств и территорий Востока, по-видимому, в Южной Корее).

Свои закономерности (и различия) в развитии продовольственных ситуаций характерны для стран экспортной специализации продовольственного сектора земледелия. Особый интерес в этом отношении представляют Бирма и Таиланд, страны, придерживающиеся различных общественно-экономических ориентаций, но сходные по динамике и уровню развития производительных сил в зернопроизводящем хозяйстве. Как показывает опыт развития этих стран в течение двух десятилетий (60—70-е годы), экспортные ресурсы зернового производства не отличались здесь стабильностью. С середины 60-х годов обе страны вошли в полосу затяжных трудностей хозяйственного роста, характеризовавшихся, в частности, не только резким сокращением доли экспортных ресурсов в валовом производстве зернового хозяйства, но и прогрессирующим падением (особенно в Бирме) абсолютного объема зернового экспорта. Эти затруднения, продолжавшиеся вплоть до середины 70-х годов, были прямым результатом углублявшегося кризиса традиционных,

экстенсивных форм земледелия; попытки преодолеть этот кризис обе страны стали более энергично осуществлять лишь со второй половины 70-х годов (на целое десятилетие позже, чем в импортирующих продовольственное зерно странах — соседях Бирмы и Таиланда). Только в ходе наметившегося в эти годы перехода к интенсивной системе земледельческого хозяйства удалось в обеих странах несколько восстановить экспортный потенциал зернового производства (при этом в Бирме при некотором увеличении среднедушевой нормы продовольственного потребления).

Различие между обеими странами состоит в том, что, если в Бирме государство отпускало на внешние рынки лишь излишки продукции зернового хозяйства, стремясь в первую очередь удовлетворить внутринациональный спрос на нее, в Таиланде динамика продовольственной ситуации в значительной степени определялась (и определяется) многолетними попытками правящих кругов решить дилемму: или форсирование зернового экспорта путем изъятия с внутреннего рынка части даже той товарной массы зерна, которая обеспечивает покрытие платежеспособной потребности (тем самым искусственно вызывая продовольственный дефицит), или переориентация части экспортного потенциала зернового производства на потребление внутри страны в связи с ростом населения. (Возможно, это одна из причин того, что показатели по динамике экспорта риса, главного зернового продукта в обеих странах, кажутся более предпочтительными в Таиланде по сравнению с Бирмой — см. табл. 42, 51.)

Неоднократные попытки попасть в группу стран, экспортирующих продовольствие (прежде всего зерновую продукцию), на протяжении ряда десятилетий предпринимает Турция. Но в противоположность ситуации, характерной для 60-х и особенно 50-х годов, когда экстенсивные формы хозяйства занимали господствующее положение в земледелии, ныне эти попытки осуществляются на технологически значительно более зрелой стадии развития продовольственного сектора земледелия. Ограничителем эффективности таких попыток является необходимость поддерживать динамическое равновесие между быстро расширяющимся спросом (в Турции к началу 80-х годов достигнут весьма высокий по меркам развивающегося мира среднедушевой уровень продовольственного потребления) на продовольственную продукцию и ее внутренним предложением. Можно сказать, что, как и Таиланд, Турция стремится войти в «клуб» экспортеров продовольствия, но уже на другом витке спирали технологического прогресса и социально-экономического развития в целом (крупное капиталистическое хозяйство, модернизирующее свою производственную базу, а не мелкокрестьянское производство становится основным поставщиком товарной продовольственной продукции).

Как следует из изложенного, различные группы стран на-

чинают осуществлять переход к интенсивным формам земледельческого хозяйства в разное время в период последнего двадцатилетия. Из рассматриваемых ниже стран наиболее долго на стадии экстенсивного земледелия задержался Алжир, где в результате сложилась уникальная продовольственная ситуация. Здесь рост сборов основной продовольственной продукции (причем рост весьма замедленный) происходит при ухудшающихся параметрах экстенсивной формы производства (об этом свидетельствует, в частности, тенденция к падению урожайности в зерновом хозяйстве). В течение двух десятилетий независимого существования страны интенсивно осуществляемая политика индустриализации практически почти не сопровождалась какой-либо модернизацией зерновой отрасли сельского хозяйства.

Между тем спрос на продовольственную продукцию, особенно в 70-х годах, возрастал быстрыми темпами (в частности, в связи с перераспределением после 1973 г. части поступающих в страну доходов от продажи нефти в фонд личного потребления). В результате к началу 80-х годов менее трети общественной потребности в основной продовольственной продукции покрывалось за счет национального производства, а в середине 80-х годов — не более двух пятых! Для Алжира стал характерен массированный (притом увеличивающийся) импорт продовольствия, в первую очередь зерна. Импорториентированная стратегия в области продовольственного обеспечения приобрела к началу 80-х годов еще более яркие черты (лишь за последние пять лет задача перехода земледелия страны к интенсивным формам производства заняла приоритетное место в национальных планах развития).

Существенные различия между разными группами развивающихся стран Востока прослеживаются по динамике потребления продовольствия. В странах Ближнего Востока и Северной Африки к началу 80-х годов произошло заметное увеличение показателя энергетического содержания среднедушевого рациона питания (это отмечается и во всех трех странах, относящихся к данным регионам,— Турции, Египте, Алжире, материалы по которым приводятся в настоящей главе); напротив, в странах Южной и Юго-Восточной Азии либо совсем не наблюдалось такого, увеличения, либо оно было крайне незначительным. В любых случаях прирост среднедушевого рациона питания происходил почти исключительно за счет увеличения потребления продовольственной продукции растительного происхождения. Качественная структура этого рациона в целом сравнительно мало изменилась даже в странах, весьма близко подошедших к обеспечению подушевой нормы продовольственного потребления в 2800—3000 ккал. (к таким странам относятся, например, Турция и Египет).

За этой усередненной картиной динамики скрыты разные процессы (их совокупное влияние — взаимоусиливающее, взаимопогашающее, разнонаправленное — и определяет общую линию этой динамики).

Как уже отмечалось, во многих странах Востока продолжается рост социального неравенства, выражающегося, в частности, в усиливающейся концентрации богатства на одном полюсе общества, нищеты — на другом. Особенно широкие масштабы процессы абсолютного обнищания принимают в странах региона Южной и Юго-Восточной Азии, где пауперизм поражает огромную часть населения. Массовый пауперизм, это наиболее яркое выражение продовольственного кризиса в его социальных аспектах, жестко ограничивает платежеспособный спрос на продовольствие (в том числе на зерно, обеспечивающее подавляющую часть энергии рациона питания).

На величину общественной потребности в продовольствии целенаправленное влияние оказывает перераспределительная политика государства. Выделяются две группы мероприятий, связанных с данной политикой. К одной относятся преобразования отношений собственности. Такие преобразования могут заметно сгладить (хотя и не устранить до конца) социальное неравенство, больше того — заложить внутренние условия для предотвращения (либо по меньшей мере существенного торможения) процессов его роста в будущем. Все это характерно (как систематическая политика) для стран социалистической ориентации. Некоторые частичные преобразования такого рода происходят и в странах, эволюционирующих по капиталистическому пути. Закономерно, что перераспределительный процесс, обусловленный изменениями отношений собственности, сказывается на величине общественной потребности в продовольствии тем больше (при прочих неизменяющихся условиях), чем массивнее пласты населения, которые он охватывает. К числу мероприятий, потенциально способных обеспечить наибольшую силу такому процессу в обществах развивающихся стран, по праву относится аграрная реформа.

Из представленных в настоящей главе стран, пожалуй, лишь в Египте времен президентства Насера (особенно в 50-х и частично в первой половине 60-х годов) аграрная реформа вызвала заметное увеличение фонда потребления основной продовольственной продукции.

В большинстве стран, однако, перераспределительную «миссию», призванную изменять величину общественной потребности в продовольствии, выполняет государственный бюджет; в частности, именно на государство легла функция перемещения части мобилизуемого им продукта (в том числе воспроизводимого в государственном секторе) в «сферу бедности» с целью несколько увеличить и в какой-то степени стабилизировать продовольственное потребление у некоторых групп пауперизированного населения. В странах капиталистического развития такого рода перераспределительным процессом предполагается частично компенсировать те последствия, которые вытекают из

роста социального неравенства, при отсутствии широких (изменяющих характер общественной эволюции) преобразований отношений собственности.

Перераспределительный процесс, дающий импульс росту продовольственного потребления, зачастую охватывает и особые доходы государства, а именно формирующиеся в результате взаимодействия местного хозяйства с «внешним миром». Среди таковых — нефтяная рента (прежде всего монопольная), возникающая в пределах мирового капиталистического хозяйства и присваиваемая нефтеэкспортирующими государствами Востока (из представленных в данной главе стран это относится в первую очередь к Алжиру; экспортерами нефти являются также Египет и Индонезия). Очевидно, именно перераспределение части нефтяных доходов в фонд личного потребления (в частности, трудящегося населения) вызвало наиболее весомую прибавку в среднедушевой норме продовольственного потребления в Алжире после первой «революции цен» (1973/74 г.). Напротив, в Индии все инвестиции в «сферу бедности», осуществленные на протяжении 70-х — начала 80-х годов, позволили лишь предотвратить падение среднедушевой нормы, стабилизировав ее на весьма низком (примерно 2000 ккал в день) уровне.

Одним из основных инструментов перераспределения части общественного продукта в сферу продовольственного потребления является, как известно, политика ценового регулирования, обеспечивающая становление и принудительное поддержание диспропорций между уровнями цен на различные товарные группы в пользу цен на основную продовольственную продукцию. Низкие (по отношению к другим товарам) потребительские цены на некоторые важнейшие продукты питания и позволяют увеличить платежеспособный спрос на них, причем величина этого прироста жестко определяется государством. При этом в одних случаях этим низким ценам могут соответствовать на стороне производства низкие закупочные цены, в других случаях, напротив, им могут противостоять относительно гораздо более высокие закупочные цены. Естественно, что от социальной природы государства зависит то, какие именно социальные группы общества и в какой степени получают выгоду от политики регулирования продовольственных цен.

Особенно большую роль в динамике продовольственного потребления политика ценового регулирования играет в Шри Ланке и Египте, где она распространяется на многочисленные слои населения. При этом для Египта характерной является своего рода замкнутая цепь процесса: в попытках сгладить острейшие социальные противоречия и ослабить социальную напряженность правящие слои вынуждены обеспечивать продовольствием по низким ценам все растущую массу городского (в частности, маргинального) населения; а продовольственная стабилизация такого типа вызывает новый прилив в города разоренного сельского населения, понуждая правящие слои к дальней-

шему расширению льготной системы продовольственных поставок населению (и соответственно к резкому увеличению продовольственного импорта). Кормится этой системой, впрочем, не только беднота; обильный куш из нее выхватывают местные богачи, обладающие «равными» с бедняками правами на получение дешевого продовольствия. Но в Шри Ланке в конце 70-х годов предпринималась попытка освободиться от этих вполне законных присвоений богатыми стоимостей из фонда продуктов питания, предназначенного по первоначальному смыслу своему для нуждающихся. Однако сдвиг экономики страны к «открытой» системе хозяйства, начавшийся в 80-х годах под давлением империалистических держав и их «наднациональных» международных финансовых организаций, сопровождался существенным сокращением государственных продовольственных субсидий (см. в частности примечание [27] к Главе II); тем самым были блокированы возможности к скромному улучшению продовольственного снабжения бедноты.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Индия. Проблема продовольственного обеспечения населения Индии продолжает оставаться одной из важнейших социально-экономических проблем этой страны. При всех изменениях, происшедших в общей структуре потребления населения Индии за годы независимости, которые привели к определенному сокращению доли продовольствия и соответственно к росту удельного веса непродовольственных товаров, первое по-прежнему составляет основу фонда личного потребления. На него приходится свыше половины индивидуальных расходов населения.

Само продовольственное потребление в главных своих чертах продолжает сохранять традиционный характер. Наиболее ярким проявлением этой традиционности является сохранение высокого удельного веса расходов на зерно в группе продовольственных товаров, который в течение последних двух десятилетий обнаруживал лишь незначительные колебания (табл. 23).

Практически не росла (а в отдельные периоды даже сокращалась) доля расходов на мясо-молочные продукты и рыбу, которая в общей сложности к началу 80-х годов не достигала и 20% в общих расходах на продовольствие.

Формирование индивидуального спроса (в том числе и на продовольственное зерно) и существование весьма значительных различий в структуре потребления между отдельными группами населения обусловлено действием таких факторов, как низкий общий уровень подушевого национального дохода и крайне медленное его увеличение, а также существующая система распределения доходов, усиливающая поляризацию и углубляющая социально-экономическое неравенство различных групп населения.

Общеиндийский показатель подушевого национального дохода составлял (в неизменных ценах) в 1960/61 г. всего 558,8 рупий в 1970/71 — 632,8 рупии, а в 1982/83 г. он оценивался в 712,1 рупии[1]. Среднегодовой темп прироста, таким образом, в 60-х годах был равен всего 1,3%, а в 70-х — начале 80-х годов он даже снизился до 1,0%. Поскольку средний годовой темп прироста той части национального дохода, которая создается в сельском хозяйстве, постоянно отстает от прироста всего национального дохода страны (в период с 1970/71 по 1982/83 г. последний увеличивался ежегодно в среднем на 3,3%, тогда как доход, создаваемый в сельском хозяйстве,—всего на 1,3%)[2], а удельный вес чистой продукции сельского хозяйства в национальном доходе сокращается при практической неизменности численности населения, связанного с сельским хозяйством, происходит отставание прироста и подушевого дохода сельскохозяйственного населения, что приводит к дальнейшему углублению разрыва между доходами населения города и деревни.

В свою очередь, более низкий подушевой доход сельскохозяйственного населения в целом при одновременном расширении зажиточной прослойки в деревне за счет капитализирующейся верхушки крестьянства означает дальнейшее ухудшение материального положения низших групп сельского населения и соответственно их продовольственного обеспечения. За медицински обоснованную необходимую норму подушевого потребления продовольствия в пересчете на калории, учитывающую неодинаковые потребности в питании в зависимости от возраста, пола, а также трудовой активности различных групп населения и лежащую в основе определения официальной границы бедности в стране, в Индии приняты два показателя — 2400 калорий в день (для сельских районов) и 2100 калорий (для городских)[3].

Фактическое потребление продовольствия в Индии в конце 60-х — начале 70-х годов обеспечивало подушевое потребление калорий в среднем в количестве 2030 в день; в 70-е годы происходило снижение душевого ежедневного потребления калорий — до 1979 калорий в период 1972—1974 гг. и до 1949 калорий в 1975—1977 гг. По душевому потреблению калорий Индия значительно отстает не только от среднемирового уровня (2590 калорий), но и от уровня, достигнутого развивающимися странами в целом — 2282 калории[4]. При этом для всей группы развивающихся стран, в противоположность Индии, характерна тенденция к росту этого показателя.

Среднедушевое потребление продовольствия в количестве, обеспечивающем менее 2 тыс. калорий в день, т. е. норму ниже необходимой, на протяжении длительного периода времени означает наличие значительной части населения, находящегося за пределами официально установленной границы бедности, живущего в состоянии постоянного недоедания.

По последним данным, в Индии доля населения, находящегося за чертой бедности, составляла в 1979/80 г. 50,7% в сельской местности и 40,3% в городских районах, против соответственно 50,5 и 40,1% в 1972/73 г.[5]. Основная масса такого беднейшего населения сосредоточена в деревне (более 80%).

Столь высокая концентрация беднейшего населения в сельской местности чрезвычайно замедляет модернизацию структуры потребления (и продовольственного в том числе) индийской деревни, по сравнению с городом. О гораздо более традиционном характере деревенского потребительского спроса на продовольствие свидетельствуют сравнительные данные потребительских расходов городского и сельского населения (табл. 24), из которых следует, что в деревне основной продукт питания — зерно поглощает 63,6% расходов на продовольствие (что гораздо выше общеиндийского показателя), тогда как в городских районах, и особенно в крупных городах, расходы на зерно составляют соответственно 44,0 и 20,2%.

Сокращение продовольственных расходов на зерно в городах происходит за счет увеличения спроса на более дорогие и питательные виды продовольствия — мясо-молочные продукты, животные и растительные масла. В то же время незначительный разрыв в доле расходов на непродовольственные товары между городом и деревней говорит о том, что изменения в характере потребительского спроса города в целом пока происходят в основном за счет группы продовольственных товаров и прочих расходов.

Неравномерность в распределении доходов и вытекающее отсюда глубокое неравенство между различными социальными группами как в городе, так и в деревне имеют своим результатом различия в типе потребления продовольствия. Наиболее четко эти различия прослеживаются на примере полярных групп населения (табл. 25).

Согласно данным Плановой комиссии Индии, в беднейших группах населения Индии продовольствие поглощает подавляющую часть их потребительских расходов — соответственно от 79,1 до 91,7% в деревне и от 71,5 до 81,6% в городе. В то же время самые верхние группы (с потребительскими расходами на душу от 100 рупий и выше) сократили долю продовольствия в общих потребительских расходах до 50,4—49,8% в деревне и до 48,8—41,2% в городе. В потреблении низших групп города и особенно деревни, как и по стране в целом, высока доля зерна, превышающая в деревне 50%, в городе 40%; у верхних же групп удельный вес продовольственного зерна в потребительском спросе в деревне составляет 14,5%, а в городе падает до 7,7—6,3%. Важно подчеркнуть при этом, что расходы на продукцию животноводства деревенской верхушки почти сравнялись с расходами на зерно, а в городе даже превысили их. Подобная структура расходов верхних групп на продовольствие при одновременно гораздо более высокой доле прочих продовольственных расходов по сравнению с беднейшей

шими группами — свидетельство качественных изменений в спросе на продовольствие, приближения немногочисленной наиболее зажиточной верхушки индийского общества к современным стандартам потребления продовольствия. При этом больший удельный вес продукции растениеводства и животноводства в потреблении деревенских верхних групп населения (в условиях, как правило, более низкого уровня цен на товары первой необходимости на деревенском рынке), по сравнению с городскими, свидетельствует не столько о том, что последние уже достигли точки насыщения этими видами продукции, сколько о большей деформации структуры потребления в городе под влиянием демонстрационного эффекта.

Однако, сколь бы существенными ни были сдвиги в продовольственном потреблении верхних групп, низкие в целом доходы населения, слабое развитие отраслей животноводства, рыболовства, а также широкое распространение вегетарианства в Индии связывают проблему обеспечения населения страны продовольствием в основном с проблемами производства и распределения продовольственного зерна.

Динамика зернового производства в ранние периоды независимого существования Индии не отличалась стабильностью. Период весьма невысоких (немногим более 2% в год), хотя и устойчивых темпов прироста сборов зерна (50-е годы) сменился периодом абсолютного сокращения его производства (первая половина 60-х годов). Между тем темпы прироста населения увеличились — с 1,85 до 2,2% в год. На фоне этой рассогласованности усиливалась зависимость продовольственного обеспечения страны от импорта зерна, который неуклонно возрастал вплоть до начала 70-х годов (табл. 26). В отдельные годы доля внешних источников в обеспечении населения продовольственным зерном увеличивалась до 13—16%.

Но даже в условиях значительного импорта зерна Индии не удавалось поддерживать стабильного подушевого потребления. Периоды некоторого его роста (50-е годы, вторая половина 60-х годов) сменялись периодами сокращения, особенно значительного в 1960/61—1965/66 гг. (см. табл. 26).

В основе неустойчивого обеспечения населения продовольственным зерном, а также периодически повторявшихся вплоть до середины 60-х годов продовольственных кризисов лежала крайне низкая продуктивность зернового производства, базирующегося в значительной своей части и в 80-е годы на мелких крестьянских хозяйствах с преобладающими в них полунатуральными отношениями. Высокая концентрация производства зерна в названных хозяйствах имела своим результатом чрезвычайно низкий общий уровень товарности этой важнейшей отрасли — примерно 30%. С середины 50-х годов этот средний общеиндийский показатель товарности зернового хозяйства вырос незначительно и не превышал к началу 80-х годов 32% (по другим, максимальным оценкам — 40%). При этом имевшие

место колебания товарности зачастую отражали не изменения в экономике зернового хозяйства, а проистекали из условий и особенностей формирования товарной массы зерна в Индии, при которых значительную ее долю составляла принудительно товаризованная часть потребительского фонда мелких крестьянских хозяйств.

В условиях ускорившегося в период независимости роста населения, предъявляющего спрос на товарное зерно, как городского (в результате быстрого промышленного развития страны), так и сельского (прежде всего в результате выталкивания из производительной сферы все большего числа разорявшихся производителей, пополнявших ряды сельского пролетариата), национальному зерновому производству оказывалось все труднее удовлетворять растущие потребности в товарном продовольствии. Хронический дефицит товарного пищевого зерна — важнейшая черта, характеризующая продовольственное положение 50—60-х годов.

Кризисная продовольственная ситуация середины 60-х годов (несмотря на самый значительный за время независимого существования Индии импорт зерна) окончательно подтвердила практически полную неспособность доминировавших в сельском хозяйстве традиционных методов обеспечивать дальнейший рост зернового производства (и товарного в особенности). Проявлением нараставшего кризиса в зерновом хозяйстве явилась стагнация производства зерна в расчете на единицу площади (табл. 27). Настоятельная необходимость увеличения урожайности зерновых культур диктовалась к тому же исчерпанием к этому времени возможностей экстенсивного развития без значительного увеличения новых капиталовложений. Таким образом, решение продовольственной проблемы в стране все более зависело самым непосредственным образом от повышения продуктивности зернового хозяйства, перехода его на более современные, интенсивные методы земледелия.

В условиях Индии такой переход мог осуществляться только при непосредственном участии и помощи со стороны государства. Это участие выразилось в разработке новой стратегии сельскохозяйственного развития, ставшей одним из звеньев осуществлявшейся в экономике страны импортзамещающей стратегии. Зерновому хозяйству в новой стратегии сельскохозяйственного развития отводилась ведущая роль.

В начале 60-х годов были начаты мероприятия по повышению продуктивности сельского хозяйства в отдельных, специально отобранных для этой цели дистриктах с развитой системой орошения, другими благоприятными условиями для выращивания продовольственных культур. На этих районах были сосредоточены усилия государства по оказанию финансовой помощи производителям через систему кредитной кооперации, обеспечению их улучшенными семенами, удобрениями, ядохимикатами.

Новый мощный импульс развитию зернового хозяйства дало появление в середине 60-х годов высокоурожайных сортов (ВУС) зерновых культур. Применение их знаменовало собой начало «зеленой революции» в зерновом производстве страны. В то же время, несмотря на имевшее место расширение территориальных границ применения ВУС по сравнению с начальными программами интенсивного развития, «зеленая революция» сразу же приняла территориально ограниченный, очаговый характер. Повышенные требования новых высокоурожайных сортов к современным агротехническим средствам (таким, как удобрения, ядохимикаты, система регулирования влаги в почве, технические средства, обеспечивающие более качественную обработку почвы и т. д.), потенциал которых наиболее полно мог быть использован только в условиях достаточно развитой социальной инфраструктуры, включающей кредитные институты, сферу поземельных отношений и т. д., ограничили распространение «зеленой революции» районами поливного земледелия с наиболее высоким уровнем развития земледельческого капитализма.

Одновременно наилучшую адаптацию к условиям Индии обнаружили мексиканские высокоурожайные сорта пшеницы, из-за чего «зеленая революция» приняла здесь преимущественно «пшеничное» направление и охватила такие традиционно выращивавшие пшеницу районы, как штаты Пенджаб, Харьяна, западная часть штата Уттар-Прадеш и некоторые другие ограниченные территории, обладавшие необходимой исходной базой для восприятия новой технологии.

Переход на новую технологию возделывания зерновых культур в районах «зеленой революции» означал становление там современных систем земледелия, ускоривших процесс интенсификации производства продовольственного зерна.

Большую роль в этом процессе сыграло государство, всемерно стимулировавшее рост факторов интенсификации путем увеличения государственных расходов на ирригационное строительство, субсидирования цен на удобрения, ВУС, ядохимикаты и распределения их через снабженческо-сбытовую кооперацию, что не замедлило отразиться на динамике потребления современных агротехнических средств. Достаточно сказать, что вплоть до начала «зеленой революции» использование минеральных удобрений в сельском хозяйстве Индии оставалось ничтожно малым. С середины же 60-х годов потребление их начало возрастать быстрыми темпами — в среднем на 13,7% в год в течение всего периода с 1965/66 по 1980/81 г. Почти в два раза возросли, по сравнению с предшествовавшим пятнадцатилетним периодом, среднегодовые темпы прироста площадей поливных земель под продовольственными культурами и пшеницей в частности. Чрезвычайно высокими темпами пошло распространение высокоурожайных сортов зерновых культур (табл. 28). Однако оказавшиеся малоэффективными в условиях Индии филиппинские сорта риса не позволили «зеленой революции» одинаково успешно развиваться и в производстве риса. Действительно, если применение ВУС пшеницы позволило повышать урожайность последней в среднем на 4,7% в год, то филиппинские сорта риса обеспечивали ежегодный прирост урожайности только на 3%. В то же время до начала внедрения ВУС прирост урожайности риса, как правило, обгонял прирост урожайности пшеницы (табл. 29).

Внедрение более дорогих средств новой технологии потребовало значительного увеличения производственных затрат со стороны хозяйств, осуществлявших переход к интенсивным формам земледелия. Высокий инвестиционный барьер, кстати сказать, явился еще одной из причин медленного развития «зеленой революции» в рисовом хозяйстве, базирующемся в более значительной степени на мелком и мельчайшем крестьянском хозяйстве. Высокие производственные затраты на современные агротехнические средства, таким образом, с самого начала весьма четко определили и социальные границы «зеленой революции» в дополнение к упомянутым ранее территориальным, определяемым природно-естественными факторами и уровнем развития социальной инфраструктуры. Четкая социальная направленность «зеленой революции» в Индии проявилась в выдвижении в качестве главных ее носителей предпринимательской верхушки крестьянства и крупных земельных собственников, переходивших к ведению собственного хозяйства на капиталистической основе.

Расширение круга участников «зеленой революции» в районах ее развития за счет менее состоятельных и мелких производителей находится, таким образом, в прямой зависимости от конъюнктуры на рынке средств новой технологии и одновременно от государственной помощи мелким производителям (попытки такой избирательной поддержки мелкого хозяйства со стороны государства начали осуществляться с конца 70-х годов).

Несмотря на очаговый, ограниченный характер «зеленой революции», вызываемая ею интенсификация производства в зерновом хозяйстве способствовала значительному увеличению общего производства продовольственного зерна в стране. Темпы ежегодного прироста этого производства составили в период развития «зеленой революции» в среднем 4% (по сравнению с 1,8% с начала 50-х годов и до середины 60-х). Столь значительные темпы прироста сборов продовольственного зерна были достигнуты ускорением темпов прироста сборов основной культуры «зеленой революции» — пшеницы, составлявших 8,75% в год (против 2,9% в период, предшествовавший внедрению ВУС,— табл. 29).

В результате опережающих темпов роста производства пшеницы ее доля в общих сборах продовольственного зерна более чем удвоилась (с 12,4 до 28,1%), тогда как доля основной

продовольственной культуры — риса (сборы которой возрастали в среднем на 3,7% в год) осталась практически на уровне начала 50-х годов.

Процесс становления новой системы производительных сил в сельском хозяйстве Индии, проявлением которого и стала «зеленая революция», не носит плавного характера. Тесная его связь с общими процессами в экономике страны, а также действие определенных факторов вненационального характера обусловили неравномерность этого процесса. К началу 80-х годов уже достаточно четко выявились три этапа в развитии «зеленой революции».

Начальный этап — середина 60-х годов — 1971/72 г.— период наиболее высоких темпов развития «зеленой революции», когда к тому же наиболее полно проявился начальный эффект внедрения новых высокоурожайных сортов зерновых культур. Достаточно отметить, что в этот период среднегодовой темп прироста потребления удобрений составил 22,5% по сравнению с 13,7% за весь период с 1965/66 по 1980/81 г. К концу начального этапа «зеленой революции», т. е. за первые пять лет, высокоурожайными сортами было засеяно 41,4% площади под пшеницей и 19,6% площади под рисом. В последующий десятилетний период площади под высокоурожайными сортами пшеницы и риса увеличились соответственно на 37,7 и 26,9%. Начальный этап «зеленой революции» отмечен и наиболее высокими темпами среднегодового прироста урожайности пшеницы и риса — соответственно 8,85 и 4,85% по сравнению с 4,7 и 3,0% за весь период развития «зеленой революции».

Однако уже начало 70-х годов было отмечено общим ухудшением экономической ситуации в стране, нарастанием инфляционных тенденций, усиливаемых мировым энергетическим кризисом и, как следствие, резким вздорожанием средств новой технологии, и неизбежным ухудшением для сельского производителя условий обмена на рынке. Этот период, охвативший условно 1972/73—1975/76 гг., характеризуется явным спадом в развитии «зеленой революции» и рассматривается как второй ее этап.

Этот период характеризуется резким снижением темпов прироста основных компонентов «зеленой революции»: замедлением темпов развития ирригации и роста площадей под ВУС. Особенно значительным было падение темпов прироста потребления удобрений — с 22,5% в год на первом этапе до 1,8% на втором, что привело к снижению норм внесения удобрений. С нарушением одного из важнейших агротехнических условий возделывания высокоурожайных сортов непосредственно был связан почти прекратившийся рост урожайности. Так, темпы прироста урожайности пшеницы упали с 8,9 до 0,6%.

Неблагоприятные тенденции в развитии «зеленой революции» в основных ее очагах привели к падению темпов прироста сборов пшеницы в стране — с 16,8% на первом этапе до

2,2% на втором, что отразилось и на росте общего производства зерна в первой половине 70-х годов. В плане продовольственного обеспечения замедление темпов «зеленой революции» обернулось необходимостью увеличения импорта зерна. Быстрый рост производства зерновых на первом этапе позволил сократить импорт зерна с 10,3 млн. т в 1966 г. до 2 млн. т в 1971 г., а уже в 1975 г. Индия была вынуждена ввезти 7,4 млн. т продовольственного зерна.

Дальнейшее развитие процесса интенсификации сельскохозяйственного производства — вторая половина 70-х — начало 80-х годов (этот период можно характеризовать как третий этап) — носило крайне неустойчивый характер. В целом этот этап определялся процессами, связанными с некоторым преодолением кризисных тенденций в экономике страны. Однако отсутствие стабильности в развитии последней, в частности проявлявшееся в периодических спадах в отраслях, обеспечивающих технологический прогресс в сельском хозяйстве, не позволило восстановить устойчивые темпы развития «зеленой революции», характерные для начального этапа.

При всей неравномерности и анклавности развития «зеленой революции» главное ее достижение заключается в том, что она способствовала общему увеличению производства продовольственного зерна в стране, и прежде всего товарной его части. (В главном районе «зеленой революции» — Пенджабе товарный выход пшеницы увеличился с 36% в 1955/56 г. до 50,8% в 1975/76 г., в 1979/80 г. поступления пшеницы на рынок в штате составили 66,3% [6].) Рост массы продукции, предназначенной для реализации на рынке, способствовал преодолению острого дефицита товарного зерна в стране. В течение короткого периода с 1978 по 1980 г. Индия даже обходилась без импорта зерна.

Но крайне неустойчивые темпы развития «зеленой революции» в целом были одной из важных причин, обусловивших неустойчивость роста производства зерна и соответственно продовольственного обеспечения страны. Это пока не позволяет зерновому хозяйству Индии превратиться полностью в импортзамещающую отрасль. Более того, в условиях сохраняющихся высоких темпов прироста населения некоторого увеличения темпа прироста подушевого обеспечения зерном в начале 80-х годов удалось добиться лишь с помощью возобновления с конца 1981 г. импорта зерна. Рекордный за всю историю страны урожай 1983/84 г. (151,1 млн. т) не повлиял на решение правительства сохранить импорт продовольственного зерна в довольно значительном объеме (около 4 млн. т) на 1984 г.[7] В большой степени это, вероятно, связано с предполагаемыми в дальнейшем постоянными значительными изъятиями зерна из государственных запасов в связи с объявленным И. Ганди в начале 1984 г. намерением правительства охватить государственной системой распределения продовольствия (по субсидируе-

мым ценам) в дополнение к городской бедноте также и беднейшие слои сельского населения.

Существующее положение в области продовольственного обеспечения населения Индии требует дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции (зерновой прежде всего) и соответственно товарной ее части. Это одновременно усиливает необходимость расширения границ интенсивного земледелия.

Однако то направление, которое принял процесс интенсификации земледелия в Индии, способствует сохранению и дальнейшему закреплению очагового характера этого процесса. Действительно, внедряемая в сельское хозяйство современная технология, как уже отмечалось, требует крупных наличных средств, что обеспечивает преимущественный доступ к ней сравнительно узкому кругу верхушечных предпринимательских хозяйств. Нынешняя же расстановка социально-политических сил в деревне практически исключает скорое осуществление радикальных аграрных преобразований и соответственно существенное расширение социальной базы современного сектора в сельскохозяйственном производстве.

К этому следует добавить, что более высокий общий уровень экономического развития отдельных штатов и районов, таких, как Пенджаб, Харьяна, западная часть штата Уттар-Прадеш и некоторые другие, не только позволил последним стать основными очагами «зеленой революции», но и обусловил дальнейший значительный их отрыв от остальных районов страны по уровню модернизации сельскохозяйственного сектора. Как справедливо отмечала индийский экономист-аграрник Кришна Бхарадвадж, именно это обстоятельство обеспечило названным районам гораздо более производительное использование накоплений, создаваемых в современном секторе сельского хозяйства.

Таким образом, поскольку в ближайшей перспективе развитие интенсивного земледелия представляется не иначе как процесс очаговый, в котором ведущее место по-прежнему сохранится за ныне технологически лидирующими районами, дальнейший рост продуктивности зернового хозяйства в стране будет определяться процессами, происходящими именно в этих районах. Показателен в этой связи тот факт, что распространение недавно выведенных новых отечественных высокоурожайных сортов риса, с которыми связываются надежды на ускорение «зеленой революции» в рисовом хозяйстве, началось со старых ее очагов, традиционно пшеничных районов — все тех же штатов Пенджаб, Харьяна и Западный Уттар-Прадеш, где рис стал в последние годы выращиваться в качестве товарной культуры наряду с пшеницей, конкурируя с последней.

Что касается перспектив развития «зеленой революции» в производстве пшеницы, то следует отметить, что возможности расширения в старых ее очагах посевов высокоурожайных сор-

тов этой культуры почти полностью исчерпаны. Более того, учитывая возникшую тенденцию продвижения культуры риса в эти районы, не следует полностью исключать возможности определенного сокращения там в 80-х годах площади под пшеницей.

В силу названных причин главным фактором роста производства пшеницы в ближайшие годы останется дальнейшее повышение ее урожайности в главных очагах развития «зеленой революции». В то же время следует иметь в виду, что при нынешней технологии использования ВУС пшеницы урожайность ее, по-видимому, уже достигла потолка, о чем свидетельствует, в частности, значительное снижение в районах «зеленой революции» темпов прироста урожайности этой культуры (даже если учесть, что в определенной мере это вызвано снижением использования отдельных компонентов новой технологии). Роль нового импульса к росту урожайности пшеницы в этих условиях может сыграть сокращение сроков обновления семенного материала ВУС пшеницы; этот важный фактор роста урожайности мало использовался до настоящего времени.

В более отдаленной перспективе значительный рост производства продовольственного зерна все более связывается в Индии с развитием суходольного земледелия. Результаты работ индийских ученых по выведению ВУС продовольственных культур для районов естественного увлажнения дают основания говорить о возможности расширения в будущем границ интенсивного земледелия за счет обширных территорий таких районов.

Рассматривая перспективы развития «зеленой революции» в Индии, следует подчеркнуть, что какое бы направление ни принял процесс дальнейшей интенсификации земледельческого хозяйства, тормозом развития такого типа хозяйства будет служить узость внутреннего рынка, определяемая крайне низким платежеспособным спросом подавляющей массы населения страны.

Сохранение крайне низкого платежеспособного спроса по преимуществу и позволяет в последние годы время от времени достигать определенного равновесия между внутренним спросом на зерно и его национальным производством и даже создавать значительные запасы зерна. Однако, как правило, такое равновесие достигается при фактической стагнации подушевого обеспечения зерном (табл. 26) и нарушении качественного баланса в продовольственном рационе, являющегося следствием постоянно растущего недопроизводства зернобобовых и масличных культур, которые составляют важнейшие компоненты в питании в первую очередь низших слоев населения. (Значительно возросшее подушевое обеспечение зерном в 1984 г., которое, по нашим расчетам, должно достичь 475,9 г в день, тем не менее не превышает уровень 1979 г.) «Зеленая революция» в производстве пшеницы, а затем и риса поставила названные культуры в крайне неблагоприятные условия, постепенно вытесняя

их на бедные, неорошаемые земли. Проблема продовольственного обеспечения населения Индии в этой связи ныне во все возрастающей степени связывается не только с производством злаковых культур, но и с производством зернобобовых и масличных.

В условиях углубляющегося разрыва между уровнями доходов и потребления состоятельных групп населения, с одной стороны, и беднейших групп — с другой, сказанное означает фактическое ухудшение продовольственного обеспечения последних. По этой причине главной задачей на ближайшие годы, как ее определяет в Индии ряд видных экономистов, является не только увеличение производства продукции в целях повышения потребления на душу населения, но и создание условий, обеспечивающих увеличение доходов у беднейших слоев сельского населения в интересах достижения социальной справедливости [8].

Ситуация, складывающаяся время от времени в условиях «зеленой революции», в Индии — параллельное существование «избыточной» продовольственной продукции и большого числа людей, влачащих существование на доходы ниже прожиточного минимума,— есть не что иное, как отражение дальнейшего углубления социальных проблем продовольственного обеспечения. Это углубление социальных проблем отражает одновременно противоречивый характер последствий, которые несет с собой развитие современных интенсивных форм земледелия, происходящее в рамках существующей социально-экономической структуры.

Индонезия. В современной Индонезии продовольственная проблема имеет несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, это следствие отсталости производительных сил и социально-экономической структуры сельского хозяйства, которая затрудняет поддержание темпов прироста производства, диктуемых демографическим процессом, а также ростом спроса на продовольственную продукцию в товарной форме. Во-вторых, обострение продовольственной проблемы вызывается спецификой социальных процессов, в ходе которых как в деревне, так и в городах образуются обширные пауперизированные слои населения.

Среднегодовые темпы прироста производства риса — основного продукта питания индонезийцев — за 60—70-е годы лишь незначительно превышали темпы прироста численности населения, составляя соответственно 2,85% (за 1961—1979 гг.) и 2,25% (за 1961—1980 гг.). При этом в 60-е годы производство увеличивалось в среднем лишь на 2,4% в год при среднегодовом темпе прироста населения 2,1% [9]. В 70-е годы реализация крупномасштабной государственной программы интенсификации рисоводческого хозяйства позволила поднять темпы прироста производства до 4% и более (4,4% за 1971—1980 гг.). Темп прироста населения за тот же период равнялся 2,34%. В результате этого подушевое производство риса за последнее десятилетие повысилось, достигнув в 1980 г. 105,0 кг в год (очищенного риса) против 85,2 кг в 1961 г. и 88,1 кг в 1971 г.[10].

Темпы прироста производства риса при определенной неустойчивости отличались повышательной тенденцией, вызванной «зеленой революцией»: 2,0% за 1961—1965 гг.; 4,0% за 1966—1970 гг.; 1,8% за 1970—1975 гг.; 4,7% за 1975—1979 гг.; 9,0% за 1979—1982 гг.[11].

Ускорение роста урожая позволило Индонезии сделать шаг вперед в решении важной задачи, выдвинутой ее правительством,— достичь самообеспечения страны рисом за счет собственного производства на уровне 125 кг очищенного риса в год на душу населения [12].

Продовольственная проблема в Индонезии постоянно осложняется диспропорцией между возрастающими потребностями в товарном продовольствии и сравнительно ограниченными возможностями их удовлетворения со стороны сельского хозяйства, опирающегося главным образом на мелкое и мельчайшее потребительское хозяйство. Основная часть продовольственного зерна, производимого в стране, всегда потреблялась непосредственно в деревне, по большей части не приобретая товарной формы. По нашим расчетам на основе данных на 1975 г., валовой продукт индонезийского рисоводства распределялся следующим образом: на внутрихозяйственное потребление — 45,7%; потребление хозяйств, не покрывающих своих нужд собственным производством,— 21,6%; потребление безземельных групп — 24,0%; городское потребление — 8,7% (около половины городского платежеспособного спроса) [13].

Систематическое отставание показателей внутреннего производства от среднедушевых расчетных потребностей, а особенно неспособность сельского хозяйства полностью удовлетворять спрос различных групп населения (прежде всего городских, но частично и сельских) на товарное зерно, вынуждало индонезийское правительство до последнего времени увеличивать импорт зерна (последний вырос с 0,7 млн. т в год в 1963—1966 гг. до 1,9 млн. т в 1977—1980 гг.) [14].

Однако высокие темпы прироста урожая риса, которые наблюдались во второй половине 70-х годов и особенно в 80-е годы, позволили в основном ликвидировать тот разрыв, который постоянно существовал между платежеспособным спросом городского населения и объемом товарной массы риса, фактически предоставляемого городу деревней. В результате импорт риса стал резко сокращаться. Если, например, еще в 1979/80 г. он равнялся 2,6 млн .т, а в 1980/81 г.— 1,2 млн. т, то в 1981/82 г. уже лишь 0,4 млн. т, а в 1982/83 г. (по данным на конец 1982 г.) — 0,3 млн. т. При этом была прекращена продовольственная помощь Индонезии со стороны стран Запада [15].

Но приближение к рубежу удовлетворения платежеспособного спроса на рис не означало достижения полной самообеспеченности продовольственной продукцией земледелия. В 70-х го-

дах рост производства риса достигался отчасти за счет вытеснения им важных продовольственных культур (других зерновых, сахарного тростника, корнеплодов, бобовых) [16]. В 70-е годы в стране быстрыми темпами увеличивается и в 80-е годы остается на высоком уровне импорт важного зернового продукта — пшеницы в виде зерна и, меньше, муки (среднегодовые данные): в 1971—1974 гг.— 0,6 млн. т; в 1977—1980 гг.— 1,2 млн. т; в 1980/81—1982/83 гг. (предварительно) — 1,3 млн. т [17].

Импортное зерно используется для целевого распределения по различным каналам: одна его часть попадает к государственным служащим (включая представителей армии и полиции) и работникам государственных предприятий, другая поступает в страховые государственные фонды, а также используется для продажи на рынке в целях регулирования цен (табл. 30) [18].

В 70-е годы Индонезия продолжала ввозить и еще один важный продовольственный продукт — сахар: за вторую половину 70-х годов его импорт возрос и абсолютно (с 0,08 млн. т до 0,4 млн. т) и по отношению к объему внутреннего производства — с 8 до примерно 35% [19].

Среднедушевая калорийность питания индонезийцев, в соответствии с официальными данными, несколько повысилась в 70-е годы по сравнению с началом 60-х годов. Потребление калорий в среднем на одного человека в день возросло с 1944 ккал за 1961—1963 гг. до 2231 ккал в 1976 г., потребление протеинов — с 39,1 до 43,7 г, жиров — с 28,9 до 39,6 г. Прирост произошел исключительно за счет растительной пищи: из общего числа калорий за счет продуктов животного происхождения было получено в 1961—1963 гг. (средн.) 44 ккал, в 1976 г.— 45 ккал; потребление протеинов животного происхождения составило всего 4,6 и 4,5 г, а жиров животного происхождения — соответственно 2,6 и 2,7 г. При этом наблюдаются сильные контрасты в продовольственном потреблении у различных по размерам дохода групп населения: по данным на 1980 г., у 53% населения приходилось на душу менее 2000 ккал в день, при этом у 41% — менее 1800 ккал и у 26% — менее 1600 ккал. Такое распределение связано с характером дифференциации населения по уровням имущественного положения. Так, по оценочным подсчетам индонезийского экономиста Саджогьо, в 1976 г. 58,6% населения относилось к числу бедных, в том числе 39,8% — к числу очень бедных и 25,0% — крайне бедных [20].

Изменения в качественной структуре питания неравномерно распространяются на различные по размерам доходов группы населения. По данным, относящимся ко всему городскому населению Явы, средняя доля расходов на зернопродукты и корнеплоды за 1970—1976 гг. снизилась с 38,4% общей суммы расходов на продовольствие до 30,1%. Однако у 35% низших по размерам доходов групп они остаются на уровне свыше 50%, у 60% — более 40%.

Следовательно, количественные и качественные характеристики питания индонезийцев определяются сейчас и в перспективе как общими условиями обеспеченности страны продовольствием, так и дифференциацией населения по уровням доходов. В зависимости от различий в применяемой методике подсчетов, доля населения, находящегося ниже «черты бедности», сокращается или возрастает, но в любом случае она очень высока. Например, в 1976 г. 64% городского населения и 80% сельского пребывали ниже «национальной границы бедности» (против соответственно 86 и 89% в 1967 г.). Это заставляет предполагать медленное изменение количественных и качественных параметров продовольственного рациона основной массы жителей страны [21].

В 70-е годы усилия индонезийского правительства по улучшению продовольственного обеспечения страны направлялись по пути реализации государственных программ интенсификации, которые и в первой половине 80-х годов распространялись главным образом на рисоводческое хозяйство. Средства интенсификации, как правило, предоставляются производителям по субсидируемым ценам. Например, в 1980/81 г. и 1981/82 г. государственные субсидии на поддержание твердых цен на удобрения составляли соответственно 6 и 6,5% общих ассигнований по бюджету экономического развития [22]. В сферу интенсификации вовлекаются различные социальные группы производителей. В целом программа интенсификации ориентирована на максимально возможное расширение слоя сельских товаропроизводителей. Но наиболее активно и успешно в нее включаются зажиточные и средние слои деревни. Мельчайшие хозяйства (с площадью орошаемых земель менее 0,3 га) — примерно 45—50% рисопроизводителей — нередко исключаются из сферы деятельности государственных организаций, которые предоставляют рисопроизводителям средства интенсификации и денежный кредит.

С 1977 по 1981 г. уборочная площадь риса, охваченная программами интенсификации, увеличилась с 4,2 млн. га (51% общей уборочной площади риса) до 5,9 млн. га (63%), а в 1982 г. она должна была (оценочно) достичь 7 млн. га (78%). Урожайность риса в зонах интенсификации повысилась при этом с 22,7 ц/га до 32,7 ц. против 19,0 ц и 25,7 ц/га соответственно в среднем по стране за те же годы [23].

В конце 70-х годов организационные формы государственной программы интенсификации рисоводческого хозяйства существенно изменяются. Государство отказывается от практики предоставления рисопроизводителям средств интенсификации (высокоурожайных семян, удобрений, пестицидов, инсектицидов) на условиях комплектных поставок («пакета») в кредит. Вместо этого все шире практикуется продажа удобрений через государственные и частные каналы по ценам, удерживаемым благодаря государственным бюджетным субсидиям на сравнительно низком уровне. Государство также придает важное зна-

чение политике минимальных гарантированных закупочных цен для производителей риса и активно участвует в регулировании уровня рыночных цен, используя свои централизованные резервы зерна и закупочный аппарат.

Сельскохозяйственные производители, участвующие в новой программе интенсификации («Инсус»), подлежат объединению в специальные группы по 50—100 человек, внутри которых должны согласовываться и координироваться использование посевного материала, удобрений, распределение воды, севооборот и т. п. В такие группы могут быть включены только те производители, которые имеют владельческие права на землю или по крайней мере неоспоримое право распоряжаться урожаем. Тем самым ограничивается возможность участия в программе интенсификации для многих производителей-арендаторов и тех, кто утратил право распоряжаться урожаем из-за ростовщической задолженности [24].

Разумеется, осуществляемая в сравнительно широких масштабах программа интенсификации сельского хозяйства способствовала улучшению динамики производства земледельческой продовольственной продукции, прежде всего за счет урожайности риса. Однако, как видно из изложенного выше, это еще не привело к достижению Индонезией самообеспеченности продовольствием в целом и зерном в частности, даже на уровне существующего низкого платежеспособного спроса, хотя зависимость страны от импорта зерна в целом несколько ослабла благодаря росту урожая риса.

Перспективы улучшения продовольственного положения Индонезии связаны с решением ряда сложных проблем, характерных в той или иной мере для всех развивающихся стран и определяемых в целом их экономической отсталостью и положением в мировом капиталистическом хозяйстве.

Но среди всех этих проблем для Индонезии целесообразно особо выделить проблемы, порождаемые перенаселенностью Явы,— центра сосредоточения населения и главной экономической (в том числе и сельскохозяйственной) базы страны. Ява находится в числе наиболее перенаселенных районов азиатских стран. По данным на 1976 г., плотность населения из расчета на 100 гектаров сельскохозяйственных земель составляла в среднем по Индонезии 931 человек, в том числе на Яве — от 1342 до 1568 человек. Средние по стране размеры одного хозяйства сократились в промежуток между сельскохозяйственными переписями 1963 и 1973 гг. с 1,05 до 1,01 га, причем на Яве — с 0,71 до 0,66 га. Из рисоводческих хозяйств страны, по данным последней (1973 г.) переписи, 91,8% имели менее чем по 1 га орошаемой земли, 68,0% — менее 0,5 га, 45,0 — менее 0,3 га [25].

Такое положение, сложившееся в результате длительной колониальной эксплуатации Индонезии и деформации ее общественных производительных сил в рамках мирового капиталистического хозяйства, ставит любые решения в области продовольственного обеспечения в зависимость не только от социально-экономических аграрных преобразований, но и от всей экономической стратегии, направленной на развитие производительных сил сельского хозяйства, индустриализацию и улучшение структуры распределения трудовых ресурсов в масштабах всей экономической системы.

Шри Ланка представляет собой пример страны, в которой государство на практике продемонстрировало свою способность активно воздействовать на процесс производства и распределение продуктов питания, однако оказалось не в состоянии решить продовольственную проблему в интересах широких трудящихся масс не только по экономическим причинам, но и вследствие социально-политических факторов, обусловленных буржуазным характером самого государства, определяющим особенности развития экономики и возможности перераспределения национального продукта между различными социальными слоями. Главные задачи, которые преследовали стоящие у власти буржуазные круги Шри Ланки, разрабатывая и претворяя в жизнь государственные программы развития продовольственных отраслей сельского хозяйства,— это замещение части импортируемых продуктов продукцией местного производства, повышение эффективности использования как вовлеченных, так и вовлекаемых в сельскохозяйственное производство земель как одно из направлений и условий подъема национальной экономики и смягчения таких острых для страны социальных проблем, как безработица или неполная занятость и крайне низкий жизненный уровень крестьянства.

Уровень среднедушевого потребления продуктов питания в период с начала 60-х годов до начала 80-х годов не претерпел существенных изменений (наблюдавшееся в отдельные годы повышение этого уровня впоследствии сменялось его снижением, о чем можно судить по данным табл. 31). При этом необходимо отметить, что диета ланкийского населения отличается крайним однообразием (от 96 до 97% потребляемых ланкийцами калорий дают продукты растительного происхождения) [26].

Как свидетельствуют данные табл. 32, прямой связи между приростом населения (как и некоторых других факторов) и изменением уровня питания ланкийцев не прослеживается, что может быть объяснено следующими причинами: 1) производство продуктов питания в целом за рассматриваемый период росло быстрее, чем население (в период с 1960 по 1981 г. население Шри Ланки увеличилось на 51,4% [27], а производство продуктов питания — на 148,6% [28]); 2) в формировании национального продовольственного фонда большую роль играли внешние поставки продуктов питания, что при всех отрицательных последствиях зависимости этой страны от мирового рынка продовольственных товаров позволяло ланкийскому государству регулировать степень удовлетворения спроса на продукты питания со стороны ланкийского населения (при этом правящие круги исхо-

дили не только из своих финансовых возможностей, но и из социально-политической обстановки в стране: например, как правило, накануне парламентских выборов стоявшая у власти партия стремилась повысить уровень питания ланкийских граждан с целью завоевать голоса избирателей).

Зависимость Шри Ланки от внешних поставок продовольствия была обусловлена экспортной ориентацией сельского хозяйства, развивавшегося в колониальный период в основном в интересах плантационного (в первую очередь иностранного) капитала, в то время как подъем продовольственных отраслей, находившихся в стагнационном состоянии, стал осуществляться, по существу, лишь с начала 60-х годов. Несмотря на значительное увеличение производства продуктов питания в Шри Ланке в период независимости (см., например, табл. 33 и 34), роль внешних поставок продовольствия в формировании национального продовольственного фонда по-прежнему остается значительной. В 1971 и 1973 гг. импортный компонент в питании ланкийского населения (в пересчете на калории) составил соответственно 56,5 и 49,4%[29] по сравнению с 36,0% в 1960—1962 гг.[30], 51,5% в 1957—1959 гг.[31], 48,2% в 1954—1956 гг.[32], 60,3% в 1953 г.[33] и 54,4% в 1952 г.[34]. О роли импорта в формировании национального зернового фонда можно судить по данным табл. 35, которые свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторый рост потребления импортного зерна в Шри Ланке, происходивший в рассматриваемый период (среднегодовой импорт данного продукта увеличился с 801,6 тыс. т в 1961—1965 гг. до 1075,6 тыс. т в 1977—1981 гг.), доля его в национальном зерновом фонде снизилась с 53,26% (средняя арифметическая простая) в 1961—1965 гг. до 42,5% (средняя арифметическая простая) в 1977—1981 гг.

Импорт продовольствия отрицательно сказывается на экономическом положении Шри Ланки, поглощая значительную часть экспортной выручки (табл. 36). Цены на импортируемые Шри Ланкой продукты питания растут, как правило, быстрее, чем на основные товары ланкийского экспорта, и, кроме того, в отдельные годы, когда спрос на продовольственные товары на мировом рынке превышает их предложение, эта страна испытывает значительные трудности в приобретении на внешних рынках продуктов питания даже по возросшим в условиях дефицита ценам. Зависимость Шри Ланки от внешних поставок продуктов питания воздействует и на географическое направление внешней торговли этой страны. До конца 70-х годов, когда Шри Ланка в результате увеличения внутреннего производства риса смогла сократить импорт данного продукта, эта страна была особенно заинтересована в развитии экономических связей с КНР, которая являлась для нее постоянным поставщиком риса в обмен на производимый в Шри Ланке натуральный каучук. В настоящее время, с конца 70-х годов, в связи с резким возрастанием в зерновом импорте доли пшеницы

(включая пшеничную муку), что объясняется не только ростом внутреннего производства риса, но и соображениями экономии, ведущие позиции в обеспечении Шри Ланки зерном заняли США, Канада и Австралия.

Показатели, характеризующие уровень среднедушевого потребления продуктов питания, естественно, не отражают различий в данном показателе, наблюдаемых среди разных слоев ланкийского населения. Между тем представители обеспеченных слоев потребляют в среднем около 150% минимально необходимой нормы продуктов питания (в пересчете на калории)[35], что приводит к ухудшению положения других групп населения при данном объеме национального продовольственного фонда. Наблюдаемое в Шри Ланке увеличение разрыва в уровнях доходов между различными социальными слоями (в 1973 и в 1978 гг. на беднейшие слои населения, составляющие 20% общей численности населения Шри Ланки, приходилось соответственно 4,9 и 3,9% национального дохода, в то время как на 20% населения с наиболее высоким уровнем доходов — 45,9 и 54,1%[36]) неизбежно сказывается на усилении неравномерности распределения национального продовольственного фонда. По данным на конец 70-х — начало 80-х годов, беднейшие 50% населения Шри Ланки потребляют в среднем 1954 калории на одного человека в день[37] (88,8% минимально необходимой нормы), или в 1,7 раза меньше, чем представители обеспеченных слоев населения.

Учитывая крайне низкий уровень доходов значительной части ланкийского населения (даже в начале 80-х годов, когда внутренний продукт на душу населения, взятый в постоянных ценах, превышает уровень 1961—1962 гг. примерно на 70%[38], за порогом нищеты находится примерно 40% жителей Шри Ланки[39]), ланкийское государство было вынуждено субсидировать продовольственное потребление в стране, так как в противном случае значительная часть ланкийского населения была бы обречена на голодную смерть. Продовольственные субсидии составляли значительные суммы (например, в 1965/66 г. на эти цели было израсходовано 487,4 млн. рупий, что равнялось 24,4% всех текущих расходов правительства Шри Ланки в указанном финансовом году[40]). С 1942 по 1979 г. практически все жители Шри Ланки получали основные виды продовольствия (в первую очередь рис) по карточкам по субсидируемым государством ценам (в течение нескольких лет часть нормированного риса отпускалась даже бесплатно), которые были значительно ниже рыночных и государственных закупочных. Находящиеся под контролем империалистических держав международные финансовые организации — Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд — неоднократно требовали от ланкийского правительства в качестве условия получения помощи от указанных учреждений сократить расходование средств на продовольственное субсидирование, с тем чтобы

высвободившиеся таким образом финансовые ресурсы направить на нужды экономического развития в целях укрепления в этой стране капиталистической системы.

В 1979 г. правительство Объединенной национальной партии предприняло определенные шаги в данном направлении: субсидирующие цены были отменены, а государственная система субсидирования продовольственного потребления, но уже в новой форме (вместо продовольственных карточек стали выдаваться специальные денежные купоны, дающие право их владельцам приобретать продукты питания по рыночным ценам), стала распространяться лишь на слои населения с наиболее низким уровнем доходов (в начале 80-х годов эти слои составляли 52% от общей численности населения Шри Ланки[41]). Переход к новой системе субсидирования продовольственного потребления, позволивший государству сэкономить значительные средства, отрицательно сказывается на положении беднейших групп населения, поскольку денежные купоны имеют фиксированный номинал, в то время как цены на продукты питания постоянно растут. В результате количество калорий, содержащихся в продуктах питания, которые может приобрести по денежному купону взрослый человек в день (различные возрастные группы получают денежные купоны с различным номиналом), сократилось с 977 в 1979 г. до 479 в 1981 г.[42], или на 51%.

То обстоятельство, что непосредственно в продовольственных отраслях производства занята сравнительно небольшая часть самодеятельного населения Шри Ланки, причем даже эта часть обеспечивает свои потребности в продовольствии за счет продукции собственного производства далеко не полностью, придало особо острый характер вопросу об обеспечении населения товарным продовольствием. Распределение продуктов питания, в первую очередь риса и пшеничной муки, по карточкам (до 1979 г.) и свободная продажа их государством по твердым, фиксированным ценам обусловили необходимость для государства создания собственных запасов продуктов питания, предназначенных для распределения среди населения Шри Ланки. В силу ряда условий в Шри Ланке сложилась, по существу, монополия государства на импорт продовольствия. К тому же вследствие осуществляемых государством закупок риса и некоторых других продуктов питания по твердым, гарантированным ценам в руках государства в отдельные годы сосредоточивалась и значительная часть произведенных в этой стране продуктов питания (например, в 1970/71 г. государством было закуплено свыше 48% произведенного в Шри Ланке риса[43]). Однако в последние годы государственные закупки продуктов питания сократились. Например, в 1981 г. государством было закуплено менее 6% произведенного в стране риса[44]. Сокращение государственных закупок объясняется тем, что цены на соответствующие продукты питания на открытом рынке растут быстрее, чем государственные закупочные (например, в конце 1981 г.

государственная гарантированная цена составила 275,5 рупии за 1 ц риса-сырца против 335—480 рупий на открытом рынке[45]). Одной из особенностей Шри Ланки является то, что государственная система субсидирования продовольственного потребления распространяется и на рисоводов, тем самым искусственно повышая выход товарного зерна в рисоводческих хозяйствах страны.

Стремление государства сократить расходование остро дефицитной иностранной валюты, необходимой для экономического развития страны, на импорт продовольствия, повысить уровень жизни ланкийского крестьянства, преобразовать сложившуюся в колониальный период отраслевую структуру народного хозяйства, увеличить занятость, а также ряд других экономических и социальных задач, вставших перед независимым ланкийским государством, обусловили активное и всестороннее воздействие государства на весь воспроизводственный процесс в продовольственных отраслях сельского хозяйства Шри Ланки. Осуществление аграрных реформ, имевшее целью регулирование рентных отношений, установление контроля над эффективностью использования сельскохозяйственных земель и распределение земли между различными группами сельскохозяйственного населения, освоение целинных и залежных земель, ирригационное строительство, кредитование и субсидирование сельскохозяйственного производства — основные направления, по которым государство оказывало воздействие на указанные отрасли земледелия.

Сравнительная эффективность государственной политики содействия развитию производства продуктов питания проявилась в том, что на путях «зеленой революции» в этой стране достигнуты существенные успехи, если иметь в виду технико-экономические результаты, но не социальные, поскольку ни одна из социальных проблем, связанных в той или иной степени с развитием продовольственных отраслей сельского хозяйства, не была решена. Фронтальный характер «зеленой революции» в Шри Ланке объясняется значительными государственными капиталовложениями в развитие соответствующих отраслей и целым комплексом государственных мероприятий, направленных на возможно более широкий охват крестьянских хозяйств процессом интенсификации земледелия. Сравнительно равномерному распределению между земледельческими хозяйствами средств, ассигнуемых государством на подъем производства продовольствия, содействовало и то обстоятельство, что в продовольственных отраслях доминируют мелкие и средние крестьянские хозяйства, в то время как крупные помещичьи хозяйства практически отсутствовали (например, в 1978/79 сельскохозяйственном году на хозяйства площадью до 2 га приходилось 91,7% общего числа рисоводческих хозяйств и на хозяйства площадью до 1 га — 73,8%[46]). Кроме того, значительная часть населения, занятого в продовольственных отраслях, имеет до-

полнительные денежные доходы от работы по найму на близлежащих плантациях, на дорожном строительстве и т. д. и, таким образом, в состоянии, пусть и в ограниченных размерах, приобретать необходимые средства производства, не прибегая к помощи государства.

Развитию продовольственных отраслей сельского хозяйства благоприятствовало наличие в Шри Ланке значительного неиспользованного ирригационного потенциала. Развитие ирригации диктовалось не только задачей повышения продуктивности обрабатываемых площадей, но и необходимостью освоения целинных и залежных земель. Доля ассигнований на развитие ирригации в общей сумме государственных расходов особенно возросла в последние годы, составив в 1980 г. 2,54% от общей суммы государственных расходов по сравнению с 0,69% в 1973 г.[47]. Наиболее крупные ирригационные строительства в период независимости связаны с освоением водных ресурсов рек Гал-ойа, Валаве, Калу-ойа и особенно Махавели-ганга и Мадуру-ойа. Чистая орошаемая площадь увеличилась с 368 тыс. га в 1962 г.[48] до 540 тыс. га в 1977 г.[49], средний годовой темп прироста чистой орошаемой площади составил в указанный период 2,6%.

Широкое распространение в Шри Ланке получили высокоурожайные сорта, под которыми в 1979 и 1980 гг. было занято соответственно 77,3 и 80,8% всей посевной площади под рисом[50].

Потребление удобрений в рисоводческом хозяйстве увеличилось с 9,4 тыс. т в 1954 г.[51] до 42 тыс. т в 1965 г.[52] и 188,8 тыс. т в 1980 г.[53]. Но даже в рекордном 1980 г. в среднем на 1 га земли под рисом приходилось 223 кг удобрений (поскольку посевная площадь под данной культурой составила в указанном году 845 тыс. га[54]), что равняется 58,6% рекомендуемой нормы в 380 кг/га[55]. Но в следующем, 1981 г. применение удобрений в рисоводческом хозяйстве сократилось до 151,5 тыс. т[56]. Рост применения удобрений в рисоводческом хозяйстве в период независимости в значительной степени стал возможным благодаря государственной политике обеспечения рисоводческих хозяйств этими средствами производства по субсидируемым ценам и к тому же в кредит.

Однако претворение в жизнь принятого правительством Шри Ланки в 1981 г. решения об отмене субсидирования применения удобрений, по-видимому, своим следствием будет иметь сокращение их применения (вероятно, отмена субсидированных цен на удобрения явилась одной из причин сокращения потребления удобрений в рисоводческом хозяйстве Шри Ланки в 1981 г. по сравнению с 1980 г.).

Особенностью ланкийского земледелия стало также широкое применение тракторов (стандартных и малогабаритных), которыми вспахивается около 70% всей площади под рисом. Однако данное обстоятельство, содействуя повышению продуктивности земли, в то же время усугубляет некоторые социальные проблемы. В силу того что государство обладает ограниченным тракторным парком, который может быть использован на контрактных условиях и крестьянскими хозяйствами, подавляющее большинство крестьян, предпочитающих применять современную технику, вынуждено обращаться к частным владельцам тракторов и тем самым подвергаться эксплуатации с их стороны через механизм цен на предпосевную обработку почвы.

Под воздействием многих факторов, и в первую очередь в результате многосторонней помощи, оказанной государством крестьянским хозяйствам (в основном экономически маломощным), занятым производством продуктов питания, продовольственные отрасли по темпам роста обгоняли остальные отрасли сельского хозяйства, о чем можно судить по следующим данным: в период с 1960—1962 по 1979—1981 гг. производство продуктов питания выросло в 2,3 раза, в то время как всей сельскохозяйственной продукции — в 1,8 раза (подсчитано по данным табл. 33). Средние годовые темпы прироста в продовольственных отраслях сельского хозяйства составили: в 1964—1966 гг.— 4,1%, в 1967—1969 гг.— 1,2%, в 1970—1972 гг.— 2,6%, в 1973—1975 гг.— 2,4%, в 1976—1978 гг.— 5,3% и в 1979—1981 гг.— 10,6% (подсчитано по данным табл. 33).

Однако, несмотря на определенные, довольно значительные успехи, достигнутые в период независимости в производстве продуктов питания (данные о динамике производства основного зернового продукта — риса см. в табл. 34), в Шри Ланке не решены ни экономические, ни социальные задачи, связанные с развитием продовольственных отраслей. По-прежнему уделом значительной части земледельческого населения является пауперизм, проблема занятости стала более острой, чем в начальный период независимого развития страны, уровень питания ланкийского населения остается крайне низким. Не сумела Шри Ланка покончить и со своей сильной зависимостью от внешних поставок продуктов питания. Учитывая, что пшеница — продукт, который в силу природных условий может производиться на острове лишь в незначительных количествах,— стала одним из основных компонентов диеты ланкийского населения, Шри Ланка и впредь будет вынуждена ввозить данный вид продовольствия из-за границы, даже если остальными основными продуктами питания она будет обеспечена (в пределах, определяемых платежеспособным спросом населения) в результате роста их производства внутри страны.

Бирма относится к числу немногих развивающихся стран, которые не только обеспечивают себя в пределах платежеспособного спроса основным продуктом питания — зерном, но и выступают в системе мирохозяйственных связей как нетто-экспортеры продовольствия[57]. Земледелие страны ориентировано на производство продовольственных культур, преимущественно зерновых, бобовых и масличных (под этими культурами было

занято в 60—70-е годы свыше 80% посевных площадей), а производство зерновых и бобовых составляет главный экспортный ресурс страны (см. табл. 46).

Продовольственное положение в Бирме отличается (и отличалось на протяжении всего XX в.) от такового во многих освободившихся странах по ряду существенных признаков. В общем население не знало и не знает массовых голодовок, возникающих вследствие неурожаев. Более равномерное, чем в других странах, распределение доходов исключат резкие различия в типах потребления у полярных групп населения. Вместе с тем Бирма — страна, где подавляющая часть населения страдает от хронического недоедания: по оценкам экспертов ОЭСР, в Бирме насчитывалось в середине 70-х годов 25 млн. человек (80% всего населения), относящихся к категории «абсолютно бедных» [58].

Наиболее характерными чертами динамики продовольственной ситуации в Бирме в 60—70-е годы были: производство продовольствия как для удовлетворения внутреннего спроса, так и для создания экспортного ресурса, вынужденная переориентация земледелия с внешнего на внутренний рынок и резкое сокращение экспорта риса, нехватка товарного зерна и ухудшение снабжения населения, особенно в городах, продовольствием, острая борьба государства и частного капитала за национальный рынок риса.

В развитии продовольственной ситуации за 20 лет можно выделить три периода: 1) 1962—1965 гг., когда спрос на продукты питания в целом удовлетворялся и за счет внутреннего производства, и за счет импорта товаров, производившихся в недостаточном размере, и страна вывозила значительные объемы риса; 2) 1966—1975 гг., когда внутреннее производство не удовлетворяло платежеспособного спроса на продовольствие, импорт и экспорт продуктов питания был сведен до минимума и периодически возникали перебои в снабжении населения продовольствием; 3) 1976 г. и последующие годы, когда экономическая ситуация в стране стала постепенно улучшаться, наметилась устойчивая тенденция к более полному удовлетворению спроса на продовольствие преимущественно за счет внутреннего производства, импорт продуктов питания был минимальным, а экспорт зерна стал расширяться.

На протяжении трех десятилетий — с середины тридцатых годов до середины шестидесятых — количественный объем и качественная структура подушевого рациона населения Бирмы оставались практически неизменными: он обеспечивал примерно 2000 калорий на душу. Основу такого рациона составляли продукты растительного происхождения (главным образом зерновые и бобовые), которые поставляли 95—96% потребляемой энергии (табл. 37). Например, в 1964—1966 гг. источниками энергии были следующие компоненты диеты (в среднем в год на душу) [59]:

	Граммов в день	Калорий в день
Зерновые	419	1506
Бобовые	20	73
Корнеплоды	6	5
Овощи	137	33
Фрукты	82	37
Сахар, сиропы	25	95
Жиры и растительные масла	18	161
Мясо	17	38
Рыба	18	29
Яйца	4	6
Молоко и молочные продукты, кроме масла	48	28

В 70-е годы традиционный стандарт потребления продуктов питания сохранился почти без изменений, что подтверждается данными табл. 38.

В 1966—1980 гг. количество энергии, получаемой в сутки в среднем на душу населения, увеличилось на 9,1%, и в 70-е годы оно даже превзошло необходимый минимум, установленный ФАО для Бирмы в размере 2160 калорий. Однако рост калорийности питания происходил исключительно за счет продуктов растительного происхождения: в 1978—1980 гг. они дали 95,93% всего количества калорий. Потребление протеина также обеспечивалось продуктами растительного происхождения: в 1966—1968 гг. — 85,33%, в 1978—1980 ггг. — 86,49%. Для Бирмы, как и прочих развивающихся стран, характерна несбалансированность питания из-за недостаточного потребления жиров и протеина, особенно за счет продуктов животного происхождения (см. табл. 38), и важным направлением решения продовольственной проблемы на длительную перспективу является улучшение качества диеты.

Приведенные выше среднестатистические подушевые показатели затушевывают различия в уровне и структуре потребления разных социальных слоев населения. Некоторое представление о структуре потребления продуктов питания в различных слоях городского населения могут дать сведения, собранные во время выборочного обследования в 1958 г. 2030 семей в г. Рангуне (табл. 39). Поэтому и на Бирму также распространяется сделанный экспертами ЭКАДВ (ЭСКАТО с 1974 г.) в 1965 г. вывод о том, что «во всех странах (региона. — *А. М.*) у привилегированных и экономически обеспеченных классов величина душевого потребления продуктов питания превышает не только средненациональный показатель, но и рекомендуемый минимум потребления» [60]. Правда, данные проведенного в начале 70-х годов обследования доходов семей, проживающих в городах, показывают, что неравенство в распределении доходов в Бирме меньше, чем в соседних с нею азиатских государствах: так, на долю 20% нижних слоев населения приходилось 8% со-

вокупного дохода (в 1960 г. — 6%), а на долю нижних 40% — около 21%, тогда как в Индии — соответственно 6 и 15%, в Малайзии — 4% и 12%. Вместе с тем социальное неравенство усиливалось в 70-е годы в связи с инфляционным ростом цен. Индекс потребительских цен в Рангуне (1972 г. = 100) равнялся в 1975 г. 206, в 1978 г. — 235, в 1981 г. — 250, в 1984 г. — 290 [61].

К сожалению, не имеется данных о распределении доходов в аграрной сфере. Последние по своему уровню значительно отставали от городских до середины 70-х годов, когда были резко повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Показателем социального неравенства в деревне является распределение земли. В Бирме распределение участков обрабатываемой земли характеризовалось определенной неравномерностью (хотя последняя была существенно сглажена в ходе аграрной реформы в 60-х годах, осуществленной правительством Не Вина) (табл. 40).

Широкое распространение черного рынка, спекулятивного бизнеса и контрабанды (а в эти сферы были втянуты большие контингенты людей вследствие сильной безработицы в городах) оказывает серьезное воздействие на уровень доходов части населения, так как занятие этими видами деятельности дает возможность получать доход более высокий, чем от «легальной» работы.

Продовольственное положение стало ухудшаться с середины 60-х годов, достигло пика осложнений в середине 70-х и стало выправляться к концу 70-х годов. Продовольственные затруднения ощущались впервые после неурожая 1966 г., когда в 1967—1968 гг. остро встала проблема снабжения рисом городов. В начале 1967 г. правительство было вынуждено ввести в городах рационированное распределение продуктов питания: в 1967 г. выдавалось по 240 г риса в день на взрослого и по 120 г в день на ребенка, в 1968 г. нормы были увеличены вдвое. Столь же тяжелая ситуация сложилась в 1973—1974 гг. в связи с неурожаем в 1972 г. Но даже в урожайные годы снабжение населения продовольствием шло с постоянными перебоями.

В 60—70-е годы продовольственная ситуация формировалась под воздействием двух важнейших факторов — динамики производства и роста населения, предъявляющего рыночный спрос на продуты питания.

Производство характеризовалось в эти годы низкими и неустойчивыми темпами. Среднегодовой темп прироста ВВП в реальном исчислении равнялся в 1962—1965 гг. 5,3%, в 1965—1975 гг. — 2,0%, в 1976—1980 гг. — 5,9%, при этом сельское хозяйство развивалось темпами, равными соответственно 9,2; 1,6 и 5,8% [62]. В 60-е — первой половине 70-х годов развивалась тенденция замедления темпов прироста производства ряда продовольственных товаров по сравнению с 50-ми годами. Например, сбор необрушенного риса возрастал в среднем в год в

1952—1960 гг. на 1,9%, в 1961—1975 гг. — на 1,7%, бобовых — соответственно 4,4 и 0,5%, масличных — 7,7 и 1,9% [63]. Перелом наступил только в конце 70-х годов (табл. 41).

Производство главных продовольственных культур стагнировало на протяжении почти полутора десятка лет. Недостаточный объем частных и государственных капиталовложений, отсутствие у производителей материальной заинтересованности, дефицит потребительских товаров и слабое снабжение ими сельского населения — все это не благоприятствовало поступательному движению производства. На состояние сельской экономики огромное влияние оказывала социально-экономическая политика государства. Проведенные в 60-е годы радикальные аграрные преобразования, введение государственной монополии на торговлю многими сельскохозяйственными товарами, в первую очередь рисом, нарушили традиционные производственные связи между производителем и рынком и в значительной мере дезорганизовали в 60-е годы систему сбыта выращенной продукции. В условиях жесткой торговой монополии государства решающее значение для развития производства приобрела политика цен, по которым государство закупало продукцию у производителей; именно она во многом определила тенденции развития земледелия в рассматриваемые годы, прежде всего в рисоводстве.

На протяжении длительного периода 50—60-х годов закупочные цены на рис поддерживались государством на очень низком уровне и устанавливались произвольно, директивным путем, без учета закона стоимости. Необрушенный рис среднего качества широко распространенного в Бирме сорта «нгасейн» закупался в 1950/51—1961/62 гг. по базисной цене, т. е. без введенной в 1960 г. премии за более высокое качество продукции, 300 джа за 100 корзин (1 корзина = 20,86 кг). Это было эквивалентно 30 долл. за 1 т риса, что более чем в три раза ниже закупочной цены на рис в США.

Уже к началу 60-х годов выявилась бесперспективность действующей системы цен на рис, превратившейся в тормоз развития производства в деревне, и государство было вынуждено пойти на некоторое изменение масштаба цен. В 1962/63 г. были введены новые закупочные цены на рис «нгасейн» — 310 джа за 100 корзин. В 1966/67 г. в связи с неурожаем усилились затруднения в мобилизации государством товарного риса и последовало еще одно незначительное повышение — до 340 джа. Однако эффективность этой меры была столь мала, что уже в начале следующего хозяйственного года, в ноябре 1967 г., правительство вновь внесло коррективы в масштаб закупочных цен и установило цену на рис в размере 358 джа, которая и продержалась до ноября 1972 г. [64]. Правительство не спешило радикально изменять цены, считая политику фиксированных заниженных цен на сельскохозяйственную продукцию важнейшим антиинфляционным инструментом, мерой поддержания ста-

бильных рыночных цен на продукты питания и эффективным средством перераспределения ресурсов между секторами. Однако результаты действия таких цен оказались иными. Тогда как государственные закупочные цены повысились за десятилетие всего на 19%, розничные цены на потребительские товары подскочили в несколько раз[65]. Заниженные закупочные цены ослабляли у производителей стимулы к расширению производства, лишали хозяйства потенций к накоплению и модернизации. «Существует огромная разница между той ценой, по которой крестьянин продает свою продукцию, и той, по которой он приобретает необходимые потребительские товары... Занятие земледелием стало теперь бесприбыльной деятельностью. Крестьянство в значительной степени деморализовано», — подытоживалось в одной из статей, посвященной анализу экономического положения в Бирме[66].

Государственная политика цен депрессивно воздействовала на аграрную экономику, и, как видно из данных табл. 41 и 42, рисопроизводство потеряло к середине 70-х годов динамизм развития. Его стагнация привела к серьезным экономическим осложнениям: чтобы накормить население, пришлось резко сократить экспорт, а это уменьшило инвалютную выручку и соответственно объем импорта потребительских товаров и средств производства, что, в свою очередь, ухудшило снабжение населения некоторыми видами продовольствия, мало производящегося в стране (например, молочные продукты, растительное масло), и условия функционирования предприятий промышленности и транспорта.

В 1972—1973 гг., когда положение стало особенно трудным, правительство было вынуждено внести существенные поправки в закупочную политику и резко изменить масштаб цен (что, кстати, настойчиво рекомендовали эксперты МБРР, к которому Бирма обратилась в начале 70-х годов за финансовой помощью). В ноябре 1973 г. цены на рис сорта «нгасейн» были повышены до 600 джа, а в июле 1974 г. — до 900 джа за 100 корзин[67]. Таким образом, к 1975 г. закупочные цены на рис увеличились более чем в два раза по сравнению с 1972 г. Правда, это повышение в какой-то мере обесценилось инфляционным ростом потребительских цен, тем не менее новые цены на рис стали главным средством стимулирования производства.

Заметим, что даже при таком взлете закупочных цен величина разрыва между ними и ценами, по которым рис реализовался на внешнем рынке, была весьма внушительна. Так, в 1975—1979 гг. государственная закупочная цена в пересчете на обрушенный рис с учетом расходов по обрушиванию, транспортировке и пр. равнялась примерно 740—750 джа за 1 т, тогда как на мировом рынке цена на бирманский рис колебалась от 164 до 256 долл. за 1 т, т. е. в пределах примерно от 1100 до 1800 джа.

Позитивные результаты перестройки масштаба цен проявились довольно быстро: уже в 1976 г. посевы риса увеличились на 200 тыс. га. Возросшая заинтересованность производителей в расширении производства риса, ряд государственных мер по подъему производительных сил в деревне, хорошие погодные условия — все это обусловило рост производства необрушенного риса с 8,6 млн. т в 1974/75 г. до 14,1 млн. т в 1981/82 г. Оживление в рисовом хозяйстве содействовало подъему производства в других отраслях экономики. В результате в 1977/78—1981/82 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП достигли 6,6%, в производстве продукции земледелия — 8,6%, продукции животноводства — 5%[68]. В конце 70-х годов общая экономическая ситуация в стране стала выправляться, и продовольственная напряженность, прежде всего в области снабжения рисом, ослабла.

Спецификой продовольственной ситуации в Бирме в 60—70-е годы была острая борьба государства с частником за рынок главного товара — риса (соперничество двух этих сил развивалось и в торговле другими видами продуктов питания, но оно не имело стратегически важного значения, и государство в некоторых случаях уступало рынок частному капиталу). В этой борьбе государство опиралось на жесткую торговую монополию и фиксированную систему закупочных цен, а частный капитал — на черный рынок и экономическую заинтересованность производителей в получениии максимальной выручки за продукцию. Соперничество двух социальных сил на рынке риса проходило в условиях усиливавшегося дефицита товарной продукции, корни которого уходили в замедленную динамику перестройки экономической структуры земледельческого хозяйства при росте спроса на товарную часть продовольственного фонда. Развитию тенденции к сужению товарного фонда зерна способствовало также и то, что меры по ликвидации торгово-ростовщической и помещичьей эксплуатации ослабили пресс платежей и дали крестьянину возможность оставлять больше продукции для личных нужд. Помимо этих главных причин дефицит товарного риса создавался и в результате постоянного роста сельского населения, предъявляющего рыночный спрос на продовольственные продукты.

Введя монополию на внутреннюю торговлю рисом и взяв на себя закупочно-распределительные функции, государство стремилось овладеть максимальным объемом товарного фонда риса, не повышая закупочные цены. В 1962/63—1965/66 гг. ему это удалось сделать: оно закупило от 3,3 до 4,1 млн. т необрушенного риса, что составило от 73 до 97% всего товарного фонда риса, или от 43 до 56% всего чистого производства (т. е. за вычетом семенного фонда и потерь) необрушенного риса (табл. 43). Однако в последующие годы государственная закупочная кампания сталкивалась со все усиливавшимися трудностями. Частный сектор набирал силу и в обход государствен-

ной монополии все больше овладевал рынком риса, ибо предлагал производителю цену в несколько раз большую, чем государственная: например, на черном рынке 100 корзин необрушенного риса стоили в 1967/68 г. от 2000 до 2800 джа по сравнению с 348—433 джа на государственных закупочных пунктах.

Паллиативные повышения цен не могли изменить положения, и планы государственных закупок из года в год не выполнялись. Увеличивавшийся разрыв в ценах государственного и черного рынков привел к тому, что последний все больше привлекал производителя, предпочитавшего продать как можно больше риса перекупщикам по высокой цене. По некоторым оценкам, крестьяне продавали спекулянтам до 1 млн. т необрушенного риса [69]. Драматическая борьба государства и частного сектора за рис в начале 70-х годов достигла максимальной остроты: частнику удалось вытеснить государство, закупки которого упали в 1972/73 г. до 1,3 млн. т, или менее трети товарного фонда и 18% чистого производства риса, и 1,5 млн. т (соответственно 30 и 19%) в 1973/74 г. Стало совершенно очевидно, что главным препятствием в мобилизации государством товарной продукции является негибкая система закупочных цен, которые и были пересмотрены, как уже отмечалось, в сторону радикального повышения в 1973—1974 гг. Новый масштаб цен и большая организационная работа государства в период закупочных кампаний имели своим результатом расширение продажи риса государству: в 1980/81—1981/82 гг. они равнялись 4,2—4,3 млн. т. Основное направление использования государственного фонда риса — внутреннее потребление, только небольшая часть вывозится за рубеж (табл. 44).

Наступление частного капитала на государство проходило не только в сфере закупок риса, но и при его реализации. Разница в ценах на рис в государственных магазинах и на черном рынке была значительной: так, в июле 1967 г. они равнялись соответственно за 1 пьи (2,13 кг) 0,65 джа и 2,5 джа, в ноябре 1973 г. — 1 джа и 3,69 джа, в октябре 1978 г. — 1,9 и 3,56 джа. Этот разрыв использовался частником для спекуляции рисом, чему способствовали и перебои в его снабжении. Усилился отток товаров из государственной торговой сети на черный рынок, и создался своеобразный параллельный сектор экономики, функционирование которого обеспечивалось за счет продажи товаров, поступающих из государственных и кооперативных магазинов, в обход официальных каналов.

Важным фактором, негативно воздействовавшим на развитие продовольственной ситуации в 60—70-е годы, был демографический. Прирост населения происходил темпами, равными в среднем в год 2,2—2,23%, и население страны увеличилось в 60-е годы на 21%, в 70-е годы — на 26% [70] (табл. 45). Интенсивно шел процесс миграции населения из деревни в город: по оценкам ФАО, в 1970—1981 гг. число городских жителей возра-

стало в среднем в год на 4%, а сельских — на 1% [71]. Быстро расширялось население столицы и ее пригородов; к началу 80-х годов количество жителей рангунской агломерации превысило 4 млн. человек, т. е. 12% всего населения страны [72]. Высокий темп роста всего населения, стремительное возрастание численности городских жителей усиливали демографическую нагрузку на отрасли, производящие продовольственные товары, создавали устойчивую тенденцию к повышению спроса на продовольствие, который, однако, не мог быть полностью удовлетворен из-за несоответствия динамики производства динамике структурных изменений в населении, из-за отставания темпов роста производства продовольствия от темпов роста той части населения, которая постоянно предъявляет спрос на товарную часть продовольственного фонда. Неадекватность спроса на продовольственные товары их предложению видна из следующих данных: по расчетам секретариата ЭСКАТО, прирост производства продовольствия, исключая рыбу, составлял в 1952—1972 гг. 2,4% в год, а прирост внутреннего спроса на него — 3,3% [73].

Об усилении давления демографического фактора на стагнирующую аграрную экономику свидетельствуют, в частности, данные о размере производства необрушенного риса в расчете на душу населения: в 1938 г. он равнялся 518 кг, в 1961 г. — 299, в 1974/75 г. — 288 кг, что составило 96% от уровня 1961 г. и 56% от уровня 1938 г. (см. табл. 45). Именно быстрый рост городских слоев населения и связанное с этим повышение спроса на товарное продовольствие в условиях медленного прироста сбора риса стали главными причинами вынужденной переориентации рисового хозяйства с внешнего рынка на внутренний, резкого сокращения вывоза риса и ослабления позиций Бирмы в международной торговле зерном [74] (см. табл. 42, 44 и 46). Для удовлетворения потребностей населения в рисе выделялась все большая часть национальной продукции: в 1954/55 и 1956/57 гг. в среднем за год — 48,2% всего производства обрушенного риса, в 1959/1960—1961/1962 гг. — 56,2%, в 1969/70—1971/72 гг. — 85,4%, в 1979/80—1981/82 гг. — 87,8%. Пики внутреннего спроса на рис приходились на 1973/74 и 1978/79 гг., когда внутренний рынок привлек соответственно 96 и 97,2% всего объема обрушенного риса. Вывоз риса развивался в противоположном направлении: если в 1959/60 г. Бирма продала на мировом рынке 2 млн. т риса (49% ее чистого производства), то в 1974/75 г. — всего 192 тыс. т (3,9%) по сравнению с 3,2 млн. т в 1937—1941 гг. И только улучшение состояния рисопроизводства позволило увеличить вывоз риса к началу 80-х годов до 670—880 тыс. т (в 1981/82 г. до 10,4% общего объема производства).

В 60—70-е годы соотношение подушевого потребления и экспорта риса, раскрывающее ориентированность производства, было весьма характерным. В 1937—1947 гг. из 279 кг подушевого производства риса 77 кг потреблялось внутри страны и

202 кг продавалось за рубежом, в 1959/60 г. соответственно 199, 102 и 97 кг, в 1974/75 г — 165, 159 и 6 кг, в 1981/82 г. — 190, 170 и 20 кг (см. табл. 42 и 45). Таким образом, если до войны производство риса развивалось прежде всего как экспортный ресурс и эта направленность сохранялась и поддерживалась до начала 60-х годов, то в 60—70-е годы рисопроизводство переориентировалось главным образом на удовлетворение внутренних потребностей.

В экономической стратегии государства сельское хозяйство получило приоритет, по существу, лишь с середины 70-х годов. В соответствии с этим изменились и масштабы государственных капитальных вложений в отрасль: в 1963/64—1973/74 гг. в сельское хозяйство (включая рыболовство) было вложено (в текущих ценах) 618 млн. джа (8,8% общей суммы государственных инвестиций), в 1974/75—1977/78 гг. — 760 млн. джа (13,9%), в 1978/79—1981/82 гг. — 3757 млн. джа (16,4%) [75].

Государство постоянно содействовало развитию производительных сил в сельском хозяйстве в различных формах: проведение аграрной реформы, кредитование производителей, внедрение механизации через государственные тракторные станции, развитие семеноводства и распределение высококачественных семян, продажа ядохимикатов и удобрений (последних — по субсидированным ценам), развитие ирригации, создание предприятий агропромышленного комплекса и др. Наибольшей активности его деятельность по внедрению современных средств производства достигла во второй половине 70-х годов.

Непосредственную финансовую помощь производителям государство оказывало через систему сельскохозяйственных кредитов, которые, в частности, в конце 70-х годов составляли: 72 млн. джа в 1977 г., 823 млн. в 1978 г., 846 млн. в 1979 г., 897 млн. джа в 1980 г. [76].

«Зеленая революциря» практически еще мало коснулась Бирмы. Оснащенность сельского хозяйства современными средствами производства крайне низка. Основу энергетических ресурсов составляют тягловая сила рабочего скота, которого еще не хватает (дефицит — 500 тыс. голов), и мускульная энергия человека. Тракторный парк насчитывал в 1959/60 г. 775 единиц, в 1969—1971 гг. — 5116, в 1980 г. 9273 единицы [77]; тракторы используются преимущественно при подготовке почвы под технические культуры. До начала 60-х годов удобрения применялись весьма редко: например, в 1952/53 г. в почву было внесено 386 т. В 60-е годы потреблялось в среднем в год 25—30 тыс. т, или 3—3,5 кг на 1 га посевов. После введения в строй двух заводов по производству мочевины использование удобрений резко возросло: в 1971/72 г. — 100 тыс. т, в 1981/82 г. — 243 тыс. т [78]. Подавляющая часть удобрений направляется в рисовое хозяйство (66% в 1963/64 г., 85% в 1981/82 г.). Именно здесь начали широко внедряться высокоурожайные сорта семян. В 1981/82 г. семенами ВУС было засеяно 2586 тыс. га, или

51% всех посевов риса, с этой площади получено 8,826 тыс. т необрушенного риса, т. е. 62,4% всего урожая [79]. На посевы ВУС риса приходится 90% всех удобрений, используемых на рисовых полях. Реализация программы внедрения ВУС привела к заметным технологическим сдвигам: урожайность риса возросла с 18 ц/га в 1975/76 г. до 29 ц/га в 1981/82 г. Для сравнения укажем, что в начале 60-х годов она была в среднем 16 ц/га. Однако возможности дальнейшего расширения посевов ВУС сдерживаются недостаточно развитой системой орошения. Площадь орошаемых земель увеличилась с 535 тыс. га (7,5% всей пахотной земли) в 1961/62 г. до 1049 тыс. га (12,4%) в 1981/82 г. [80]. Поливные земли используются преимущественно под посевы риса: 75% орошаемой пашни в 1978 г.

Итак, 60—70-е годы показали, что отсталое, традиционное сельское хозяйство не в состоянии справиться со сложной нагрузкой — удовлетворять спрос внутреннего рынка на продовольствие и обеспечивать поступление валютных ресурсов продажей продовольствия на внешнем рынке. Преобразование производительных сил в аграрной сфере, модернизация всей материально-технической базы становится главным условием динамичного развития всей экономики, решения продовольственной проблемы и проблемы роста экспорта.

Таиланд. Особенности продовольственной проблемы в Таиланде во многом определяются противоречиями участия этой страны в международном капиталистическом разделении труда в качестве поставщика продуктов питания на мировой рынок. Экспорториентированная специализация сельского хозяйства Таиланда сформировалась еще во времена полуколониальной зависимости, но в послевоенные годы ее содержание стало иным. Теперь в основу развития специализации производства в агросфере ложатся стоимостные отношения, определяющий характер приобретают экономические связи сельского хозяйства с внешним рынком. Особенно заметно увеличивается производство и вывоз продовольствия с начала 60-х годов. Структура экспорта сельскохозяйственной продукции качественно меняется: рис, который традиционно преобладал в экспорте, ранее носившем монотоварный характер, с 70-х годов уступает ведущее место кукурузе, тапиоке [81], сахару, бобам, бананам и другим тропическим фруктам. Умножение ассортимента экспортных товаров и было результатом специализации сельскохозяйственного производства и развития местного агропромышленного комплекса. Хотя относительно роль риса как статьи вывоза и сокращается, его экспорт увеличился с 1,1 млн. т во второй половине 50-х годов до 3,2 млн. т в начале 80-х годов [82]. В 70-х — начале 80-х годов на таиландский рис приходится более 20% мировой торговли этим видом зерна [83].

Важную роль на соответствующих товарных рынках приобретают поставки таиландской тапиоки (6—7 млн. т в начале 80-х годов), кукурузы (2,5—2,8 млн. т), сахара (1—2 млн. т).

Наращивание производства продовольствия стимулируется не столько давлением внутренних потребностей — их рост ограничен жесткими рамками платежеспособности населения, весьма узкими из-за низкого уровня получаемых основной массой населения доходов, — сколько влиянием спроса на мировом рынке. Между тем развитие экспорториентированного производства, чреватое усилением зависимости от процессов, протекающих в пределах МКХ, вступает в противоречие с задачами удовлетворения внутренних продовольственных нужд, растущих в силу как демографических, так и социально-экономических причин.

Продовольственная специализация, как и собственно рост производства продовольственной продукции, осуществляется в Таиланде в основном на базе расширения поля деятельности мелкого, технически отсталого крестьянского хозяйства. Возможности такого процесса определяются наличием массива свободных земель, доступных для хозяйственного освоения, относительно малым давлением населения на природные факторы труда, значение которых в производстве средств существования особенно велико на допромышленной стадии аграрного развития [84].

Специализация производства продовольствия позволила обеспечить сравнительно быстрый рост экспорта продуктов питания; этот рост по темпам первосходил рост валового внутреннего продукта (среднегодовые темпы прироста последнего составляли 8,4% в 60-х годах и 7,2% в 70-х годах [85]). В результате доля экспорта продовольствия в ВВП, которая в 60-х годах, по расчетам автора, составляла 9,2% в среднегодовом исчислении, в 70-х годах увеличилась почти до 11%. Темп прироста вывоза продуктов питания был заметно выше и среднегодовых приростов внутреннего фонда продовольственного потребления, которые с 5,3% в 1960—1970 гг. уменьшились до 4,4% в 1970—1979 гг.[86]. По этой причине в 70-х годах удельный вес внутреннего потребления во всем объеме продовольственных ресурсов, воспроизводимых в стране, снизился. Если в 60-х годах на фонд внутреннего потребления приходилось 80% всех использованных продовольственных ресурсов, а на экспортный фонд — 20%, то в 70-х годах доля внутреннего потребления сократилась до 73%, а удельный вес экспорта соответственно увеличился до 27%. В пересчете на душу населения среднегодовой темп прироста потребления продовольствия по стоимости уменьшился с 2,3% в 1960—1970 гг. до 1,9% в 1970—1979 гг.

Несмотря на определенное повышение уровня потребления, энергетическое содержание питания таиландцев в среднем лишь незначительно больше критического минимума. Среднесуточная калорийность питания в пересчете на душу населения увеличилась с 2138 ккал в 1963—1965 гг. до 2255 ккал в 1966—1971 гг. и до 2301 кал в 1978—1980 гг. (табл. 47). На всем протяжении

60—70-х годов по энергетическому содержанию на растительную пищу приходилось почти 94% всего рациона таиландцев, в том числе на зерно около 70%. Очень низким оставалось среднесуточное потребление протеина (главным образом растительного происхождения), составлявшее во второй половине 70-х годов лишь 47 г на душу, а жиров — 24 г [87]. Потребление мяса в 1963—1965 гг., равное 28 г в сутки на человека, в 1978—1980 гг. сократилось до 26 г. Очень бедной оставалась и структура самого питания. Таким образом, превосходя по уровню продовольственного обеспечения большинство развивающихся стран Азии и Северной Африки из группы со средним доходом на душу населения, Таиланд мало от них отличался по среднедушевому показателю потребления продовольствия и структуре питания.

Распределение наличного фонда продовольствия между группами населения с разными доходами характеризуется значительным неравенством. Так, по данным национального обследования семейных бюджетов, в 60-х годах расходы на питание в группе беднейших семей (57% всех деревенских семей) были в 3,5 раза меньше, чем в группе состоятельных семей (2% деревенских дворов), и в 1,5 раза ниже среднего уровня расходов на питание всего сельского населения. В свою очередь, средняя величина расходов на питание у деревенских жителей была почти вдвое меньше, чем у горожан [88]. В середине 70-х годов в Северо-Восточном Таиланде, где проживает более трети всего населения страны, расходы, необходимые для обеспечения сбалансированного рациона питания, составляли 81% среднестатистического дохода семей бедняков (43% всего населения), 50% дохода в семьях со средним достатком (27% населения), 30% дохода в состоятельных семьях [89]. По оценкам экспертов Мирового банка, число недоедавших в Таиланде с 17,3 млн. в середине 60-х годов увеличилось до 19,4 млн. человек в 1973 г. [90]. Об остроте продовольственной проблемы свидетельствует и соотношение расходов на питание с затратами на прочие виды личного потребления. Удельный вес расходов на питание в структуре потребительских расходов, которые заметно выросли, остается почти неизменным на всем протяжении 60—70-х годов [91]. Это означает, что почти весь прирост доходов основной массы населения обращался на улучшение питания, которое было неудовлетворительным.

При анализе производственного аспекта продовольственной проблемы необходимо иметь в виду, что структура хозяйства, производящего продовольственную продукцию, находится в процессе быстрой перестройки за счет опережающих темпов роста производства новых продовольственных культур — кукурузы, кассавы, сахарного тростника, что проявляется, в частности, в существенном изменении структуры посевных площадей (см. табл. 48). Опережающее развитие на новых землях производства «нерисовых» культур, которое носит высокотоварный харак-

тер, ориентировано преимущественно на экспорт. Рост этих производств выступает как форма развития капитализма в обход препятствий на его пути в виде потребительского мелкого хозяйства в районах старого освоения.

В структуре местного зернового хозяйства важнейшее место продолжает занимать рис. Несмотря на быстрый рост посевов кукурузы, на рис в начале 80-х годов приходилось 85% всех площадей под зерновыми, а его доля в полеводстве составляла 66% всех посевных площадей (см. табл. 48). Набор зерновых культур, которые возделываются на территории Таиланда, узок. Кроме риса и кукурузы, небольшую площадь занимает сорго. Производство пшеницы, ячменя и других злаков, представленное в странах Южной Азии, здесь практически отсутствует, хотя в ряде районов страны условия для их возделывания вполне благоприятны. По-видимому, такая специфика зернового производства определяется особенностями истории материальной культуры тайцев, традиционно культивировавших только поливной рис и оставшихся вне влияния индийской агрикультуры [92].

Динамика производства риса (табл. 49) отличается неравномерностью. Подъем в начале 50-х годов, когда посевы и сбор увеличились за пятилетие на 16%, во второй половине десятилетия сменился стагнацией производства. Почти единственный фактор роста сборов зерна в 1946—1960 гг. — расширение посевных площадей. Новый подъем производства приходится на 60-е годы, когда прирост сборов (75% за десятилетие) по темпам почти втрое обгонял увеличение посевов, темп которого был тоже достаточно высок. Немалая часть дополнительных посевов приходилась на зону устойчивого орошения, размер которой в связи с сооружением крупных ирригационных систем, увеличился с 1,6 млн. до 2,0 млн. га [93]. Но уже со второй половины 60-х годов вновь проявилась тенденция к замедлению роста, которая становилась все более ощутимой от первого пятилетия 70-х годов ко второму. Среднегодовой прирост посевов с 2,35% в 1966—1970 гг. снижался до 1,85% в 1971—1975 гг. и 1,7% — в 1976—1980 гг. В провинциях Центрального района, который именуют рисовой житницей страны, с конца 60-х годов посевы риса не только не увеличиваются, но и начинают сокращаться. В масштабах всей страны, несмотря на дальнейшее расширение площадей регулярного орошения, при приросте посевных площадей за 70-е годы на 19%, общий сбор увеличился лишь на 37%. Снижение темпов роста урожаев, по-видимому, связано с исчерпанием фонда плодородных почв, пригодных для посевов суходольного риса в зоне дождевого орошения, а также с ухудшением условий агрикультуры в зоне регулярной ирригации. Если ранее последствия кризиса мелкого крестьянского производства, развивающегося на старом техническом базисе, удавалось временно преодолевать за счет экстенсивных факторов — простого увеличения вводимых в хозяйственный оборот новых земельных площадей, — то по мере истощения свобод-

ных земель стагнацию традиционных форм хозяйства уже ничем «прикрыть» нельзя. Один из важнейших показателей широких масштабов кризисных явлений — прекращение роста уровня производства риса в пересчете на душу населения, который не изменяется со второй половины 60-х годов.

Техническая база большинства крестьянских хозяйств модернизируется слабо. В масштабах страны удельный вес площадей с регулярной ирригацией не превышал 16% всей пашни, хотя площади орошения увеличились до 2,65 млн. га в 1980 г. Использование химических удобрений, которые почти целиком импортируются, в пересчете в среднем на гектар невелико. Оно составляло 9 кг в 1971 г. и 21 кг в 1981 г. при общем росте с 81 тыс. до 291 тыс. т [94]. По числу тракторов на 1 тыс. гектаров обработанных земель Таиланд почти втрое отставал от среднего показателя по странам Азии при увеличении его тракторного парка с 8 тыс. шт. в 1970 г. до 37 тыс. шт. в 1980 г. [95]. Значительная доля хозяйств обходится без химических удобрений, которые дороги, и без использования механизмов. Непосредственно в рисовом хозяйстве ареал технической модернизации в основном ограничивается центральным районом и частью северных провинций — это зона долины р. Чаопрайи (на нее приходится 11% всех крестьянских хозяйств страны) и так называемый верхний пояс Северного района (еще 3% хозяйств). Здесь наличие ирригационных систем, обеспечивающих регулярное орошение, позволяет расширять площадь повторных посевов, больше использовать минеральных удобрений и гербицидов; здесь более заметно внедряется механизация, культура возделывания сортовых семян. Уже в середине 70-х годов в Центральном районе регулярно орошались 54,5% всех посевов риса, тогда как в Северо-Восточном районе, где преобладало хозяйство традиционного типа, этот коэффициент был менее 5%, а по стране в целом — 19,3% всех посевов [96]. Химические удобрения применялись в Центре на 40% площадей под рисом, а на Северо-Востоке — на 30% при средней норме использования удобрений на гектар посевов риса соответственно 160 и 70 кг [97]. Средняя урожайность риса в Центральном районе в 1973—1976 гг. была в 1,6 раза выше, чем на Северо-Востоке, причем разрыв урожайности по сравнению с 1959—1962 гг. увеличился [98].

Хотя большая часть удобрений, сельскохозяйственной техники используется при возделывании высокотоварных культур (например, в начале 80-х годов вне рисопроизводящего хозяйства применялось 80% всех удобрений), элементы интенсификации ощущаются и в производстве риса [99]. Если в 1946—1960 гг. урожайность падди оставалась стабильно низкой, то за 60-е годы она выросла на 37%, а за 70-е годы — еще на 12%. Индекс урожайности составил в 1966—1970 гг. — 136 (1946—1950 гг. = 100), в 1981—1983 гг. — 159 (рассчитано по данным табл. 49). Тем не менее в начале 80-х годов урожайность риса в Таилан-

де была равна лишь 78% его урожайности в Индонезии, 67% — в КНР, 51% — в Японии [100].

В структуре производства продовольственных культур, начиная с 60-х годов, прослеживается тенденция к уменьшению роли риса и повышению значения кукурузы, кассавы, сахарного тростника (см. табл. 48 и 50). Так, за 1960—1979 гг. доля кукурузы, кассавы, сахарного тростника увеличилась с 14,5% суммарной стоимости четырех главных продовольственных культур до 35,3%. Посевные площади под тремя культурами (кроме риса) за 1961—1981 гг. увеличились почти в шесть раз и составляли 8% всей площади под полевыми культурами в 1961 г. и 23% в 1981 г. Особенно быстро росло производство кассавы и кукурузы, которые возделываются на неполивных землях и требуют меньших, чем рис, трудовых затрат. Сбор кассавы (тапиоки) с 1,22 млн. т в 1960 г. вырос до 3,43 млн. т в 1970 г. и 17,9 млн. т в 1981 г. Урожай кукурузы увеличился с 0,54 млн. т в 1960 г. до 3,7 млн. т в 1981 г. [101]. Производство этих двух культур все более концентрировалось в нескольких зонах, где производящие эти культуры хозяйства высокоспециализированы. Старый кукурузный пояс тянется в Центральном Таиланде от провинций Лопбури, Сарабури до провинции Накхонрачасима. Его удельный вес в общем сборе кукурузы, составлявший 80% в конце 60-х годов, к середине 70-х годов снизился до 28% [102]. Здесь типичны хозяйства плантационного типа, основанные на использовании наемной рабочей силы, применении тракторов. Доход такого хозяйства в среднем вдвое больше среднего по стране [103]. Новая зона кукурузоводства, возникшая в 60—70-х годах на месте бывшего леса, выросла в Северном Таиланде по соседству с долиной р. Чаопрайи. Это — провинции Так, Кампхенгпет, Пхичит, Пхитсанулок, Лое, Пхетчабун, Накхонсаван, Утхайтхани. Здесь посевы кукурузы с 0,08 млн. га в 1961 г. увеличились до 0,72 млн. га в 1975 г. В этой зоне, на которую приходилось 12% всех хозяйств, производилась почти половина урожая кукурузы всей страны [104]. Денежный доход на среднее хозяйство в этом поясе в 1975 г. был на 64% больше, чем доход в соседней рисоводческой зоне Северного Таиланда с хозяйством преимущественно традиционного полутоварного типа. По-видимому, главным образом за счет этого кукурузного пояса, где велика доля крупных по землепользованию хозяйств, по всему Северному Таиланду удельный вес хозяйств с наделом более 10 га увеличился с 3,4% общего числа хозяйств в 1962 г. до 12,2% в 1974 г. [105].

Возделывание кассавы быстро росло в северо-восточных провинциях — Накхонрачасима и Кхонкен, на которые в середине 70-х годов приходилось более 40% посевов этой культуры. Удельный вес хозяйств, занятых производством кассавы, в начале 60-х годов не достигавший 20% общего числа дворов в этих провинциях, в середине 70-х годов превзошел 50% [106]. Кассаву выращивают также в ряде центральных провинций и на

Юго-Востоке — в провинции Чонбури. Хотя хозяйства, возделывающие кассаву, по площади в среднем меньше, чем кукурузоводческие, в них довольно широко применяется тракторная вспашка, а трудоемкая уборка урожая требует привлечения наемного труда. По уровню доходов хозяйства, производящие кассаву, уступают кукурузоводческим, но почти вдвое превосходят рисоводческие хозяйства [107]. Рост производства кукурузы и кассавы почти целиком связан с экстенсивным фактором. Урожайность обеих культур демонстрировала тенденцию к снижению в связи с вовлечением в оборот худших земель. Лишь в конце 70-х — начале 80-х годов отмечается некоторый рост продуктивности земли, по-видимому явившийся результатом большего применения химических удобрений.

Важные процессы развивались в сфере потребления продовольствия внутри страны в связи со сдвигами в социально-экономической структуре по мере развития капитализма. Потребности в продуктах питания существенно расширились в результате роста населения, повышения доходов и изменений в их распределении, увеличения числа лиц, потребляющих покупное продовольствие. Население страны за 1960—1981 гг. выросло почти вдвое. Душевые доходы за 1960—1979 гг. (в ценах 1972 г.) увеличились в 2,2 раза. Важную роль в росте потребностей в продуктах питания играло увеличение городского населения — с 3,41 млн. в 1960 г. до 5,87 млн. человек в 1976 г. и 6,68 млн. в 1980 г. [108]. Увеличилось и количество деревенских жителей, покупающих продовольствие, в том числе сельскохозяйственных рабочих (8% занятых в сельском хозяйстве в 1976 г.), рабочих лесопромыслов и рыболовецких предприятий (5% занятых в сельском хозяйстве), лиц, не занятых сельскохозяйственным трудом, которые проживали в деревне (24% всего населения страны), а также крестьян, не производивших риса (не менее 4—5% занятых в сельском хозяйстве). Эта часть деревенского населения, включая членов их семей, насчитывала 16—17 млн. человек [109]. Вся же армия покупателей продовольствия в 1976 г. составляла 22—23 млн. человек, т. е. около половины всего населения страны, тогда как в начале 60-х годов ее численность не превышала 8 млн., т. е. треть населения страны [110]. С учетом опережающего роста доходов городского населения масштабы товарного обеспечения внутреннего спроса за 60—70-е годы должны были существенно расшириться.

Единственная официальная оценка уровня товарности рисового производства, которую удалось обнаружить автору, относится к урожаю 1973—1974 гг.; согласно данной оценке, в этом году «на фермах» было продано 43% всего сбора зерна [111]. При урожае 14,64 млн. т товарная масса составила 6,3 млн. т, внутреннее потребление — 11,56 млн. т (79% сбора), экспорт — 1,53 млн. т (10,5% сбора). Сальдо баланса составлял прирост запасов зерна — 1,57 млн. т (1,87 млн. т в начале года и

3,44 млн. т в конце года). Таким образом, объем потребления зерна самими производителями был равен 6,77 млн. т (46% всего сбора, еще около 11% составил прирост запасов, иными словами говоря, на внутрихозяйственное потребление и запасы приходилось 57% всего сбора, т. е. 8,34 млн. т). Объем товарной массы, которая была использована на нужды внутреннего потребления, достигал 4,77 млн. т, или 75,7% всего товарного выхода, доля экспорта — соответственно 24,3% товарной массы. На товарные формы приходилось 41,3% всего внутреннего потребления зерна, на нетоварные — 58,7%. С учетом указанных пропорций и небольшого роста уровня потребления риса в хозяйствах производителей в связи с повышением рисовых цен, по расчетам автора, в 1976—1980 гг. товарный выход повысился до 46% всего сбора, при этом внутреннее потребление в товарной форме составило 28% валового сбора (против 32,6% в 1973 г.), а экспорт увеличился до 23% всего сбора. Такой рост экспорта неизбежно сопровождался сужением внутреннего фонда потребления покупного продовольствия.

Уровень потребления продовольствия внутри страны в условиях Таиланда зависит от масштабов экспорта подчас в не меньшей степени, чем от масштабов производства. По ряду видов продовольствия экспортная ориентация производства носит определяющий характер.

Низкопродуктивное рисовое хозяйство страны, все более глубоко разъедаемое кризисом, начиная с середины 70-х годов далее не в состоянии обеспечивать рост внутренних потребностей в продовольствии одновременно с увеличением экспортного фонда. В результате опережающих темпов вывоза риса его потребление в пересчете на душу все более сокращается (табл. 51). Душевой показатель производства риса с 619 г/день в первой половине 70-х годов увеличился до 630 г/день в начале 80-х годов, а душевой показатель потребления сократился с 529 до 454 г/день, т. е. на 14%.

Темпы прироста вывоза продовольственных товаров в 60—70-х годах были высокими. Они лишь незначительно отставали от темпов увеличения экспорта в целом (8,5% в среднегодовом исчислении). В структуре экспорта, несмотря на быстрый рост вывоза продукции обрабатывающей промышленности, доля продовольствия изменилась незначительно: в 1961—1965 гг. на продукты питания приходилось 53,3% всего объема экспорта, в 1976—1980 гг. — 50,9% его объема [112]. Структура экспорта продовольствия изменилась за 1960—1981 гг. следующим образом: доля риса, темп роста вывоза которого был относительно невысок, уменьшилась с 67 до 33% всего объема вывоза, кукурузы — сократилась с 14 до 12%, тапиоки — увеличилась с 7 до 25%, сахара с 0 до 5%, прочих видов продовольствия — с 13 до 25% [113]. Важными покупателями таиландского продовольствия в 60-х и особенно 70-х годах становятся страны Общего рынка, Япония. Производство тапиоки, кукурузы, тропических

фруктов в Таиланде все более ориентировалось на рыночный спрос этих стран. Поэтому сокращение спроса со стороны этих импортеров в результате структурного кризиса мировой капиталистической экономики болезненно отозвалось в Таиланде. Введение нетарифных ограничений в ФРГ и других европейских странах на импорт тапиоки и другого продовольствия подрывает перспективу развития таиландского сельского хозяйства. Глубокие трудности, с которыми столкнулись важные отрасли таиландского сельского хозяйства в начале 80-х годов, — свидетельство неискоренимых пороков развития на путях зависимого капитализма.

Турция, освободившаяся от полуколониальной зависимости свыше 60 лет тому назад, находится на другой, т. е. более высокой, стадии развития сельскохозяйственного производства и решения продовольственной проблемы, чем многие развивающиеся страны Азии и Африки. Прежде всего, к началу 80-х годов ей удалось достичь относительно высокого средненационального уровня калорийности питания, который ныне равен 2800—2900 тыс. ккал на душу в день [114]. Далее, в результате роста сельскохозяйственного производства за период трех пятилетних программ развития (1963—1977 гг.) Турция с середины 70-х годов смогла почти полностью покрывать относительно невысокий платежеспособный спрос жителей страны на все виды продовольствия, исключая рис и масло, за счет национального производства без обращения на внешний рынок.

Все сказанное отнюдь не означает отсутствия в рассматриваемой нами стране продовольственной проблемы. Главные аспекты этой проблемы на современном этапе развития Турции таковы: а) доведение рациона питания до научно обоснованных норм, а главное, существенное улучшение качественной стороны национального фонда продовольственного потребления посредством ликвидации белковой недостаточности; б) обеспечение всех групп населения, включая бедные и беднейшие его слои, сбалансированным по компонентам питанием по доступным им ценам; в) бесперебойное снабжение быстрорастущего городского населения продовольствием на основе роста товарного фонда продукции земледелия и животноводства.

После этой общей характеристики остановимся на различных аспектах продовольственной проблемы, начав с производственного.

После второй мировой войны сбор зерновых культур вырос в 3,4 раза (в среднем за год с 7,1 млн. т в 1946—1950 гг. до 24,3 млн. т в 1976—1980 гг.). Первый динамичный сдвиг, позволивший в течение одного десятилетия удвоить среднегодовое производство зерна, наблюдался в 50-х годах. Механизм данного явления — экстенсивное расширение посевных площадей за счет распашки тракторным плугом пустошей, пастбищ и отчасти лугов. Урожайность на данном этапе повысилась незначительно (с 9 до 11 ц/га).

Не менее важные сдвиги в развитии сельского хозяйства вообще, производства зерна в частности имели место в 70-х годах: во второй половине этого десятилетия среднегодовые показатели сбора зерна превзошли показатели второй половины 60-х годов, т. е. в течение одного десятилетия, на 48%. В абсолютных цифрах объем производства зерновых вырос с 16,4 млн. до 25,5 млн. т [115]. На этот раз внутренняя пружина динамических сдвигов — интенсификация производства в рамках «зеленой революции».

Отметим, что уже с 50-х годов начался под влиянием растущего спроса на продовольствие процесс совершенствования технической базы сельского хозяйства, что на данной стадии проявилось в механизации таких производственных процессов, как вспашка земли, посев и уборка урожая. Если в 1950 г. тракторным плугом вспахивалось только 2,3% всей обрабатываемой земли, то в 1970 г. около 30%, а в 1980 г. свыше 60% [116]. К 1982 г. тракторный парк Турции вырос до 459 тыс. единиц [117]. К концу же текущего десятилетия он увеличится, по прогнозам турецких экономистов, до 1 млн. машин.

В 70-х годах наряду с механизацией земледелия началась его химизация, что проявилось в быстром росте применения минеральных удобрений, пестицидов и гербицидов. Если в 60-х годах на поля для повышения плодородия почвы в нее ежегодно вносилось до 0,2 млн. т азотных, фосфорных и калийных удобрений, то в 1975 г. уже 0,7 млн. т , в 1982 г. — 1,5 млн. т (речь идет о действующем веществе). Соответственно площади, получающие минеральные удобрения, выросли с 2 млн. га до 6,7 млн., а затем до 15 млн. га [118]. Другими словами, мероприятия по повышению плодородия почв охватывали в 60-х годах 8% обрабатываемой земли, в 1975 г. — 26 и в 1982 г. — 55%.

Использование в агросфере современных методов производства нашло также отражение в распространении новой биологической технологии, прежде всего в применении отборных семян, особенно засухоустойчивых высокоурожайных сортов мексиканской пшеницы и советского сорта «безостая-1». Внедрение мексиканских сортов началось с 1967 г., и уже в 1972 г. в прибрежных районах Западной и Южной Анатолии этим сортом засевалось от 35 до 97% всей площади под пшеницей. Аналогичное положение с сортом «безостая-1», который распространен преимущественно во Фракии и занимает там 79% всех посевов данной культуры [119]. Новая биологическая и агрохимическая технология постепенно охватывает и Центральную Анатолию — житницу Турции [120].

Одно из важнейших средств интенсификации земледелия — расширение искусственно орошаемых площадей. В Турции решающую роль в ирригационном строительстве издавна играет государство. Значительные средства казны были использованы на эти цели в период планирования, в результате чего земель-

ные площади под постоянным орошением выросли с 1,3 млн. га в 1962 г. до 3 млн. га в начале 80-х годов [121].

Все это, естественно, не могло не повысить органическое строение капитала, функционирующего в сельском хозяйстве, и повлиять положительно на урожайность зерновых, которая за последние 10 лет поднялась с 11—12 до 18—20 ц/га. Позитивные сдвиги наблюдались и в других отраслях земледелия, производящих продовольствие (бобовые, фрукты и овощи, маслосемена).

Вместе с тем прогресс 70-х годов мало затронул животноводство, обеспечивающее население наиболее ценными компонентами пищевого рациона: мясом, молоком, жирами, яйцами. Диспропорции в динамике земледелия и животноводства связаны с разными историческими условиями развития указанных отраслей, т. е. с неодинаковыми темпами проникновения капитала в эти отрасли. Среднегодовой темп прироста продуктов животноводства постоянно отстает от темпов повышения платежеспособного спроса на эти продукты, в результате чего потребление наиболее нужных человеческому организму продуктов прогрессирует в масштабах всей нации очень медленно. И Турция продолжает оставаться страной, где население, особенно бедные слои, вынуждены компенсировать недостаток животноводческой продукции продуктами растениеводства. По подсчетам экспертов ФАО, на последние продукты приходится почти 90% потребляемых калорий. Дневная норма потребления белка с 80,9 г в 1966—1968 гг. поднялась всего до 82,4 г в 1978 г., причем доля белков животного происхождения сохраняется на прежнем низком уровне — 22,5% [122].

Сравнительно высокий средненациональный показатель калорийности питания на душу населения скрывает глубокий разрыв в степени обеспечения питанием разных социальных групп населения, располагающих различными по величине доходами (данные о распределении личных доходов по социальным группам приведены в табл. 52). В тексте четвертого пятилетнего плана, т. е. в официальном документе, со всей определенностью говорится, что 17,5% населения Турции страдает от недостатка калорий в потребляемой пище, 10% — от дефицита белков и 22,5% — от несбалансированности питания по причине отсутствия в нем других важных компонентов [123]. Иначе говоря, ненормально питается, по-видимому, до одной трети жителей страны.

Годовой доход семьи с 840 долл. «определяет черту бедности, когда люди способны только прокормить себя и не могут пользоваться даже в минимальных дозах другими благами жизни» [124]. В самом деле, 840 долл. в расчете на душу населения составляют 45 центов в день. В 1973 г. таких сверхбедных семей было 38,4% общего числа семей в стране (см. табл. 52). Малообеспеченные семьи составляли подавляющее большинство среди сельских батраков — самой нищей части турецкого обще-

ства, неквалифицированных рабочих, а также крестьян — владельцев мельчайших хозяйств натурального и полунатурального типа. Совершенно очевидно, пищевой рацион представителей данного социального слоя находится практически на границе физического выживания.

Следующая группа, объединяющая по величине доходов владельцев мелких сельских хозяйств, среднеоплачиваемых работников сферы услуг и ремесленников, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, непривилегированного слоя государственных служащих, по своему материальному положению также недалеко ушла от черты бедности. Ведь и в этой группе на одного члена семьи приходится менее 1 долл. в день, который в основной массе затрачивается на приобретение продовольствия, причем дешевого и менее качественного.

В целом семьи с минимальными и нижесредними доходами составляли в 1973 г. вместе свыше 71% всех семей, но располагали лишь 28% общей величины личных доходов страны. К настоящему времени эта картина существенно не изменилась.

По многим параметрам близко подходит к описанным социальным слоям и группа населения со средним доходом 1,7 тыс. — 5 тыс. долл. (соответственно 1—3 долл. на члена семьи в день), так как многие представители этой группы (лица свободных профессий, государственные служащие, «белые воротнички», квалифицированные рабочие и ремесленники) в состоянии обеспечить себе лишь скромный жизненный стандарт, в том числе уровень питания.

Всем этим социальным слоям противостоит группа с высокими доходами, включающая элиту турецкого общества: крупных торговцев-экспортеров и импортеров, промышленников-предпринимателей, банкиров и подрядчиков, рантье из высшего административного звена (менеджеры, высокооплачиваемые инженеры, юристы), а также сельскую предпринимательскую верхушку, сформировавшуюся в ходе капиталистической трансформации помещичьего класса и социального расслоения крестьянства.

С 1973 по 1982 г. национальный доход в расчете на душу населения вырос в Турции с 430 до 610 долл. (в ценах 1970 г.). Но это не означает, что указанный прирост доходов положительно повлиял на материальное положение и уровень продовольственного обеспечения всех групп населения. Наоборот, под влиянием наблюдавшегося, особенно с середины 70-х годов, инфляционного роста цен на все товары, включая продовольствие (с 1974 по 1983 г., т. е. только за одно десятилетие, цены в стране выросли в 15,8 раза), разительные диспропорции в уровне продовольственного обеспечения различных по доходам групп населения еще более усилились.

Структура и границы совокупного платежеспособного спроса на продовольствие формируются под влиянием: а) ежегодного прироста населения (на 2,4%); б) изменения его социальной и профессиональной структуры под воздействием общественного разделения труда и распространения современных форм экономической деятельности (рост городского населения с 8,9 млн. человек в 1960 г. до 23,8 млн. в 1983 г., повышение доли наемных работников в самодеятельном населении за тот же период с 15,5 до 37%); в) увеличения подушевого дохода (в 1963—1977 гг. на 4,5% в год, затем на 1,2%). В целом общенациональный прирост спроса на продовольствие за период 1963—1977 гг. составлял 4,2% в год, в том числе 1,8% за счет прироста, связанного не с ростом населения, а эволюцией его структуры.

Потребителями товарной продукции земледелия и животноводства ныне являются более половины жителей страны (в 1983 г. 25 млн. человек из 48 млн.). При посредстве рыночного механизма реализуется около $^2/_3$ всего урожая зерна, идущего на личные нужды (сбор, минус семенной фонд и потери при хранении). Статистически это выглядит следующим образом, млн. т [125]:

Год	Валовой сбор зерна	Семена и потери при хранении	Личное потребление	
			всего	товарный фонд
1970	15,9	3,9	12,0	7,8
1975	22,1	5,5	16,6	10,8
1980	24,0	6,0	18,0	11,7
1981	24,5	6,2	18,3	11,9

В целом товарность зернового хозяйства составляет около половины валового сбора. В Турции в отличие от многих развивающихся государств Азии и Африки главными поставщиками товарного хлеба являются не мелкие архаичные крестьянские хозяйства, а фермы предпринимательского типа, сформировавшиеся в результате трансформации помещичьего землевладения и дифференциации крестьянства. Хозяйства такого типа, оснащенные тракторами и другими сельскохозяйственными машинами и составляющие так называемый современный сектор, в 1970 г. концентрировали 28% посевных площадей под зерновыми культурами и давали 35% валового сбора, а в 1980 г., т. е. десять лет спустя — соответственно 40 и 50%. Другими словами, капиталистический уклад уже занял в зерновом хозяйстве Турции позиции ведущего и экономически господствующего уклада. Установлено, что если в современном секторе товарный выход составляет 70—80% валовой продукции, то в мелкотоварных и полунатуральных крестьянских хозяйствах, формирующих традиционный сектор, — не более 20—30% [126].

Таким образом, предложение зерна формируется в основном по законам капиталистического воспроизводства и лишь отчасти опирается на традиционное производство, базирующееся на крестьянской парцелле. В результате этого для Турции

не характерна столь распространенная в других развивающихся странах нехватка именно товарной продукции массового потребления — зерна, бобовых, овощей и фруктов.

Хотя продовольственное самообеспечение достигнуто на базе неполного удовлетворения основных слоев общества в высококалорийном и качественно сбалансированном питании, Турция приступила с 1976 г. к экспорту зерна на мировой рынок. Власти этой страны намеревались углубить экспортную ориентацию зернового хозяйства. Так, четвертый пятилетний план экономического и социального развития на 1979—1983 гг. содержал амбициозные намерения довести к 1983 г. экспорт зерна из Турции до 3,3 млн. т в год, при условии стабилизации существующего уровня продовольственного обеспечения населения. Во исполнение этого Турции удалось форсировать вывоз зерна с 0,3 млн. т в 1976 г. до 2,1 млн. т в 1978 г. Однако в последние годы экспорт хлеба по ряду причин начал стремительно падать, составив в 1981 г. лишь 0,5 млн. т [127]. В последующие два года вывоз зерна остался на уровне 1981 г. [123].

Напомним, что после войны Турция уже дважды (в первой половине 50-х годов и в середине 60-х годов) подходила к стадии самообеспечения хлебом и на короткое время становилась экспортером зерна. Однако через некоторое время становилось очевидным, что подобное положение было временным, нестабильным. И на этот раз нельзя исключать возможность того, что ряд малоурожайных лет снова вынудят Турцию импортировать зерно.

Количественные и качественные характеристики продовольственного положения в Турции адекватно отражают стадию развития этой страны по пути капитализма «зависимого», «периферийного» типа. Капитализм подобного рода, естественно, не мог не оказать существенное влияние на направления и темпы развития отраслей сельского хозяйства, производящих продовольствие. Однако достигнутый в этом отношении прогресс не соответствует потребностям общества: развивающаяся в рамках капитализма агросфера Турции способна покрыть за счет внутреннего производства лишь платежеспособный спрос населения, а не обеспечить все слои и группы общества продовольствием в должном количестве и качестве. Продовольственная проблема в рассматриваемой стране — одно из проявлений противоречий «вторичного», «зависимого» капитализма, показатель невозможности на рельсах подобного развития устранить диспропорциональность между темпами воспроизводства условий жизни и темпами прироста населения.

Пример попытки решения продовольственного вопроса в Турции интересен тем, что он как бы воочию показывает странам, недавно освободившимся от колониальной зависимости и вставшим на капиталистический путь, каковы перспективы их экономического и социального прогресса на данном пути.

Египет относится к числу наиболее крупных импортеров зер-

на среди развивающихся стран Азии и Африки. Ввоз зерна и муки ежегодно составляет в среднем 4,5—5 млн. т (включая коммерческие закупки и поставки в рамках продовольственной помощи по Закону 480). Внутренние источники обеспечивают быстрорастущий спрос на пшеницу всего лишь на 28%. Самообеспеченность продуктами питания в АРЕ неуклонно сокращается. Доля импорта в потреблении растительного масла возросла в 1980 г. до 70%, сахара — до 36%, рыбы — до 20%, мяса — до 16% [129]. Начиная с середины 70-х годов расходы на ввозимое продовольствие превысило сумму инвалютных поступлений от хлопка. При существующих масштабах вынужденного импорта пшеницы возникла реальная угроза полного поглощения доходов от экспорта всей сельскохозяйственной продукции.

Обострение продовольственной ситуации в этой стране обусловлено совокупностью социально-экономических, демографических факторов, а также спецификой ее природно-климатических условий. 97% всей территории в Египте занимают пустыни. Главной житницей 45 млн. египтян остается долина Нила. При сохранении существующих темпов естественного прироста населения — в среднем 2,4—2,6% — численность жителей к концу столетия может увеличиться до 70—75 млн. человек, т. е. почти удвоиться. Обрабатываемая площадь в расчете на душу населения — 0,07 га — одна из самых низких в мире [130]. Отличительная особенность природно-климатических условий в Египте — интенсивное использование земли, получение нескольких урожаев в год при переводе на круглогодичное орошение. Величина посевных площадей в расчете на душу населения выше, чем обрабатываемых, и составляет 0,12 га [131]. Ее динамика отмечена также устойчивой тенденцией к уменьшению.

Быстрый рост населения оказывает большое воздействие на развитие ведущих отраслей экономики. Он вызывает необходимость резкого ускорения темпов роста производства, но в то же время уменьшает эффект достигнутых результатов, обусловливает нарушение необходимых пропорций между темпами прироста населения и всего производства.

Сельское хозяйство — важнейшая отрасль египетской экономики. В ней занято 40% рабочей силы. Она обеспечивает сырьем ¾ мощностей промышленных предприятий. На долю сельскохозяйственной продукции приходится больше половины стоимости всего экспорта [132]. Среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства после аграрной реформы в Египте были увеличены до 3% [133]. В 70-е годы они оставались на уровне темпов роста населения.

Обострение продовольственной проблемы в результате изменения структуры хозяйства в связи с ростом промышленности характерно для многих экономически отсталых государств. В Египте ускорение развития промышленности еще до революции, в годы второй мировой войны, вызвало резкое обострение проблемы питания. Аграрный сектор египетской экономики,

отягощенный пережитками полуфеодальных отношений, с низким агротехническим уровнем производства, не мог обеспечить в требуемом объеме растущий спрос на сельскохозяйственное сырье и продукты питания в городах. В связи с быстрым ростом городского населения возникла острая нехватка товарного зерна. С этого времени импорт зерна в Египет в основном предназначен для питания городских жителей и приобрел регулярный характер.

Обострение продовольственной проблемы после революции отражает противоречия социально-экономической перестройки, форсированной индустриализации, диспропорции в развитии основных отраслей национального хозяйства. Приоритет в планах экономического развития в 60-е годы был отдан созданию наиболее капиталоемких отраслей тяжелой промышленности. Политика промышленного протекционизма оказывала противоречивое воздействие на развитие сельского хозяйства, используя его в качестве важнейшего источника внутренних накоплений, стимулируя отток капитала в промышленность и в то же время предъявляя к нему дополнительный спрос на продукцию земледелия и животноводства. Так, в начале 50-х годов объем инвестиций в промышленность примерно вдвое превышал капиталовложения в сельское хозяйство. В 60-е годы этот разрыв оставался на том же уровне. Среднегодовой объем инвестиций в сельское хозяйство по плану 1960/61—1964/65 гг. был равен 69 млн. ег. ф., или 22,8% общего объема инвестиций в экономику. В 70-х годах удельный вес капиталовложений в сельское хозяйство сократился с 14,8% в 1970/71 г. до 7,6% в 1975 г. В последующие годы этот показатель рос, достигнув в 1980 г. 9,5%. В плане развития на 1980/81—1984/85 гг. долю инвестиций в эту отрасль предполагалось повысить до 11,5% [134].

Общее сокращение ассигнований на экономическое развитие в годы войны с Израилем, вызванное увеличением расходов на оборону, отрицательным образом сказалось на развитии сельского хозяйства.

В прошедшем десятилетии темпы освоения новых земель существенно сократились. Если с 1952 по 1965/66 г. в обработку были введены 731,6 тыс. федданов новых земель, то за такой же период с 1965/66 по 1980 г. обрабатываемая площадь возросла лишь на 286,4 тыс. федданов [135]. Главной причиной сокращения была нехватка средств для капиталовложений, особенно в связи с израильской агрессией. При этом необходимо учитывать, что многие тысячи федданов вновь осваиваемых и особенно старых плодородных земель оказались занятыми под городское и дорожно-транспортное строительство. В 1962—1972 гг. ежегодные потери обрабатываемой земли в результате строительства жилья, промышленных объектов и военных сооружений составляли, по разным оценкам, от 18 до 29 тыс. федданов земли и оказались в 10 раз больше, чем в период 1951—1962 гг. В начале 80-х годов ежегодные потери обрабатываемой земли

оцениваются в 75 тыс. федданов [136], а в будущем должны еще более возрасти.

В этих условиях становится все труднее компенсировать потери за счет освоения новых земель. К нынешней площади обрабатываемых земель (5,8 млн. федданов) добавилось за счет освоения очень мало: начиная с 50-х годов было освоено и доведено до различной степени окультуривания 800 тыс. федданов, но одновременно 700 тыс. федданов, преимущественно старых плодородных земель, было использовано под застройку и на другие несельскохозяйственные цели [137].

Недостаточный рост посевных площадей, в особенности под зерновыми, частично компенсируется за счет роста урожайности, но далеко не по всем основным культурам. Сравнительно устойчиво за последние два десятилетия росла урожайность пшеницы, менее устойчиво — риса (табл. 53). По большинству других культур размер сбора с феддана колеблется из года в год.

Тем не менее интенсификация в земледелии Египта становится определяющим фактором подъема производства. Это обстоятельство диктует необходимость расширения материально-технической базы — применения искусственных удобрений и новых агротехнических приемов обработки, в том числе механизации. Использование азотных удобрений в 1980 г. достигло 690 кг в расчете на 1 га посевов по сравнению с 549 кг в 1975 г. В период 1970—1976 гг. тракторный парк в сельском хозяйстве был увеличен на 28% [138]. Однако этих достижений пока недостаточно для обеспечения устойчивого роста урожайности. Интенсификация сельскохозяйственного производства предусматривает расширение объема инвестиций, а также создание необходимых социально-экономических условий для деятельности самых широких слоев сельского населения. Мощный импульс развитию в этом направлении дала аграрная реформа. Развитие сельскохозяйственной кооперации оказало влияние на весь процесс воспроизводства общественного продукта в сельском хозяйстве — от производства до реализации. Однако сохранение сложных социально-экономических проблем в современной египетской деревне, дальнейшее обезземеливание и дробление крестьянских хозяйств в результате проведения политики «инфитах» остаются серьезным тормозом на пути подъема и ускорения развития важнейшей отрасли хозяйства.

Социально-экономические процессы в АРЕ предопределили заметные изменения не только в структуре производства, но и оказали воздействие на объем и структуру потребления населения. Темпы прироста потребления, по оценкам египетских экономистов, значительно превысили темпы прироста сельскохозяйственного производства и составили в среднем 5% в год.

Потребление продовольствия в АРЕ в 70-е годы характеризуется расширением его объема в результате роста численности и изменения структуры населения. Темпы прироста городского

населения в 1966—1976 гг. составляли 3%, а сельского — 1,6% [139].

По данным выборочных обследований семейных бюджетов, средний уровень расходов на семью в городе увеличился (в текущих ценах) с 271 до 557 егип. ф. и с 148 до 358 егип. ф. в деревне в период 60—70-х годов (основной рост приходится на 70-е годы) [140]. Индекс же розничных цен по всем группам продовольственных товаров за период 1970—1976 гг. возрос с 105 до 218 [141]. (Расходы на питание составляют 50% всех потребительских расходов в городе и 67% — в сельской местности.)

Увеличение темпов роста потребления в 70-е годы было вызвано важными социальными изменениями в египетском обществе, связанными с осуществлением политики «инфитах». Правительство взяло курс на развитие буржуазных элементов в городе и деревне, что привело к усилению социальной поляризации и росту имущественного неравенства. Основным фактором расширения платежеспособного спроса на продовольствие (как и товары длительного потребления) стало увеличение быстрорастущей группы богатых в городе и деревне. Доля потребительских расходов семей с высоким уровнем дохода в общем объеме таких расходов увеличилась с 15 до 40% в городе и с 3 до 18% в деревне [142]. С расширением спроса богатых слоев связано и изменение средних показателей структуры питания населения страны в целом. В этот период наметилась тенденция к резкому повышению уровня потребления жиров, мяса, сахара, картофеля и зерновых. Душевое потребление овощей и фруктов возросло в 2—3 раза, сахара — на 69%, рыбы — на 76%, молочных продуктов — на 41%, мяса — на 38%. Но зерновые и ныне обеспечивают подавляющую часть энергетического содержания среднедушевого рациона питания: 76% всех калорий по сравнению с 80% в начале 70-х годов [143]. Общий показатель калорийности такого рациона в Египте увеличился с 2360 калорий в 1970 г. до 2878 калорий в середине 70-х годов.

Несмотря на среднестатистический рост потребления продовольствия в целом, в АРЕ сохраняются и усиливаются глубокие различия между основными социальными группами населения по размерам потребления продуктов питания. В бедных семьях горожан расходы на потребление зерновых в 7 раз, жиров и сахара — в 30 раз, мяса — в 85 раз меньше, чем в богатых. В 1979 г. богатые слои в городах потребляли 41% мяса по сравнению с 15%, приходящимися на долю наименее обеспеченной части горожан, и 31% растительного масла и жиров — против 18,5% [144].

Сохранение продовольственного дефицита в условиях быстрого расширения спроса осложняет проблему бесперебойного снабжения и обеспечения населения городов необходимыми продуктами, вызывает рост цен, создает благоприятные условия для спекуляции, которая особенно болезненно отражается на продовольственном положении бедных семей.

В таких условиях правительство прибегает к решению продовольственной проблемы путем расширения импорта продуктов питания и увеличения расходов на продовольственные субсидии. Эти субсидии в 1979 г. в Египте составляли 72% общей суммы средств, выделяемых государством на субсидии [145]. К субсидируемым товарам относятся основные продукты питания, в том числе пшеница и изделия из нее, рис, мясо, чай. В конце 70-х годов объем продовольственных субсидий достиг 1,7 млрд. долл. [146]. В период 1970—1979 гг. расходы на субсидирование продуктов питания увеличились (в постоянных ценах 1977 г.) в 7 раз [147]. Основная доля этих субсидий приходится на сбыт пшеницы, она составляет примерно 56%.

По субсидируемым ценам на внутреннем рынке в АРЕ продается 100% импортируемой пшеницы, кукурузы, хлопкового масла, 99% пшеничной муки, 90% соевого масла, 80% подсолнечного масла и чечевицы, 70% чая, сахара, от 70 до 95% мяса и птицы [148]. Часть импортируемых продуктов правительство продает по коммерческим нерегулируемым ценам, что лишь в небольшой степени компенсирует его затраты на субсидии. 17% государственных расходов на субсидии, в том числе 29% расходов на субсидирование цен на пшеницу и муку, покрывается за счет выручки от продажи на местном рынке части американских продовольственных товаров (в основном пшеницы и муки), поставляемых по Закону 480 из США. (Погашение долга предполагается через 10 лет после начала поставок.) Остальная часть суммы, необходимой для финансирования субсидий, ассигнуется правительством. До последнего времени эти расходы покрывались за счет увеличения дохода от экспорта нефти. (Однако надо иметь в виду, что резервы нефти в Египте весьма ограниченны, и при существующих темпах добычи их может хватить примерно на 15—20 лет.)

Затраты на субсидии превращаются в крупнейшую статью государственных расходов. Доля продовольственных субсидий в общей сумме расходов в государственном бюджете достигла 12% в 1979 г. по сравнению с 2% в начале 70-х годов [149]. В 60-е годы, в период правления президента Насера, действовали правовые и административные нормы, направленные на перераспределение доходов в пользу лиц с ограниченным и фиксированным доходом. В 70-е годы главной причиной быстрого увеличения расходов на субсидии стало не только расширение миграции населения в города, вызывающей резкое увеличение здесь объема спроса на продовольствие, а также воздействие роста мировых цен на продовольственные товары и девальвация египетского фунта.

В результате роста продовольственных субсидий значительно увеличился бюджетный дефицит. В целях обеспечения средств для государственных расходов правительство вынуждено прибегать к дефицитному финансированию, за счет которого в 1970/71 г. было покрыто 9% бюджетного дефицита, а в

1974 г. — 51% [150]. В дальнейшем с конца 70-х годов рост номинальной величины субсидий в условиях высокого уровня инфляции и роста цен сократился. В финансовом отношении это обстоятельство облегчает несколько бремя правительственных расходов, но в то же время усугубляет опасность социальных волнений, связанных с ухудшением условий жизни египетского населения.

Политика субсидирования оказывает противоречивое влияние как на экономическое, так и на социальное развитие общества. С одной стороны, продовольственные субсидии выполняют важную социальную функцию, а именно функцию обеспечения по доступным ценам продовольствием самых широких слоев населения, включая бедные слои и лица с фиксированным доходом, облегчая таким образом их положение. С другой стороны, наряду с усилением экономического бремени в виде растущего дефицита государственного бюджета субсидирование порождает опасные социальные явления, например такие, как усиление миграции из деревень в города, обострение социальной поляризации и рост имущественного неравенства. Скопление в городах нетрудоустроенного населения вынуждает правительство расширять объем продовольственного субсидирования, что вновь привлекает в город мигрантов из деревни.

В сложившихся условиях правительство вынуждено осуществлять политику субсидирования прежде всего в пользу городского населения, поскольку именно города превращаются в наиболее вероятные очаги вспышек социального недовольства. На городское население, составлявшее, по данным переписи 1976 г., 44% населения страны, приходилось 85% расходов на субсидии [151]. Сельские жители пользуются субсидиями только на сахар, чай, растительное масло и пищевые жиры. Индекс розничных цен на продовольствие и напитки в деревне гораздо выше, чем в городе, разрыв между уровнями цен на эти товарные группы постоянно увеличивается.

Несмотря на то что продовольственные субсидии призваны облегчить прежде всего положение малообеспеченных слоев населения, значительную выгоду от этой политики извлекают богатые слои города.

Египетские экономисты высказывают различные мнения по вопросу об отмене субсидий. Некоторые считают, что отмена субсидий вызовет соответствующий рост розничной цены на продовольствие без существенного при этом сокращения спроса, поскольку расходы на продовольствие отличаются низкой эластичностью относительно цены. Малообеспеченному населению пришлось бы изменить рацион питания в сторону еще большего сокращения потребления животных белков и расширить потребление крахмалистых продуктов, что отрицательно скажется на качестве питания. Кроме того, надо иметь в виду, что у бедных слоев населения наиболее высокая доля субсидий в продовольственных затратах, она достигает от 25 до

50% по сравнению с 7—15% у самых состоятельных слоев населения [152].

Сторонники полной или частичной отмены субсидий среди египетских экономистов предлагают увеличить доход бедных слоев населения путем увеличения зарплаты и других выплат. Критики этой точки зрения указывают на то, что увеличение покупательной способности, не сопровождаемое быстрым ростом местного производства, может привести к дальнейшему росту цен, и положение менее обеспеченных слоев общества в этих условиях, по существу, не изменится. Кроме того, увеличение зарплаты, без соответствующего повышения качественных показателей труда, может вызвать рост издержек производства в национальной экономике и понизить конкурентоспособность местных товаров по отношению к иностранным.

Большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости создания предварительных условий для отмены субсидий, включая всемерное расширение и совершенствование местного производства товаров и услуг не только в сельском хозяйстве, но и в других отраслях материального производства. На это обращается особое внимание, в частности, в связи с тем, что система субсидий, по существу, служит целям наращивания импорта продовольствия. Комплексные меры решения продовольственной проблемы включают также дальнейшее совершенствование производственного аппарата, работа которого должна обеспечить более эффективное использование материальных и людских резервов в стране. Президент Мубарак в своих выступлениях неоднократно выражал серьезные опасения в связи с ростом расходов на субсидирование как сильного дестабилизирующего фактора и одновременно заявлял о том, что они будут сохранены.

Вопросы продовольственного обеспечения населения страны являются важнейшей частью общей программы социально-экономического развития АРЕ. Проблема повышения дохода от экспорта приобретает все бóльшую остроту с учетом дальнейшего роста импорта продовольствия. По оценкам арабских экономистов, общий объем импорта возрастет к 2000 г. примерно в 4,5 раза, что вынуждает правительство прибегнуть к форсированию диверсификации экспорта.

Диверсификация производства и форсирование экспорта сельскохозяйственной продукции может оказать противоречивое влияние на решение продовольственной проблемы в АРЕ. Так, изменения в структуре посевов в пользу экспортных культур могут вызвать сокращение площадей под зерновыми. У пшеницы наряду с хлопчатником появляются дополнительно серьезные конкуренты.

Проблема поиска наиболее рационального соотношения величины площадей, отведенных под экспортные культуры и зерновые, оказывается неразрывно связанной с расширением обрабатываемых площадей в стране.

Развитие экспортных отраслей на базе диверсификации сельскохозяйственного производства требует активных усилий правительства в так называемом горизонтальном и вертикальном направлениях, ускорения ввода новых земель и дальнейшей интенсификации производства, широкой экономической, финансовой и материально-технической помощи государства. В плане 1980/81—1981/85 гг. намечено освоить 246 тыс. га, из них 65% за счет государства. К концу столетия предполагается освоить 3 млн. федданов [153]. В период 1978—1982 гг. должны были быть проведены подготовительные работы для ввода новых земель в сельскохозяйственный оборот, фактическое же их использование возможно лишь к концу 80-х годов. Период освоения новых земельных площадей в Египте весьма продолжителен: он включает около 10 лет. С 1952 по 1980 г. из 912 тыс. федданов освоенных земель в сельскохозяйственный оборот введено 775 тыс. федданов, из них меньше половины достигли полной продуктивности, 28% земель находится в стадии первичной обработки [154].

Задача освоения 2,5 млн. федданов новых земель к 2000 г. [155]. представляется маловероятной, если принять во внимание реально достигнутые темпы прироста обрабатываемой земли, недостаточную разработку и обоснование новых проектов, а также ограниченные возможности привлечения в этих условиях египетского частного и иностранного капиталов. Едва ли можно ожидать в прогнозируемый период увеличения одного из самых низких в мире показателей обрабатываемых площадей в расчете на душу населения, т. е. давление на землю даже при выполнении планов не уменьшится.

Интенсификация в сельском хозяйстве сохраняет исключительно важное значение. Она становится едва ли не единственно реальным способом ускорения развития продовольственного сектора сельскохозяйственного производства в Египте. Резервы роста урожайности, повышения продуктивности почв имеются немалые. Важная роль в развитии земледелия принадлежит ирригационному строительству и дренажным работам.

В египетском земледелии имеются немалые резервы роста урожайности основных культур путем использования высокосортных семян и внедрения достижений селекции. По расчетам египетских экономистов, урожайность пшеницы можно увеличить до 54 ц/га. При повышении урожайности пшеницы до этого уровня на имеющейся площади в АРЕ можно получить дополнительно до 2,5 млн. т, т. е. массу, равную почти половине объема современного импорта [156].

Для осуществления проектов освоения новых земель и интенсификации сельскохозяйственного производства, по подсчетам египетских экономистов, требуется утроение капиталовложений, однако обеспечение таких инвестиций весьма проблематично из-за трудностей в изыскании средств.

Основные расходы, связанные с преобразованием материально-технической базы, несет государство. Однако в плане намечено шире использовать национальный частный капитал и привлекать иностранный. На части вновь освоенных земель предполагается создать агропромышленные комплексы, мясо-молочные фермы, а также хозяйства — акционерные компании для выращивания различных экспортных культур — овощей и фруктов.

Социальная политика правительства в области сельского хозяйства направлена на развитие частнопредпринимательских хозяйств, укрепление и развитие с помощью иностранных капиталовложений акционерных компаний, создаваемых на вновь освоенных землях. Основные усилия государства направлены на создание необходимых условий для укрепления деятельности частного предпринимательства на путях капиталистической ориентации всего египетского хозяйства.

В законах, принятых правительством в 70-е годы, были предоставлены льготы богатым предпринимательским слоям деревни. Расширена продажа с аукциона крупных участков земли, 500 бывшим крупным землевладельцам были возвращены их земли. Внесены поправки к закону об аграрной реформе, ограничивающие права мелких арендаторов.

Вместе с тем важная роль в осуществлении программы интенсификации сельскохозяйственного производства отводится кооперации. В период 1975—1980 гг. число кооперативов увеличилось с 4726 до 5169, а кредиты сельским кооперативам возросли с 76 до 180 млн. егип. ф. В стране насчитывается 757 кооперативов, созданных по закону об аграрной реформе, по мнению арабских экономистов, наиболее эффективных и близких по значению к производственной кооперации [157]. В рекомендациях третьего съезда НДП в сентябре 1982 г. было указано на необходимость сосредоточить особое внимание на расширении производственных форм кооперации.

Основным путем решения продовольственной проблемы в АРЕ является ускорение развития сельскохозяйственного производства в направлении создания прочной и широкой базы производства товарного зерна, активного участия государства в развитии и реконструкции сельского хозяйства, повышения уровня развития производительных сил, создания многоотраслевого высокодоходного хозяйства.

К первоочередным задачам для облегчения продовольственных затруднений в АРЕ относятся увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, развитие производственной сельскохозяйственной кооперации, широкая помощь со стороны государства в виде развития социальной и производственной инфраструктуры, решительный запрет использования обрабатываемых земель в несельскохозяйственных целях, предоставление необходимых средств производства на льготных условиях, повышение закупочных цен, сокращение разницы в продовольственном обеспечении и условиях жизни между городом и деревней, а

также радикальные реформы и мероприятия по перераспределению доходов в пользу трудящихся масс.

Алжир. 60—70-е годы в Алжире характеризовались весьма низкими темпами развития сельского хозяйства, в частности его продовольственных отраслей; эти темпы были в целом ниже, чем темпы прироста населения [158]. В результате в Алжире происходило снижение производства продовольствия на душу населения. Об этом свидетельствуют индексы ФАО производства продуктов питания на душу населения в Алжире (1961—1965=100) [159]:

1966—1970	1971—1975	1976—1980
81	76	66

Растущие потребности страны в продовольствии покрываются за счет импорта, который из года в год увеличивается. В конце 70-х годов на импорт продуктов питания расходовалось до 30% доходов от экспорта нефти [160]. Алжир вынужден ежегодно ввозить 50% потребляемого им зерна, 25% мяса, 35—45% молока, свыше 75% сливочного масла, других животных жиров и яиц, 40% овощей, почти весь сахар [161]. В результате сокращения сборов некоторых важных продовольственных культур, в частности зерновых, показатель самообеспеченности продовольствием, составлявший в 1969 г. 77%, в 1975 г. снизился до 55%, в 1980 г.— до 30%, к 1985 г. он достигал 40% [162].

Основными поставщиками продовольствия в Алжир являются развитые капиталистические страны: зерновых — США и Канада, мясных и молочных продуктов — страны ЕЭС. Растущий импорт продовольственных товаров увеличивает зависимость Алжира от внешних рынков, усиливает возможность оказания политического давления на его правительство.

Значительная часть продовольственного импорта Алжира (до 40%) приходится на зерновые, которые, как и в других развивающихся странах, являются важнейшим продуктом питания алжирцев. Среднегодовой импорт зерна увеличился с 324 тыс. т в 1961—1965 гг. до 2857 тыс. т в 1977—1981 гг., т. е. в 8,8 раза [163]. Стоимость зернового импорта возросла с 1961 по 1979 г. в 10,3 раза. Среднегодовой импорт порошкового молока с 1961—1965 по 1976—1979 гг. (в среднем за год) увеличился на 47,2%, сгущенного молока — на 65,6%, сливочного масла — на 60,3% [164].

Рост спроса на продукты питания значительно обгоняет рост их производства. Так, производство зерна на душу населения, составлявшее в 1962—1966 гг. (в среднегодовом исчислении) 150,4 кг, в 1967—1971 гг. снизилось до 137,6 кг, в 1972—1976 гг. — до 115,5 кг, составив в 1978—1982 гг. лишь 90,6 кг [165]. В то же время потребление зерна на душу населения неуклонно росло: если в 1967—1971 гг. оно составляло 140 кг в год, то в 1976 г. — 214 кг. Предполагается, что к 2000 г. в результате

улучшения условий жизни населения потребление зерновых в Алжире снизится до 176 кг в год [166]. Производство мяса на душу населения в 1967—1971 гг. составляло 5,5 кг, в 1977 г. — 8,6 кг, в 1980 г. — 8,3 кг [167]. В то же время его потребление возросло с 8,6 кг в 1963—1969 гг. до 17,2 кг в 1977 г. [168]. Потребление молока на душу населения увеличилось с 25 л в 1963—1966 гг. до 71 л в 1979 г., в то время как его внутреннее производство составляло не более 35 л в расчете на одного жителя [169].

В особенности ощущается нехватка товарного продовольствия, рост спроса на которое определяется рядом причин, среди которых следует отметить быстрый рост населения и изменение его структуры, диверсификацию сельскохозяйственного производства и расширение посадок технических культур, производители которых предъявляют растущий спрос на продовольствие. (В период между переписями населения 1966 и 1977 гг. городское население Алжира увеличилось почти вдвое, составив в 1978 г. 41% общей численности населения. При этом темпы роста городского населения вдвое превысили темпы роста сельского.)

В связи с продолжающимся процессом отрыва сельских жителей от земли растет число потребителей товарного продовольствия и в деревне. В конце 60-х годов население сельских коммун за счет закупок на рынке удовлетворяло 67% своих потребностей в зерне и муке, 75% в картофеле, 85% в овощах, 66% в фруктах и 69% в мясе [170]. Поставки на рынок продовольственных товаров уменьшились, так как в связи с ростом численности сельского населения потребление продовольствия самими производителями увеличивалось, а система производства товарного продовольствия изменялась весьма медленно. Так, с 1969 по 1976 г. товарность картофеля снизилась с 77,6 до 74,3%, свежих овощей — с 84,7 до 67,3% [171].

Между тем спрос на продовольственные товары существенно вырос. На этот процесс, особенно характерный для 70-х годов, оказал влияние ряд факторов. Среди них — усиление притока в страну поступлений от нефти, обусловленное резким повышением цен на углеводороды на мировом капиталистическом рынке в 70-х годах. Часть концентрировавшихся в руках государства доходов от этих поступлений перераспределялась в пользу малоимущих слоев населения, наиболее страдавших от недоедания.

Проводимая алжирским руководством с начала 70-х годов социальная политика, включавшая ряд специальных мер (повышение занятости населения, увеличение минимума заработной платы, введение прогрессивной системы налогообложения в зависимости от величины годового дохода, повышение необлагаемого минимума дохода, меры по социальному страхованию, введение бесплатного медицинского обслуживания, субсидирование цен на важнейшие продукты питания), а также аграрная ре-

форма, от которой выигрывали безземельные и малоземельные крестьяне, в целом способствовали повышению жизненного уровня населения, в особенности его малообеспеченных слоев, расширению их доли в личном потреблении.

Указанные меры способствовали росту доходов у широких масс населения, и соответственно улучшению их питания. Об этом можно судить прежде всего по повышению энергетического содержания пищевого рациона алжирцев, выраженного в количестве потребляемых килокалорий на одного человека в сутки [172]:

1966–1968	1969–1971	1972–1974	1975–1977	1978–1980
1848	1888	2126	2357	2406

Как свидетельствуют цифры, среднее энергетическое содержание продовольственного рациона алжирцев с 1966—1968 по 1978—1980 гг. повысилось на 30,2%. Однако этот рост не был равномерным. С начала 60-х до начала 70-х годов восстановление разрушенного во время войны народного хозяйства, курс на быструю индустриализацию не позволили алжирскому правительству обеспечить сколько-нибудь заметный рост личного потребления, в результате калорийность питания населения оставалась на весьма низком уровне. С начала 70-х годов под влиянием упоминавшихся выше факторов происходило повышение среднесуточного энергетического содержания продовольственного рациона алжирцев. В питании населения происходили также и структурные изменения. Быстро возрастал спрос на такие высококачественные продукты, как мясо, молоко, сливочное масло, яйца, в особенности в городах. Вместе с тем следует подчеркнуть, что наблюдавшийся прирост среднедушевого спроса на продовольственные продукты в Алжире обеспечивался не за счет национального производства, а главным образом за счет импорта. В 1972—1974 гг. ввозом продовольствия из-за рубежа удовлетворялось 46,5% ежесуточного рациона алжирцев и 37,5% его протеинового компонента [173].

Однако в целом калорийность питания алжирского населения остается низкой. Во второй половине 70-х годов она еще не достигла минимального уровня, необходимого для нормальной жизнедеятельности организма, который эксперты ФАО оценивают для Алжира в 2400 калорий в сутки. Этот уровень был превышен лишь на рубеже 70—80-х годов. Отметим, что достигнутый к началу 80-х годов энергетический уровень суточного пищевого рациона алжирцев был ниже аналогичного уровня рациона жителей других стран Магриба (Туниса, Марокко, Ливии), где минимальный необходимый подушевой уровень потребления продовольствия в конце 70-х годов уже был превзойден.

Дело заключается в том, что рост личного потребления в 70-е годы был ограничен. В своей политике правительство основное внимание уделяло обеспечению высокого объема накоплений в ущерб личному потреблению. Норма валовых капиталовложений неуклонно повышалась, достигнув в 1977 г. 50,6% от ВВП, что является очень высоким для развивающихся стран уровнем. Рост нормы капиталовложений сопровождался снижением доли личного потребления в распределении ресурсов с 51,1% в 1965 г. до 33,1% в 1977 г. [174]. Поскольку значительная часть личного потребления населения Алжира, в особенности его менее обеспеченных слоев, приходится на продовольствие, можно сделать вывод, что низкий уровень подушевого потребления продовольствия в 60—70-е годы связан с проводившейся политикой форсированной индустриализации.

В плане экономического и социального развития Алжира на 1980—1984 гг. подчеркивалась необходимость повышения жизненного уровня трудящихся. Хотя по-прежнему был запланирован высокий темп прироста ВВП на уровне 8% в год, был предусмотрен опережающий рост потребления (8,6%) по сравнению с ростом капиталовложений (7%). По оценкам алжирских плановых органов, за пятилетие 1985—1989 гг. потребительские расходы алжирских семей возрастут на 14% в результате повышения жизненного уровня населения.

Для продовольственного рациона алжирского населения характерно также однообразие, поскольку преобладающая часть этого рациона обеспечивается за счет продуктов растительного происхождения (в первую очередь зерновых), в то время как на долю продуктов животного происхождения приходится лишь 9,6% калорий [175]. Основной недостаток такого питания — нехватка белков животного происхождения. Хотя уровень протеинового компонента суточного пищевого рациона алжирцев и повысился по сравнению с серединой 60-х годов (63 г. в 1975—1977 гг.), его содержание не отвечает необходимым критериям, так как лишь 17,9% его обеспечивается продуктами животного происхождения [176].

Характеристика продовольственной ситуации в Алжире будет неполной, если не остановиться на социальном аспекте проблемы, т. е. на вопросе о том, каким образом фонд продовольствия распределяется между отдельными слоями алжирского общества. Несмотря на меры, предпринимаемые в интересах малообеспеченных слоев, алжирскому руководству не удалось пока добиться существенного сокращения разрыва в доходах зажиточной прослойки и беднейших групп населения, основная часть которого сосредоточена в сельской местности. По данным на 1973 г., зажиточные слои, составлявшие 17,4% населения, сосредоточили в своих руках 41% личных доходов, в то время как на долю малообеспеченных групп общества (67% всего населения) приходилось 33% этих доходов [177]. Средние подушевые потребительские расходы сельских жителей, определяемые величиной годового денежного дохода, были в том же году в 2,1 раза ниже подушевых расходов городских

жителей. Каждый городской житель потреблял в 1973 г. в 2,7 раза больше мяса, в 5 раз больше молока, в 2,9 раза больше жиров, чем сельский житель [178].

Наблюдавшийся в 70-е годы рост продовольственного потребления на душу населения происходил в первую очередь за счет расширения платежеспособного спроса тех слоев общества, которые уже имели относительно высокие доходы (представителей административно-управленческой прослойки, квалифицированных специалистов, военных и др.). В то же время рост цен на продовольствие, в особенности на мясо, масло, молоко, сказывался прежде всего на потреблении групп населения с невысокими доходами. С начала 80-х годов правительство Алжира уделяет большое внимание разработке программы социальных мероприятий: совершенствованию национальной политики заработной платы и цен, сохранению покупательной способности трудящихся масс, развитию социальной инфраструктуры, что призвано содействовать сглаживанию разрыва в доходах отдельных групп населения.

Решение сложных социально-экономических задач, стоящих перед алжирским правительством, предполагает скорейшее развитие сельского хозяйства, повышение его продуктивности. И хотя нынешняя стратегия экономического развития страны исходит из необходимости преимущественного развития промышленного производства с упором на тяжелую промышленность, проблемы сельского хозяйства заняли в ней большее, чем прежде, место. Одна из важнейших стратегических задач — создание единого народнохозяйственного комплекса сбалансированной экономики к 1995 г., т. е. до того срока, когда предполагается резкое сокращение добычи нефти в связи с истощением имеющихся ее запасов, а следовательно, и доходов от ее продажи. Индустриализация, как считает алжирское руководство, является основой для развития сельского хозяйства и его продовольственного сектора, перед которым ставится задача обеспечения страны продуктами питания главным образом за счет внутренних ресурсов. Необходимость достижения самообеспечения продовольствием подчеркивается и в планах экономического и социального развития страны.

Природные ресурсы Алжира при интенсивных методах ведения хозяйства позволяют в целом удовлетворить нужды населения в продовольствии за счет внутреннего производства. В стране создаются благоприятные социально-экономические предпосылки для организации производства на индустриальной основе, что является необходимым условием повышения продуктивности сельского хозяйства. Укрепляется общественный сектор, основу которого составляют самоуправляющиеся фермы и производственные кооперативы, созданные в ходе осуществления аграрной реформы.

Алжир располагает и солидной финансовой базой, основанной на поступлениях от экспорта нефти и газа, которая обеспе-

чивает возможности крупных капиталовложений в аграрный сектор. В связи с курсом на преимущественное развитие промышленности государственные капиталовложения в сельское хозяйство не занимали ведущего положения, причем их доля в общих инвестициях в народное хозяйство имела тенденцию к сокращению (17,5% в плане развития 1967—1969 гг., 15,0% в плане 1970—1973 гг., 15,2% в плане 1974—1977 гг.) [179]. При этом инвестиционные программы систематически недовыполнялись. В 1967—1969 гг. их реализация в области сельского хозяйства составила 86%, в 1970—1973 гг. — 68%, в 1974—1977 гг. — 51,5% [180]. Несмотря на рост физического объема инвестиций в аграрный сектор (1,6 млрд. динаров в 1967—1969 гг., 4,1 млрд. динаров в 1970—1973 гг. и 16,6 млрд. динаров в 1974—1977 гг. [181]), их масса в целом оказалась недостаточной для крупномасштабных преобразований материально-технической базы сельского хозяйства, фактически она не обеспечивала даже простого воспроизводства основных производственных фондов [182].

Неблагоприятное воздействие на динамику сельскохозяйственного производства оказывают пока и объективные трудности, связанные с коренной ломкой отживших социально-экономических структур и перестройкой аграрного сектора на базе принципиально новых общественных отношений. В результате установленные планами развития средние темпы прироста сельскохозяйственного производства на уровне 3—4% в год не были достигнуты и в 1970—1976 гг. составили лишь 1,3% [183]. Между тем, по мнению экспертов ФАО, решение продовольственной проблемы требует ежегодного среднего прироста производства продовольствия на душу населения на 6%.

Остро стоит проблема обеспечения населения важнейшим продуктом питания — хлебом. В производстве зерна наблюдается застой (в среднем 1771 тыс. т за год в 1961—1965 гг., 1764 тыс. т в 1976—1980 гг. и 1790 тыс. т в 1981—1984 гг.) [184]. В 1983 г. было собрано лишь 1236 тыс. т зерна [185]. Невысокие сборы зерна являются следствием низкой урожайности зерновых культур, которая на протяжении 60—80-х годов оставалась на одном уровне (в 1961—1965 гг. в среднем 6,24 ц/га, в 1974—1976 — 7,84 ц/га, в 1978—1981 — 6,32 ц/га, в 1981—1984 — 6,27 ц/га) [186]. Несмотря на принимавшиеся в Алжире определенные меры по повышению уровня химизации сельского хозяйства, применение минеральных удобрений заметно возросло лишь с конца 70-х годов. Так, использование их в расчете на 1 гектар земель, занятых под пашней и плодовыми насаждениями, увеличилось в среднем с 4,7 кг (в действующем веществе) в 1961—1965 гг. до 25,1 кг в 1977—1980 гг. [187].

Следует отметить, что интенсивные факторы увеличения производства применяются преимущественно в самоуправляющихся и кооперативных хозяйствах, но и здесь их использование еще недостаточно эффективно. Тем не менее применение удоб-

рений и семян высокоурожайных сортов пшеницы содействует постепенному наращиванию сборов зерна в кооперативах и на самоуправляющихся фермах, хотя этот рост не является пока устойчивым. Занимая в 1974/75 г. 38% площадей, засеянных зерновыми культурами, они дали 42% валового сбора зерна в стране. В 1977 г. эта доля возросла до 54%, в 1978/79 г. она составила 50% [188].

В частном секторе, охватывающем около 4,5 млн. га, минеральные удобрения применяются главным образом в хозяйствах предпринимательского типа. В 1973 г. в этом секторе 77% хозяйств, в которых высевались злаковые культуры, относилось к мелким и мельчайшим, не располагавшим возможностями для накоплений, что препятствовало улучшению агротехники. По данным 1973 г., лишь около 5% хозяйств размером от 1 до 5 га использовали минеральные удобрения. Только при значительной помощи со стороны государства такие хозяйства могли повысить свой агротехнический уровень. Между тем помощь государства частному традиционному сектору была недостаточной.

Так, с 1968 по 1974 г. сумма предоставленных ему кратко- и среднесрочных кредитов уменьшилась со 131,1 млн. динаров до 7,3 млн. динаров, т. е. почти в 18 раз [189].

Важным фактором развития сельскохозяйственного производства в условиях Алжира является расширение ирригационного потенциала. По данным ФАО, площадь орошаемых земель, на которых выращиваются овощи, фрукты и технические культуры, увеличилась с 259 тыс. га (в среднем) в 1961—1965 гг. до 330 тыс. га в 1976 г. и 345 тыс. га в 1981 г. [190]. Поливные земли составляют 4,6% площади пахотных земель и земель под постоянными культурами. Этого крайне недостаточно для страны, основная часть возделываемых земель которой расположена в районах с засушливым климатом. Ввод в эксплуатацию орошаемых земель зачастую отставал от плановых наметок. К тому же наблюдалась потеря некоторой части уже орошенных земель в результате небрежного ухода за ирригационными сооружениями. В результате в 1979 г. общая площадь орошаемых земель сократилась до 300 тыс. га [191].

Углубление диспропорций, возникших в ходе форсированной индустриализации, сопровождавшееся нарастанием трудностей экономического и социального порядка, поставило правительство перед необходимостью принять безотлагательные меры по их устранению и выводу сельскохозяйственного сектора из состояния застоя. На внеочередном съезде партии ФНО, состоявшемся в июне 1980 г., был принят план экономического и социального развития Алжира на 1980—1984 гг., отразивший смену акцентов в экономической политике руководства АНДР. В частности, было усилено внимание к развитию аграрного сектора, в особенности к отраслям, производящим продовольствие. На развитие сельского хозяйства, водного хозяйства, лесоводства и

рыболовства было выделено 59,4 млрд. динаров, т. е. в 3 раза больше, чем по плану развития 1973—1977 гг. [192].

Перед сельским хозяйством была поставлена задача укрепления общественных и кооперативных форм производства и повышения производительности труда, усиления государственной помощи мелким крестьянам-единоличникам. В 1982 г. была создана специальная организация по финансированию аграрного сектора — Банк сельскохозяйственного развития. Был сделан упор на повышение технической вооруженности сельского хозяйства, улучшение системы технического обслуживания, увеличение производства сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений, что призвано содействовать расширению поставок продуктов питания.

В истекшем пятилетии продолжались работы по освоению новых сельскохозяйственных угодий площадью 150 тыс. га, принимались меры по повышению урожайности зерновых и огородных культур, строительству ирригационных сооружений, которые позволят оросить более 100 тыс. га обрабатываемых земель.

Вопросы развития сельского хозяйства и его продовольственного сектора находились в центре внимания руководства страны и партии ФНО и в последующие годы. На съезде партии ФНО в мае 1984 г. была вновь подчеркнута необходимость принятия мер по интенсификации производства для достижения самообеспечения продовольствием. Летом 1984 г. был принят пятилетний план экономического и социального развития Алжира на 1985—1989 гг. Закрепляя приоритет промышленности, план ставит целью обеспечить подъем сельского хозяйства. На его развитие из общей суммы капиталовложений 550 млрд. динаров выделяется 14,4% средств. По сумме капиталовложений отрасль стоит на третьем месте после промышленности и жилищного строительства. Средний ежегодный темп прироста производства в отрасли в текущем пятилетии должен составить 4,5% [193].

Большое внимание в плане развития уделяется продовольственному сектору сельского хозяйства. Планируется, в частности, значительно увеличить производство зерна путем интенсификации при сокращении посевных площадей под зерновыми культурами. Предполагается, что в 1989 г. потребности в зерне за счет внутренних ресурсов будут удовлетворяться на 54% [194]. Планируется значительно увеличить площади поливных земель (до 420 тыс. га к концу планового периода), что позволит увеличить производство овощей и фруктов, будет способствовать развитию интенсивного животноводства.

Намечаемые в плане капиталовложения, однако, дадут отдачу лишь через несколько лет, а реорганизация социально-экономических структур в традиционном секторе еще далека от своего завершения. Поэтому едва ли можно ожидать в ближайшие годы резкого прироста сборов зерна. Учитывая эти факто-

ры, а также быстрый рост населения (800 тыс. новорожденных в год), можно предположить, что к концу 80-х годов Алжиру вряд ли удастся значительно сократить зерновой импорт.

* * *

Материалы Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН позволяют установить некоторые существенные различия в «уязвимых точках» систем продовольственного обеспечения стран Востока (причем амплитуда этих различий может быть прослежена за достаточно продолжительный период времени). Касается это регионов Ближнего Востока и Южной и Юго-Восточной Азии.

Переход к интенсивному земледелию позволил развивающимся странам обоих регионов несколько повысить в 70-х годах темпы роста производства в продовольственном секторе сельского хозяйства по сравнению с 60-ми годами. Но с конца 70-х годов между обоими регионами обозначились существенные различия в динамике производства основных продовольственных культур. В то время как Южная и Юго-Восточная Азия продолжала наращивать темп роста зернового производства, на Ближнем Востоке этот рост фактически застопорился — регион вползал в полосу жестокого обострения кризиса зернового хозяйства. Обо всех этих изменениях свидетельствуют следующие данные о динамике показателей среднегодовых приростов основной продовольственной продукции, % [195]:

	1952–1962	1961–1970	1970–1979	1978–1984
Южная и Юго-Восточная Азия	3,1	2,7	2,9	3,6
Ближний Восток	3,4	3,2	3,5	0,6
Все развивающиеся страны	,1	2,9	3,0	3,3

Рост производства этой продукции отличался большой неравномерностью по странам. В обоих регионах выделялись группы стран, которые ФАО характеризует как испытывающие наиболее острую нехватку продовольствия; в этих странах темпы увеличения сборов основных продовольственных культур обычно намного ниже среднерегиональных значений таких темпов (так, в таких странах региона Южной и Юго-Восточной Азии они составляли 2,5% в 60-х годах и лишь 2,3% в 70-х; соответственные показатели для данной группы стран Ближнего Востока — 2,3 и 1,9%).

Однако наиболее тревожный факт заключается в том, что среднегодовые темпы подушевого прироста основной продовольственной продукции, обеспечиваемого местным производством, были в обоих регионах весьма незначительными (или просто мизерными). Более того, и в 60-х, и в 70-х годах они были в обоих регионах даже ниже уровня 50-х годов. А в 80-х годах на

Ближнем Востоке не только не было подушевого прироста зернового производства, но, напротив, происходило даже его сокращение. Об этом говорят следующие данные о среднегодовых темпах прироста основной продовольственной продукции (цифры в скобках — показатели для группы стран, испытывающих наиболее острую нехватку продовольствия), % [196]:

	1952–1962	1961–1970	1970–1979	1978–1984
Южная и Юго-Восточная Азия	0,8	0,4 (—0,1)	0,4 (—0,1)	1,5
Ближний Восток	0,8	0,5 (0,2)	0,7 (—0,5)	—2,2
Все развивающиеся страны	0,7	0,4	0,3	0,8

В этих условиях массированный импорт зерна для возмещения нехватки основной продовольственной продукции в пределах платежеспособной потребности оставался императивной необходимостью в обоих регионах (табл. 4). Однако по динамике этого импорта и его роли в системе продовольственного обеспечения оба региона существенно различались между собой. Нижеследующие данные показывают удельный вес чистого импорта зерна во всем внутрирегиональном зерновом потреблении, % [197]:

	1961–1963	1964–1966	1974–1976	1978–1980	1981–1982
Южная и Юго-Восточная Азия	4,2	6,2	7,2	4,1	3,5
Ближний Восток	9,1	9,5	16,4	22,7	29,4

Таким образом, продовольственные ситуации обоих регионов различаются глубиной диспропорции между общественной потребностью в основной продовольственной продукции и объемом ее местного производства, призванного данную потребность удовлетворить. На Ближнем Востоке нарастающий, как снежный ком, зерновой импорт, посредством которого правящие слои стран региона стремятся заполнить бреши в национальных системах продовольственного обеспечения, объясняется двумя группами процессов. Во-первых, резким замедлением с конца 70-х годов роста внутрирегионального зернового производства (фактически оказавшегося в состоянии застоя). Этому способствовали не только деформации, вызванные внутренними экономическими процессами (например, вследствие политики нарушения стоимостных пропорций обмена на национальных рынках, от чего страдали в первую очередь наименее окупаемые отрасли сельского хозяйства; вследствие перемещения наиболее активной части трудовых ресурсов из таких «невознаграждающих» отраслей в другие, сулящие более высокую оплату труда, отрасли экономики и др.), но и влияние дестабилизирующих процессов, порождаемых противоречиями развития системы МКХ. (Так, развивающиеся страны региона особенно болезненно пережили мировой экономический кризис, поразивший ка-

питалистический мир в начале 80-х годов.) Весьма крупный ущерб зерновому хозяйству региона нанесли и продолжают наносить развернувшиеся на его территории широкомасштабные военные действия — ирано-иракская война, израильская агрессия на Ближнем Востоке.

Во-вторых, мощным стимулятором зернового импорта в регионе стало воздействие на сферу продовольственного потребления «нефтяного феномена». Правящие круги нефтедобывающих стран региона, получая, особенно в 70-х годах, огромные суммы нефтедолларов и форсируя на этой основе экономический, прежде всего промышленный, рост, могли себе позволить заметно увеличить массу национального дохода, поступающую к определенным (довольно многочисленным) слоям трудящегося населения, основу питания которых составляют именно зерновые продукты. Возникший в результате этого дополнительный спрос на зерно во все большей степени (особенно с середины 70-х годов) превосходил возможности удовлетворить его за счет местного зернового производства. Динамический разрыв между спросом на этот продукт и его внутренним предложением резко увеличился. Энергетическое содержание средней нормы продовольственного потребления на душу возросло на Ближнем Востоке с 2300 калорий в день в начале 60-х годов до 2700 калорий в конце 70-х годов.

Напротив, в регионе Южной и Юго-Восточной Азии наметилась иная тенденция — к падению роли импорта во внутрирегиональном зерновом обеспечении. Здесь политика достижения «зерновой автаркии» принесла к концу 70-х годов весомые плоды. Оборотной стороной ее высокой результативности является не имеющий аналогов в истории пауперизм, хроническое голодание огромной массы населения региона. Иначе говоря, процесс становления такой «автаркии» опирается на крайне низкую общественную потребность в основной продовольственной продукции (энергетическое содержание средней подушевой нормы продовольственного потребления, вне зависимости от изменений в значимости источников ее обеспечения, было стабильным на протяжении всех 60—70-х годов, составляя примерно 2000—2100 калорий в день).

Таким образом, если на Ближнем Востоке импорториентированная стратегия играет все возрастающую роль в обеспечении региона основной продовольственной продукцией, то, напротив, в Южной и Юго-Восточной Азии отказ от этой стратегии становится возможным лишь как следствие сохранения и дальнейшего развития крупных деформаций в экономическом строе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Продовольственный вопрос — самый больной вопрос нашей революции»[1]. Эти слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу ситуации голода в России первого революционного года, могут быть полностью отнесены к ситуациям, складывающимся в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Консервация их систем продовольственного обеспечения на стадии, крайне отсталой, несовместимой с требованиями современных форм общественного разделения труда, с требованиями эпохи НТР, все более подчиняющей своему влиянию развивающийся мир, — едва ли не самое яркое проявление препятствий на пути социального прогресса, созданных длительным господством мирового капитала над периферией МКХ.

Вместе с тем эти продовольственные системы, как мы видели, представляют собой сложные образования, движение которых определяется гораздо большей совокупностью процессов и связей, чем это имеет место в странах центров МКХ. Эти продовольственные системы, как бы совмещающие в себе противоречия разных исторических эпох и одновременно отражающие современные противоречия мирового капиталистического хозяйства, могут быть наиболее точно описаны, если будут представлены в двойной системе координат, отражающих совокупность их «внутренних» характеристик, с одной стороны, и «внешних» — с другой. Всем предыдущим ходом изложения мы стремились подтвердить оправданность именно такого подхода к оценке сущности и динамики продовольственных систем развивающихся стран Востока.

Итак, при рассмотрении этих продовольственных систем можно выделить два наиболее общих момента:

— с точки зрения международных условий: фаза потребления интегрировалась в воспроизводственный процесс в МКХ в гораздо большей степени, чем фаза производства, при этом разрыв не только не сокращается, а становится все более глубоким;

— с точки зрения внутренних условий: процессы развития общественной потребности в продовольствии происходят гораздо интенсивнее, чем растет местное производство; иначе говоря, относительная отсталость сельского хозяйства (т. е. неспособность сельского хозяйства удовлетворить общественную потребность в его продукции) не сокращается, но возрастает. При этом, что особенно важно подчеркнуть, во всех звеньях системы продовольственного обеспечения (на стороне как спроса

и потребления, так и производства и предложения) усиливается фрагментарность, наблюдается все меньшая состыкованность между отдельными «фрагментами» факторов, формирующих систему. Именно с этим входит развивающийся Восток во вторую половину 80-х годов XX в. (В концентрированном виде система связей, характерная для продовольственного комплекса развивающейся страны, приведена в схеме модели продовольственного обеспечения, представленной в Приложении II.)

Дальнейшее развитие производства в продовольственном секторе сельского хозяйства во всех странах Востока предполагает решение ряда крупных проблем как технологического, так и социально-экономического характера. Во-первых, дальнейшее расширение зоны технической модернизации в аграрном секторе связано с распространением этого процесса на обширные районы с недостаточным увлажнением; однако разработка технологии, необходимой для массового перевода земледелия таких районов на путь интенсификации, еще не вышла в основном из экспериментальной стадии [2]. (Следует ожидать, что в ближайшем будущем на решение данной проблемы правящими кругами этих стран будет направляться растущее количество сил и средств.) Во-вторых, дальнейшее повышение урожайности сельскохозяйственных культур в рамках действующих ныне систем поливного земледелия требует увеличения затрат финансовых, материальных и энергетических ресурсов, в которых развивающиеся страны испытывают недостаток, и, что не менее важно, новых разработок в области селекции и их внедрения в земледельческую практику [3]. Но такие системы интенсивного земледелия становятся на периферии МКХ из-за их ресурсорасточительности и дороговизны экономически все менее окупаемыми; они изживают себя как свидетельство технического прогресса в земледелии и потому, что влекут за собой чрезмерные нагрузки на хрупкие экологические системы стран развивающегося мира.

Материальной основой развития систем интенсивного земледелия, которым предстоит прийти на смену нынешним, становятся достижения НТР в генной инженерии. Эти достижения, предполагающие избирательную активизацию у растений свойств, полное раскрытие которых обеспечивает максимальный прирост полезных элементов, позволяют в области экономики сельского хозяйства осуществлять переход от высококапитало- и энергоемких систем продовольственного производства к системам более экономичным, требующим существенно меньших затрат материальных ресурсов. Именно такие системы характеризуют научно-технический прогресс в сельскохозяйственной отрасли, воплощая его определяющую тенденцию — превращение капиталоемкого производства в производство наукоемкое [4]. Но смена «поколений» систем интенсивного земледелия в развивающихся странах — процесс неизбежно длительный, сопряженный как с социальными перестройками в аграрной сфере,

так и с существенным повышением значимости организационной и инвестиционной функций национального государства [5].

При капиталистически ориентированном развитии полноценное превращение экстенсивного земледельческого хозяйства в современный тип интенсивного производства может осуществить только сравнительно узкая прослойка крупных землевладельцев-предпринимателей и кулаков, выросшая и укрепившаяся при всесторонней поддержке государства за последние десятилетия в ходе «зеленой революции». «Рядовым» хозяевам существующие системы интенсивного хозяйства, требующие для полного раскрытия заложенных в них потенций производства все большей массы инвестиций, в целом оказываются все менее доступны. Переход же к технологически новым системам земледелия неизбежно проложит еще более глубокую пропасть между различными социальными группами хозяйств — участников «зеленой революции».

При отсутствии социальной реформы, радикально преобразующей отношения собственности в агросфере, только благодаря крупным государственным инвестициям (включая те, которые выступают в форме различных субсидий, расходуемых на покрытие части цены на средства производства, их эксплуатацию, сбыт готовой продукции и др.) можно в определенной мере расширить круг хозяйств, обладающих признаками устойчивости производственных показателей и в полном (необходимом) объеме применяющих новую технологию. В ином случае социальная база процессов интенсификации остается весьма узкой. Производство, обеспечивающее подавляющую часть продовольственной продукции, по-прежнему будет развиваться не широким фронтом, а концентрироваться на «полюсах развития» — небольших участках экономического пространства, в отдельных «очагах» агросферы [6]. Такая форма экономического роста не только затрудняет достижение продовольственным производством соответствия масштабам общественной потребности в продовольствии (либо сохранение этого соответствия, если оно будет достигнуто), но и усугубляет ряд сопряженных экономических и социальных проблем (узость рынка, пауперизм, социальные противоречия, характерные для «дуалистической» аграрной экономики и др.).

Кардинальные изменения в составе участников технологических преобразований в деревне могут произойти лишь при условии осуществления широких социальных реформ, прежде всего радикально преобразующей отношения собственности аграрной реформы. Хотя такие реформы скажутся в первую очередь на размерах потребления продуктов питания (вызвав его значительный рост), а не на динамике и структуре производства продовольствия, они тем не менее обеспечат условия для перестройки производства по принципиально новой социальной модели (предполагающей, в частности, производственное кооперирование мелкого крестьянства). Только в результате та-

кой перестройки становится действительно возможным массированное расширение социальных границ процесса экономического роста в продовольственном секторе сельского хозяйства, наиболее полное и рациональное использование накопленного в нем производственного потенциала (чему сейчас препятствуют существующие в деревне отношения собственности) [7].

Сильнейшее деформирующее воздействие на условия перехода сельского хозяйства развивающихся стран от экстенсивной стадии роста к интенсивной (и в частности, на степень освоения этой отраслью достижений НТР) оказывают структурные кризисы мирового капитализма и порождаемые ими дестабилизирующие экономические процессы. Эти процессы особенно усилились с конца 70-х годов в связи с формированием курса империализма США и его союзников на взлом существующего военно-стратегического равновесия между двумя общественными системами, на открытую военную конфронтацию со странами социалистического содружества, с национально-освободительным движением. В общем и целом данные процессы действуют в направлении ухудшения условий воспроизводства в сельском хозяйстве рассматриваемых стран, в направлении затормаживания развития современного интенсивного земледелия. Из всей совокупности таких негативных процессов в первую очередь необходимо выделить следующие.

Деформации, порожденные энергетическим кризисом капитализма. Возникшая как результат этого кризиса тенденция к «замораживанию» цен на искусственные энергоносители на относительно высоком уровне способствует закреплению новой, сложившейся в основном в 70-х годах, структуры цен в МКХ, которая предопределяет значительно более высокий, чем прежде, удельный вес затрат на такие энергоносители в общей массе затрат на воспроизводство в сельском хозяйстве. И это неизбежно создает дополнительные трудности в становлении в развивающихся странах капитало- и энергоемкого земледелия.

Резкое обострение валютно-финансового кризиса капитализма. Непосредственным результатом этого процесса являются, с одной стороны, прогрессирующее накопление внешних долговых обязательств стран развивающегося мира и соответственно функционирование национальных экономик на пределе их платежеспособности (с периодическими ее крахами), а с другой — рост дезорганизующего влияния инфляции (все более усиливающейся в МКХ). Оба эти фактора, взаимодействующие между собой, затрудняют и деформируют процесс накопления в периферийных зонах МКХ, причем наиболее болезненные удары испытывает наименее окупаемая и наиболее хрупкая отрасль их экономики — сельское хозяйство. Особо нужно подчеркнуть, что сильнейшее тормозящее влияние на процесс накопления в этой отрасли оказывает порожденная курсом на «перевооружение Америки» крайне высокая учетная ставка банковского процента в США, которая и приводит в действие механизм, как на-

сос, втягивающий в военно-промышленный комплекс американского империализма свободные денежные капиталы из других стран МКХ, включая развивающиеся.

Наконец, обусловленное тем же курсом сокращение поставок в развивающиеся страны «внешних» ресурсов — по линии «наднациональных» международных финансовых организаций, контролируемых капиталистическими странами Запада, и/или перевод этих поставок на частную основу — транснационального капитала, — не имеющую, как правило, ничего общего с нуждами развития продовольственного производства, удовлетворяющего массовый спрос.

К сказанному можно добавить, что механизм долгового пресса выполняет по существу функцию тарана, посредством которого государственно-монополистический капитал Запада и «наднациональные» финансовые организации (прежде всего Международный валютный фонд, Мировой банк) ныне прокладывают в развивающихся странах путь силам рыночной стихии (там, где они были поставлены под контроль государства), еще больше развязывая их деструктивное влияние на экономическое развитие, формируя наиболее благоприятный климат для деятельности в этих странах чужеземного капитала, в особенности транснационального. В сельском хозяйстве разрушение системы государственного регулирования способно вызвать катастрофические опустошения (в частности, не только застопорится становление интенсивного хозяйства, но начнется неизбежно и размывание части уже созданного его потенциала; опыт экономического роста в сельском хозяйстве в период обострения энергетического кризиса середины 70-х годов с полной очевидностью такую возможность подтверждает).

При капиталистически ориентированном развитии неизбежно нарастание поляризации и в области продовольственного потребления: тенденция к усилению дихотомии систем продовольственного обеспечения на развивающемся Востоке получает все новые импульсы. И в этот процесс механизм долгового пресса вносит свой особый «вклад» — он дает толчок росту социального неравенства (ведь отныне страны — должники могут получать новые займы в странах центров МКХ и международных финансовых организациях лишь при условии соблюдения мер «экономии», в корне подрывающих перераспределительные усилия государства, которые до сих пор в какой-то степени поддерживали группы лиц с низкими доходами, а для ряда пауперизированных слоев населения обеспечивали весомую прибавку в их скудном фонде продовольственного потребления).

Попытки преодолеть наиболее вопиющие противоречия, порождаемые этой дихотомией, предпринимаются и неизбежно будут предприниматься и в будущем правящими кругами стран, развивающихся по капиталистическому пути. Условия для преодоления самих ее основ формируются лишь при переходе на путь социалистической ориентации.

Таким образом, в современном мире происходит все бóльшая интернационализация как факторов, порождающих продовольственный кризис, так и материальных предпосылок, обеспечивающих его устранение в развивающихся странах. И поскольку именно центры мирового капитализма несут ответственность за положение дел в области продовольственного обеспечения в развивающихся странах, борьба последних за переустройство международных экономических отношений образует ныне важнейшее «внешнее» условие решения продовольственной проблемы в этих странах. Эта борьба, в частности, призвана устранить многообразные формы их дискриминации в системе МКХ [8], обеспечить лучшее распределение (по всем каналам) ресурсов (капиталы, технология) несоциалистического мира в пользу развивающихся стран, утвердить формы эффективного международного контроля за деятельностью транснациональных корпораций, решительно повысить роль развивающегося мира в принятии решений, касающихся всего комплекса вопросов его социального и экономического развития (в том числе вопросов продовольственного обеспечения). Борьба за новый международный экономический порядок ныне неразрывно связана со все более усиливающейся борьбой народных масс всего мира за ликвидацию гонки вооружений, за возврат к разрядке. Достижения в этой борьбе, ослабляя и подрывая влияние разрушительных процессов, генерируемых движением капитала в центрах МКХ, открывают перспективы для более динамичного развития продовольственных секторов сельского хозяйства освободившихся стран. Вот почему так актуально выдвинутое в Программе КПСС положение о том, что «мирное сосуществование отвечает интересам всех стран, всех народов». Отвечает, в частности, именно потому, что решение глобальных проблем человечества, включая продовольственную, «требует совместных усилий всех государств. Оно будет существенно облегчено, если прекратится растрачивание сил и средств на гонку вооружений» [9].

Вместе с тем устранение вопиющих диспропорций в национальных системах продовольственного обеспечения требует осуществления глубоких внутренних социально-экономических преобразований, и прежде всего такого перераспределения собственности на средства производства, которое помимо прочего сокрушает общественную власть и влияние эксплуататорских групп, подпирающих «дуалистическую» модель социально-экономического развития. Тем самым преобразования такого типа призваны заложить наилучшие условия для реализации плодов борьбы развивающегося мира за новый международный экономический порядок.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] См., например: Продовольственная проблема в современном мире. М., 1983; Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981; Продовольственная проблема Африки (Экономические, социальные и политические аспекты). М., 1977 (Африка. Научно-информационный бюллетень. Институт Африки АН СССР); Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982; Сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися государствами в решении продовольственной проблемы. М., 1983; *Крылов В. В.* Продовольственная проблема на современном этапе: региональные и международные аспекты.— Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе. М., 1982; *Шаркань Пал.* Мировая продовольственная проблема. М., 1982; *Баграмов Л. А.* Современный капитализм и продовольственная проблема. М., 1984; *Княжинская Л. А.* Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980; *Рамачандран Л.* Продовольственная проблема в Индии. М., 1980.

[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 апреля 1985 года. М., 1985, с. 24.

[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— Правда. 07.03.1986.

Введение

[1] *Крылов В. В.* Характерные черты социально-экономических процессов в обществе развивающихся стран.— Вопросы философии. 1976, № 9, с. 102.

[2] См.: *Баграмов Л. А.* Современный капитализм..., с. 200. Небольшой пример: в Таиланде посевы маниока были весьма скромными в начале 70-х годов (1,45% возделываемой площади в 1969—1971 гг.), но под влиянием резкого роста спроса на корма для животноводческого хозяйства, прежде всего в странах ЕЭС, площади под маниоком стали быстро увеличиваться (в 5 раз за 10 лет), составив в 1980 г. 5,6% возделываемой площади. Уже к концу 70-х годов продукция из маниока превратилась в главный экспортный ресурс страны, рис был вытеснен на второе место. Также экспортное назначение имеет специализация сельского хозяйства на производстве бананов (прирост площадей за 10 лет на 67%; их удельный вес — 11,1%). Если учесть поставки на внешние рынки риса, а также кукурузы (как кормовой культуры) в конце 70-х — начале 80-х годов, экспорториентированный сектор сельского хозяйства, возможно, распространялся не менее чем на четвертую часть всей обрабатываемой площади страны (см.: Food Supply and Distribution in Asia and Pacific: Medium-Term Outlook and Regional Co-operation. Bangkok, 1982 (E/ESCAP/246 1 Febr. 1982), с. 59).

[3] An Issues Paper-Contributed by the Food Study Group of the Coals, Processes and Indicators of the Development Project. The United Nations University. Rapporteur Susan George. Tokyo, 1979, с. 8.

[4] Там же.

[5] Poverty and Landlessness in Rural Asia. ILO. Geneva, 1977, с. 22—25.

[6] «В ряде стран структура потребления пищевых продуктов значительно изменилась... Хотя, как правило, потребители, проживающие в городской местности, расходуют на импортные продукты питания и импортные товары массового спроса большую часть средств, выделяемых на удовлетворение жизненных потребностей, аналогичные изменения в привычках потребления про-

дуктов постепенно происходят и в сельской местности, в частности в Латинской Америке, в южной части Африки и некоторых странах Азии. В этом отношении большое значение имеет демонстрационный эффект. Продукты, ранее покупавшиеся в основном сравнительно лучше обеспеченными городскими потребителями, теперь приобретаются под влиянием процесса „подражания" также группами с более низкими доходами» (Транснациональные корпорации в мировом развитии. Третий обзор. Центр ООН по транснациональным корпорациям. ООН. Нью-Йорк, 1983, с. 388 /ST/CTC/46/).

[7] *Крылов В. В.* Продовольственная проблема на современном этапе: региональные и международные аспекты.— Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе. М., 1982, с. 33.

[8] Industry 2000 — New Perspective. UNIDO. Vienna, 1979 (ID/Conf. 4/3 August 1979), с. 11.

[9] Все это было характерно, например, для процесса становления крупного капиталистического хозяйства, производящего помимо прочего продовольственную продукцию особого качества (в частности, мясо птицы и др.) и для особого спроса, в Иране, при шахском режиме, особенно в последнее десятилетие его существования. Так, латифундистского типа землевладение «агроиндустриальных комплексов» (в которых зачастую заправляли ТНК) формировалось нередко путем экспроприации земли у крестьян, в том числе получивших эту землю по аграрной реформе. Образование так называемых земледельческих акционерных компаний сопровождалось фактической экспроприацией собственности части включившихся в них крестьян. На эти две формы капиталистического производства, особенно — привилегированное детище шахского режима — латифундистские «комплексы», приходилась непомерно большая доля инвестиционных и других ресурсов, выделявшихся государством на развитие сельского хозяйства (подробнее см.: *Katouzian M. A.* Oil Versus Agriculture. A Case of Dual Resourse Depletion in Iran.— Journal of Peasant Studies. L., 1978, vol. 5, № 3, с. 358—367; *Afshar M.* An Assessment of Agricultural Development Policies in Iran.— World Development. Oxford, 1981, vol. 9, № 11/12, с. 1100—1103; *Демин А. И.* Современная иранская деревня. М., 1977, с. 146, 209, 214—217). Некоторые вопросы о противоречиях, вызванных расщеплением национальной системы продовольственного обеспечения в Иране на два социально различных потока, рассматриваются в гл. I.

[10] Эта проблема в полемической форме рассматривается в работе: *Рамачандран Л.* Продовольственная проблема в Индии. М., 1980.

[11] Транснациональные корпорации в мировом развитии. Третий обзор, с. 388; The Food Processing Sector in Developing Countries: Some Recent Trends in Transfer and Development of Technology. Report by UNCTAD Secretariat. Geneva, 1980 (TD/C.6/66), с. 14.

[12] См.: The Food Processing Sector..., с. 10.

[13] Overcoming World Hunger: The Challenge Ahead. Report of the Presidential Commission on World Hunger. Wash., 1980, с. 77.

[13а] Подробнее см.: Ofreneo R. Capitalism in Philippine Agriculture. Quezon City, 1980, с. 149—153, 158—159; An Issues Paper—Contributed by the Food Study Group..., с. 7.

[14] Американский ученый К. Далберг справедливо отмечает, что в эволюции аграрных секторов развивающегося мира произошло изменение лишь форм зависимости от «внешних сил», но не изменилось само содержание зависимости. «В настоящее время ТНК... следуют тем же путем, что и страны-колонизаторы в XVIII и XIX веках, экспортируя в развивающиеся страны свои идеи в области сельскохозяйственного производства, технологию, практику менеджмента и т. п.». Примечателен его общий вывод: искусственное насаждение в развивающихся странах западной модели индустриальных форм сельскохозяйственного производства, стимулируемых ТНК, противоречит интересам развития местного сельского хозяйства и решениям продовольственной проблемы в этих странах; по всей совокупности негативных последствий такие индустриальные формы «не подходят для нужд развивающихся стран» (*Dahlberg K. A.* Beyond the Green Revolution. The Ecology and the Politics of Global Agricultural Development. N. Y.; L., 1979, с. 109, 212).

[15] Комиссия ООН по транснациональным корпорациям отмечала в связи

с «диссонансами», вносимыми ТНК в личное потребление в развивающемся мире: «Высказывается тревога по поводу того, что определенные ТНК стремятся поощрять чрезмерные потребительские расходы групп населения с высоким уровнем доходов или ввести такие эталоны для подражания и такую систему ценностей, которые несовместимы со стратегией развития, направленной на удовлетворение основных нужд населения в целом» (Transnational Corporations in World Development: A Re-Examination. U.N. Commission on Transnational Corporation. U.N., N. Y., 1978 (E/C. 10/38 20 March 1978), с. 18). Более подробно эту же мысль комиссия развивает в Третьем обзоре по ТНК (1983 г.). «Одним из наиболее важных факторов,— пишет она,— ведущих к формированию в развивающихся странах структуры потребления, которую можно считать нежелательной, является неравенство в распределении доходов. Такое неравенство часто имело место и прежде, независимо от появления транснациональных корпораций, но оно может усиливаться под влиянием их деятельности». Три существенных признака отличают такую «нежелательную» структуру потребления: «Во-первых, это — структура незначительного меньшинства лиц с высокими доходами, способная усиливать неравенство. Во-вторых, желание угнаться за этими группами с высокими доходами может создать трудности в сдерживании потребительского спроса у групп с более низкими доходами и сократить сбережения. В-третьих, в результате приобретения социально «неуместных» товаров группы лиц с низкими доходами расходуют относительно больше своих доходов, чем в случаях, когда они приобретают общедоступные аналоги этих товаров, поэтому у них остается меньше средств для удовлетворения основных потребностей» (Транснациональные корпорации в мировом развитии. Третий обзор, с. 401, 397, 398).

[16] Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1981, с. 113, 114; FAO Producton Yearbook 1980. Rome, 1981.

[17] Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1979, с. 39 (C 29/24. July 1979).

[18] Стратегами современного капиталистического мира это обстоятельство осознано серьезно и глубоко. В одном из документов, вышедших из-под их пера, подчеркивается: «Развивающиеся страны, ныне активно втянутые в международные дела, полны решимости войти в современный мир и воспользоваться его благами. Но чем больше растут надежды и ожидания развивающегося мира, тем острее ощущается все еще распространенная в нем нищета вместе с ее квинтэссенцией — голодом. В результате голод оказался интернационализированным и превратился в постоянную политическую проблему глобального масштаба — из расплывчато очерченного морального императива он вырос в разделяющий и разрушающий фактор международных отношений» (Overcoming World Hungar: The Challenge Ahead..., с. 5).

[19] Agriculture: Toward 2000. 1981, с. 4, с. 124; Financial Express. Delhi, 25.05.1980; Espresso. Rome, 02.05.1982; Правда. 17.10.1982.

[20] Food Suply and Distribution in Asia and the Pacific: Medium-Turn Outlook and Regional Co-operation. ESCAP. Bangkok, 1982, с. 10 (E/ESCAP/246. 1 February 1982).

[21] *Маркс К.* Капитал. Т. I.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 184.

[22] Поэтому вряд ли можно принять в качестве определения цели развития расплывчатую, но декларативно броскую формулу ФАО, согласно которой «в конечном счете целью развития» будто бы является «обеспечить каждому мужчине, женщине и ребенку сносный уровень жизни» (Agriculture: Toward 2000. 1981, с. 87). Значительно точнее эта цель была сформулирована Всемирной ассамблеей здравоохранения на ее 13 сессии (1977 г.), призвавшей человечество к тому, чтобы «обеспечить достижение всеми гражданами в мире к 2000 г. такого уровня здоровья, который позволит им вести продуктивную с социальной и экономической точек зрения жизнь» (цит. по: ЮНКТАД. Доклад группы высокопоставленных экспертов по всесторонней новой программе действий в пользу наименее развитых стран. Женева, 1979 (ТД/В/АС, 17/13. 26—30 ноября 1979), с. 8).

[23] Приведенные ниже показатели прогноза В. Леонтьева нас интересуют здесь лишь в иллюстративных целях. Подробнее имеющиеся прогнозы продовольственной ситуации рассматриваются в Приложении III.

[1] См.: *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. II. М., 1980, с. 20.

[2] *Гузеватый Я. Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980, с. 116.

[3] Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1982. U. N. Bangkok, 1983, с. 144.

[4] Там же, ср. с. 59, 60. По Индии в итоговую цифру переводов включен показатель за 1979 г., наиболее поздний из имеющихся в источнике.

[5] Например, в странах Южной Азии «большая часть» рабочих-мигрантов до вербовки и отъезда относилась к безработному населению и имела долги (в Индии на таких мигрантов приходится 60% выезжающих) (см.: там же, с. 145). Но в странах Ближнего Востока уже не кажется курьезом факт, что наиболее бедным становится принятым считать того, «кто не может послать родственника на заработки в город или в соседние нефтедобывающие государства» (*Richards A.* Food Problems and Prospects in the Middle East. Center for Contemporary Arab Studies. Wash., 1984, с. 14).

[6] Подробнее см.: *Растянников В. Г.* Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М., 1968, с. 23—25.

[7] Подробнее см.: *Уляхин В. Н.* Товаризация продовольственной продукции в развивающихся странах.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982, с. 52—57. Фактическое среднее увеличение доли товарной массы зерна за рассматриваемое десятилетие было, по-видимому, меньше: ведь за исходную точку отсчета («начало 70-х годов») принимается период, включающий два голодных года (1972 и 1974), когда неизбежно поставки на рынок зерна из крестьянского хозяйства существенно уменьшились.

[8] Indian Agriculture in Brief. Delhi. 7th ed., 1965, с. 163; 12th ed., 1973, с. 130—131; 17th ed.. 1978, с. 149, 150; 19th ed., 1982, с. 299; Agricultural Situation in India. Delhi, 1973, vol. 28, № 4; 1981, vol. 35, № 10; 1982, vol. 36, № 12; 1982, vol. 37, № 9.

[9] Цит. по: *Barker R.* Rice Marketing in Asia: Implications for Research in Rice-Based Cropping Systems.— Rice Research Strategies for the Future. IRRI. Los Banos, Laguna, 1982, с. 438.

[10] Филиппинская статистика дает весьма широкое определение понятию «коммерческие каналы», куда поступает та или иная часть валового сбора зерна. К «коммерческой» форме продукции риса относится, например, фонд натуральной заработной платы, выплачиваемой хозяевами нанимаемым ими рабочим и привлекаемым в периоды уборки урожая соседям-хозяевам; натуральные платежи по долговым обязательствам — часть продукта, выплачиваемого в счет этих долгов, впоследствии возвращается кредиторами земледельцам в виде натуральных же ссуд. Иначе говоря, заметная часть «коммерческой» доли урожая поступает непосредственно в фонд потребления работников, минуя всякий рыночный обмен. Согласно данным ряда специальных обследований экономики рисопроизводящего хозяйства на Филиппинах, в 1955—1963 гг. на рынок поступало лишь 31—33% валовой продукции риса, хотя в «коммерческие каналы» уходило до 47% такой продукции (подробнее см.: *Растянников В. Г.* Развивающиеся страны..., с. 24—25, 35—37). Отсюда и завышение уровня «товарных излишков». Аналогичная ситуация характерна и для последующих десятилетий (см., в частности, приведенные выше показатели товарности зернового хозяйства, рассчитанные В. Н. Уляхиным; некоторые другие данные по рассматриваемому предмету см. ниже).

[11] Подробнее см.: *Растянников В. Г.* Развивающиеся страны..., с. 26, 27.

[12] На основе данных этих же обследований были рассчитаны и количественные показатели зависимости потребления зерновой продукции мелкими производителями от уровня цены; так, повышение цены на зерно на одну единицу вызывает прирост спроса, соответственно потребления зерна в мелком хозяйстве на 0,34—0,45 единицы, при этом товарный фонд зерна в таком хозяйстве сокращается на 0,32—1,17 единицы (табл. 2).

[13] См.: *Raisuddin Ahmed.* Agricultural Price Policies under Complex Socio-

economic and National Constraints: the Case of Bangladesh. IFPRI. Wash., 1981, с. 38.

[14] Цит. по: *Manzur Ahmed.* The Sovar Project: Meeting the Rural Health Crisis in Bangladesh.— Meeting the Basic Needs of the Rural Poor. N. Y. etc., 1980, с. 45.

[15] *Raisuddin Ahmed.* Agricultural Price..., с. 38.

[16] Food Supply and Distribution in Asia and the Pacific: Medium-term Outlook and Regional Co-operation. ESCAP. Bangkok, 1982, с. 69 (E/ESCAP/246. 1 February 1982); *Raisuddin Ahmed.* Agricultural Price..., с. 39.

[17] Food Supply and Distribution in Asia..., с. 43.

[18] *Маркс К.* Капитал. Кн. первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 49, с. 85.

[19] Составлено и подсчитано по: Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956, с. 1—4, 23; Agricultural Situation in India. Delhi, 1982, vol. 37, № 9.

[20] Составлено и подсчитано по: там же; Indian Agriculture in Brief. 7th ed., с. 163; 12th ed., с. 130, 131; 17th ed., с. 149; Agricultural Situation in India. 1973, vol. 28, № 4; 1981, vol. 35, № 10.

[21] См.: Indian Rice Statistics, с. 22; Agricultural Situation in India. 1961, vol. 15, № 10. Подробнее о типе товарного производства, существующего в симбиозе с натуральными отношениями в традиционной экономике см.: Экономика Индии. Общая характеристика. М., 1980, гл. 1 — автор А. П. Колонтаев.

[22] Подсчитано по: *Вирабов А. Г.* Сельскохозяйственное производство и продовольственная проблема в Марокко.— Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки. М., 1968, с. 81; *Кууз А. А.* Аграрные отношения в Марокко. М., 1984, с. 110, 111; Foreign Agriculture. Wash., 1982, № 2, с. 15, 17.

[23] Подсчитано по: *Dhindsa K. S.* and *Jaspal Singh.* Marketed Surplus of Wheat and Paddy by Farm Size in Punjab. A Case Study.— Margin. Delhi. 1983, vol. 15, № 2, с. 83, 85. (Данные об удельном весе натуральной части заработной платы во всей выплаченной заработной плате в Пенджабе касаются только постоянных работников, причем в 1969/70 г. См. табл. 19); *Hayami Y.* Anatomy of a Peasant Economy. A Rice Village in the Philippines. Los Banos, Laguna, 1978, с. 44, 45, 57, 58.

[24] Подсчитано по: *Hayami Y.* Anatomy of a Peasant Economy..., с. 57, 58, 86.

[25] См.: *Рымалов В. В.* Структурные изменения в мировом капиталистическом хозяйстве (послевоенные тенденции). М., 1978, с. 329, 331.

[26] Подсчитано по: Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. FAO. Rome, 1974, № 9.

[27] *Рымалов В. В.* Структурные изменения..., с. 333.

[28] Там же, с. 334.

[29] Подсчитано по данным выпусков ФАО (Рим): Production Yearbook, Trade Yearbook за 1975—1982 гг.

[30] Подсчитано по данным: *Scobie C. M.* Government Policy and Food Imports: the Case of Wheat in Egypt. International Food Research Policy Institute. Wash., 1981, с. 69; FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982; FAO Production Yearbook 1982. Rome, 1983; FAO Trade Yearbook 1981. Rome, 1982; FAO Trade Yearbook 1982. Rome, 1983.

[31] Подсчитано по: *Braun J. von, Haen H. de.* The Effects of Food Price and Subsidy Policies on Egyption Agriculture. IFPRI. Wash., 1983, с. 49, 81, 83.

[32] *Камаль М.* Что изменилось в Египте.— Проблемы мира и социализма. Прага, 1984, № 3, с. 64; За рубежом. М., 1983, № 12, с. 15.

[33] Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1982, с. 30.

[34] Foreign Agriculture. Wash., 1979, vol. 17, № 16, с. 6.

[35] Там же, с. 4.

[36] *Braun J. von, Haen H. de.* The Effect of Food Price..., с. 52. Расчеты потерь осуществлены авторами на базе первичной статистической информации, предоставленной Министерством снабжения Египта, Центральным агентством общественной мобилизации и Главным банком развития и сельскохозяйствен-

ных инвестиций. В эти потери включаются потери, проистекающие из разрыва между мировой ценой на данный вид зерна и внутренней ценой свободного рынка, удерживаемой благодаря государственной политике субсидий и потребительских цен на уровне значительно ниже мирового, из разницы между ценой свободного рынка и твердой закупочной ценой, выплачиваемой по обязательным поставкам зерна, и из экономической неэффективности использования производственных ресурсов вследствие подавления экономических стимулов в хозяйственной деятельности (см.: там же, с. 48, 49).

[37] См.: там же, с. 51, 54. Показатели удельного веса обязательных поставок подсчитаны по: там же, с. 49, 83.

[38] Подсчитано по: *Scobie C. M.* Government Policy..., с. 69; FAO Production Yearbook 1981, с. 93; FAO Production Yearbook 1982, с. 105, 108; *Braun J. von., Haen H. de.* The Effect of Food Price..., с. 84.

[39] Подсчитано по: *Braun J, von, Haen H. de.* The Effect of Food Price... с. 49, 83.

[39a] Об этом, в частности, обстоятельно говорилось на Международном семинаре в Гардони (ВНР), посвященном проблемам развития сельского хозяйства и продовольственного обеспечения в развивающихся странах (октябрь 1985 г.).

[40] *Richards A.* Food Problems..., с. 13, 10. Более того, в ряде случаев отток рабочих в нефтедобывающие государства был главной причиной того, что начала приходить в упадок производственная инфраструктура земледелия. Так, в Омане и Южном Иране забрасываются подземные каналы, в Южном Йемене разрушаются на горных склонах террасы, используемые для возделывания земледельческих культур. Вполне справедливо заключение автора: «Нефтяной бум явно усилил напряженность в поставках сельскохозяйственной продукции» (там же, с. 14).

[41] Начавшийся в 80-х годах переход Шри-Ланки к «открытой» экономике, понуждаемый западными кредиторами развивающегося мира, сопровождается широкомасштабным подрывом всей системы государственного регулирования в сельском хозяйстве (в частности, путем резкого сокращения фонда государственного субсидирования средств производства). В результате в стране не складываются новые условия, при которых социальная база развития товарного производства в рисосеянии становится значительно более узкой.

[42] Agriculture Toward 2000. FAO. Rome, 1979, (C79/24. July 1979), с. 38.

[43] The Food Processing Sector in Developing Countries: Some Recent Trends in the Transfer and Development of Technology. Report by the UNCTAD Secretariat. Geneva, 1980 (TD/B/C. 6/66), с. 14.

[44] Так, только страны ЕЭС, на которые приходится треть всех закупок продовольствия арабскими государствами, обеспечили поставки в эти государства продовольственных товаров с высокой добавленной стоимостью в 1982 г.— на сумму 9 млрд. долл. (28% всего продовольственного импорта арабских стран), а в 1983 г.— на сумму более 11 млрд. долл. (свыше 31%). (См.: Syrie e monde arabe, 1983, vol 29, № 354.— Цит. по: РС. Экономика промышленности. Мировая экономика. Экономическое положение стран. ВИНИТИ. М., 1984, № 10, реф. А 58).

[45] *Richards A.* Food Problems and Prospects..., с. 8—9.

[46] Так, ислам, сыгравший весьма большую роль в формировании общественной традиционной психологии в районах своего распространения, категорически запрещает употреблять в пищу свинину. Суровый запрет на потребление говядины накладывает индуизм и некоторые другие менее распространенные религии Востока.

[47] Можно привести здесь такие цифры: с 1961—1965 по 1975—1979 гг. производство мяса крупного рогатого скота в 90 развивающихся странах, выделенных ФАО (на них приходилось 98% населения развивающегося мира), ежегодно увеличивалось на 1,75%, а производство мяса птицы — на 7,7% (Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1981, App.-table 6).

[48] Poultry Industry. By Research Bureau. Pt. I — The Economic Times. Delhi, 26.12.1977; *Ichhoponani J. S.* and *Gulia J. S.* Present and Future Feeding of Poultry in India.— Poultry Guide. New Delhi, 1981, vol. 18, № 3, с. 21.

[49] Poultry Industry. Pt. I; Indian Agriculture in Brief. 19th ed. New Delhi, 1982, с. 1, 145.

[50] Poultry Industry, Pt. I.

[51] Poultry Industry. By Research Bureau. Pt. II.— The Economic Times. 27.12.1977.

[52] Poultry Industry. Pt. I.

[53] Poultry Industry. Pt. II.

[54] Poultry Industry. Pt. I.

[55] Там же; Financial Express. Delhi. 03.06.1979.

[56] *Braun J. von, Haen H. de.* The Effects of Food Price..., с. 65—66.

[57] За рубежом. М., 1984. № 3, с. 14.

[58] Там же; Известия. 05.04.1984.

[59] Подсчитано по: Statistical Yearbook. Arab Republic of Egypt 1952—1974. Cairo, 1975, с. 4; *Braun J. von, Haen H. de.* The Effects of Food Price..., с. 85; FAO Production Yearbook 1981, Rome, с. 61.

[60] Подсчитано по: *Braun J. von, Haen H. de.* The Effects of Food Price..., с. 85.

[61] *Katouzian M. A.* Oil Versus Agriculture. A Case of Dual Resourse Depletion in Iran.— Journal of Peasant Studies. L., 1978, vol. 5, № 3, с. 356.

[62] См.: *Демин А. И.* Продовольственная проблема в современном Иране.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982, с. 178—180.

[63] О некоторых последствиях складывания продовольственного комплекса в Иране, ориентированного на удовлетворение потребностей состоятельного населения, подробнее см.: Зарубежный Восток и современность. М., 1980, т. II, с. 93—95; *Растянников В. Г.* Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки: характер основных диспропорций.— Продовольственная проблема..., с. 19, 20, 28.

[64] Consultative Group of Food Production and Investment in Developing Countries: Report on the Fourth Meeting. Wash., 1977, с. 4—5.

[65] *Kataria O. P.* Status and Scope of Wheat Production in Nigeria.— AMA Agricultural Mechanization in Asia, Africa and Latin America. Tokyo, 1983, vol. 14, № 3, с. 75, 76; Monde Diplomatique. P., 1980, № 5.

[66] Пример Египта показывает, что даже при регулируемой государством системе снабжения населения основными продуктами питания могут возникать ситуации (при недостаточном импорте кормового зерна), когда местные цены свободного рынка на фуражную кукурузу (урожай этой культуры в наибольшей своей части потребляется в животноводческом хозяйстве) вызывают в сельской местности повышательную динамику цен на пшеницу (зерно которой замещает нехватку концентрированных кормов), ухудшая тем самым продовольственное положение бедных людей (см.: *Braun J. von., Haen H. de.* The Effects of Food Price and Subsidy Policies..., с. 49, 67).

[67] *Ichhoponani J. S.* and *Gulia J. S.* Present and Future Feeding..., с. 21.

[68] Поистине разрушительное влияние испытывают хрупкие системы продовольственного обеспечения бедных людей, когда непосредственный регулятор движения цен на потребляемое ими продовольствие выносится за пределы национальных границ, перемещаясь в страны центров МКХ. Хрестоматийный пример — вытеснение производства бобов, традиционной основы питания больших масс бразильского населения, производством сои. Французский исследователь Мишель Боске рассказывает: «Дело в том, что выращивание, например, сои для наших коров крупным бразильским землевладельцам выгоднее, чем выращивание фасоли для бразильского населения. А поскольку «покупательная способность» наших коров выше, чем у бедных бразильцев, то и соя в Бразилии столь подорожала, что треть населения не может больше позволить себе роскошь покупать ни соевые бобы, ни соевое масло. Это отлично доказывает, что гарантировать развивающимся странам «справедливые цены» за их экспортные сельскохозяйственные продукты еще недостаточно. Сравнительно высокие цены, которые мы гарантируем, могут лишь усугубить голод в развивающихся странах, стимулируя производство нужных нам товарных культур и ускоряя разорение и вытеснение мелких сельских хозяев

крупными землевладельцами, ведущими механизированное земледельческое хозяйство» (Nouvelle Observateur. P., 17.10.1981).

[69] *Richards A.* Food Problems and Prospects..., с. 9.

Глава II

[1] *Ленин В. И.* Проект программы нашей партии.— Полное собрание сочинений. Т. 4, с. 218—219.

[2] The World Food Situation: Problems and Prospects to 1985. Vol. 1. Dobbs Ferry, 1976, с. 112, 162—176; *Lloyd L. E.* a. o. Fundamentals of Nutrition. San Francisco, 1978, с. 379, 406.

[3] The Fourth World Food Survey 1977. FAO. Rome, 1977, с. 127—128.

[4] Food Supply and Distribution in Asia and the Pacific: Medium Term Outlook and Regional Co-operation. ESCAP. Bangkok, 1982, с. 43.

[5] The Economic Times, New Delhi. Special Survey. 21.01.1981.

[6] *Ким Г. Ф.* От национального освобождения к социальному. М., 1982, с. 92.

[7] Их краткое изложение см.: Pakistan Economic Developments and Prospects. Document of World Bank. South Asia Regional Office. April 10, 1981, с. 84.

[8] Результаты эргономических исследований даны по материалам Пятого международного эргономического симпозиума. См.: Ergonomics in Tropical Agriculture and Forestry. Wageningen, 1979, с. 18—27, 81—87.

[9] Ergonomics in Tropical Agriculture..., с. 27.

[10] См., например, помесячное движение цен на рис в деревнях Бангладеш: Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1975. ESCAP. Bangkok, 1976, с. 104.

[11] *Demoulin F.* et *Chamla M. C.* Données biometriques en rapport avec l'état nutritionel d'une population adulte rurale d'Afrique du Nord (Algérie, Aurès).— Anthropologie. P., 1978, t. 82, № 2, с. 250—253.

[12] *George S.* Now the Other Half Dies: A Real Reason for World Hunger. Montclair, 1977, с. 143—155.

[13] *Cheetham R. J., Haukins E. K.* The Philippines: Priorities and Prospects for Development. IBRD. Wash., 1977, с. 271.

[14] Там же.

[15] *Carloni A. S.* Sex Disparities in the Distribution of Food Within Rural Households.— Food and Nutrition. FAO. Rome, 1981, vol. 7, № 1, с. 4.

[16] Proceedings of the 9th International Congress of Nutrition. Mexico. 1972. Vol. 2. Basel e. a., 1975, с. 18.

[17] *McHale M. C. a. o.* Children in the World. Wash., 1979, с. 52—59.

[18] *Cravioto J.* et de *Licardie E. R.* La malnutrition chez l'enfant — les répercussions sur l'individu et la collectivité.— Tiers-Monde. P., 1975, t. 16, № 63, с. 529.

[19] Prevention in Childhood of Health Problems in Adult Life. WHO. Geneva, 1980, с. 44.

[20] *Cravioto J.* et de *Licardie E. R.* La malnutrition chez l'enfant..., с. 533—540.

[21] Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1982. U. N. Bangkok, 1983, с. 172.

[22] Government of India. Economic Survey 1981—1982. Delhi, 1982, с. 27.

[23] *Энгельс Ф.*— Н. Ф. Даниельсону. 22 сентября 1892 г.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 38, с. 400.

[24] Sixth Five Year Plan 1980—1985. Planning Commission. Delhi, 1981, pt. Objectives and Strategy.— § 19, 22.

[25] *Nadkarni M. V.* Technology Transfer, Employment and Agricultural Development in India (mimeo) (доклад на советско-индийском симпозиуме «Передача научно-технических знаний и независимое национальное развитие». Ташкент. Октябрь 1979), с. 10.

[26] Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1982, с. 174.

[27] Например, в четырех рассмотренных странах Южной Азии продовольственные субсидии поглощали следующую часть бюджетных поступлений государства (Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1982, с. 174):

	1973 г.	1975 г.	1977 г.	1979 г.	1981 г.
Бангладеш	27	16	7	6	5
Индия	3,6	2,4	3,7	4,3	3,5
Пакистан	11	19	5	9	4
Шри Ланка	17	24	21	22	11

[28] Государственные запасы зерна достигли беспрецедентной величины в середине 1979 г.— 21 млн. т (на них приходилось примерно 47% всей массы товарного зерна в стране), и даже после удовлетворения неотложных нужд, возникших в связи с тяжелым неурожаем зерна в 1979/80 г., они все еще составляли — в конце 1980 г.— 12 млн. т. В 1981/82 и 1982/83 гг. переходящие запасы зерна, сосредоточенные у государства, составляли 11 млн. т, в декабре 1983 г. они достигали 15 млн. т (см.: Government of India. Economic Survey 1981—82, с. 34; Government of India. Economic Survey 1983—84. New Delhi, 1984, с. 40).

[29] В периоды кризисных ситуаций, вызываемых такими неурожаями, государство, выбрасывая на рынок из своих резервов более значительное количество зерна и реализуя основную его часть по твердым ценам, стремится добиться двух целей: во-первых, поддержать равновесие (через контролируемый им рынок) между общественной потребностью в зерновой продукции и наличной массой такой продукции и, во-вторых, блокировать инфляционный рост зерновых цен и тем самым приглушить «эффект резонанса», неизбежно проявляющийся и в динамике цен других товаров. ЭСКАТО, касаясь результатов смягчения последствий неурожая, постигшего страны, входящие в компетенцию Комиссии, в 1979/80 г., отмечала: «Вообще говоря, субсидирование цен, подкрепляемое увеличением импорта и/или сокращением (государственных.— Авт.) запасов, было основным инструментом фискальной политики, использованным развивающимися странами района, с тем чтобы ослабить взвинчивание продовольственных цен во время последнего (1979/80 г.— *Авт.*) неурожая. И такая политика была вполне оправданна — не просто потому, что цены на продовольственные товары в развивающихся странах вообще имеют особенно большое значение для бюджета потребителя, но и потому, что тенденция продовольственных цен к повышению сообщает большой импульс (всеобщему.— *Авт.*) росту цен» (Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1982, с. 177).

[30] См.: Government of India. Economic Survey 1981—82, с. 119; Government of India. Economic Survey 1983—84, с. 93.

[31] В 1982/83 г. национальных ресурсов зерна оказалось в Индии уже недостаточно, чтобы создать резервный фонд в объеме, необходимом для ликвидации последствий самой жестокой за последние десять лет засухи и вызванного ею неурожая. Для пополнения государственных запасов зерна в 1983 г. было импортировано 3,7 млн. т зерна, основная же масса этих запасов была, как и прежде, обеспечена за счет внутренних закупок зерна (15,6 млн. т) (см.: Government of India. Economic Survey 1983—84, с. 94).

[32] См.: *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 132.

[33] The Social and Economic Implications of Large Scale Introduction of New Varieties of Foodgrain: Summary of Conclusion of a Global Research Project. Geneva, 1974, с. 25.

[34] «Основная проблема голода в современном мире не недороды (и обусловленные ими.— *Авт.*) смерти от голода, а менее драматическая проблема хронического недоедания».— Overcoming World Hunger: The Challenge Ahead. Report of the Presidential Commission of World Hunger. March 1980. Wash., 1980, с. 16.

[35] В советском обществоведении имеются различные интерпретации разрабатываемой учеными-марксистами концепции «зависимого капиталистического развития», существуют различия и в оценке действенности этой концепции как инструмента познания общественно-экономического процесса в развивающемся мире и места этого последнего процесса в глобальных процессах

развития (см., например: *Симония Н.* Диалектика взаимосвязей.— Мировая экономика и международные отношения. М., 1985, № 3, с. 127—129; Капитализм в Латинской Америке. Очерки генезиса, эволюции и кризиса. М., 1983, с. 3—22. Весьма подробно спектр интерпретаций концепции изложен в обзоре дискуссии «Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке?» — см.: Латинская Америка. М., 1979, № 1, 2. Краткое изложение различий во взглядах сторонников концепции см.: *Растянников В. Г.* Проблемы современной латиноамериканистики. К выходу в свет книги «Капитализм в Латинской Америке. Очерки генезиса, эволюции и кризиса».— Латинская Америка. 1984, № 9). Здесь, как и при других упоминаниях данного понятия в настоящей книге, имеются в виду разработанные в рамках концепции представления о закономерностях, присущих именно периферийному (в пределах МКХ) типу социально-экономического процесса, т. е. проявляющихся в деформациях, порождаемых капиталом в условиях зависимости и отсталости.

Глава III

[1] В развивающихся странах региона Ближнего Востока системы интенсивного земледелия стали наиболее активно формироваться с 70-х годов, в результате факторы интенсивного роста стали обеспечивать подавляющую часть прироста сборов зерновых культур. Процесс интенсификации земледелия происходил, однако, крайне неравномерно по отдельным странам. Наиболее далеко он продвинулся в Турции, на которую ныне приходится весьма значительная доля общего прироста зерновых культур региона.

[2] *Пуляркин В. А.* Проблемы взаимодействия общества и природной среды в развивающихся странах.— Природная среда и хозяйственная деятельность человека в развивающихся странах. М., 1977, с. 26.

[3] Например, в Египте только по этой причине ежегодно изымается из сельскохозяйственного использования площадь пашни, равная территории столичного округа США — Колумбии (15 800 га). В Индии с 1970 по 2000 г. прогнозируется увеличение площади земель, используемых в несельскохозяйственных целях, с 16,2 млн. до 26,0 млн. га (*Brown L. The* Worldwide Loss of Cropland. Wash., 1978, с. 13; Foreign Agriculture. Wash., 01.01.1979, с. 3).

[4] В частности, демографический пресс способствует дальнейшему дроблению хозяйственной площади мелкого крестьянства, в результате возникают все новые массы псевдосамостоятельных хозяйственных единиц, опирающиеся на традиционные формы труда, в пределах прежнего пространства.

[5] Например, в Индии уже к началу 70-х годов эрозией различных видов было охвачено 58% всей пахотной площади. В Пакистане процессам заболачивания и засоления подвержено 85% всех поливных земель (11 млн. га из 13 млн.), при этом ежегодно выпадает из обработки 24—50 тыс. га. Теми же процессами охвачено свыше 50% поливных земель в долинах Евфрата и Тигра (Ирак и Сирия). В Египте засолению подвержено около 33% старых поливных земельных площадей и огромные площади вновь освоенных земель. Список примеров такого рода неисчерпаем (*Пуляркин В. А.* Экономико- географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. М., 1976, с. 67—68; *Сдасюк Г. В.* Индия. География хозяйства. М., 1975, с. 49; Mazingira. Oxford, 1979, № 11, с. 13).

[6] Так, в условиях острого дефицита земельных ресурсов необыкновенно быстро происходит уничтожение лесов, играющих важную роль в сохранении природного равновесия. Уже к настоящему времени площадь лесов сократилась ниже предельно необходимой нормы. В Индии, например, лесной покров должен составлять 33% территории страны. В действительности на леса приходится лишь немногим более 20% земельного фонда. В плотнонаселенной гангской долине леса покрывают всего 0,35% площади Западной Бенгалии, 2% площади Уттар-Прадеша. На Филиппинах, по данным аэрофотосъемки, менее пятой части территории страны покрыто лесами, а до недавнего времени этот показатель оценивался в 35—50% (*Eckholm E. P.* Lousing Ground: Environmental Stress and World Food Prospects. Oxford, etc., 1978, с. 43, 44, 133; The State of Food and Agriculture 1977. FAO. Rome, 1978, с. 3—25).

Обезлесение территорий и распашка крутых склонов вызывают эрозию почв, принявшую во многих странах Азии катастрофический размах. В итоге почва теряет свое плодородие, снижается ценность земельного фонда. Интенсивные эрозионные процессы приводят к росту потока твердых веществ со склонов и, следовательно, к изменению гидрологического баланса водотоков. Увеличивается частота наводнений и засух (подробнее см.: *Dahlberg K. A.* Beyond the Green Revolution. The Ecology and Politics of Global Agricultural Development. N. Y., L., 1979, с. 83, 90).

[7] Например, масса инвестиций, требующаяся для введения в хозяйственный оборот каждой новой единицы земельной площади и ресурсов воды, как правило, не сокращается, а увеличивается.

[8] *Dalrymple D. G.* Development and Spread of High-Yielding Varities of Wheat and Rice in the Less Developed Nations. Wash., 1978, с. 125.

[9] FAO. Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1976, № 2, с. 3.

[10] *Миронова Е. И.* Этапы «зеленой революции».— Индия 1981—1982. Ежегодник. М., 1983, с. 72, 73.

[11] Для иллюстрации масштабности задач приведем следующие данные: численность гибридных сортов риса в настоящее время исчисляется десятками, а в традиционном хозяйстве, например, Индонезии насчитывается 600 основных сортов этой культуры, созданных на протяжении веков и приспособленных к разнообразным местным условиям (*Пуляркин В. А.* Процессы трансформации традиционного сельского хозяйства на современном этапе. Современные проблемы географии развивающихся стран. М., 1979, с. 114).

[12] *Sanderson F. H., Roy Sh.* Food Trends and Prospects in India. Wash., 1979, с. 75.

[13] FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, vol. 32, с. 57.

[14] Foreign Agriculture Circular. Grains. Wash., 1979, № 25, с. 11.

[15] Цит. по: *Oram P., Zapata J., Alibarnho J. G., Roy Sh.* Investment and Input Requirement for Accelerating Food Production in Low-Income Countries by 1990. Wash., 1979, с. 54.

[16] Цит. по: Продовольственная проблема в современном мире. М., 1983, с. 22.

[17] FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1976, № 2, с. 7.

[18] Дефицит минеральных удобрений в развивающихся странах Азии оценивался в 1974 г. в 1,0—1,5 млн. т, что, по некоторым подсчетам, послужило причиной уменьшения производства зерна на 5—6 млн. т (*Barker A., Herdt R.* Price, Production 1973/74 and the Impact of the Fertilizer Shortage for 1974—75.— World crops. L., 1974, vol. 26, № 6, с. 259—260). По оценкам правительства Индии, нехватка 1 млн. т горючего в период энергетического кризиса должна была отразиться на поливе более 2,5 млн. га площадей зерновых, что означало сокращение производства последних на 5 млн. т (Intergovernmental Meeting on the Impact of the Current Energy Crisis on the Economics of the ESCAP Region. Bangkok, 1977, с. 146).

[19] См.: *Миронова Е. И.* Этапы «зеленой революции», с. 74; CIMMYT Report on Wheat Improvement. Mexico: Centro International de mejoramiento de maiz y trigo, 1979, с. 224.

[20] Под впечатлением успехов первых лет «зеленой революции» правительства многих стран региона сочли возможным сократить долю сельского хозяйства в общей сумме государственных капиталовложений. (См.: Rural Asia: Challenge and Opportunity. Asian Development Bank. N. Y.; L., 1978, с. 402—404, 406.) Ухудшение продовольственного положения в первой половине 70-х годов подтвердило необходимость финансирования отрасли в течение продолжительного периода времени.

[21] Из-за отсутствия достаточно густой сети распределительных каналов ирригационные системы обслуживали лишь часть своих потенциальных поливных площадей. В Индии, например, до 45% площадей, обеспеченных возможностями искусственного орошения, полностью не использовались. В Таиланде к середине 70-х годов в сухой сезон орошалось 144 тыс. га земель, в то время как потенциал семи главных плотин был достаточен для орошения

800 тыс. га (*Толоконникова А. А.* Водные ресурсы Индии и проблемы ирригации.— Ресурсы экономического развития стран Азии и Северной Африки. М., 1979, с. 109; *Brannon R. N.* The Agricultural Sector in Thailand: a Brief Assessment. Lexington, 1978, с. 24).

[22] См.: Всемирная продовольственная конференция. Рим, 1974: Всемирная продовольственная проблема. Предложения относительно действий национального и международного характера.— Пункт 9 предварительной повестки дня. Нью-Йорк.

[23] В Индии в настоящее время функционируют 30 центров и исследовательских институтов под руководством Индийского совета сельскохозяйственных исследований, 21 сельскохозяйственный университет, 52 общеиндийских координационных исследовательских проекта развития земледелия (*Sarma I. S.* India — a Drive Towards Selfsufficiency in Food Grain.— American Journal of Agricultural Economics. Lexington, 1979, vol. 60, № 5, с. 863).

[24] Rural Asia: Challenge and Opportunity, с. 88.

[25] Там же, с. 85.

[26] *Шаркань П.* Мировая продовольственная проблема. М., 1982, с. 65.

[27] *Толоконникова А. А.* Водные ресурсы Индии..., с. 110.

[28] См., например: Grean Revolution? Technology..., с. 327—335.

[29] *Gasser W. R.* Survey of Irrigation on Eight Asian Nations: India, Pakistan, Thailand. Bangladesh, South Korea, Philippines and Sri Lanka, Wash., 1981, с. V, 23, 42, 43.

[30] *Eckholm E. P.* Lousing Ground..., с. 122, 130.

[31] FAO Trade Yearbook 1982. Rome, 1983, vol. 36, с. 337, 340, 345.

[32] *Somani K. K.* Food and Fertilizers.— The Economic Times. Delhi, 04.03.1980.

[33] *Ленин В. И.* Аграрный вопрос и «критики Маркса».— Полное собрание сочинений. Т. 5, с. 101.

[34] Подробнее см.: *Растянников В. Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 284, 285.

[35] Экономика Индии: общая характеристика. М., 1980, с. 148, 149.

[36] Примером социально-избирательного характера «зеленой революции» в силу сопровождающего ее риска может служить различная реакция у разных социальных групп сельских производителей на повышение цен на средства интенсификации в период энергетического кризиса 1973—1975 гг. В условиях изменения соотношения цен на сельскохозяйственную продукцию и средства производства в ущерб аграрному сектору большинство крестьянских хозяйств, как уже отмечалось в § 2, вынуждено было отказаться от применения в прежних масштабах удобрений и ядохимикатов. Это происходило и в тех случаях, когда доход покрывал издержки производства. Лишь наиболее состоятельные хозяйства сохранили прежний размер и структуру инвестиций (см., например: *Bhatty J. Z.* The Impact of the Price in Petrolium Based Agricultural Inputs on the Production of Wheat and Rice in India. New Delhi. L., 1976).

[37] См., например: *Biggs S.* Le paysan et la recherche.— Ceres. Rome. 1980, vol. 13, № 4, с. 23—26; *Clay E.* The Economics of the Bamboo Tubewell.— Ceres. 1980, vol. 13, № 3, с. 43—47.

[38] Прирост потребления современных средств производства в группе мелких хозяйств может быть недостаточным для перехода к новым, более продуктивным системам земледелия. При этом закономерно, что увеличение урожайности продовольственных культур не превышает пределов, присущих традиционным системам хозяйствования.

[39] *Гусаков И. П.* Проблемы интенсификации сельского хозяйства Индии. Автореф. дис. канд. экон. наук. М., 1980, с. 7.

[40] Эти экологические нарушения редко учитываются. Между тем они уже весьма серьезны. Так, истощением пахотных земель оборачивается возделывание высокоурожайных гибридных сортов зерновых без применения в необходимых дозах химических удобрений. Неблагоприятные изменения особенно ощутимы при практике двух урожаев в год. Применение средств механизации для обработки полей без соответствующего оборудования приводит к потере способности почвы удерживать дефицитную влагу. Если потребление

минеральных удобрений в сухой сезон происходит без достаточного орошения, они накапливаются в почве, что ухудшает ее физические свойства.

[41] Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980; *Барышникова О. Г.* «Зеленая революция» на Филиппинах.— Развивающиеся страны и «зеленая революция». М., 1974, с. 156, 157.

[42] Подробнее см., например: *Панарин С. А.* Неимущие слои деревни развивающихся стран Азии и Северной Африки в системе новых сельских общественных институтов (кооперативы, организации общинного развития, органы местного самоуправления). Автореф. дис. канд. ист. наук, М., 1982, с. 8, 9.

[43] См.: *Александров Ю. Г.* Современная Индонезия. Аграрная политика 1965—1975 годов. М., 1977, с. 112, 113. *Hayami Y.* Anatomy of a Peasant Economy. A Rice Village in the Philippines. Los Baños, 1978, с. 32—35.

[44] Так, интенсивное вымывание из почв химических средств повышения урожайности влечет за собой гибель фауны водотоков и рисовых полей, являющейся важной статьей питания сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян (*Perelman M.* Farming for Profit in a Hungry World: Capital and the Crisis. Montclair (New Jersey). 1979, с. 157; Развивающиеся страны: природа и человек. М., 1981, с. 46).

[45] Были использованы материалы таких двух основательных обследований бюджетных и ресурсных ситуаций пенджабских хозяйств: Studies in the Economics of Farm Management in the Punjab. Combined Report 1954/55—1956/57. Delhi, 1963; Studies in the Economics of Farm Management in Ferozepur District (Punjab). Report for the Year 1969/70. Delhi, 1973. Обследования были проведены агроэкономическим центром Пенджаба (первое) и Пенджабским сельскохозяйственным университетом (второе) по единой методике — по заказу Министерства сельского хозяйства Индии. Первое обследование охватило два округа — Фирозпур и Амритсар, весьма близкие по всем основным параметрам. Поэтому данные обоих обследований достаточно сопоставимы (в приведенных ниже таблицах, построенных на показателях этих обследований, когда позволяли условия, приводились отдельно данные по округу Фирозпур).

[46] Indian Agriculture in Brief. New Delhi, 19th ed., 1982, с. 185, 225.

[47] *Ленин В. И.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 192.

[48] К такому выводу, в частности, пришла индийский социолог Индира Раджараман, исследовавшая проблемы роста нищеты в пенджабской деревне в 1961—1971 гг. (см.: *Rajaraman I.* Poverty, Inequality and Economic Growth: Rural Punjab, 1960/61—1970/71.— Journal of Development Studies. L., 1975, vol. 11, № 4, с. 278—290).

[49] Подсчитано по: Rural Labour Enquiry 1974—75. Final Report on Wages and Earnings of Rural Labour Households. Chandigarh, 1980, с. 18, 19, 22, 62.

[50] *Sidhu D. S.* Socio-Economic Implications of Rapid Agricultural Growth-the Experience of Punjab. Ludhiana. 1982 (Indo-USSR Symposium an Agricultural Productivity. Dushanbe, May 11—13, 1982), с. 8 (MIMEO); Financial Express. 05.05.1981.

[51] Far Eastern Economic Review. Hong kong. June 30, 1978, с. 41; Financial Express. 05.05.1981; *Sidhu D. S.* Socio-Economic Implications..., с. 4.

[52] В нижеследующих сопоставлениях ситуаций за различные периоды, представленных в табличном материале, мы использовали не только натуральные показатели производительности труда (величина выхода продукта в натуре за единицу времени), но и стоимостные показатели (цена продукта, произведенного в единицу времени); но при этом нужно помнить, что за сравниваемые периоды (середина 50-х — рубеж 70-х годов) индекс сельскохозяйственных цен увеличился примерно в два раза. Если учесть это обстоятельство, мы обнаружим весьма большую согласованность между всеми элементами системы показателей, характеризующей производительность труда.

[53] Подсчитано по: Agricultural Situation in India. Delhi, 1963 vol. 18, № 1, с. 7.

[54] Indian Agriculture in Brief. New Delhi, 7th ed.. 1966, с. 53; 17th ed.,

1979, с. 51; 19th ed., 1982, с. 142—143; *Sidhu D. S.* Socio-Economic Implications..., с. 4, 13.

[55] В середине 70-х годов в механизации земледелия произошла некоторая заминка, вызванная тормозящим воздействием энергетического кризиса этих лет на инвестиционный процесс в аграрной сфере развивающегося мира.

[56] Цит. и подсчитано по: Indian Agriculture in Brief 19th ed., с. 143, 185, 237; Agricultural Mechanization in Asia. Tokyo, 1979, vol. 10, № 4, с. 31.

[57] Indian Agriculture in Brief. 7ht ed., с. 97; 17th ed., с. 94, 95; 19th ed., с. 256.

[58] Подробнее см.: Зарубежный Восток и современность. Т. 2, с. 17—19.

[59] Committee for Development Planning. Report on the Sixth Session (5—15 January 1970). UN. N.Y., 1970, с. 11 (E/4776).

[60] *Grewal S. S., Sharma J. L.* Regional Disparities in Farm Costs and Returns in Punjab.— Agricultural Situation in India. Vol. 36, 1982, № 11, с. 797—801.

[61] Это подтвердило специальное обследование, проведенное центром регионального развития Университета им. Джавахарлала Неру (под руководством Г. С. Бхалла) (см.: Business Standard. 08.03.1982).

[62] Цит. и рассчитано по: *Hewitt de Alcantara C.* Modernizing Mexican Agriculture: Socio-Economic Implications of Technological Change 1940—1970. Geneva, 1976, с. 160, 167; The Social and Economic Implications of Large-Scale Introduction of New Varieties of Foodgrain: Summary of Conclusions of a Global Research Project. Geneva, 1974, с. 23.

[63] *Hewitt de Alcantara C.* Modernizing..., с. 247.

[64] Там же, с. 247, 252.

[65] The Social and Economic Implications..., с. 23.

[66] Hewitt de Alcantara C. Modernizing..., с. 254.

[67] *Rajaraman I.* Poverty... с. 283—285.

[68] *Маркс К.* Капитал. Т. I.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 657.

[69] *Rajaraman I.* Poverty..., с. 284, 285.

[70] Косвенно об этом свидетельствуют такие данные: если в 1968/69—1970/71 гг. на оплату наемного труда затрачивалось в Пенджабе в среднем 4 рупии на каждый произведенный центнер пшеницы, то в 1976/77—1977/78 гг. этот показатель сократился до 3,3 рупии. Среднегодовой темп падения таких затрат составлял за девять указанных лет 2,3% (подсчитано по: *Tara Nair.* Farm Labour: Green Revolution or Mirage? — Financial Express. Delhi. 30.11.1980).

[71] Расчеты, проведенные на базе показателей реальной дневной заработной платы, приводимых Д. С. Сидху, свидетельствуют, что в Пенджабе такая оплата, получаемая сельскохозяйственными рабочими-мужчинами, сокращалась в 1969/70—1979/80 гг. на 0,7% в год. По данным же статьи Тара Наира, среднегодовой темп снижения реальной заработной платы в земледелии штата составлял за то же десятилетие 1,9%. В соседнем штате Хариана, взявшем бурный старт в развитии интенсивного капиталистического хозяйства уже в 70-х годах, ситуация не намного отличалась от пенджабской: здесь реальная дневная заработная плата сельскохозяйственных рабочих-мужчин за указанное десятилетие сокращалась на 1,3% в год. В пересчете же на зерновой (пшеничный) эквивалент (он осуществлен Министерством сельского хозяйства Индии) заработная плата рабочих в штате (где ее ставки в полтора-два раза ниже пенджабских) несколько возросла: за период 1970—1979 гг. она увеличивалась в среднем на 2,2% в год; в 1979 г. размер платы за день труда был равен цене 8,64 кг пшеницы (*Sidhi D. S.* Socio-Economic Implications..., table 2; *Tara Nair.* Farm Labour...; Agricultural Situation in India, 1982, vol. 37, № 9, с. 576). При вычислении среднегодового темпа изменения (рост или снижение) приведенных показателей был использован сплошной ряд значений этих показателей за обозначенное количество лет. Вычисления проводились путем выравнивания по экспоненте значений приведенных показателей на указанных временных отрезках с применением метода регрессии. То же относится и к примечанию 70.

[72] Рассчитано по: *Tara Nair.* Farm Labour... В действительности за десятилетие сокращение реального дохода, получаемого сельскохозяйственными рабочими, было значительно меньшим. Середина 70-х годов — время, когда на развитии интенсивного хозяйства в странах Востока со всей силой отразились губительные последствия первой волны энергетического кризиса десятилетия. К концу десятилетия положение выровнялось, и это способствовало частичному восстановлению (или даже некоторому повышению) ставок заработной платы в земледелии.

[73] *Thukral G.* Pauperisation of Punjab Peasantry.— Financial Express. 05.05.1981. Можно упомянуть и о росте земельного голода в Пенджабе. Косвенно об этом свидетельствуют данные о сокращении величины площади сельскохозяйственных угодий, приходящейся на одного занятого в земледельческом производстве: этот показатель уменьшился с 2,23 га в 1961 г. до 1,75 га в 1971 г., а в 1981 г. он сократился почти до половины этой величины (см. там же). Совершенно ясно, что без развития интенсивного хозяйства, позволившего на первых (трудоемких) этапах его становления вовлечь в производство часть усиленно формировавшейся в 60-х и 70-х годах «избыточной» рабочей силы, пауперизм в Пенджабе к 80-м годам принял бы совсем иные масштабы.

[74] См.: Business Standard. 08.03.1982.

[75] *Thukral G.* Pauperisation...

[76] Там же.

[77] *Бороздина Р. И.* Аграрная реформа в Мексике. М., 1976, с. 120.

[78] *Бассольс Баталья А.* Экономическая география Мексики. М., 1981, с. 176, 180.

[79] *Brown L. R.* The Social Impact of the Green Revolution. N. Y., 1971, с. 18, 19.

[80] Р. И. Бороздина следующим образом описывает такую модель: «В целом структура сельскохозяйственного производства в стране характеризуется наличием двух полярных секторов: современного товарного, концентрирующегося в основном в районах поливного земледелия с высоким уровнем производительности труда, механизации и доходов, и традиционного, для которого характерны слабая механизация или ее отсутствие, устаревшие приемы агротехники, низкая производительность труда. Именно современный сектор дает основную долю товарной продукции» (*Бороздина Р. И.* Аграрная реформа... с. 121). Формированию такой структуры сельского хозяйства активно способствовало государство, выделяя для зон поливного земледелия, например в 70-х годах, основную часть своих сельскохозяйственных инвестиций. Большая неравномерность наблюдалась и в распределении государственных кредитов в этой отрасли экономики. Одна треть этих кредитов приходилась на Северо-Запад страны (Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981, с. 255).

[81] Например, в начале 80-х годов 75% всех посевов пшеницы и 85% ее сбора было сосредоточено в шести штатах (из тридцати двух имеющихся), при этом 34,6% посевной площади под этой культурой приходилось лишь на один штат — Сонора (см.: Review on Economic Situation in Mexico. 1983, vol. 59, № 696, с. 354—359).

[82] См.: Продовольственная проблема и сельское хозяйство..., с. 249—252.

[83] Изменения зависимости, например, зернового обеспечения Мексики от поставок зерна из-за рубежа наглядно можно проследить по показателям динамики сальдо внешней торговли пшеницей (составлено и подсчитано по: *Hewitt de Alcantara C.* Modernizing Mexican Agriculture: Socio-Economic Implications of Technological Change 1940—1970. Geneva, 1976, с. 110, 111; Review of Economic Situation in Mexico. 1983, vol. 59, № 696, с. 354—359; Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981, с. 248; %, «плюс» — удельный вес чистого экспорта в национальных сборах, «минус» — удельный вес чистого импорта в национальном потреблении)

1945—1949	—39,8	1965—1969	+13,1
1950—1954	—33,0	1970—1975	—15,0
1955—1959	—1,6	1976—1981	—29,2
1960—1964	+6,9		

Динамика абсолютных показателей выглядит не менее впечатляюще. Если в первой половине 70-х годов чистый импорт пшеницы не достигал и 0,4 млн. т в год, то в 1976—1981 гг. он превысил 1 млн. т в год (при средних сборах пшеницы в 1977—1979 гг. менее 2,5 млн. т).

[84] Волнообразное развитие в исторической ретроспективе этих процессов весьма точно отражает динамика показателей душевого потребления продовольствия (см.: Продовольственная проблема и сельское хозяйство..., с. 256).

[85] Там же, с. 257—258.

[86] См.: Agricultural Situation in India, 1982, vol. 37, № 9; 1981, vol. 35, № 10; 1973, vol. 28, № 4; Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956, с. 23.

[87] Подсчитано по: Indian Agriculture in Brief. 19th ed., с. 300.

[88] Подсчитано по: Government of India. Economic Survey 1983-84, с. 93.

[89] Там же.

Глава IV

[1] *Гошал К.* Народ в колониях. М., 1949, с. 153.

[2] *George S. Pretace, Ball N.* World Hunger: A Guide to the Economic and Political Dimensions. Santa Barbara, 1981, с. XVII.

[3] *Zachar G. A* Political History of Food for Peace. N. Y., 1977, с. 5.

[4] Там же, с. 7.

[5] Activities under PL—480. Message from the President of the USA. 84th Congress. H. R. Document № 62. Wash., 1955, с. 4; *Stanley R.* Food for Peace. N. Y., 1973, с. 59.

[6] U. S. Food Statistization and Foreign Commercial and Food Aid Demands. Wash., 1974, с. 66.

[7] Подсчитано по: Foreign Agricultural Trade of the United States. Wash., 1979, January, с. 57; 1979, June, с. 88, 90, 93.

[8] Aid to Agriculture in Developing Countries. OECD. P., 1968, с. 11, 17.

[9] *Kriesberg M.* International Organizations and Agricultural Development. Wash., 1981, с. 5.

[10] Соответствующая поправка к Закону 480 была принята в 1968 г. с целью завершить процесс перехода к долларовой оплате к концу 1971 г. Однако для марионеточного южновьетнамского режима было сделано исключение, чем объясняется сохранение некоторого объема платежей в местной валюте в 1971/72, 1972/73, 1973/74 гг. После поражения Южного Вьетнама все поставки в развивающиеся страны американского продовольствия по статье 1 стали оплачиваться в долларах.

[11] Foreign Agricultural Trade of the United States. Wash., 1979, January, с. 57; 1979, June, с. 90—95; American Foreign Food Assistance. PL—480 and Related Materials. Wash., 1976, с. 341.

[12] *McGovern G.* War on Want. N. Y., 1964, с. 34.

[13] Так, в 1969 г. был подписан контракт между южнокорейскими и американскими фирмами о строительстве и использовании мощностей для производства кормов и выпуска животноводческой и птицеводческой продукции. Южнокорейская сторона использовала при сооружении этих предприятий средства, полученные от продаж по Закону 480. Как отмечалось в 1972 г. в ежегодном отчете о продовольственной помощи США, деятельность «этих фирм способствовала внедрению американской технологии и была главным фактором резкого расширения... импорта Кореей (Южной.— *Авт.*) американской кукурузы, соевой муки, племенного скота, сырья, материалов и оборудования» (PL—480 Annual Report 1972, Wash., 1973, с. 15).

[14] PL—480 Annual Report 1972. Wash., 1973, с. 17—18.

[15] Так, если в 1961—1964 гг. среднегодовой объем помощи для развития сельского хозяйства, поступавшей в освободившиеся страны от Международной ассоциации развития, составлял 33 млн. долл., то в 1969—1971 гг.— уже 185,3 млн. долл. Общий же объем дву- и многосторонней помощи развитых капиталистических государств сельскому хозяйству развивающихся стран вырос к 1973 г. до 2 млрд. долл. (подсчитано по: International Development Association. Wash., 1978, April, с. 42; Development Co-operation Review 1975. OECD. P., 1975, с. 91).

[16] The State of Food and Agriculture 1966. FAO. Rome, 1967, с. 46.

[17] International Bank for Reconstruction and Development. Annual Report. Wash., 1970, с. 9.

[18] Подсчитано по: International Development Association. Wash., 1978, April, с. 42; Development Cooperation Review 1975. OECD, P., 1975, с. 91.

[19] The State of Food and Agriculture 1980, FAO. Rome, 1981, с. 179.

[20] Assault on World Poverty. Problems of Rural Development, Education and Health. Baltimore, 1975, с. 3.

[21] *Lyman P. N., French J. T.* Political Results of Land Reform. L., 1970. Цит. по: *Judelman M.* et al. Technical Change in Agriculture and Employment. L., 1971, с. 55.

[22] *Latham M. C.* National Food and Nutrition Policy and Programs for Developing Countries. Ithaca, 1979, с. 8.

[23] The Political Economy of Rural Development. Peasants, International Capital and the State. Albany, 1981, с. 99.

[24] Food Supply and Distribution in Asia and Pacific. ESCAP. Bangkok, 1982, с. 179.

[25] The State of Food and Agriculture 1981. FAO. Rome, 1982, с. 51.

[26] *Berg A.* The New Need: Nutrition-Oriented Food Policies.— Food Policy. Guilford, 1981, vol. 6, № 2 с. 118.

[27] Le Courrier. P., 1979, № 58 (special), с. 21—23.

[28] Подсчитано по: Development Co-operation Review 1982. OECD. P., 1982, с. 230—231.

[29] В 1975 г. был принят ряд поправок к Закону 480. Суть их состояла в том, что по крайней мере 75% объема продовольственной помощи по статье 1 Закона 480 должно представляться странам с ежегодным доходом на душу населения не более 800 долл. (с 1977 г.— 550 долл.). Новым было и то, что поступления от продаж по этой статье могли использоваться для осуществления деятельности, «которая улучшала бы жизненные условия беднейших слоев населения стран-получателей» (American Foreign Food Assistance, Pl-480 and Related Materials. Wash., 1976, с. 11).

[30] См.: The Budget of United States Government. Fiscal Year 1980. Wash.. 1979, с. 89.

[31] Подсчитано по: Foreign Agricultural Trade of the United States. Wash., 1978, December, с. 73; 1979, December, с. 89; 1980, December, с. 102; Foreign Agriculture. Wash., 1982, January, с. 6.

[32] С 1972 по 1978 г. страны ОПЕК почти удвоили закупки пшеницы у Соединенных Штатов — до 5,1 млн. т в год. В целом доля стран-нефтеэкспортеров в сельскохозяйственном экспорте США выросла с 4% (1969—1971 гг.) до 7% (1979—1981 гг.) (Foreign Agricultural Trade of the United States. Wash., 1979, July/August, с. 16; 1979, September/October, с. 46; 1979, November, с. 88; Foreign Agriculture. Wash., 1979, October, с. 31; 1982, January, с. 6).

[33] Так, крупным покупателем американского продовольствия на обычных условиях мирового рынка стала в 70-е годы Индия; причем при росте абсолютного объема продовольственного импорта этой страны из США значительно выросла в тот период и доля в нем коммерческих поставок: с 59% в 1973 г. до 85% в 1976 г. (Foreign Agricultural Trade of the United States. Wash., 1979, September/October, с. 46).

[34] Так, в 1977/78 финансовом году продажи пшеницы в Египет по программам продовольственной помощи достигли 1,4 млн. т, что составило 41% всей продовольственной помощи США пшеницей. В целом на Египет и Израиль приходилось в 1975 г. 8%, в 1976 — 20%, в 1977 — 38%, в 1978 — 31% всей американской продовольственной помощи зерном (Foreign Agricultural Trade of the United States. Wash., 1979, June, с. 88—89; 1979, December, с. 80).

[35] Foreign Agriculture, Wash., 1980, August, с. 15.

[36] См.: European Parliament. Working Documents 1976—1977. Doc. 407/76. P., 1976, с. 11.

[37] *Collins J., Lappe F. M.* Food First. Beyond the Myth of Scarcity. Boston. 1977, с. 335.

[38] *Schneider H.* Food Aid for Development. P., 1978, с. 62; *Thomson G.* Food Aid a Long Term Emergency.— Food Policy. Guilford, 1983, vol. 8, № 3, с. 213.

[39] См., например: *Александров М. А., Грановский А. Е.* Экономическая помощь капиталистических государств странам Южной Азии (1960—1970). М., 1973, с. 245; *Collins J., Lappe F. M.* Food First..., с. 335.

[40] *Wasserman U.* International Food Aid.— Journal of World Trade Law. Twickenham, 1982, № 6, с. 533.

[41] African Business. L., 1983, November, с. 16.

[42] Если в 1974/75—1977/78 гг. ежегодные поставки продовольствия в виде помощи в развивающиеся страны не превышали 100 тыс. т, то в начале 80-х годов Япония увеличила их до более чем 600 тыс. т в год (World Food Aid Needs and Availabilities. Wash., 1982, с. 12).

[43] *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 390.

[44] *Wasserman U.* International Food Aid, с. 535.

[45] Среди пока весьма скудных работ по проблемам деятельности продовольственных ТНК в развивающемся мире хотелось бы выделить две: статью И. С. Дьяковой «Влияние монополий Запада на продовольственное обеспечение развивающихся стран Азии» (см. сборник: Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982 г.) и исследование Л. А. Баграмова «Монополии агробизнеса в развивающихся странах», включенное в его книгу: Современный капитализм и продовольственная проблема. М., 1984 (§ 2 гл. IV).

[45а] На Всемирной продовольственной конференции в Эймсе в 1976 г. даже отмечалось, что на современном этапе «возникновение и развитие мировой системы производства, переработки и распределения продовольствия происходит под контролем глобальных корпораций агробизнеса» (World Food Conference of 1976. Proceedings. Ames, 1977, с. 258).

[46] См.: *Schiling H.* Die internationalen Monopole des «Agribusiness» und ihre Expansion in den Entwicklungsländern.— IPW Berichte. B., 1982, с. 17.

[47] Небольшой пример: только в 1977—1979 гг. тринадцать компаний по производству продовольствия с годовым оборотом более 200 млн. долл. каждая были приобретены более крупными монополиями, а оборот десяти крупнейших ТНК, действующих в агробизнесе, вырос в 1970—1980 гг. с 25,8 млрд. до 90,2 млрд. долл. (*Schiling H.* Die internationalen Monopole..., с. 146).

[48] Так, крупнейшая ТНК «Юнилевер» из 148 дочерних филиалов за рубежом 54 имела в 44 развивающихся странах. В 1983 г. ею было получено 750 млн. ф. ст. чистой прибыли, из которой 268 млн. было «заработано» в развивающихся странах. Швейцарская ТНК агробизнеса «Нестле» из 176 зарубежных филиалов 76 имела в 45 развивающихся странах. Объем ее валовой выручки в 1981 г. составил 14 млрд. долл.; из этой суммы 28% было получено в развивающихся странах (Fortune. Chicago, 1982, December 27, с. 103, 105).

[49] *Feder E.* Preface.— *Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture. Quezon City, 1980, с. V—VI.

[50] *Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. IX—X.

[51] Транснациональные корпорации в мировом развитии. Третий обзор. Центр ООН по транснациональным корпорациям. Нью-Йорк, 1983, с. 369.

[52] Там же, с. 371—372.

[53] The Food Processing Sector in Developing Countries: Some Recent Trends in the Transfer and Development of Technology. Report by the UNCTAD Secretariat. U.N. Geneva, 1980, с. 11, 14. По данным того же Центра, опубликованным в 1981 г., к середине 70-х годов около 100 ТНК имели в развивающемся мире более 600 филиалов по производству «фирменных» продуктов питания (с высокой стоимостью, добавленной обработкой), группа ТНК, заправлявшая в экспортном производстве продукции тропического земледелия (с ее полной или частичной переработкой), имела около 240 филиалов и дочерних предприятий (Transnational Corporation in Food and Beverage Processing. N. Y., 1981, с. 116.— (ST/CTC/19).

[54] *Clairmonte F.* United States Food Multinationals: Lessons for the Third World.— Journal of Contemporary Asia. London — Stockholm, 1981, vol. 11, № 1, с. 84. В такой крупной стране, как Бразилия, транснациональные корпорации держат под контролем около 60% производства продовольствия, в Мексике более 50% (см.: Comercio exterior. Mexico, 1977, vol. 27, № 1, с. 27; Foro internacional. Mexico, 1976, № 65, с. 29).

[55] Так, основным направлением деятельности ТНК «Каргилл» в 50-е годы была торговля пшеницей, а в 60-е годы и начале 70-х к ней добавились операции на рынках других видов зерновых товаров, в настоящее же время «Каргилл» специализируется также на производстве масла, многих видов кормов, участвует в других отраслях продовольственного производства. При этом транспортировка реализуемой продукции осуществляется по принадлежащим компаниям железным дорогам, перевозится на собственных баржах, морских судах и т. д. «Дель Монте», которая традиционно занималась «банановым бизнесом» в последние годы значительно диверсифицировала свою деятельность, в частности на Филиппинах. В начале 80-х годов компания занималась там консервированием многих видов тропических фруктов и овощей, производила корма для скота из отходов переработки ананасов, владела одной из крупнейших в стране животноводческих ферм и значительными рисовыми плантациями, производила консервные банки, покупала и перепродавала рыбу и т. д. «Касл энд Кук», помимо своей основной деятельности в качестве крупнейшей «фруктовой» монополии, производил на Филиппинах кофе, стеклянную тару, имел капитал в сахарных компаниях страны, участвовал в разведении скота и т. д. Филиппинский экономист Р. Офренео подмечает: «Присутствие (транснациональных.— *Авт.*) корпораций ощущается по всей стране, проявляется во всех отраслях и на всех стадиях сельскохозяйственного производства — от обработки земли до переработки конечного продукта и торговли им» (*Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. 150).

[56] *George S.* How the Other Half Dies. Montclair, 1977, с. 165.

[57] Например, согласно исследованию проблем производства и переработки ананасов в Таиланде, осуществленному ЭСКАТО, страна-производитель получает лишь 10% от продажной цены свежего продукта, а доля заработной платы в ней составляет менее 2%. По подсчетам С. Джордж, заработная плата на предприятиях ТНК «Нестле» в середине 70-х годов составляла по всем предприятиям компании 15,7% оборота, при этом на предприятиях в Латинской Америке она равнялась 11,8% их оборота, в Азии — 2,8%, Африке — 1,6% оборота. Среднегодовая заработная плата составляла на одного занятого 8,1 тыс. долл. на предприятиях в развитых капиталистических странах и 3,7 тыс. долл. (с учетом заработной платы иностранных специалистов) в развивающихся странах. Без учета оплаты иностранных специалистов она составляла 3,6 тыс. долл. в Латинской Америке, 2,5 тыс. — в Азии, 2,1 тыс. долл.— в Африке. При этом существовал значительный разрыв между уровнями заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Например, на предприятиях и плантациях «Нестле» в Малайзии квалифицированный рабочий получал от 2,1 до 3,1 тыс. долл. в год, а неквалифицированный — от 0,7 до 1,1 тыс. долл. *Ping Ho Kwong.* Profits and Poverty in the Plantations.— Far Eastern Economic Review. Honkong, 1980, July 11, с. 55; *Clairmonte F.* United States Food Multinationals: Lessons for the Third World, с. 84; *George S.* Nestle Alimentana SA: The Limits to Public Relations.— Economic and Political Weekly. Bombay, 1978, vol. 13, № 37, с. 1592, 1595—1597).

[58] Так, в развивающихся странах за период 1970—1978 гг. сельскохозяйственные производители получали за выращиваемые ими бананы сумму, равную лишь 12% их розничной цены, в то время как различные стадии доводки этой продукции до товарных кондиций (включая прибыль ТНК на каждой из этих стадий) поглощали 50% розничной цены. Еще 38% цены забирали транспортировка, страхование (вместе с прибылью, присваиваемой ТНК по этим операциям), налоги (см.: Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 371).

[59] В то время как гавайский рабочий на плантациях зарабатывал

2,64 долл. в час, «Дель Монте» платила филиппинскому рабочему 15 центов в час. На Гавайях оплата труда рабочего, занятого консервированием ананасов, составляла 2,69 долл. в час по сравнению с 20 центами, выплачиваемыми компанией работнику на Филиппинах (см.: *Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. 111).

[60] См.: *Ping Ho Kwong.* Profits and Poverty in the Plantations, с. 53.

[61] См.: *Feder E.* The World Bank and the Expansion of Industrial Monopholy Capital into Underdeveloped Agricultures.— Journal of Contemporary Asia. London—Stockholm. 1982, vol. 12, № 1, с. 39.

[62] Так, на Филиппинах в дополнение к кредитной поддержке и помощи путем строительства необходимых инфраструктурных объектов «правительство расширяет налоговые и финансовые льготы компаниям агробизнеса, особенно тем, чья продукция ориентирована главным образом на мировые рынки (*Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. 151). Согласно принятым там в 70-е годы законам, иностранным ТНК «агробизнеса» гарантировано право на репатриацию инвестиций и перевод прибылей, даны гарантии от национализации и т. д.

[63] На это официально направлена деятельность управления международного развития (УМР), которое выделило ряд стран, «преданных принципам частного предпринимательства» и имеющих коммерческое и стратегическое значение для США; в числе этих стран — Коста-Рика, Египет, Индонезия, БСК, Ямайка, Кения, Пакистан, Шри Ланка, Таиланд и Зимбабве. В эти страны предполагается увеличить приток капитала из фондов УМР в целях создания условий для развития частного сектора и поощрения деятельности американских ТНК в этих странах, в том числе сфере «агробизнеса».

[64] *Feder E.* The World Bank and the Expansion..., с. 48.

[65] Там же, с. 39.

[66] *Ping Ho Kwong.* Profits and Poverty in the Plantations, с. 53.

[67] *Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. 117.

[68] Там же, с. 116.

[69] Так, в 1975 г. затраты на производство бананов на Филиппинах были ниже их розничной цены на японских рынках в 5—6 раз (там же, с. 117).

[70] Там же, с. 119.

[71] Например, «Дель Монте» отвела часть принадлежащих ей на Филиппинах земель для производства на экспорт хризантем, орхидей, роз и др. (см.: Philippine Development. Manila, 30.09.1979). Не меньшую активность ради «своих» потребителей ТНК проявляют и в других районах развивающегося мира. Так, в процесс современного международного капиталистического разделения труда, связанного с обеспечением продовольственных потребностей западного потребителя, ТНК все активнее втягивают Африку — регион, где особенно остро стоит вопрос голода и недоедания. В Сенегале и Камеруне ТНК «Вад» и «Доул» используют земли для выращивания овощей и ананасов для экспорта в Европу. Корпорация «Американ фудс шеар» организовала производство овощей и фруктов в Гане, Египте, Кении, Замбии, Уганде, которые вывозятся в Западную Европу. В таких условиях, как пишет один африканский экономист, проблема господства ТНК в сельском хозяйстве развивающихся стран приобретает и глубокое политическое звучание, поскольку эксплуатация земель транснациональными корпорациями «для выращивания томатов или сахарного тростника в положении, когда люди страдают от нехватки ямса, сорго или риса, означает абсолютное отсутствие территориального суверенитета и независимости» (*Oculi O.* Food Imperialism and African Diplomacy in the 1980s.— Africa Development. L., 1981, vol. 6, № 3, с. 68).

[72] *Ping Ho Kwong.* Profits and Poverty in the Plantations, с. 53, 57.

[73] *Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. 127.

[74] Там же, с. 161.

[75] *Ping Ho Kwong.* Profits and Poverty in the Plantations, с. 53.

[76] Overcoming World Hunger. The Challenge Ahead. Report of the Presidential Comission on World Hunger. Wash., 1980, с. 79.

[77] Food Production in the Third World—Western Multinationals Dominate.— Asian Research Bulletin. Singapore, 1980, vol. 10, № 3, с. 703. Та же мысль подчеркивалась и в докладе Президентской комиссии США по голоду

в мире: «...некоторые ТНК (американские.— *Авт.*) прибегают к такой практике и осуществляют такие капиталовложения, которые подрывают либо приходят в столкновение с усилиями, направленными на смягчение голода и недоедания в развивающихся странах» (Overcoming World Hunger. The Challenge Ahead..., с. 78—79).

[78] *Feder E.* The World Bank and the Expansion..., с. 42.

[79] Как отмечалось в Третьем обзоре Центра ООН по транснациональным корпорациям, «товары, произведенные на иностранных филиалах ТНК, в ряде случаев могут быть более дорогостоящими, чем замещаемые ими местные продукты, к тому же продукция корпораций может иметь сомнительную или меньшую питательную ценность» (Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 399).

[80] Там же. Как пишет один западный экономист, С. Лэнгдон, ТНК «превращают потребность в питье в спрос на колу и пепси, потребность в еде — в спрос на мороженое Лайонс Мэйд или шоколад Кэдбери» (*Langdon S.* Multinational Corporations. Taste Transfer and Underdevelopment: a Case Study from Kenya.— Review of African Political Economy. L., 1975, № 2, с. 30).

[81] Food Processing Sector in Developing Countries..., с. 5.

[82] Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 397.

[83] Согласно данным ООН, в конце 70-х годов табачные ТНК расходовали на рекламу своей продукции до 2 млрд. долл. в год. Свыше 2 млрд. долл. уходило на рекламу алкогольной продукции соответствующих корпораций (*Anderson G.* The Tobacco Industry and the Third World.— America. 1981, December 12, с. 376; Le Monde. 15.02.83). Как писала французская «Монд», «сбыт спиртных напитков производится по той же схеме, что и сбыт табака, т. е. с помощью наглядной рекламы, отождествляющей потребление этого продукта с карьерой, здоровьем, мужественностью... Рекламируемые товары представляются то как народные напитки, то как нечто высококачественное и даже предмет роскоши» (Le Monde. 15.02.1983).

[84] Цит. по: *Anderson G.* The Tobacco Industry and the Third World, с. 373.

[85] Там же, с. 374.

[86] Le Monde. 15.02.1983.

[87] Там же.

[88] Afrique—Asie. 1983, juillet 18.

[89] Там же.

[90] Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 380.

[91] Там же, с. 383.

[92] Так, в частности, на Филиппинах наиболее активно в области семенной селекции действуют две компании — «Сан Мигель Бир» и «Пионер». В Таиланде селекционная работа и торговля семенами сосредоточена в руках пяти монополий — «Каргилл», «Пионер», «Функ сидз», «Декалб» и «Пасифик сидз». Одним из наиболее ярких событий последних лет в сфере монополизации биогенетических исследований стало объединение усилий крупнейшей корпорации «Сайм Дерби», ведущего производителя пальмового масла, каучука и какао в Малайзии, и Международного исследовательского института растениеводства — калифорнийской биотехнологической компании в создании Биотехнологической корпорации АСЕАН, которая будет действовать на базе лабораторий «Сайм Дерби» с привлечением американского персонала для обслуживания компаний «агробизнеса» в регионе (*Pray C.* Private Agricultural Research in Asia.— Food Policy, 1983, № 2, с. 135).

[93] Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 384.

[94] «Явная ирония судьбы... заключается в том, что ТНК продают семена, первооснову которых составляли дикие растения, полученные из развивающихся стран» (*Дьякова И. С.* Влияние монополий..., с. 90). Один из африканских источников устанавливает, что «западные корпорации, проведя целый ряд опытов с некоторыми видами местных африканских растений в целях их классификации, затем запатентовали их, что вынуждало страну — родину данной сельскохозяйственной культуры платить деньги за право использования ее же собственных ресурсов» (Africa Now. L., 1982, № 9).

[95] Там же. См. также: *Дьякова И. С.* Влияние монополий..., с. 90.

[96] Объем только морских перевозок такой продукции с 1970 по 1979 г.

вырос с 2,5 млрд. до 11 млрд. долл. (Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 381).

[97] Там же.

[98] В конце 70-х годов в Малайзии 75% розничной торговли пестицидами приходилось на четыре транснациональные корпорации — «Ай-Си-Ай», «Байер», «Першиней-Угинс-Кульман» и «Монсанто». В Индонезии четыре ТНК — «Байер», «Ай-Си-Ай», «Доу» и «Шеврон» — контролировали более 70% всего производства пестицидов. На Филиппинах практически все производство агрохимической продукции находится в руках нескольких иностранных компаний — «Цианамид», «Доу», «Юнион Карбайд» (США), «Байер» (ФРГ), «Шелл» (Великобритания) и некоторых других (Транснациональные корпорации в мировом развитии..., с. 381; *Ofreneo R.* Capitalism in Philippine Agriculture, с. 81).

[99] См.: Africa Now. L., 1982, № 9.

[100] *Pray C.* Private Agricultural Research in Asia, с. 135.

[101] National Herald. Luknow. 09.05.1983.

[102] Цит. по: Food Production in the Third World — Western Multinationals Dominate, с. 703.

[103] Применительно к странам Азии обширный материал по проблемам НМЭП содержится в недавно опубликованной книге Н. М. Хрящевой. См.: *Хрящева Н. М.* Новый международный экономический порядок и страны Азии. М., 1984.

[104] Подробнее о продовольственном аспекте программы НМЭП см.: *Багрямов Л. А.* Современный капитализм и продовольственная проблема, гл. V.

Глава V

[1] Economic Survey 1983—84. New Delhi, 1984, с. 81.

[2] Там же, с. 81—82.

[3] A Techniical Note on the Sixth Plan of India (1980—85). Government of India. New Delhi, 1981, с. 81.

[4] The Economic Times (Special Survey). 21.01.1981.

[5] A Technical Note on the Sixth Plan of India (1980—85), с. 206.

[6] Indian Agriculture in Brief. 17th edition. New Delhi, 1979, с. 149; Indian Agriculture in Brief. 19th edition. New Delhi, 1982, с. 199.

[7] *Bharadwaj Krishna.* Economic Development: Reflection on Regional Differentination in India.— Religion and Society. 1981, vol. 28, № 2, с. 25.

[8] Financial Express. Bombay, 24.09.1981.

[9] Подсчитано по данным: Statistical Pocketbook of Indonesia (далее: SPI). 1970/71. Jakarta, 1971, с. 113; Indikator Ekonomi. Jakarta, 1981, April, с. 130.

[10] SPI 1970/71, с. 113; Indikator Ekonomi. April 1981, с. 130, 187.

[11] Там же; Bulletin of Indonesian Economic Studies (далее: BIES), Canberra, 1982, № 1, с. 26; IInd Part of the Report with Statistical Tables on Development of Agriculture and Irrigation/Water Resources in Indonesia up to the end of 1982.— C.A.F.I. Announcement. Jakarta, № 1164, June 15, 1983, table 3.

[12] Warta C.A.F.I. Jakarta, 1979, May 16.

[13] Подробнее см.: *Александров Ю. Г.* Аграрное перенаселение и социально-экономические процессы в деревне развивающихся стран (на примере Юго-Восточной Азии). Дис. д. экон. наук. М., 1980, с. 250—251.

[14] SPI. 1970/71, с. 208—209; Indikator Ekonomi. April 1981, с. 156.

[15] C.A.F.I. Announcement. Jakarta, № 1194, September 5, 1983, table 4.

[16] Индекс производства риса (1958—1962 гг.=100) к 1977 г. поднялся до 138 пунктов, а остальных культур, наоборот, резко снизился — до 63,6 пункта. Поэтому то повышение производства всех видов продовольствия в расчете на душу населения, которое происходило во второй половине 70-х годов (со 173,9 кг в 1977 г. до 202,3 кг в 1980 г.), было достигнуто по большей части в результате роста урожая риса. В первой половине 80-х годов, однако, наблюдалась тенденция к росту производства других видов земледельческой продукции (кроме риса), занимающих важное место в рационе питания индонезийцев. По официальным оценкам, в 1982 г. производство кукурузы должно было составить 4,2 млн. т против 3,1 млн. т в 1977 г.; кассавы — 15,5 млн. т против 12,5 млн. т; соевых бобов — 0,7 млн. т против 0,5 млн. т; земляного ореха — 0,55 млн. т против 0,4 млн. т (BIES. 1979, № 1, с. 35; 1976, № 3, с. 84; BIES. 1981, № 2, с. 21; C.A.F.I. Announcement. № 1164, t. 11).

[17] BIES. 1981, № 3, с. 50, 69; 1982, № 1, с. 25; C.A.F.I. Announcement, № 1194, Table 7.

[18] BIES. 1981, № 2, с. 21.

[19] BIES. 1982, № 1, с. 45.

[20] Buku saku statistik Indonesia 1977/78. Jakarta, 1978, с. 237; FAO Production Yearbook 1977. Rome, 1978, с. 242—246; Interim Report of the Special Study on Food Supply and Distribution Systems in the ESCAP Region. Bangkok, 1981, с. 5; Policy Studies Review Annual. Los Angeles, 1978, vol. 2, с. 106.

[21] BIES. 1977, № 2, с. 106, 109; Policy Studies Review Annual. 1978, № 2, с. 106.

[22] BIES. 1981, № 1, с. 7.

[23] C.A.F.I. Announcement. № 1164, tables 4, 5, 6, 8.

[24] BIES. 1981, № 2, с. 26.

[25] *Александров Ю. Г.* Аграрное перенаселение..., с. 87, 242; BIES. 1982, № 1, с. 64.

[26] FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 248.

[27] International Financial Statistics. Wash., 1982, vol. 28, № 8, с. 378; International Financial Statistics. Yearbook 1981. Wash., 1982, с. 390—391.

[28] FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1971, № 7/8, с. 76; FAO Production Yearbook 1966. Rome, 1967, с. 27; FAO Production Yearbook 1978. Rome. 1979, с. 76; FAO Production Yearbook 1981, с. 76.

[29] Подсчитано по: Statistical Pocket Book of the Republic of Sri Lanka (Ceylon) 1973. Colombo, 1973, с. 57; Statistical Pocket Book of the Republic of Sri Lanka (Ceylon) 1974, Colombo, 1974, с. 56. Эти, а также приводимые ниже показатели доли импортного компонента в питании ланкийского населения носят оценочный, приблизительный характер, так как весь импорт текущего года включен условно в общий объем потребления этого года.

[30] Подсчитано по: Food Balance Sheets. 1960—1962 Average. FAO. Rome, 1966.

[31] Подсчитано по: Food Balance Sheets. 1957—59 Average. FAO. Rome, 1963.

[32] Подсчитано по: Food Balance Sheets. 1954—65 Average, FAO. Rome, 1958.

[33] Подсчитано по: Food Balance Sheets. Issue 3. FAO. Rome, 1956.

[34] Подсчитано по: Food Balance Sheets. Second Issue. FAO. Rome, 1955.

[35] Подсчитано по: Economic Survey of Asia and the Far East 1965. UN. Bangkok, 1966, с. 71; Fao Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1977, № 4, с. 10.

[36] *Samaranayake Tilak.* Effects of Inflation on Income Distribution.— Economic Review. Colombo, 1982, vol. 8, April, № 1, с. 21.

[37] Подсчитано по: *Samaranayake Tilak.* Effects of Inflation on Income Distribution, с. 25.

[38] Там же, с. 21.

[39] Подсчитано по: International Financial Statistics. Wash., 1982, vol. 28, № 8, с. 378; International Financial Statistics. Yearbook 1981. Wash., 1982, с. 390—391.

[40] Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1974. Colombo, 1975, Appendix III — Statistical Tables. Table 36 B.

[41] *Samaranayake Tilak.* Effects of Inflation on Income Distribution, с. 25.

[42] Там же.

[43] Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1974, с. 40.

[44] Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Hon. Minister of Finance and Planning. For the Year 1981. Colombo, 1982, Statistical Appendix — Table 10.

[45] Economic Review. December 1981/January 1982, vol. 7, № 9—10, c. 22.
[46] Подсчитано по: *Iyer R. Mahalinga.* Tractor Requirements in Sri Lanka.— Agricultural Mechanization in Asia. Tokyo, 1979, Summer, c. 48.
[47] Economic Review. 1980, vol. 6, № 6/7, c. 4.
[48] FAO Production Yearbook 1967, Rome, 1968, c. 9—10.
[49] FAO Production Yearbook 1978, c. 50—52.
[50] Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board... For the Year 1981, Statistical Appendix — Table 10.
[51] Ceylon Census of Agriculture. 1962. Vol. III — Asweddumized Paddy Lands. Department of Census and Statistics. Colombo, 1966, c. 37.
[52] Economic Review. 1980, № 6/7, c. 25.
[53] Central Bank of Ceylon. Review of the Economy 1980, Colombo, 1981, c. 38.
[54] Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board... For the Year 1981, Statistical Appendix.
[55] Economic Review. 1980, № 6/7, c. 25.
[56] Economic Review. 1982, vol. 8, № 1, c. 15.
[57] В 50—70-е годы соотношение вывоза и ввоза пищевкусовых товаров характеризовалось следующими показателями их удельного веса в общей стоимости экспорта и импорта: доля в экспорте равнялась в 1953 г. 83,1%, 1960 г.— 78,0%, 1963 г.— 77,7%, 1970 г.— 65,8%, 1975 г.— 58,8%; доля в импорте соответственно 17,2; 14,1; 12,1; 7,0; 10,7% (1974 г.). Подсчитано по: Yearbook of International Trade Statistics 1956. N. Y. 1957, c. 106—108; Yearbook of International Trade Statistics 1964. N. Y., 1966, c. 125—127; Yearbook of International Trade Statistics 1974. N. Y., Vol. I, 1975, c. 180—183; Yearbook of International Trade Statistics, 1976, vol. I. N. Y., 1977, c. 219—221; Yearbook of International Trade Statistics 1977. Vol. I. N. Y., 1978, c. 256).
[58] Development Strategies in the 1980's in the ESCAP Region. Bangkok, 1979, c. 93. К категории «абсолютно бедных» эксперты ОЭСР относят тех лиц, чей годовой доход ниже уровня, позволяющего удовлетворить минимальные потребности в пище, одежде и жилище. По оценкам экспертов ЭСКАТО, в 1969 г. за «чертой бедности» проживало 54% всего населения Бирмы. Годовой доход этой категории людей не превышал 50 ам. долл. на душу (Economic Survey of Asia and the Pacific 1974. Bangkok, 1975, c. 59).
[59] Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1971. Bangkok, 1972, c. 63.
[60] Economic survey of Asia and the Far East 1965, Bangkok, 1966, c. 71.
[61] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, c. 242; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, 1985, c. 212.
[62] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1975/76. Rangoon, 1975, c. 16; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 30.
[63] Подсчитано по: Азия и Африка. Статистический сборник. М., 1964, с. 88, 91; Economic Survey of Burma 1962. Rangoon, 1962, c. 15; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1978-79, Rangoon, 1978, c. 59; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 14, 82.
[64] FAO Production Yearbook 1970. Rome, 1971, c. 543; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1975—76, c. 121; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 234.
[65] Например, в Рангуне 1 вис (=1,63 кг) рыбы стоил в 1961 г. 7,9 джа, в июле 1967 г.— 13,4 джа, арахисовое масло — соответственно 3,5 джа и

17,5 джа, 1 ярд поплина — соответственно 2,96 и 10,65 джа, 1 кусок хозяйственного мыла — 1 и 2 джа (Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1967—1968. Rangoon, 1967, c. 80—81).
[66] Ботатаун. Рангун, 22—24.06.1967.
[67] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 234.
[68] Там же, с. 4, 5.
[69] Far Eastern Economic Review. Hongkong, 1976, vol. 92, № 16, c. 43.
[70] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1981—82, Rangoon, 1981, c. 13.
[71] FAO Production Yearbook 1981, Rome, 1982, c. 66.
[72] Бирма. Справочник. М., 1982, с. 68.
[73] Economic Survey of Asia and the Pacific 1974. c. 64.
[74] До 1941 г. и в 50-х — начале 60-х годов Бирма была самым крупным поставщиком риса на мировой рынок. На ее долю приходилось в среднем в год в 1934—1938 гг. 32% мирового экспорта риса, в 1959—1960 гг.— 25% (см.: Бирма. Экономика и внешняя торговля. М., 1964, с. 101). Начиная с 1963 г. Бирма уступила первенство сначала США, а потом Таиланду. В 1964 г. ее участие в мировой торговле рисом равнялось примерно 18%, в 1969 г.— 7%, в 1974 г.— 2,6%, в 1979 г.— 5,2% (подсчитано по: Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1971, c. 66; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1980. Bangkok, 1981, c. 113; The State of Food and Agrciulture 1975. FAO. Rome, 1976, c. 131; The State of Food and Agriculture 1980. FAO. Rome, 1981, c. 151).
[75] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 279, 287.
[76] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1981/82, c. 60, 61; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 72.
[77] FAO Production Yearbook 1981, c. 274.
[78] Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83, c. 66.
[79] Там же. с. 45—46.
[80] Там же, с. 54.
[81] Тапиока — крупа из крахмала, получаемого из клубней растения кассава, или маниока. В Таиланде используется преимущественно как корм для скота, но главным образом идет на экспорт.
[82] Statistical Yearbook of Asia and the Pacific 1981. Bangkok, 1982; Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1969. Bangkok, 1970; FAO Monthly Bulletin of Statistics. Rome, 1983, № 10.
[83] FAO Production Yearbook 1981, c. 118; FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 10, c. 24.
[84] Площадь сельскохозяйственных угодий с 10,6 млн. га в 1963 г. увеличилась до 17,97 млн. га в 1980 г. (Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 1974, c. 410; 1981, c. 517). Под распашку обращаются участки, ранее главным образом покрытые лесом. Среднегодовой прирост пашни составлял в 1963—1971 гг.— 3,45%, в 1971—1975 гг.— 4,7%, в 1976—1980 гг.— 1,4%. Таким образом, темп освоения в 70-х годах ослабевает. Вместе с тем следует отметить, что в особенности на окраинах коэффициент использования наделов невысок. В 1975 г. на Северо-Востоке под обработкой находилось 55% площади наделов, на Севере — 67%, на Юге — 76%, а по стране в целом — 66% (Thailand. Toward a Development Strategy of Full Participation. World Bank. Wash., 1980, c. 72.) В начале 70-х годов в Таиланде на каждый гектар пашни приходилось 2,7 человека, тогда как в КНР и Шри Ланке этот коэффициент составлял 6,4, в Бангладеш — 6,2, Непале — 6,0, на Филиппинах — 4,4, в Пакистане — 3,7, Индии — 3,3, Малайзии — 3,2 (Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 1974).

[85] World Development Report 1982. World Bank. Wash., с. 112.
[86] Yearbook of National Accounts Statistics 1980. N. Y., 1981. T. 1, pt. 2, с. 1429.
[87] FAO Production Yearbook 1981, с. 248.
[88] Thailand Statistical Yearbook 1966. Bangkok, с. 418, 422.
[89] Food Supply and Distribution in Asia and the Pacific. ESCAP. Bangkok, 1982 (E/ESCAP/246. Febr. 1982), с. 58.
[90] Там же, с. 12.
[91] Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1980.
[92] *Пендлтон Р.* География Таиланда. М., 1966, с. 131—133.
[93] Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1969, с. 346; FAO Production Yearbook 1981, с. 52.
[94] Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1981, с. 521.
[95] Там же, с. 518.
[96] Agricultural Development Planning in Thailand. Jowa, 1982, с. 30.
[97] Thailand. Toward a Development Strategy..., с. 202, 228—232.
[98] Там же, с. 228, 229.
[99] News Synopsis. Bangkok, 22.11.1982.
[100] FAO Production Yearbook 1981, с. 99.
[101] Statistical Yearbook for Asia and the Pacific, 1981, с. 518.
[102] FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1983, № 10, с. 271; Thailand. Toward a Development Strategy..., с. 228, 232; News Synopsis. 23.09.1982.
[103] Thailand. Toward a Development Strategy..., с. 23.
[104] Там же, с. 44, 230, 232.
[105] Там же, с. 35.
[106] Там же, с. 42.
[107] Там же, с. 50.
[108] Statistical Yearbook for Asia and the Far East, 1969, с. 342; World Development Report 1982, с. 148.
[109] Thailand. Toward a Development Strategy..., с. 33, 34, 47.
[110] Подробнее см.: *Искольдский В. И.* Таиланд. Экономические очерки. М., 1971, с. 86.
[111] Agricultural Development Planning..., с. 153.
[112] Statistical Yearbook for Asia and the Far East, 1969; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1981.
[113] Там же.
[114] FAO Production Yearbook 1978, с. 72.
[115] Economic Indicators of Turkey 1971—1981. Ankara, 1982, с. 4.
[116] 1980 Census of Agriculture. Ankara, 1982, с. 33.
[117] Türkiye istatistik yıllığı. 1982, Ankara, 1983, с. 106.
[118] Türkiye istatistik yıllığı. 1981. Ankara, 1982, с. 177; 1983. Ankara, 1984, с. 217.
[119] The Political Economy of Income Distribution in Turkey. N. Y., 1980, с. 212.
[120] Там же, с. 213.
[121] Dördüncü beş yıllık kalkınma planı 1979—1983 (Четвертый пятилетний план развития, 1979—1983 гг.). Ankara, 1978, с. 6.
[122] FAO Production Yearbook 1978, с. 80.
[123] Четвертый пятилетний план развития, с. 462.
[124] The Political Economy of Income Distribution in Turkey, с. 110.
[125] Подсчитано по: Tarım istatistikleri özeti 1982. Ankara, 1984, с. 3; 1976—1977 ziraî ve iktisadî durum raporu. Ankara, 1978, с. 471.
[126] *Çinar M., Silier O.* Türkiye tarımında işletmeler arası farklılaşma. Istanbul, 1979.
[127] Turkey 1982. Alamanac. Ankara, 1982.
[128] Iktisadi Rapor 1984. Ankara, 1984, с. 185.
[129] Подсчитано по данным: Statistical Yearbook ARE. Cairo, 1981; Аль-Ахрам аль-Иктисади, Каир, 18.07.1980; FAO Monthly Bulletin of Statistics 1982, № 6.
[130] Подсчитано по данным: Statistical Yearbook ARE. CAIRO, 1981.
[131] Там же.

[132] Там же.
[133] *Иванова И. П.* Сельское хозяйство Объединенной Арабской Республики 1952—1965. М., 1970.
[134] Подсчитано по данным: Economic Bulletin. National Bank of Egypt (далее: EBNB) 1981, № 1—2, table 6/1.
[135] Statistical Yearbook ARE. 1981, с. 23.
[136] Аль-Ахрам. 13.08.1982.
[137] Там же.
[138] Подсчитано по данным: Statistical Yearbook ARE. 1981, с. 40, 1981, с. 40, 47; Аль-Китаб ас-Санави ли-ль-Ихсаат аль Амма. 1952—1971. Каир, 1972, с. 41.
[139] Statistcial Yearbook ARE. 1981.
[140] EBNB. 1978, № 4.
[141] FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1979, № 8, с. 180.
[142] EBNB. 1978, № 4.
[143] Аль-Ахрам. 13.08.1982.
[144] EBNB. 1981, № 3, с. 137.
[145] Там же, с. 128.
[146] *Parker J. B., Coyle J. R.* Urbanization and Agricultural Policy in Egypt. 1981 (mimeo). с. 20.
[147] EBNB. 1981, № 3, с. 130.
[148] *Parker J. B., Coyle J. R.* Urbanization..., с. 20.
[149] EBNB. 1981, № 3, с. 156.
[150] Там же, с. 134.
[151] Там же, с. 137.
[152] Там же, с. 146.
[153] Аль-Ахрам. 02.03.1978.
[154] EBNB. 1978, № 4, с. 339.
[155] The Specialised National Council's Magazine. Cairo, 1979, с. 8.
[156] Подсчитано по данным: EBNB. 1978, № 4, с. 347.
[157] Statistical Yearbook ARE. 1981, с. 15.
[158] Средние ежегодные темпы прироста населения составляют 3,2% и являются одними из наиболее высоких в мире.
[159] Среднегодовые показатели. Составлено по: FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1978, № 4, с. 28; 1981, № 7/8, с. 12.
[160] Syrie et monde arabe. Damas, 275, 1977, с. 17—22.
[161] БИКИ. 30.03.1982; БИКИ, 09.04.1985; The Middle East and North Africa 1979—80. L., 1979, с. 742; *Raffinot M., Jacquemot P.* Le capitalisme d'état algerien. P., 1977, с. 361.
[162] БИКИ. 09.04.1985; Maghreb—Machrek. P., 1979, № 84, с. 47; 1981, № 91, с. 7.
[163] FAO Trade Yearbook 1965. Rome, 1966, с. 93; FAO Trade Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 109; FAO Production Yearbook 1979. Rome, 1980, с. 109.
[164] FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1978, № 3, с. 34—40; FAO Trade Yearbook 1979. Rome, 1980, с. 91, 94, 97.
[165] FAO Production Yearbook 1972. Rome, 1973, с. 13, 43; FAO Production Yearbook 1975. Rome, 1976, с. 29, 57; FAO Production Yearbook 1978, с. 63, 93; FAO Production Yearbook 1980. Rome, 1981, с. 61, 93; FAO Production Yearbook 1982. Rome, 1983, с. 61, 105.
[166] *Аршаруни Н. А.* Основные социально-экономические проблемы стран Северной Африки. М., 1976, с. 96; Plan quadriennal 1974—1977. Rapport général. Alger, 1974, с. 80; Maghreb—Machrek. P., 1981, № 91, с. 20; 1980, № 90, с. 49.
[167] *Аршаруни Н. А.* Основные социально-экономические проблемы..., с. 98; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, с. 61, 222; там же, 1980, Rome, 1981, с. 61, 223.
[168] *Аршаруни Н. А.* Основные социально-экономические проблемы..., с. 98; Plan quadriennal 1974—1977, с. 80; Maghreb—Machrek. P., 1980, № 90, с. 49.
[169] Там же.
[170] Afrique agriculture. P., 1981, № 70, с. 21.

[171] *Смирнов И. К.* Алжир: индустриализация и социально-экономический прогресс. М., 1981, с. 149.

[172] FAO Monthly Bulletin of Statistics, 1979, № 10, с. 20; FAO Production Yearbook 1980, с. 247; FAO Production Yearbook 1982, с. 261.

[173] Afrique agriculture, 1981, № 70, с. 21.

[174] *Смирнов И. К.* Алжир..., с. 132.

[175] FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1979, № 10, с. 20.

[176] Там же, с. 22.

[177] *Raffinot M., Jacquemot P.* La capitalisme d'état algérien, с. 200.

[178] Plan quadriennal 1974—1977, с. 77—80.

[179] Алжир. Справочник. М., 1977, с. 133—138; *Смирнов И. К.* Алжир..., с. 63.

[180] *Смирнов И. К.* Алжир..., с. 68, 72.

[181] Алжир. Справочник, с. 131—138; *Вирабов А. Г.* Очерки экономического и социального развития Алжира. М., 1981, с. 145.

[182] *Мельянцев В. А.* Экономический рост стран Магриба. Дисс. канд. экон. наук. М., 1981, с. 53.

[183] Там же, с. 43.

[184] FAO Production Yearbook 1972, с. 43; FAO Production Yearbook, 1980, с. 93; FAO Monthly Bulletin of Statistics. Rome, 1983, № 10, с. 18; FAO Monthly Bulletin of Statistics. Rome, 1984, № 12, с. 20.

[185] FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1985, № 12, с. 20.

[186] FAO Production Yearbook 1972, с. 43; FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1981, № 3, с. 30; 1981, № 10, с. 19; 1983, № 10, с. 19, 1984, № 12, с. 20.

[187] FAO Annual Fertilizer Review 1977. Rome, 1978, с. 149; FAO Monthly Bulletin of Statistics. 1981, № 3, с. 19.

[188] Annuaire statistique de l'Algérie 1976. Alger, 1977, с. 155—159; *Belhimer A.* Révolution agraire le point. Réghaia, [б. г.]. с. 134; L'Algérie en quelques chiffres 1980. Alger, с. 12.

[189] *Belhimer A.* Révolution agraire..., с. 145, 146.

[190] FAO Production Yearbook 1977, с. 45; FAO Production Yearbook 1982, с. 57.

[191] *Mutin G.* Agriculture et dépendance alimentaire en Algérie.— Maghreb—Machrek. 1980, № 90, с. 62.

[192] БИКИ. 30.03.1982.

[193] БИКИ. 09.04.1985.

[194] БИКИ. 09.04.1985.

[195] Показатели за 1952—1979 гг. заимствованы из источников: FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1974, № 9; The State of Food and Agriculture 1979. FAO. Rome, 1980, с. I—12, table I—13. Показатели за 1978—1984 гг. рассчитаны методом выравнивания по экспоненте (см. примечание 71 к главе III) на базе данных: World Food Council. Current World Food Situation. Note by the Executive Director. June 1985. P. (WFC/1985/7. 1 March 1985); FAO Production Yearbook 1981; FAO Production Yearbook 1980.

[196] Там же.

[197] Подсчитано по данным сборников ФАО Production Yearbook, Trade Yearbook за соответствующие годы.

Заключение

[1] *Ленин В. И.* О продовольственных отрядах. Речь на рабочих собраниях Москвы 20 июня 1918 г.— Полное собрание сочинений. Т. 36, с. 424.

[2] Так, высокоурожайные сорта риса, «представляющиеся вполне подходящими» для богарного земледелия, которые были выведены в Международном институте риса на Филиппинах, ведущем центре по селекции сортов зерновых в регионе развивающихся стран Южной и Юго-Восточной Азии, еще не прошли этапа «широкомасштабных испытаний» непосредственно на полях (Рис, который обходится без полива.— За рубежом. 1984, № 42). Интенсификация производства в суходольных районах выдвигается в качестве одной из важнейших долгосрочных целей в развитии продовольственного сектора сельского хозяйства в Индии: «В длительной перспективе,— читаем в одном официальном документе,— страна должна разработать технологии для ведения (современного интенсивного.— *Авт.*) хозяйства на суходольных землях, поскольку площади поливных земель могут в лучшем случае увеличиться лишь до 40% всей возделываемой площади к концу нынешнего столетия (от примерно 30% на рубеже 70—80-х годов.— *Авт.*)» (Government of India. Economic Survey 1983—84. New Delhi. 1984, с. 75).

[3] Например, правительство Индии среди «вызывающих беспокойство факторов, которые необходимо преодолеть» в продовольственном секторе сельского хозяйства, специально выделяет следующее: «...в некоторых наиболее важных пшеницепроизводящих районах урожайность пшеницы (главной культуры современного интенсивного земледелия в Индии.— *Авт.*) перестала расти, что свидетельствует о необходимости осуществлять постоянные изыскания в области генетики в целях улучшения семенного материала» (Government of India. Economic Survey 1981—82. New Delhi, 1982, с. 64).

[4] Подробнее см.: *Брагина Н. М.* Сельское хозяйство.— Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1983 г. и начало 1984 г. МЭМО. М., 1984, с. 66—67.

[5] Процесс такой смены систем земледелия постепенно начинается (с начала 80-х годов) в некоторых развитых капиталистических странах, в частности в США и Японии (см. там же). Что касается развивающихся стран, при нынешних тенденциях в развитии процессов интеграции и отношений зависимости в рамках мирового капиталистического хозяйства интенсивные системы земледелия еще длительное время будут, очевидно, соответствовать по своим важнейшим параметрам уходящим образцам западных моделей интенсивного производства.

При этом перестройка земледелия в странах Запада оказывается возможной, как это уже случалось в прошлом в других отраслях производства (в особенности при размещении в МКХ отраслей промышленного производства в эпоху НТР), за счет задержки трансформации интенсивного земледельческого хозяйства в развивающихся странах: ведь ориентированное на обслуживание капиталоемких и энергоемких моделей интенсивного хозяйства промышленное производство, сосредоточенное в руках ТНК, не может исчезнуть сразу (в результате будет иметь место очередной феномен «отставания на такт», при котором наиболее современные формы интенсивного хозяйства в странах центров МКХ будут утверждаться именно тогда, когда страны периферийных зон этого хозяйства будут еще лишь завершать стадию развития капитало- и ресурсоемких систем земледелия, притом лишь на части — большей или меньшей — пространства аграрной сферы).

В развивающихся странах современные, высокопродуктивные системы земледелия, основанные на консервации природных ресурсов и генной инженерии, адекватно приспособленные к местным условиям, еще нуждаются в разработке и еще больше — в подготовке к запуску в «серийное производство». В некоторых развивающихся странах, обладающих наиболее крупным научным потенциалом, работа над такими системами только началась,— как, например, в Индии, где ведутся исследовательские работы по биологической фиксации азота растениями (т. е. его поглощении непосредственно из воздуха) (см.: За рубежом. 1983, № 12, с. 14). В любом случае массовое внедрение таких систем земледелия (в противоположность пионерным системам «зеленой революции», внедрявшимся на поливных землях в 60—70-х годах) требует решения ряда крупных социальных и экономических проблем, связанных с преобразованием традиционного сектора.

[6] Характерен такой ретроспективный пример. Опыт Индии 70-х годов, когда правящие круги предпринимали энергичные попытки вывести «зеленую революцию» за пределы подготовленных к ней социальных и пространственных «очагов», в частности распространить ее на группы хозяйств мелкого крестьянства, блестяще подтверждает закономерность: производственный эффект «зеленой революции» при сложившейся социальной структуре деревни тем меньше, чем большую площадь эта «революция» охватывает. Так, с 1969—1971 по 1977—1979 гг. средняя урожайность пшеницы в зонах «зеленой революции»

сократилась с примерно 24 до 16 ц/га (при более значительном падении в середине периода), в то время как площади под высокоурожайными сортами этой культуры выросли почти в три раза, а их удельный вес в общей площади посевов пшеницы увеличился с 32 до 69% (см.: Agricultural Situation. Review of 1978 and Outlook for 1979. Asia. United States Department of Agriculture. Wash., 1979, с. 11). То, что это именно закономерность, подтверждается высоким коэффициентом корреляции между динамикой площадей и динамикой урожайности: R = —0,816 (N=10, t = —4). И объясняется эта закономерность тем, что мелкое хозяйство не в состоянии использовать весь «пакет» средств, необходимый для полного раскрытия потенциала продуктивности новых сортов зерновых. Эффективность же интенсификации производства в земледелии «определяется фактором, находящимся в минимуме» (см.: *Гусаков Н. П.* Проблемы интенсификации сельского хозяйства Индии. Автореферат канд. дисс. М., 1980, с. 14).

[7] Вследствие широкого распространения мелкого и мельчайшего индивидуального хозяйства, предоставленного стихийным процессам развития, обескровливаемого эксплуататорами различных рангов — докапиталистического и капиталистического типа, индийское государство не может получить адекватную отдачу на осуществленные им инвестиции в сельскохозяйственную отрасль экономики. В одном из официальных докладов отмечается: «В то время как в расширении площади поливных земель, а также в обеспечении сельского хозяйства современными средствами производства, такими, как высокоурожайные семена, химические удобрения и пестициды, наблюдается прогресс, рост затрат на эти средства, похоже, не вызывает соответствующей прибавки в урожайности земледельческих культур, за исключением пшеницы. Имеется большой (нереализованный.— *Авт.*) потенциал для увеличения продуктивности рисопроизводящего хозяйства... Подъем продуктивности земель, занятых под рисом, должен стать первоочередной задачей» (Government of India. Economic Survey 1983—84, с. 74).

[8] О том, насколько значительно может быть улучшено положение, например, развивающихся стран — экспортеров сельскохозяйственной продукции в системе МКХ при эффективном осуществлении мер, направленных на устранение их дискриминации в международной торговле в пределах этой системы, свидетельствуют следующие данные. По оценке Мирового банка, полное устранение тарифных и нетарифных барьеров, стоящих на пути сельскохозяйственного экспорта развивающихся стран в развитые (капиталистические) страны, могло бы повысить экспортную выручку первых от вывоза 37 необработанных и частично обработанных сельскохозяйственных товаров почти на 6 млрд. долл. (в ценах 1975 г.) к 1985 г., или на сумму, почти вдвое превышающую всю официальную «помощь развитию», ежегодно предоставлявшуюся во второй половине 70-х годов развитым капиталистическим миром сельскому хозяйству развивающихся стран (Food and Agriculture in Global Perspective. Discussion in the Committee of the Whole of the United Nations. Publ. by UNITAR. N. Y. 1980, с. 48).

[9] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция.— Правда. 07.03.1986.

I. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

Продовольственное обеспечение двух групп развивающихся стран в 1970 г. и к 2000 г., по В. Леонтьеву *

Показатель	Группа I**		Группа II	
	1970 г.	2000 г.	1970 г.	2000 г.
Население, млн. человек	357	856	2283	4319
Совокупный внутренний спрос на зерно, млн. т	58,7	270,8	593,1	2056,9
Удельный вес импорта зерна к объему внутреннего производства, %	17,0	16,6	4,5	4,5
Совокупный спрос на продукцию животноводства, млн. т	11,5	68,4	64,4	263,5
Удельный вес импорта продукции животноводства к объему внутреннего производства, %	5,0	5,4	1,6	1,6
Ежедневное потребление продуктов питания на душу:				
энергетическое содержание, тыс. ккал/день	2,1	2,9	2,1	2,5
протеин, г/день	50—60	75—90	50—60	65—80

* Составлено по: Будущее мировой экономики. М., 1979, с. 99—106, 206.

** Группа I включает страны с богатыми природными ресурсами (соответственно — экспорториентированной экономикой); в группу II входят все остальные страны, причем авторы в нее включают и социалистические страны Азии.

Таблица 2

Динамика товарной зерновой продукции мелких хозяйств в странах Южной и Юго-Восточной Азии в 70-е годы *

Страна и год обследования	Площадь хозяйства, га	Продукция, подлежащая реализации на рынке, % (Тр)	Продукция, фактически проданная на рынке, % (Тф)	Личное потребление, %	Обратные закупки зерна на рынке, % (Тф—Тр)	Коэффициент** L	Коэффициент*** E
Индия (1973/74)	до 4	21,3	38,5	78,7	17,2	0,36	—0,6
Пакистан (1976/77)	до 2	18,6	35,4	64,6	16,8	0,38	—0,32
Малайзия (1975)	до 2	25,0	39,0	75,0	14,0	0,42	—0,57
Индонезия (1972)	до 1,5	17,5	36,3	82,5	18,8	0,34	—0,17
Филиппины (1976)	до 1	27,1	40,2	72,9	13,1	0,45	—0,49

* *Bose D.* Exploratory Model of Variations of Cereal Prices. Delhi, 1976; *Hussain S.* Farmers' Response to Price. Karachi, 1978. (Коэффициент E по данным этих работ рассчитан В. Н. Уляхиным.)

Цит. по: *Уляхин В. Н.* Товаризация продовольственной продукции в развивающихся странах.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982, с. 59—61.

** Коэффициент ценовой эластичности душевого спроса на зерно.

*** Показатель зависимости между уровнем цены и уровнем товаризации зерновой продукции.

Таблица 3

Динамика товарности пшеницепроизводящего хозяйства в штатах Бихар и Мадхья Прадеш *

Период	Валовой сбор, тыс. т	Товарный выход	
		масса, тыс. т	удельный вес в валовом сборе, %
Бихар			
1954/55—1956/57	325	98	30,0
1967/68—1969/70	846**	282	33,3
1970/71—1972/73	1651***	299	18,1
1978/79—1979/80	2398****	287	12,0
Мадхья Прадеш			
1954/55—1956/57	1591	573	36,0
1967/68—1969/70	1640**	332	20,2
1970/71—1972/73	2618***	417	15,9
1978/79—1979/80	3313****	386	11,6

* Подсчитано и составлено по: Agricultural Situation in India. Delhi, 1973, vol. 28, № 2, 4; vol. 36, № 12; Indian Agriculture in Brief. New Delhi, 19th ed., с. 299; Government of India. Economic Survey 1981—82. New Delhi, 1982, с. 79—82.

** 1966/67—1968/69 гг.

*** 1969/70—1971/72 гг.

**** 1977/78—1978/79 гг.

Таблица 4

Чистый импорт зерна в развивающиеся страны *, млн. т

Регион	1963 г.**	1971 г.**	1975 г.**	1979 г.**	1982 г.***	1990 г.****
Все развивающиеся страны . .	10,3	17,6	32,5	44,5	48,1	72
Южная и Юго-Восточная Азия	7,0	8,6	14,2	8,8	7,9	14
Ближний Восток	3,5	6,3	9,3	15,7	21,6	18
Только страны — импортеры зерна*****	22,8	34,9	46,8	67,7	77,9	101 (145)

* Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1979, с. 27 (C79/24. July 1979); Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1981, с. 27, 50. App-table 5; Financial Express. Calcutta, 25, 27.05.1980; выпуски ФАО (Рим). Trade Yearbook за 1978—1982 гг. Для периодов 1963, 1975 и 1990 гг. расчеты ФАО произведены применительно к 90 развивающимся странам, в которых проживает 98% населения развивающегося мира. Во всех других случаях показатели касаются всей группы развивающихся стран.

** Для показателя за 1963 г. взято среднее значение соответствующих показателей за пять лет (1961—1965). во всех других случаях — среднее значение за три года (1970—1972 гг. и т. д.).

*** Среднее значение за 1981—1982 гг.

**** Прогноз ФАО (1981 г.); в скобках — прогноз Всемирного продовольственного совета (1980 г.).

***** Для периодов 1971, 1979, 1982 гг.— валовой импорт зерна в развивающиеся страны.

Таблица 5

Доля расходов на продовольствие и возможное подушевое потребление калорий у низшей по величине доходов/расходов группы сельских семей *

Страна	Год	Расходы на продовольствие, % ко всей величине потребительских расходов в группе	Среднее возможное потребление в группе, килокалорий в день	Подушевое потребление в группе, % к потреблению	
				среднему в деревне	в высшей по доходам группе семей
Тунис	1975	56,2	2126	84,7	69,2
Судан	1967/68	77,3	1903	—	35,4
Пакистан	1970/71**	57,6	1844	94,6	76,8
Шри Ланка . . .	1969/70***	63,8	2090	94,0	79,2
Бангладеш . . .	1975/76	77,4****	1942	92,7	84,0

* Составлено и подсчитано по: *Ederisinghe N.* Welfare or Growth? Sri Lanka's Problem in Peasant Agriculture. Ithaca, 1979, с. 3, 11; Household Inkome and Expenditure. Number 2: 1960—1972—Africa, Asia, Latin America. ILO. Geneva, 1977, с. 64, 130, 138; Nutrition Survey of Rural Bangladesh 1975—1976. Dacca, 1977, с. 109; *Périssé J.* and *Kamoun A.* The Price of Satiety: a Study of Household Consumption and Budgets in Tunisia.— Food and Nutrition. FAO. Rome, 1981, vol. 7, № 2, с. 5—6; *Poleman T. T.* Quantifying the Nutrition Stiuation in Developing Countries. Ithaca, 1979, с. IV—11.

** Без учета некоторых второстепенных, низкокалорийных статей продовольственного потребления.

*** Без учета потребления лиц, занятых в плантационном секторе.

**** В 1973/74 г.

Таблица 6

*Доля расходов на продовольствие и подушевое потребление протеина в различных по величине доходов группах сельских семей: Шри Ланка, 1969/70 г.**

Группа	% к общему числу сельских семей	Расходы на продовольствие, % ко всем потребительским расходам	Потребление, % к норме
Низшая . . .	44,7	63,8	97,0
Высшая . . .	5,7	38,4	126,3

* Составлено и подсчитано по: *Ederisinghe N.* Welfare or Growth? Sri Lanka's Problem in Peasant Agriculture. Ithaca, 1979, с. 3, 11.

Таблица 7

Сдвиги в структуре среднемесячных подушевых расходов на продовольствие сельскохозяйственных рабочих Индии за 1963/64—1970/71 гг.,*

%

Год	Доля расходов по отдельным статьям							
	зерновые	бобовые	мясо, рыба, яйца, молоко и молочные продукты	растительное масло	сахар	овощи и фрукты	специи	безалкогольные напитки
1963/64	66,7	5,8	7,4	3,6	3,2	5,1	4,9	3,2
1970/71	59,0	4,0	10,0	4,6	3,7	5,8	5,9	7,0

* Составлено и подсчитано по: *Coondoo D.* a.o. Occupational Variation in the Patterns of Consumer Expenditure in Rural India.— Indian Journal of Agricultural Economics, Bombay, 1975, vol. 30. № 4. с. 33; The National Sample Survey. 25th Round: July 1970 — June 1971. Number 232. Consumer Expenditures of the Weaker Sections of the Rural Population of India. Delhi, 1976, с. 9—13, 210, 288.

Таблица 8

Распределение детей в возрасте 0—6 лет по шкале Гомеса,*

%

Страна**	Год	Дети с нормальным весом	Дети с отклонением веса		
			1-й степени	2-й степени	3-й степени
Бангладеш	1975/76	2,5	12,1	54,6	30,8
Шри Ланка	1975	9,0	53,0	34,4	3,6
Филиппины	1976	21,0	48,0	31,0	

* Составлено и подсчитано по: Aspects of Poverty in the Philippines: A Review and Assessment. Vol. II. IBRD. [Wash.]. 1980, с. 22; *Gavan J. D., Chandrasekera I.* The Impact of Public Foodgrain Distribution on Food Consumption and Welfare in Sri Lanka. IFPRI. Wash., 1979, с. 20; Nutrition Survey of Rural Bangladesh 1975—1976, с. 82.

** Для Бангладеш и Шри Ланки приведены результаты общенациональных обследований только по сельским районам; для Филиппин — результаты обследования и городских, и деревенских детей в отдельных районах с относительно высокой концентрацией пауперизированного населения.

Таблица 9

Сравнительные характеристики среднедушевого продовольственного потребления школьников разных возрастных групп из разных по доходам семей: Индия, Хайдарабад, начало 70-х годов

Возраст	Калорийность рациона ккал/сутки		Содержание белка, г/сутки	
	из бедных семей	из обеспеченных	из бедных семей	из обеспеченных
7—9	1429	2186	37,0	67,8
9—11	1411	2343	36,5	62,1
11—13	1292	2585	34,5	72,2

Составлено по: The World Food Situation: Problems and Prospects to 1985. Vol. 1. Dobbs Ferry, 1976, с. 167.

Таблица 10

*Потребление основных продуктов на душу населения в Индии в 1950—1983 гг.**

Вид продукта	1950/51 г.	1960/61 г.	1970/71 г.	1980/81 г.	1982/83 г
Зерно, г/день	395	469	469	453	430
Пищевое масло, кг/год .	2,7	4,0	4,5	4,9	5,6
Сахар, кг/год	3,0	4,7	7,3	7,2	9,2
Ткань хлопчатобумажная, м/год	11,0	13,8	13,8	11,0	9,8
Ткань синтетическая, м/год	Нет св.	1,2	1,7	3,7	3,7

*Statistical Outline of India 1980. Bombay, 1980, с. 13; Government of India. Economic Survey 1981—82. New Delhi, 1982, с. 84, 86; Government of India. Economic Survey 1983—84. New Delhi, 1984, с. 93, 95.

Таблица 11

Изменения урожайности риса и пшеницы в некоторых странах Азии с 1923 по 1967 г.,*

ц/га

Период	Рис (падди)			Пшеница	
	Индия, Пакистан, Бирма	Таиланд	Филиппины	Индия	Пакистан
1923—1927	14,3	18,6	11,7	7,5	
1935—1938	13,9	12,9	10,9	7,1	
1953—1957	13,2	13,6	11,6	7,4	7,5
1958—1962	14,8	14,0	11,7	8,0	7,0
1963—1967	15,3	16,3	13,2	8,3	8,1

* The State of Food and Agriculture 1968. FAO. Rome, 1968, с. 202, 204.

Таблица 12

Динамика доступной для возделывания земельной площади и площади посевов в Бангладеш в 1949/50—1979/80 гг.,* млн. га

Категория земельной площади	1949/50	1959/60	1969/70	1979/80
Вся доступная для возделывания площадь	10,8	9,5	9,5	9,3
в том числе:				
обрабатываемые земли	9,0	8,7	9,2	9,1
невозделываемые земли	1,8	0,8	0,3	0,2
Вся посевная площадь	10,4	10,7	13,3	12,9

* *Тринч Ф. А.* Бангладеш. Экономико-географический очерк. М., 1974, с. 100; 1982 Statistical Yearbook of Bangladesh. Dhaka, 1983, с. 202.

Таблица 13

*Динамика показателей интенсификации сельского хозяйства стран Ближнего Востока и Южной и Юго-Восточной Азии в 60—70-х годах **

Период	Ближний Восток		Южная и Юго-Восточная Азия	
	Удельный вес площади поливных земель в общей площади пахотных земель, %	Потребление минеральных удобрений ($N+P_2O_5+K_2O$), кг/га	Удельный вес площади поливных земель в общей площади пахотных земель, %	Потребление минеральных удобрений ($N+P_2O_5+K_2O$), кг/га
1961—1965 гг.	17,9	6,6	18,4	4,4
1969—1971 гг.	19,3	13,4	20,7	13,4
1979—1981 гг.	22,9	35,6	27,2	38,1

* Annual Fertilizer Review 1976. FAO. Rome, 1977, с. 20; FAO Production Yearbook 1966. Rome, 1967, с. 5—6, 9—10; FAO Production Yearbook 1975. Rome, 1976, с. 13—16, 24—25; FAO Production Yearbook 1980. Rome, 1981, с. 55, 57; FAO Production Yearbook 1982. Rome, 1983, с. 52, 57; FAO Fertilizer Yearbook 1982. Rome, 1983, с. 54.

Таблица 14

Доля посевов под высокоурожайными сортами в общей посевной площади риса и пшеницы в некоторых странах Южной и Юго-Восточной Азии в 1966—1982 гг.,* %

Страна	1966/67	1971/72	1976/77	1981/82
Пшеница				
Индия	4,2	41,1	71,8	75,7
Пакистан	1,9	56,7	75,4	Нет св.
Рис				
Индия	2,4	19,0	35,6	48,4
Индонезия	...	15,9	48,4	60,0**
Филиппины	2,7	56,3	68,1	77,4
Бангладеш	...	6,7	13,5	22,2

* Foreign Agricultural Economic Report. USDA. Wash., 1978, № 95, с. 125; Government of India. Economic Survey 1983—84. Delhi, 1984, с. 92, 85; *Herdt R. W., Capule C.* Adoption Spread and Production Impact of Modern Rice Varieties in Asia. IRRI. Los Banos, 1983, с. 11, 16, 46.

** Данные соответствуют 1980/81 г.

Таблица 15

*Изменение средней урожайности зерновых на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии *,* ц/га

Регион	1961—1965 гг.	1979—1983 гг.	Прирост с 1961—1965 гг., %
Ближний Восток	10,7	15,0	40,2
Южная и Юго-Восточная Азия	8,4	16,8	100,0

* FAO Production Yearbook 1972. Rome, 1973, с. 43—50; FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 95; FAO Production Yearbook 1982. Rome, 1983, с. 107; FAO Monthly Bulletin of Agricultural Statistics. Rome, 1984, vol. 7, № 3, с. 28.

Таблица 16

Изменение средней урожайности пшеницы и риса в некоторых странах Азии в ходе «зеленой революции» *

Страна	Урожайнось в 1979—1983 гг., ц/га	Прирост с 1961—1965 гг., %
Пшеница		
Пакистан	16,1	92,6
Индия	16,3	95,1
Турция	18,7	72,9
Рис		
Пакистан	25,2	78,0
Индонезия	34,4	95,1
Филиппины	23,0	82,4
Индия	19,1	29,1
Шри Ланка	25,8	47,9

* FAO Production Yearbook 1971. Rome, 1972, с. 39, 40, 75—77; FAO Production Yearbook 1982. Rome, 1983, с. 108, 110, 111.

Таблица 17

Урожайность риса и соотношение цен на азотные удобрения и рис в некоторых странах Азии *

Страна	1965/66 г.		1975/76 г.	
	Урожайность риса (падди), т/га	Цена 1 кг риса (падди), выраженная в цене 1 кг азотных удобрений	Урожайность риса (падди), т/га	Цена 1 кг риса (падди), выраженная в цене 1 кг азотных удобрений
Япония	5,64**	1,43**	5,50	0,61****
Бангладеш	—	—	1,78	0,52
Индия	1,28	0,51	1,64	0,45***
Индонезия	1,84	нет св.	2,78	0,40
Филиппины	1,35	0,30	1,82	0,28
Шри Ланка	1,84	0,69	1,97	0,49
Таиланд	1,72**	0,12**	1,78	0,25

* Rural Asia: Challenge and Opportunity, Asian Development Bank. N. Y., L., 1978, с. 164; FAO Production Yearbook 1967. Rome, 1968, vol. 21, с. 72; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, vol. 32, с. 98, 99; FAO Monthly Bulletin of Statistics, 1978, vol. 1, № 11, с. 71; FAO Monthly Bulletin of Statistics, 1978, vol. 1, № 9, с. 9.

** Данные за 1970 г.

*** Данные за 1974 г.

**** Данные за 1977 г.

Таблица 18

*Статистические показатели производственной деятельности различных групп земледельческих хозяйств в Пенджабе (Индия) в 1954/55—1969/70 гг.**

Группа хозяйств по размерам землепользования, га	Земельная площадь				Вещественные средства производства			Живой труд		
	Средний размер хозяйственной площади, га		Удельный вес площади поливных земель, %		Вложения в улучшенный инвентарь, рупии/га	Затраты на удобрения**, рупии/га	Затраты на средства борьбы с вредителями, рупии/га	Затраты живого труда, человеко-дни/га обрабатываемой земли		В том числе затраты чужого труда, %
	I	II	I	II	I	I II		I	II	I II
Фирозпур и Амритсар 1954/1955—1956/1957 гг.										
Менее 2,02	1,52	1,5	93	87	24,7	22,2 9,9 12,3	...	58,8	64,7	13,8 6,9
2,02—4,05	3,0	3,1	87	85	14,8	17,3 9,9 12,3	...	56,6	58,8	13,5 13,4
4,05—8,10	6,0	5,9	76	75	12,3	12,3 7,4 9,9	...	54,3	55,3	20,5 16,5
8,10—20,24	12,2	12,3	66	62	9,9	9,9 9,9 7,4	...	48,4	50,1	30,6 26,0
20,24 и более	31,9	26,7	84	52	4,9	7,4 7,4 12,3	...	41,3	46,2	64,7 32,1
Всего . . .	7,1	6,8	74	68	12,3	9,9 9,9	...	50,9	52,9	26,7 18,2
Фирозпур 1965/1970 г.										
Менее 6	4,2		93,4		137,8	80,0	9,4	116,6		25,6
6— 9	7,5		86,9		260,5	105,0	7,1	90,4		42,3
9—14	11,2		88,9		359,5	111,1	10,3	81,8		55,9
14—24	17,2		90,6		528,8	113,5	6,4	76,4		61,4
24 и более	33,6		81,9		535,6	140,6	15,1	57,9		74,9
Всего . . .	12,4		87,7		431,6	109,9	9,1	86,7		47,3

Продолжение табл. 18

Группа хозяйств по размерам землепользования, га	Производительность труда								Продуктивность земли					
	Растениеводство в целом				Пшеницепроизводящий сектор хозяйства — поливные земли***				Растениеводство в целом		Пшеницепроизводящий сектор хозяйства***			
	выход продукта, рупии/час		индекс		выход продукта, кг/час		индекс		валовой продукт, рупии/га обрабатываемой земли		валовой продукт, рупии/га посевной площади		урожайность, ц/га	
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II
Фирозпур и Амритсар 1954/55—1956/57 гг.														
Менее 2,02	1,05	1,00	106	107	1,74	1,83	86	88	495	517	393	388	10,1	10,0
2,02—4,05	1,01	0,97	102	104	1,77	1,87	87	90	459	457	344	354	8,9	9,1
4,05—8,10	0,98	0,95	99	102	1,90	2,07	94	100	427	423	428	394	10,8	10,4
8,10—20,24	0,99	0,92	100	99	2,03	2,20	100	106	381	370	439	424	11,0	10,8
20,24 и более	1,07	0,86	108	92	3,50****	2,16	172	104	353	317	528	453	15,4****	11,6
Всего . . .	0,99	0,93	100	100	2,03	2,07	100	100	402	394	428	398	11,0	10,3
					(2,16)	(1,98)					(468)	(406)	(11,9)	(10,4)
Фирозпур 1969/70 г.														
Менее 6	2,20		76		3,41		77		2055		1722		20,6	
6—9	2,69		93		3,28		74		1949		1755		21,3	
9—14	3,14		108		4,74		108		2055		2046		25,2	
14—24	3,18		110		4,56		104		1944		1922		23,7	
24 и более	4,34		150		5,05		126		2012		2149		25,2	
Всего . . .	2,90		100		4,40		100		2009		1949		23,8	

* Составлено и подсчитано по: Studies in the Economics of Farms Management in the Punjab. Combined Report 1954/55—1956/57, Delhi, 1963, с. 9, 13. 20, 27, 46, 56, 65. 76, 79, 83; Studies in the Economics of Farm Management in Ferosepur District (Punjab). Report for the Year 1969/70. Delhi, 1973, с. 19, 24, 28, 49, 80, 104, 109, 130, 133, 141. В отношении периода 1954/55—1956/57 гг. в таблице приводятся результаты двух параллельных выборочных обследований, осуществлявшихся по единой программе. Обследование по выборке № 1 (оно охватило 200 семей, ведущих земледельческое хозяйство) проводилось путем сбора бюджетной информации при ее регистрации и обработке методами бухгалтерского учета; обследование по выборке № 2 — оно было более широкое (400 семей) — осуществлялось методом опроса по единообразной анкете. По некоторым важным позициям обследования дают разнящиеся результаты, что отчасти объясняется тем, что выборка № 1 включала более сильные хозяйства в высшую группу, чем выборка № 2. По этим причинам и приводятся результаты обоих обследований.

Обследование 1969/70 г. касается лишь одного округа Пенджаба — Фирозпура, а обследование 1954/55—1956/57 гг.— двух округов, включая Фирозпур. Но округа Фирозпур и Амритсар весьма близкие по экономическим параметрам районы, представлявшие в середине 50-х годов области наиболее развитого земледелия в Пенджабе. (О такой близости округов частично свидетельствуют и показатели по округу Фирозпур, касающиеся этого периода и отдельно приведенные в таблице.) Это дает определенные основания проводить широкие сравнения хозяйственных ситуаций, фиксированных материалами обследований, проведенных с разрывом в полтора десятка лет.

** Для 1954/55—1956/57 гг.— все виды удобрений; для 1969/70 г.— только покупные удобрения (минеральные и органические). При учете потребления органических удобрений, полученных в самом хозяйстве, средневзвешенный показатель потребления удобрений во всех хозяйствах в расчете на гектар пашни был равен в 1969/70 г. 130,8 рупии (соответствующие показатели по группам хозяйств источник не приводит).

*** Для 1954/55—1956/57 гг.— производство пшеницы обычных сортов; для 1969/70 г.— высокоурожайных (мексиканских) сортов. Цифры в скобках — средневзвешенный показатель по всем хозяйствам округа Фирозпур (по группам хозяйств источник сведений не дает).

**** Данные натуральные показатели в источнике не согласуются со стоимостными (в противовес аналогичным показателям по всем другим группам и средневзвешенному показателю по всем хозяйствам выборки № 1 и всему ряду таких показателей выборки № 2). Соответствие между стоимостными и натуральными показателями наступило бы в том случае, если урожайность пшеницы в высшей группе хозяйств составляла бы 13,5 ц с одного гектара посевной площади (соответственно натуральный показатель производительности труда при возделывании пшеницы был бы равен 3,07 кг/час, а ее индекс — 151). Эта цифра выглядит более реальной и по сравнению со всеми другими показателями. Во всяком случае, абсолютно необъяснимым кажется факт — как могло случиться, что при средней цене единицы валового продукта (пшеницы) — 14,56 рупии за маунд (=37,3 кг),— полученной (при небольших отклонениях) хозяйствами всех других групп данной выборки и всеми хозяйствами выборки № 2, высшая группа хозяйств выборки № 1 получила лишь 12,76 рупии за маунд. По-видимому, значение показателя урожайности в высшей группе выборки № 1, показанное в оригинале, ошибочно.

Таблица 19

*Денежные расходы в текущих производственных затратах по группам земледельческих хозяйств округа Фирозпур (Индия, штат Пенджаб) в 1969/70 г.**

Группа хозяйств по размерам землепользования, га	Удельный вес денежных расходов, %			Удельный вес денежной платы в общем фонде заработной платы, выплаченной постоянным работникам, %
	во всех производственных затратах	в производственных затратах при возделывании пшеницы		
		высокоурожайных сортов	обычных сортов	
Менее 6	56,6	44,0	27,5	51,4
6—9	53,2	41,6	39,9	58,4
9—14	47,9	41,7	35,4	69,3
14—24	49,5	41,9	31,2	67,8
24 и более	59,7	51,0	30,6	59,7
Всего . . .	49,6	43,3	30,3	65,0

* Составлено и подсчитано по: Studies in the Economics of Farm Management in Ferozepur District (Punjab). Report for the Year 1969—1970. Delhi, 1973, с. 105. 145, 164, 61.

Таблица 20

*Социальная поляризация земледельческого населения в Пенджабе (Индия) в 1971 г.**

Социальная группа	Удельный вес дворов**, %	Удельный вес земельной площади, %	Средняя хозяйственная площадь на двор, га
Земледельческая буржуазия			
Крупные предприниматели . . .	0,5 (0,6)	7,5	28,6
Средние предприниматели	3,0 (3,4)	19,4 (26,9	13,2
Формирующаяся буржуазия и зажиточные середняки	8,5 (8,8)	29,3	6,9
Всего	12,0(12,8)	56,2	
Эксплуатируемая беднота деревни			
Сельскохозяйственные рабочие ***	30,5(32,1)	0,5	0,05
Беднейшие крестьяне-хозяева:			
мельчайшие	24,5(15,2)	5,2	0,43
мелкие	13,1 (8,2)	9,4	1,4
Всего	68,1(55,5)	15,1	

* Подсчитано по данным: All India Report on Agricultural Census 1970—71. New Delhi, 1975, с. 212; Census of India 1971. The Punjab State, vide: Hari Singh. Agricultural Workers' Struggle in Punjab. New Delhi, 1980, с. 192; Rural Labour Enquiry 1974—1975. Final Report on Wages and Earnings of Rural Labour Householders. Chandigarh, 1980, с. 19, 28, 32, 69; Studies in the Economics of Farm Management in the Punjab. Combined Report 1954/55—1956/57. Delhi, 1963, с. 14, 16; Studies in the Economics of Farm Management in Ferozepur District (Punjab). Report for the Year 1969/70. Delhi, 1973, с. 53, 56. При расчетах показателей таблицы было предположено следующее: число работников в семьях представленных групп «земледельцев» в 1971 г. не отличалось от тех значений, которые были выявлены обследованиями Управления земледельческим хозяйством в 1954/55—1956/57 гг. и 1969 г. Значения показателей групп сельскохозяйственных рабочих, установленные обследованием положения сельских рабочих, проведенным в 1974/75 г. (имеются в виду такие показатели, как пропорция распределения семей сельскохозяйственных рабочих на группу имеющих клочок земли и группу такового не имеющих, абсолютная численность первых, средний размер участка в хозяйстве рабочего с наделом), можно принять как отражающие ситуацию и в 1971 г.

При расчетах все значения показателей, касающихся сельскохозяйственных рабочих с наделом (таковых было 32 тыс.), были изъяты из значений системы показателей, характеризующих как группу «земледельцев» в целом (она насчитывала 1 375 392 лица, использующих землю под хозяйство), так и группу маргинальных (мельчайших) «земледельцев».

** В скобках — удельный вес самодеятельного населения.

*** Из них 91,7% семей были безземельны, а 8,3% имели крошечные клочки земли — в среднем 0,58 га на семью.

Таблица 21

*Динамика показателей пшеницепроизводящего хозяйства в районе Пенджаб—Хариана (Индия) с середины 50-х годов до конца 70-х годов **

Показатель	1955/56 г.	1969/70 г.	1976/77 г.	1979/80 г.
Удельный вес посевов в общенациональной посевной площади под пшеницей **, %	15,4	18,7	17,9	18,6 (20,1)
Удельный вес сбора в общенациональном сборе **, %	21,8	32,4	28,5	30,5 (32,3)
Товарная масса:				
Объем, млн. т	0,7	2,6	3,9	6,3
Удельный вес в общенациональной товарной массе, %	24,0	49,3	43,1	56,5
Говарность пшеницепроизводящего хозяйства ***, %				
в районе	36,0	43,8	47,9	58,2
в Индии	32,7	28,8	31,7	31,4

* Подсчитано по: Indian Agriculture in Brief. New Delhi, 7th ed., 1966, с. 163; 12th ed., 1973, с. 67, 130, 131; 17th ed., 1979, с. 44, 89, 93, 94, 149; 19th ed., 1982, с. 232, 299; Marketing of Wheat in India (Ministry of Food and Agriculture). Nagpur, 1963, с. 230—233; Agricultural Situation in India. Delhi, 1982, vol. 36, № 12.

** Показатель фиксирует ситуацию в году, предшествующем обозначенному (соответственно в 1954/55, 1968/69, 1975/76, 1978/79 гг.). В скобках — показатель 1981/82 г.

*** Отношение показателя товарного выхода урожая пшеницы на регулируемые рынки в обозначенном году к показателю валового сбора пшеницы в предшествующем году.

Таблица 21А

*Динамика показателей рисопроизводящего хозяйства в районе Пенджаб—Хариана (Индия) с середины 50-х годов до начала 80-х годов **

Показатель	1954/55 г.	1969/70 г.	1975/76 г.	1978/79 г.	1980/81—1982/83 гг., в среднем за год**
Удельный вес в общенациональных сборах, %	0,9	2,3	4,3	8,0	9,7
Товарная масса:					
объем, млн. т	0,14	0,7	1,9	3,9	4,7
Удельный вес в общенациональной товарной массе, %	1,8	7,9	14,9	26,1	32,7

* Подсчитано по: Government of India. Economic Survey 1983—84. Delhi, 1984, с. 88, 90, 91; Agricultural Situation in India. 1982, vol. 37, № 9; 1981, vol. 35, № 10; 1973, vol. 28, № 4; Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956, с. 1—4, 23.

** При расчете допущено, что показатели товарности в эти годы соответствовали показателям, характерным для последней трети 70-х годов (Индия — 28%, Пенджаб — 96, Хариана — 90%).

Таблица 22

*Доля продовольственного экспорта из развивающихся стран, контролируемого ТНК, 1980 г.**

Товар	Объем экспорта, млн. долл.	Доля 15 крупнейших ТНК**, %
Пшеница	16 556	85—90
Сахар	14 367	60
Кофе	12 586	85—90
Кукуруза	11 852	85—90
Рис	4 978	70
Какао	3 004	85
Чай	1 905	80
Бананы	1 260	70—75
Ананасы	440	90

* Транснациональные корпорации в мировом развитии. Третий обзор. Центр ООН по транснациональным корпорациям. Нью-Йорк, 1983, с. 370.

** В большинстве случаев основная часть рыночных операций приходится на три-шесть транснациональных корпораций.

Таблица 23

*Динамика структуры личного потребления в Индии **, %*

Товар	1960/61 г.	1970/71 г.	1980/81 г.
Продовольствие,	66,4 (100,0)**	63,8 (100,0)	57,9 (100,0)
в том числе:			
зерно	30,0 (45,2)	28,8 (45,2)	27,0 (46,7)
молоко и молочные продукты	9,1 (13,8)	7,7 (12,0)	7,8 (13,4)
пищевые масла	5,4 (8,1)	5,2 (8,2)	3,7 (6,4)
мясо и рыба	3,4 (5,1)	2,6 (4,1)	2,5 (4,3)
сахар	5,1 (7,7)	4,5 (7,0)	3,9 (6,7)
прочее продовольствие	13,4 (20,1)	15,0 (23,5)	13,0 (22,5)
Непродовольственные товары и прочие расходы	33,6	36,2	42,1
Итого	100,0	100,0	100,0

* Подсчитано по: Central Statistical Organization. National Accounts Statistics 1970—1971 — 1977—1978. New Delhi, 1980, с. 142. 145; National Accounts Statistics 1970—71 — 1980—81. New Delhi, 1983, с. 37, 39.

** В скобках — доля в потребительских расходах на продовольствие.

Таблица 24

Структура потребления городского и сельского населения в Индии,*
%

Товар	Сельские районы	Городские районы	Крупные города
Продовольствие	72,8 (100,0)	63,8 (100,0)	55,6 (100,0)
в том числе:			
зерно	(63,6)	(44,0)	(20,2)
мясо и рыба	(2,8)	(5,0)	(8,0)
жиры и масло	(4,3)	(6,6)	(7,6)
молоко, молочные продукты, яйца	(8,5)	(13,3)	(15,7)
фрукты и овощи	(11,2)	(11,3)	(19,4)
сахар, сладости	(3,4)	(4,4)	(4,3)
прочее продовольствие . .	(6,2)	(15,4)	(24,8)
Непродовольственные товары	17,3	17,9	19,7
Прочие расходы (медицинское обслуживание, транспорт, связь, электроэнергия и т. д.)	9,9	18,3	24,7
Итого . . .	100,0	100,0	100,0

* The Economic Times. New Delhi, 24.11.1976.

Таблица 25

Структура потребительских расходов на продовольствие у различных групп населения в Индии,*
%

Продукт / Потребительские расходы в месяц на душу, рупии	Деревня				Город			
	10	20—25	100—110	200	10	20—25	100—110	200
Все продовольственные продукты . .	91,7	79,7	50,4	49,8	81,6	71,5	48,8	41,2
в том числе:								
зерно	70,8	50,2	14,5	14,4	59,6	38,2	7,7	6,3
прочая продукция растениеводства	17,6	18,2	13,6	13,1	12,1	11,6	11,2	9,2
продукция животноводства . .	1,1	5,7	12,1	11,6	1,9	8,1	13,8	9,0
сахар, гур	0,9	1,2	1,4	1,4	3,6	3,7	2,2	1,7
растительное масло	0,5	0,6	0,5	0,5	1,8	1,7	1,1	1,1
чай, кофе	0,1	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,9	0,8
прочие продовольственные продукты	0,7	2,6	7,6	8,1	1,9	7,5	11,9	13,1

* Составлено по: Planning Commission of India. A Technical Note on the Approach to Fifth Plan of India. New Delhi, 1973, с. 86—91. (Взяты лишь некоторые группы городского и сельского населения и важнейшие виды продовольственных товаров.)

Таблица 26

*Динамика подушевого обеспечения продовольственным зерном и импорт зерна в Индии**

Год	Подушевое обеспечение зерном, г/день	Среднегодовой темп прироста за период, %			Среднегодовой импорт зерна за период, млн. т	Доля импорта в продовольственном обеспечении за период, %
		подушевое обеспечение	чистое производство зерна	население		
1951	394,0					
1956	430,9	1,8	4,8	1,85	2,4	4,2
1961	468,7	1,7	3,5	2,20	3,4	5,1
1966	408,2	—2,7	—2,5	2,20	5,1	6,5
1971	468,8	2,8	8,4	2,25	6,4	7,8
1976	424,4	—1,9	2,2	2,20	3,5	3,8
1981	453,4	0,05	1,4	2,20	1,05	0,8
1984	475,9**	1,6**	3,1	2,20	2,5	2,0

* Подсчитано по: Economic Survey 1967—68. Government of India. New Delhi, 1968, с. 1—10; Economic Survey 1981—82. Government of India. New Delhi, 1982, с. 84; Economic Survey 1983—84. Government of India. New Delhi, 1984, с. 93.

** Наша оценка.

Таблица 27

Среднегодовой темп прироста посевных площадей и урожайности основных продовольственных культур в Индии,*
%

Период	Посевная площадь			Урожайность		
	Все зерновые	Пшеница	Рис	Все зерновые	Пшеница	Рис
1955/56	0,9	0,8	1,6	3,1	3,6	3,0
1960/61	—0,1	—0,45	0,8	—2,35	—0,45	—3,15
1965/66	1,05	7,2	1,05	5,35	8,85	4,8
1971/72	1,1	1,8	1,1	2,25	0,55	2,15
1975/76	—0,4	1,5	0,15	1,85	3,2	1,55
1980/81						

* Подсчитано по: Economic Survey 1981—1982. Government of India. New Delhi, 1982, с. 76—77.

Таблица 28

*Динамика показателей интенсификации сельского хозяйства Индии**

Год	Площадь поливных земель						Потребление удобрений		Площадь под ВУС					
	Продовольственное зерно		Пшеница		Рис				Продовольственное зерно		Пшеница		Рис	
	млн. га	среднегодовой темп прироста	млн. га	среднегодовой темп прироста	млн. га	среднегодовой темп прироста	млн. т	среднегодовой темп прироста	млн. га	среднегодовой темп прироста	млн. га	среднегодовой темп прироста	млн. га	среднегодовой темп прироста
1950/51	18,3 (18,8)**		3,4 (34,9)		8,6 (27,9)		—		—		—		—	
		1,85		3,15		2,75		0,05		—		—		—
1965/66	24,0 (20,9)		5,4 (43,2)		12,9 (36,5)		0,8		1,8*** (1,6)		0,6*** (4,8)		1,0*** (2,8)	
		3,4		6,0		1,8		13,7		24,0		25,2		(21,5)
1980/81	36,9**** (28,6)		14,8**** (65,5)		16,8**** (41,5)		5,5		45,3 (36,0)		17,4 (78,7)		18,5 (46,5)	

* Составлено и подсчитано по: India, Pocket Book on Economic Information 1965. New Delhi, 1965, с. 36; Indian Agriculture in Brief. 17th Edition, New Delhi, 1978, с. 32—33; Economic Survey 1967—1968. New Delhi, 1968, с. 8—9; Economic Survey 1981—82. Government of India. New Delhi, 1982, с. 76, 78.

** Цифры в скобках — % общей посевной площади под культурой.

*** 1966/67.

**** 1978/79.

Таблица 29

*Динамика производства продовольственного зерна в Индии**

Год	Продовольственное зерно				Пшеница				Рис			
	Производство		Урожайность		Производство		Урожайность		Производство		Урожайность	
	млн. т	среднегодовой темп прироста	ц/га	среднегодовой темп прироста	млн. т	среднегодовой темп прироста	ц/га	среднегодовой темп прироста	млн. т	среднегодовой темп прироста	ц/га	среднегодовой темп прироста
1950/51	54,9 (100,0)**		5,6		6,8 (12,4)		6,6		22,1 (40,3)		6,7	
		1,85		0,7		2,9		1,55		2,25		1,7
1965/66	72,0 (100,0)	4,0	6,2	3,4	10,4 (14,4)	8,75	8,3	4,7	30,7 (42,6)	3,7	8,6	3,0
1980/81	129,8 (100,0)		10,3		36,5 (28,1)		16,5		53,2 (41,0)		13,4	

* Составлено и подсчитано по: India. Pocket Book on Economic Information. 1965. New Delhi, 1965, с. 36; Indian Agriculture in Brief. 17th edition, New Delhi, 1978, с. 32—33; Economic Survey 1967—1968. Government of India. New Delhi, 1968, с. 8—9; Economic Survey 1981—82. Government of India. New Delhi, 1982, с. 76, 78.

** В скобках — % к общему производству продовольственного зерна.

Таблица 30

*Операции с зерном государственной организации «Булог» в Индонезии в 1978/79—1981/82 гг.**

Показатель	1978/79 г.	1979/80 г.	1980/81 г.	1981/82 г.
Поступления				
Всего, тыс. т	2608	3762	3789	4255
в том числе, %				
переходящие запасы	17,6	18,8	23,4	29,5
внутренние закупки	33,8	11,6	43,5	35,3
импорт	48,6	69,7	33,1	35,2
Распределение, тыс. т	1854	2835	2497	2750
в том числе, %				
служащим	33,1	23,2	28,8	27,3
государственным предприятиям	5,7	3,1	3,8	3,6
операции на рынке	56,8	72,7	66,1	65,5
прочие	4,4	1,0	1,3	3,6

* Подсчитано по данным: Bulletin of Indonesian Economic Studies. Canberra, 1981, № 2, с. 21.

Таблица 31

*Среднедушевое потребление продуктов питания в Шри Ланке**

Период	Калорий в день	% минимально необходимой нормы (2200 калорий в день**)
1960—1962	2080	94,54
1964—1966	2259	102,68
1966—1968	2291	104,14
1969—1971	2324	105,64
1972—1974	2099	95,41
1975—1977	2116	96,18
1978—1980	2249	102,23

* Составлено по: FAO Production Yearbook 1977. Rome, 1978, с. 242; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, с. 248; FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 248.

** FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1977, № 4. с. 10.

Таблица 32

*Население, внутренний продукт, производство и потребление продуктов питания в Шри Ланке**

Период	Индексы (1969—1971 гг.=100)				Прирост (+) или сокращение (—) за соответствующий период по сравнению с предыдущим, %				
	Население	Внутренний продукт		Производство продуктов питания на душу населения	Население	Внутренний продукт		Производство продуктов питания на душу населения	Уровень среднедушевого потребления продуктов питания, калории
		валовой	на душу населения			валовой	на душу населения		
1960—1962	81,4	66,0	81,1	92,7	89,5	+9,8	—0,1	+8,6	+8,6
1964—1966	89,6	72,5	81,0	100,7	97,2	+10,1	+4,9	—3,4	+1,4
1966—1968	94,0	79,8	85,0	97,3	98,6	+25,3	+17,6	12,8	+1,4
1969—1971	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	+16,2	+11,0	—0,7	+9,7
1972—1974	104,9	116,2	111,0	99,3	90,3	+13,7	+8,1	+11,8	+0,8
1975—1977	110,1	132,1	120,0	111,0	91,0	+18,2	+12,0	+23,2	+6,4
1978—1980	116,1	156,1	134,4	136,7	96,8				

* Составлено по: FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1977, № 4, с. 10; FAO Production Yearbook 1966. Rome, 1967, с. 27—30; FAO Production Yearbook 1977. Rome, 1978, с. 242; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, с. 32, 76, 78, 80, 82; FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 76, 78, 80, 82, 248; International Financial Statistics. Wash., 1982, vol. XXVIII, № 8, с. 378; International Financial Statistics. Yearbook 1981. Wash., 1982, с. 390—391.

Таблица 33

Индекс производства сельскохозяйственной продукции в Шри Ланке *
(1969—1971 гг.=100)*

Год	Производство всей сельскохозяйственной продукции		Производство продуктов питания	
	валовое	на душу населения	валовое	на душу населения
1960	76	97	72	91
1961	79	98	75	92
1962	83	100	79	95
1963	87	103	86	100
1964	92	107	96	110
1965	91	102	89	99
1966	90	99	86	93
1967	95	102	93	99
1968	98	103	96	100
1969	96	99	95	97
1970	101	101	103	103
1971	101	99	102	100
1972	100	97	102	99
1973	95	90	98	93
1974	105	99	114	106
1975	108	99	118	109
1976	110	99	123	112
1977	112	100	126	112
1978	118	103	136	119
1979	136	117	163	140
1980	144	121	179	151
1981	145	120	179	148

* Составлено по: FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1971, № 7/8, с. 18—21; FAO Production Yearbook 1966, Rome, 1967, с. 27—30; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, с. 76, 78, 80, 32; FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 76, 78, 80, 82.

Таблица 34

Производство риса-сырца (падди) в Шри Ланке *

Год	Уборочная площадь, тыс. га	Производство, тыс. т	Урожайность, кг/га
1961	496	923	1861
1962	527	1029	1953
1963	535	1046	1955
1964	538	1074	1996
1965	432	764	1769
1966	534	981	1837
1967	545	1158	2125
1968	567	1360	2399
1969	536	1376	2567
1970	611	1616	2645
1971	590	1396	2366
1972	543	1313	2418
1973	571	1312	2298
1974	797	1603	2011
1975	598	1154	1930
1976	635	1253	1973
1977	782	1677	2144
1978	840	1891	2251
1979	783	1917	2448
1980	816	2133	2614
1981**	837	2230	2664

* Составлено по: Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Hon. Minister of Finance and Planning. For the Year 1981. Colombo, 1982, Statistical Appendix — Table 10; FAO Production Yearbook 1972. Rome, 1973, с. 60—61; FAO Production Yearbook 1973. Rome, 1974, с. 46—47; FAO Production Yearbook 1974. Rome, 1975, с. 46—47; FAO Production Yearbook 1975. Rome, 1976, с. 62—63; FAO Production Yearbook 1976. Rome, 1977, с. 94—95; FAO Production Yearbook 1977. Rome, 1978, с. 92; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, с. 99.

** Оценка.

Таблица 35

*Национальный зерновой фонд Шри Ланки **

Год	Национальный зерновой фонд, тыс. т	Источники формирования			
		Отечественное производство		Импорт	
		тыс. т	%	тыс. т	%
1961	1368	657	48,0	711	52,0
1962	1390	733	52,7	657	47,3
1963	1342	742	55,3	600	44,7
1964	1854	756	40,8	1098	59,2
1965	1493	551	36,9	942	63,1
1966	1726	698	40,4	1028	59,6
1967	1887	820	43,5	1067	56,5
1968	1916	951	49,6	966	50,4
1969	1857	972	52,3	885	47,7
1970	2266	1131	49,9	1136	50,1
1971	1719	977	56,8	742	43,2
1972	1616	924	57,2	692	42,8
1973	1837	935	50,9	902	49,1
1974	2004	1140	56,9	864	43,1
1975	2008	844	42,0	1164	58,0
1976	1834	907	49,5	927	50,5
1977	2601	1184	45,4	1417	54,5
1978	2553	1407	55,1	1146	44,9
1979	2429	1426	58,7	1003	41,3
1980	2467	1587	64,3	880	35,7
1981	2591	1659	64,0	932**	36,0

* Составлено по: Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Hon. Minister of Finance and Planning for the Year 1981. Colombo, 1982. Statistical Appendix — Table 10; FAO Production Yearbook 1972. Rome, 1973, c. 46—48, 60—61; FAO Production Yearbook 1973. Rome, 1974, c. 42, 46—47; FAO Production Yearbook 1974. Rome, 1975, c. 42, 46—47; FAO Production Yearbook 1975. Rome, 1976, c. 58, 62—63; FAO Production Yearbook 1976. Rome, 1977, c. 90, 94—95; FAO Production Yearbook 1977. Rome, 1978, c. 92, 96—97; FAO Production Yearbook 1978. Rome, 1979, c. 94, 99; FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1971, № 3, c. 25, 26; FAO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1973, № 5, c. 30, 32; FAOO Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics. Rome, 1975, № 11, c. 31, 34; FAO Monthly Bulletin of Statistics. Rome, 1978, № 11, c. 65; FAO Monthly Bulletin of Statistics. Rome, 1982, № 3, c. 49, 59; FAO Trade Yearbook 1964. Rome, 1965, c. 140, 143; FAO Trade Yearbook 1972. Rome, 1973, c. 117; FAO Trade Yearbook 1978. Rome, 1979, c. 110. При оценке производства зерна в 1979—1981 гг. условно предполагалось, что структура производства зерна 1978 г. сохранялась неизменной и в последующие годы.

** По данным: FAO Monthly Bulletin of Statistics. Rome, 1982, № 3, с. 49, 59.

Таблица 36

*Импорт пищевкусовых товаров в Шри Ланке **

Год	Экспорт, млн. рупий	Импорт млн. рупий	Импорт пищевкусовых товаров		
			млн. рупий	% стоимости импорта	% стоимости экспорта
1960	1 832	1 960	752	38,37	41,05
1961	1 733	1 703	672	39,46	38,78
1962	1 808	1 660	630	37,95	34,85
1963	1 731	1 490	629	42,21	36,34
1964	1 876	1 975	1008	51,04	53,73
1965	1 948	1 474	604	40,98	31,01
1966	1 700	2 028	956	47,14	56,24
1967	1 690	1 738	783	45,05	46,33
1968	2 035	2 173	989	45,51	48,60
1969	1 916	2 543	976	38,38	50,94
1970	2 033	2 313	1057	45,70	51,99
1971	1 947	1 986	895	45,07	45,97
1972	2 009	2 064	917	44,43	45,64
1973	2 617	2 715	1248	45,97	47,69
1974	3 471	4 554	1950	42,82	56,18
1975	3 933	5 251	2520	47,99	64,07
1976	4 815	4 645	1491	32,10	30,97
1977	6 638	6 007	2181	36,31	32,86
1978	13 206	14 687	4127	28,07	31,25
1979	15 273	22 560	4809	21,32	31,49
1980	17 595	33 942	6408	18,88	36,42
1981	20 585	35 251	4888	13,87	23,75

* Составлено по: Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Hon. Minister of Finance and Planning. For the Year 1979. Colombo, 1980, с. 45—47; Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1965. Colombo, 1966, с. 135; Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1970. Colombo, 1971, с. 240; Central Bank of Ceylon Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1972. Colombo, 1973, с. 240; Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Minister of Finance. For the Year. 1973. Colombo, 1974, Appendix III, Table 49; Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1974. Colombo, 1975, с. 293; Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1976. Colombo, 1977, с. 206; Central Bank of Ceylon. Annual Report of the Monetary Board to the Minister of Finance. For the Year 1977. Colombo, 1978, с. 23, 25; Central Bank of Ceylon Bulletin. Colombo, August 1971, с. 569; Quarterly Economic Review of Sri Lanka (Ceylon). Annual Supplement 1982. L., 1982, с. 15.

Таблица 37

Долговременные тенденции в изменении структуры потребления продуктов питания в Бирме, кг в год на душу *

Продукты питания	1934—1938 гг. (в среднем в год)	1947/48 г.	1964—1966 гг. (в среднем в год)
Зерновые	149	154	153
Бобовые	7	10	7,3
Корнеплоды	6	8	2,2
Овощи	...	...	50
Фрукты	...	...	30
Сахар	9	6	9,1
Мясо	...	6	6,2
Рыба	...	...	6,6
Молоко и молочные продукты, кроме масла	17	8	17,5
Жиры и масла	4	3	6,6
Количество калорий в день	2080	1990	2010

* Составлено по: FAO Yearbook of Food and Agricultural Statistics 1953. pt. I — Production. Rome, 1954, с. 185; FAO Production Yearbook 1970. Rome. 1971, с. 438.

Таблица 38

Динамика среднедушевого потребления продуктов питания в Бирме *

	1966—1968 гг.	1969—1971 гг.	1975—1977 гг.	1978—1980 гг.
Количество калорий, в день	2096	2193	2197	2286
в том числе за счет продуктов растительного происхождения	2005	2098	2106	2193
Потребление протеина,	52,5	55,9	56,9	59,2
в том числе за счет продуктов растительного происхождения, г в день	44,8	48,0	49,0	51,2
Потребление жиров	32,9	34,3	30,9	33,6
в том числе за счет продуктов растительного происхождения, г в день	27,3	28,2	25,1	27,6

* Составлено по: The State of Food and Agriculture 1979. FAO Rome, 1980, с. А—41; FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, с. 247, 249, 251.

Таблица 39

Структура рациона питания в семьях с различными доходами в Бирме *, %

	Статистические показатели	Семья с доходом до 100 джа в месяц	Семья с доходом 400 джа и выше в месяц
Все расходы на продовольствие	100,0	100,0	100,0
Зерновые и продукты из них	24,4	26,9	22,1
Бобовые	1,1	1,8	1,0
Молоко и молочные продукты	2,9	1,7	5,5
Мясо и яйца	12,4	9,3	15,0
Рыба и рыбные продукты	20,8	21,1	18,9
Масла и жиры	9,1	9,6	9,1
Фрукты	1,3	1,3	1,4
Овощи	4,4	4,5	4,6
Сахар и сладости	2,6	2,3	3,0

* Statistical Year Book 1963. Rangoon, 1963, с. 357.

Таблица 40

Распределение земли между различными группами хозяйств в Бирме *, %

Площадь участка, га	1964/65 г.		1980/81 г.		1984/85 г.	
	Хозяйства	Обрабатываемая площадь	Хозяйства	Обрабатываемая площадь	Хозяйства	Обрабатываемая площадь
До 4	85,2	55,7	85,64	55,96	85,67	56,33
4— 8	11,9	29,3	11,66	29,00	11,70	28,96
8—20	2,8	13,4	2,64	12,76	2,56	12,28
20—40	0,1	1,1	0,05	0,56	0,04	0,50
свыше 40	0,01	0,5	0,01	1,72	0,02	1,93
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1967—1968. Rangoon, 1967, с. 11; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, с. 50; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, с. 46.

Таблица 41

Динамика производства главных продовольственных культур в Бирме, в среднем в год,*
тыс. т

Культура	1936—1941 гг.	1948—1952 гг.	1952—1956 гг.	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.	1971—1975 гг.	1976—1980 гг.	1981—1984 гг.
Зерновые, всего . .	7447	5578	6056	7935	7876	8536	10 852	...
в том числе								
рис-сырец . . .	7545	5481	5980	7786	7715	8385	10 614	14 348
пшеница	9	4	5	38	55	39	83	169
кукуруза	30	30	29	58	54	60	101	290
просо	63	62**	42	53	52	52	54	...
Бобовые	254	123	205	298	279	280	365	578
Масличные:								
арахис (в шелухе)	184	154	187	356	408	432	411	580
кунжут	46	44	47	76	96	114	136	204
подсолнечник . .	—	—	—	—	—	1	12	100
Сахарный тростник	1024	944	1014	1219	1416	1637	1 751	3 471

* Составлено и подсчитано по: Agricultural Statistics 1964—1965. Rangoon, 1966, c. 31, 40—45; Statistical Year Book, 1963. Rangoon, 1963, c. 130—131; Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1967—1968. Rangoon, 1967, c. 39; Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1969—70. Rangoon, 1969, Appendix I (1); Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1972—73. Book II. Rangoon, 1972, c. 171; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1978—79. Rangoon, 1978, c. 59; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, c. 82; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, 1985, c. 80.

** 1949—1952 гг.

Таблица 42

*Динамика производства и использования обрушенного риса в Бирме**

Год	Производство		Внутреннее потребление**		Экспорт***		
	Всего, тыс. т	На душу населения, кг	Всего, тыс. т	На душу, кг	Всего, тыс. т	На душу, кг	Доля в производстве, %
1937—1941****	4477	279	1228	77	3249*****	202	72,6
1954/55	3343	172	1729	89	1614	83	48,3
1955/56	3381	170	1522	77	1859	93	55,0
1956/57	3734	186	1786	89	1948	97	52,2
1957/58	3002	148	1604	79	1398	69	46,6
1958/59	3915	191	2365	116	1550	75	39,6
1959/60	4104	199	2102	102	2002	97	48,8
1960/61	4068	178	2560	112	1508	66	37,0
1961/62	4035	177	2194	97	1841	81	45,6
1962/63	4803	207	3198	138	1605	69	33,4
1963/64	4610	194	3118	131	1492	63	32,4
1964/65	4932	204	3656	151	1276	53	25,9
1965/66	4362	188	3534	143	1128	45	24,2
1966/67	3889	154	3231	128	658	26	16,9
1967/68	4609	178	4257	165	352	13	7,6
1968/69	4738	179	4369	165	369	14	7,8
1969/70	4714	174	4076	151	638	23	13,5
1970/71	4822	174	4061	147	761	27	15,8
1971/72	4785	169	4101	145	684	24	14,3
1972/73	4323	150	4080	141	243	9	5,6
1973/74	4900	166	4701	159	199******	7	4,1******
1974/75	4935	165	4743	159	192	6	3,9
1975/76	5077	167	4651	153	426	14	8,4
1976/77	5413	174	4757	153	656	21	12,1
1977/78	5495	174	4849	153	646	20	11,8
1978/79	5616	174	5456	169	160******	5	2,8******
1979/80	5917	180	5158	157	759	23	12,8
1980/81	6110	182	5437	162	673	20	11,0
1981/82	6495	190	5819	170	676	20	10,4
1982/83	7781	222	7098	203	683	19	8,8
1983/84	7734	217	6860	192	874	25	11,

* Составлено и подсчитано по: Statistical Year Book 1963. Rangoon, 1963, c. 248; Report to the people by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1972—1973. Book II. Rangoon, 1972, c. 169; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1978-79. Rangoon, 1978, c. 62—65; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, c. 88, 89; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, 1985, c. 19, 80; Selected Monthly Economic Indicators. Rangoon, 1963, January, c. 15; 1968, September, c. 19; 1976, September and October, c. 13; 1978, May and June, c. 13; 1984, July and August, c. 8, 13.

** Включая запасы, семена и потери.

*** Исключая экспорт рисовых отрубей.

**** Среднегодовые данные.

***** Включая экспорт рисовых отрубей (примерно 200 тыс. т).

****** Без вывоза битого риса.

Таблица 43

*Динамика государственных закупок необрушенного риса в Бирме **

Год	Объем, тыс. т	Индекс 1969—1971 гг. = 100	Доля в чистом производстве, %
1962/63	3456	115	47,8
1963/64	4070	135	55,5
1964/65	4078	136	50,6
1965/66	3292	110	43,2
1966/67	2039	68	32,8
1967/68	2193	73	29,9
1968/69	3052	102	40,3
1969/70	2962	99	39,3
1970/71	3004	101	38,9
1971/72	2240	75	29,0
1972/73	1288	41	17,7
1973/74	1509	50	18,6
1974/75	2707	90	33,4
1975/76	3236	108	37,2
1976/77	2935	98	33,3
1977/78	2282	76	25,5
1978/79	3858	128	38,8
1979/80	3570	119	36,2
1980/81	4212	141	33,5
1981/82	4306	144	32,2
1982/83	4060	136	29,9
1983/84	4086	137	30,3

* Составлено и подсчитано по: Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1972—73. Book I. Rangoon, 1972, c. 95; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1978/79. Rangoon, 1978, c. 154; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, c. 207; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, 1985, c. 179.

Таблица 44

*Использование государственного фонда обрушенного риса в Бирме**

Год	Всего, тыс. т	Доля в производстве, %	В том числе			
			Экспорт		Внутреннее потребление	
			тыс. т	доля, в госфонде, %	тыс. т	доля в общенациональном фонде потребления риса, %
1955—1958**	1248	37,1	1705	...	...	...
1959—1962**	1418	35,2	1725	...	...	...
1963/64	2911	63,1	1492	51,2	1419	45,5
1964/65	2765	56,1	1276	53,8	1489	40,7
1965/66	2049	44,0	1128	55,1	921	26,1
1966/67	1765	45,4	658	37,3	1107	34,3
1967/68	1283	27,8	352	27,4	931	21,9
1968/69	1680	35,5	369	22,0	1311	30,0
1969/70	1904	40,4	638	33,5	1266	31,1
1970/71	2147	44,5	761	35,4	1386	34,1
1971/72	1862	38,9	684	36,7	1178	28,7
1972/73	768	17,8	243	31,6	525	12,9
1974/75	1167	23,6	192	16,4	903	19,0
1975/76	1727	34,0	426	24,7	1525	33,0

* Составлено и подсчитано: Report to the people by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1972—73. Book II. Rangoon, 1972, c. 169; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1978—79. Rangoon, 1978, c. 62—65; Selected Monthly Economic Indicators. Rangoon, 1963, January, c. 15; September, c. 19; 1976, September and October, c. 13; 1978, May and June, c. 13.

** Среднегодовые данные.

Таблица 45

*Динамика населения, подушевого производства и использования риса в Бирме в 1938—1984 гг.**

Год**	Население		Подушевое производство				Подушевое использование обрушенного риса			
			риса-сырца		обрушенного риса***		Внутреннее потребление		Экспорт	
	млн.	темп роста	кг	темп роста	кг	темп роста	кг	темп роста	кг	темп роста
1938	15 797	100	518	100	307	100	101	100	206	100
1951	19 674	118	289	56	171	56	101	100	70	34
1955	19 434	123	290	56	172	56	89	88	83	40
1961	22 780	144	299	58	179	58	112	111	66	32
1965	24 218	153	351	68	204	66	151	150	53	26
1971	27 637	175	295	57	174	57	147	146	27	13
1975	29 778	189	288	56	166	54	159	157	6	3
1981	33 608	213	396	76	182	59	162	180	20	10
1984	35 680	226	400	77	217	71	192	190	25	12

* Составлено и подсчитано по: Economic Survey of Burma 1962. Rangoon, 1962, с. 13; The Economic Development of Burma (Department of Economics, University of Rangoon). [Б. м., б. г.], с. 13, 22; Report to the People by the Union of Burma Revolutionary Council on the Revolutionary Government's Budget Estimates for 1967—1968. Rangoon, 1967, с. 2; Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1972—73. Book II. Rangoon, 1972, с. 169; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial. Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1978—79. Rangoon, 1978, с. 62—65; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1981—82. Rangoon, 1981, с. 13, 69, 70; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, с. 14, 79, 81, 82, 88, 89; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, 1985, с. 19, 80; Selected Monthly Economic Indicators. Rangoon, 1984, July and August, с. 8, 13.

** Годы хозяйственные: 1938 г.— период с 1 апреля 1938 г. по 31 марта 1939; 1951, 1955, 1961, 1965, 1971 гг. оканчивались 30 сентября; 1975, 1981 и 1984 г.— 31 марта.

*** Семенной фонд и потери исключены.

Таблица 46

*Динамика экспорта продовольствия из Бирмы**

Вид продовольственных товаров	1957—1961 гг.**	1962—1966 гг.	1967—1971 гг.	1972—1973 гг.	1975—1978 гг.	1980—1984 гг.
	В среднем в год					
Объем						
Рис обрушенный, тыс. т	1681	1468	556	464	480	733
% к производству	44,6	31,9	12,2	10,2	9,2	10,7
Бобовые, тыс. т	100	110	59	77	32	78
% к производству	42,0	36,9	21,1	26,3	10,6	16,2
Кукуруза, тыс. т	22	16	10	11	6	21
% к производству	47,8	27,6	18,5	19,6	9,4	10,2
Стоимость						
Весь экспорт, млн. джа	1052	1133	571	672	1313	3133
Рис и рисопродукты, млн. джа	755	721	284	202	646	1324
% к стоимости всего экспорта	71,8	63,6	49,7	30,0	49,2	42,3
Бобовые, млн. джа	46	65	41	63	65	201
% к стоимости всего экспорта	4,4	5,7	7,2	9,4	5,0	6,4
Кукуруза, млн. джа	5	4	3	4	5	20
% к стоимости всего экспорта	0,5	0,4	0,5	0,6	0,4	0,6
Всего экспорт трех главных продовольственных товаров, млн. джа	806	790	328	269	716	1545
% к стоимости всего экспорта	76,7	69,7	57,4	40,0	54,6	49,3

* Составлено и подсчитано по: Selected Monthly Economic Indicators. Rangoon, 1966, June, с. 15—17; 1978, May and June, с. 8—9; 1984, July and August, с. 8, 13; Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1972—73. Book II. Rangoon, с. 169—171; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1982/83. Rangoon, 1982, с. 82; Report to the Pyithu Hluttaw on the Financial, Economic and Social Conditions of the Socialist Republic of the Union of Burma for 1985/86. Rangoon, 1985, с. 80.

** Здесь и далее — годы хозяйственные, оканчивались 30 сентября до 1974 г., 31 марта — с 1974 г.

Таблица 47

Потребление продуктов питания на душу населения в Таиланде *

	1963—1965 гг.	1966—1968 гг.	1969—1971 гг.	1975—1977 гг.	1978—1980 гг.
Потребление калорий, ккал/день	2138	2255	2255	2252	2301
в том числе: продукты растительного происхождения	2007	2117	2101	2107	2155
продукты животного происхождения .	131	138	154	145	146
Потребление протеина, г/день	...	46,3	47,5	47,4	47,5
Потребление жиров . .	...	29	...	24	25

* Составлено по: FAO Production Yearbook 1981. Rome, 1982, Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1969. Bangkok, c. 347.

Таблица 48

*Динамика структуры посевных площадей полеводческих культур в Таиланде в 1961—1981 гг.**

Культура	Млн. га			% к итогу			Среднегодовой прирост, %	
	1961 г.	1970 г.	1981 г.	1961 г.	1970 г.	1981 г.	1961—1970 гг.	1970—1981 гг.
Рис	5,66	6,85	9,14	81,5	78,7	65,5	2,1	2,7
Кукуруза . .	0,3	0,7	1,72	4,3	8,0	12,3	9,9	8,5
Кассава . . .	0,1	0,13	1,05	1,4	1,5	7,5	33,0	20,9
Кенаф	0,19	0,39	0,21	2,7	4,5	1,5	8,3	—5,5
Сахарный тростник .	0,16	0,14	0,48	2,3	1,6	3,4	—	11,9
Прочие . . .	0,53	0,49	1,36	7,6	5,7	9,8	—	9,7
Всего . . .	6,94	8,7	13,96	100	100	100	2,4	4,4

* Рассчитано по: Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1969. Bangkok, c. 346; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1974, Bangkok, c. 411; 1981, c. 518.

Таблица 49

*Среднегодовые показатели производства риса (падди) в Таиланде в 1946—1983 гг.**

Годы	Посевы, млн. га	Сбор, млн. т	Урожайность, ц/га	Население, млн. человек	Производство душу	
					кг в год	индекс 1956—1960=100
1946—1950	5,0	6,0	12,0	18,5	324	120
1951—1955	5,8	7,0	12,1	21,5	325	120
1956—1960	5,7	6,8	12,2	24,9	270	100
1961—1965	6,5	9,3	14,3	29,2	318	118
1966—1970	7,3	11,9	16,3	34,0	350	130
1971—1975	8,0	13,9	17,4	39,8	349	130
1976—1980	8,7	15,9	18,3	45,1	352	130
1981—1983	9,1	17,4	19,1	49,2	354	131

* Рассчитано по: Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1969; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1980. Bangkok UNIDO Annual Report for Thailand 1981—1982; Thailand. Statistical Yearbook 1966; The Sethasarn Yearbook 1957.

Таблица 50

Среднегодовые темпы прироста и удельный вес в суммарной стоимости валовой продукции четырех главных продовольственных культур Таиланда (в ценах 1962 г.) *

Культура	Прирост в среднем за год в 1960—1979 гг., %	Удельный вес в суммарной стоимости продукции, %	
		1960 г.	1979 г.
Рис	3,5	85,5	64,7
Кассава	12,9	4,5	17,6
Кукуруза	10,0	4,5	10,7
Сахарный тростник	6,4	5,5	7,0
Всего	5,1	100,0	100,0

* Рассчитано по: National Income of Thailand 1965; 1967, Bangkok; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. 1981. Bangkok.

Таблица 51

Производство, потребление и экспорт риса в Таиланде, млн. т (в среднегодовом исчислении)*

	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.	1976–1980 гг.	1981–1982 гг.
Производство	6,1	7,85	9,21	10,5	11,43
Экспорт	1,61	1,23	1,3	2,42	3,34
Удельный вес экспорта в производстве, % . . .	26	16	14	23	29
Внутреннее потребление	4,49	6,64	7,91	8,08	8,1
Население, млн. человек	29,17	34,04	39,79	44,57	48,6
Душевое потребление, кг	154	195	199	181	166

* Рассчитано по: Statistical Yearbook for Asia and the Far East 1969. Bangkok; UNIDO Annual Report...; FAO Monthly Bulletin. Rome, 1983, Oct.

Таблица 52

Социальные группы по размерам личных (распределяемых) доходов в Турции в 1973 г.
(% к итогу) *

Социальные группы \ Годовой доход на семью, тыс. долл.	Менее 0,84	0,84–1,66	1,66–5,0	Свыше 5,0	Среднегодовой доход семьи, тыс. долл.
Капиталисты	0,0	0,0	9,3	90,7	13,3
Лица свободных профессий	0,2	2,9	31,2	65,7	8,9
Госслужащие	18,7	37,1	40,5	3,7	1,9
«Белые воротнички» . . .	3,7	23,8	62,6	9,9	2,8
Квалифицированные рабочие	17,0	44,5	37,3	1,2	1,6
Неквалифицированные рабочие	52,3	33,8	13,6	0,3	1,0
Ремесленники и мелкие торговцы	32,7	34,1	29,9	3,3	1,6
Сельские производители . .	49,4	23,1	21,7	5,8	1,7
Сельскохозяйственные рабочие	77,7	18,4	3,9	0,0	0,6
Итого или в среднем . .	38,4	32,8	23,7	5,1	1,7

* The Political Economy of Income Distribution in Turkey. N. Y., 1980, c. 72—75.

Таблица 53

*Динамика посевных площадей, сборов и урожайности зерновых культур в Египте**

	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.
Площадь посевов под зерновыми, тыс. га	2095	2075	1915	1937	2033	2203	2065	2043	2041	2040	2004	2099	2147	2194	2019	2087
Валовой сбор зерна, тыс. т .	6705	6816	6481	6862	6902	7666	7406	7747	7786	7839	7840	7919	8364	8427	7694	8214
в том числе: пшеницы, тыс. т . .	1493	1599	1272	1465	1291	1518	1269	1516	1725	1618	1838	1884	2033	1965	1699	1933
риса, тыс. т	2219	2036	1788	1679	2279	2586	2556	2604	2600	2507	2274	2242	2423	2300	2275	2351
Урожайность зерновых, ц/га . .	32	32,3	33,8	35,4	33,9	34,1	35,8	37,9	38,1	38,4	39,1	37,8	38,9	38,3	38,1	40,6
в том числе: пшеницы, ц/га	26,4	27,5	26,4	27	24,7	25,6	24,3	27,7	30,4	31,1	35,0	32,7	34,6	33,2	33,4	33,3
риса, ц/га .	55,1	50,4	49,7	47,3	35,3	51,1	51,0	54,2	54,3	51,1	54,2	50,7	54,8	50,7	52,0	54,3

* Economic Bulletin. National Bank of Egipt. Cairo, 1964, № 1; 1969, № 1; 1979, № 1—4.

II. СХЕМА МОДЕЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Настоящая схема составлена на основе концепции продовольственного обеспечения развивающихся стран Востока, разработанной советскими учеными-аграрниками [1]. В более сжатом виде эта концепция изложена в первых четырех главах настоящей работы.

Основные черты модели следующие:

I. Модель состоит из четырех блоков (см. рис. 1):

1. Блок производства и предложения зерна.
2. Блок спроса и потребления зерна.
3. Блок товарного зернового баланса.
4. Блок внешней торговли зерном.

Первый и второй блоки обладают автономной системой связей, третий — описывает структурные элементы спроса и предложения зерна, а четвертый выступает как элемент, устанавливающий равновесие между первым и вторым блоком, и его параметры определяются соотношением их показателей.

II. Модель учитывает связи главным образом в области производства и предложения зерна, с одной стороны, и спроса на зерно и его потребления — с другой. Из блока спроса и потребления зерна выделен субблок животноводства, система связей которого с другими элементами модели учитывается только в эквиваленте расходуемого на производство животноводческой продукции кормового зерна.

III. Представленная модель по своему характеру — социально-экономическая. Такой характер модели усиливается введением в нее фактора социальных преобразований, одного из важнейших, приводящих модель в движение.

Блок производства и предложения зерна

В соответствии с концепцией «дуалистической» экономической структуры развивающихся стран блок производства подразделен на два субблока (см. рис. на вкладке) [2]:

1. Традиционный сектор.
2. Современный сектор.

Субблок «Традиционный сектор» описывает взаимосвязи, свойственные натуральным экстенсивным формам ведения хозяйства. Увеличение производства зерна в секторе зависит в основном от расширения площадей. Предполагается, что урожайность в традиционном секторе растет медленно и не является существенным фактором роста производства.

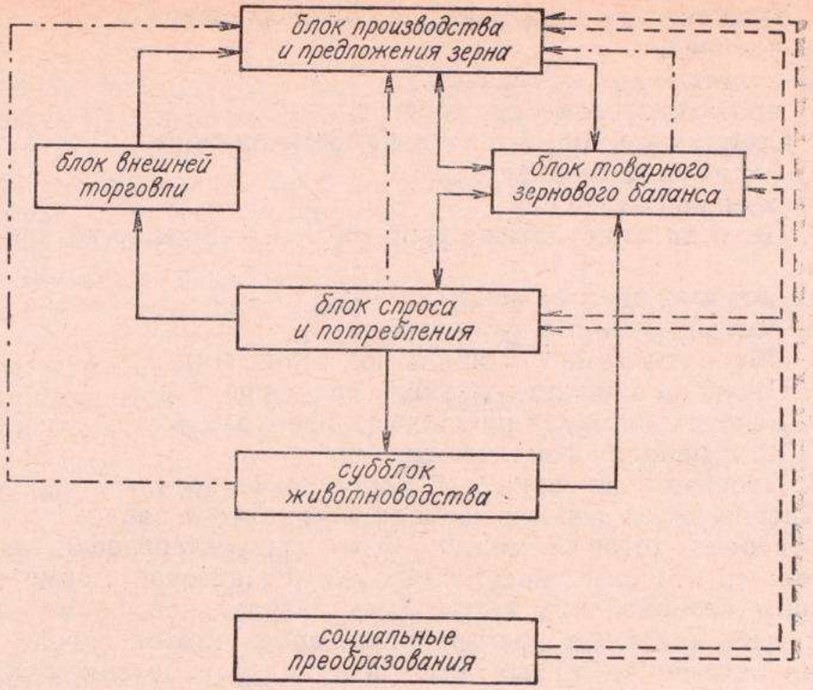

Рис. 1. Блок-схема модели продовольственного обеспечения развивающихся стран

Основными элементами субблока являются:

1. Обрабатываемая площадь под зерновыми и ее составляющие:
   а) площадь орошаемых земель,
   б) площадь суходольных земель.
2. Валовая посевная площадь под зерновыми и ее составляющие:
   а) орошаемых земель,
   б) суходольных земель.
3. Урожайность:
   а) на орошаемых землях,
   б) на суходольных землях.
4. Производство зерна в традиционном секторе и его составляющие:
   а) производство зерна на орошаемых землях,
   б) производство зерна на суходольных землях.

Субблок «Современный сектор» описывает связи, характерные для интенсивной формы хозяйствования, при котором основополагающими факторами роста производства являются средства производства, созданные трудом.

Основными элементами субблока являются:

1. Урожайность и факторы, ее определяющие:
а) удобрения,
б) средства интенсификации,
в) производительность земли.
2. Совокупные инвестиции и их составляющие:
а) национальные инвестиции,
б) внешняя помощь.
3. Цены на минеральные удобрения и влияющие на них факторы:
а) мировая цена на нефть,
б) государственные субсидии.
4. Обрабатываемая площадь под зерновыми.
5. Площадь орошаемых земель под зерновыми.
6. Валовая посевная площадь под зерновыми.
7. Коэффициент фондоотдачи.
8. Производство зерна в современном секторе.

Производство зерна в современном секторе зависит от потока ресурсов, который может быть охарактеризован с двух сторон: со стороны инвестиций в их финансовой форме и со стороны материальных затрат в их натуральной форме. В связи с этим динамика производства зерна может определиться двумя путями: во-первых, непосредственно изменением величины инвестиций; степень зависимости этой динамики от динамики инвестиций характеризуется коэффициентом фондоотдачи. А во-вторых, динамика зернового производства выступает как функция изменения урожайности (предполагается, что расширение обрабатываемой площади будет вносить незначительный вклад в увеличение производства в современном секторе). Основным же элементом материальных затрат, определяющим урожайность, являются минеральные удобрения. В свою очередь, объем применения минеральных удобрений будет зависеть от цены на них. На схеме отмечены два фактора, определяющие эту цену: мировая цена на нефть как исходное сырье для производства минеральных удобрений и государственные субсидии (как фактор, понижающий их конечную цену).

На схеме показана только площадь орошаемых земель, так как производство современного сектора развивается в основном на поливных землях. Однако если научно-техническая революция распространится на производство зерна и на суходольных землях, то в этом случае часть суходольных земель из традиционного сектора перейдет в современный.

Предполагается, что «Валовое национальное производство зерна» складывается из «Производства зерна в современном секторе» и «Производства зерна в традиционном секторе».

«Совокупное предложение зерна» выступает как сумма величины «Валового национального производства зерна» за вычетом семенного фонда, потерь и массы зерна, используемой на технические нужды, и величины «Баланса внешней торговли зерном» (величины чистого импорта или экспорта зерна).

Блок спроса и потребления зерна

Основным элементом блока (см. рис. на вкладке) является «Совокупный спрос на зерно». Совокупный спрос на зерно выступает как сумма величин спроса на продовольственное зерно, предъявляемого различными по размерам дохода группами населения, и спроса на кормовое зерно. Предполагается, что совокупный спрос на зерно зависит от:

а) численности населения;

б) параметров распределения между различными социальными группами населения совокупного дохода, расходуемого на личное потребление;

в) потребительских цен на продовольствие.

При этом «Совокупный доход на личное потребление» рассматривается как часть ВВП, изменение величины которого определяется темпом его прироста.

На схеме все население разделено на три группы, различающиеся уровнем душевого дохода:

а) группа с высоким доходом;

б) группа со средним доходом;

в) группа с низким доходом, куда включается и все пауперизированное население.

В блоке выделяется субблок животноводства; он отражает становление нового типа потребления, связанного прежде всего с потреблением продукции животноводства.

Схема субблока предусматривает две цели: во-первых, показать зависимость между спросом на продукцию животноводства, предъявляемым группой населения с высоким доходом, и ее производством (в эквиваленте кормового зерна); во-вторых, учесть влияние роста производства продукции животноводства на собственно зерновое производство (это будет проявляться в изъятии площадей из производства зерна, используемого непосредственно в пищу, и переключении их на производство кормового зерна) и на структуру товарного зернового продукта (об этом будет сказано ниже). Предполагается, что растущий спрос на кормовое зерно будет удовлетворяться в основном хозяйствами современного типа. Зерно же, которое отвлекается на цели животноводства из традиционного сектора, учитывается через движение потоков в блоке товарного зернового баланса.

Основными элементами субблока являются:

1. Спрос на продукцию животноводства.
2. Производство продукции животноводства.
3. Спрос на кормовое зерно.

Спрос на продукцию животноводства может удовлетворяться тремя путями:

а) внутренним производством этой продукции за счет внутреннего производства кормов;

б) внутренним производством за счет импорта кормов;

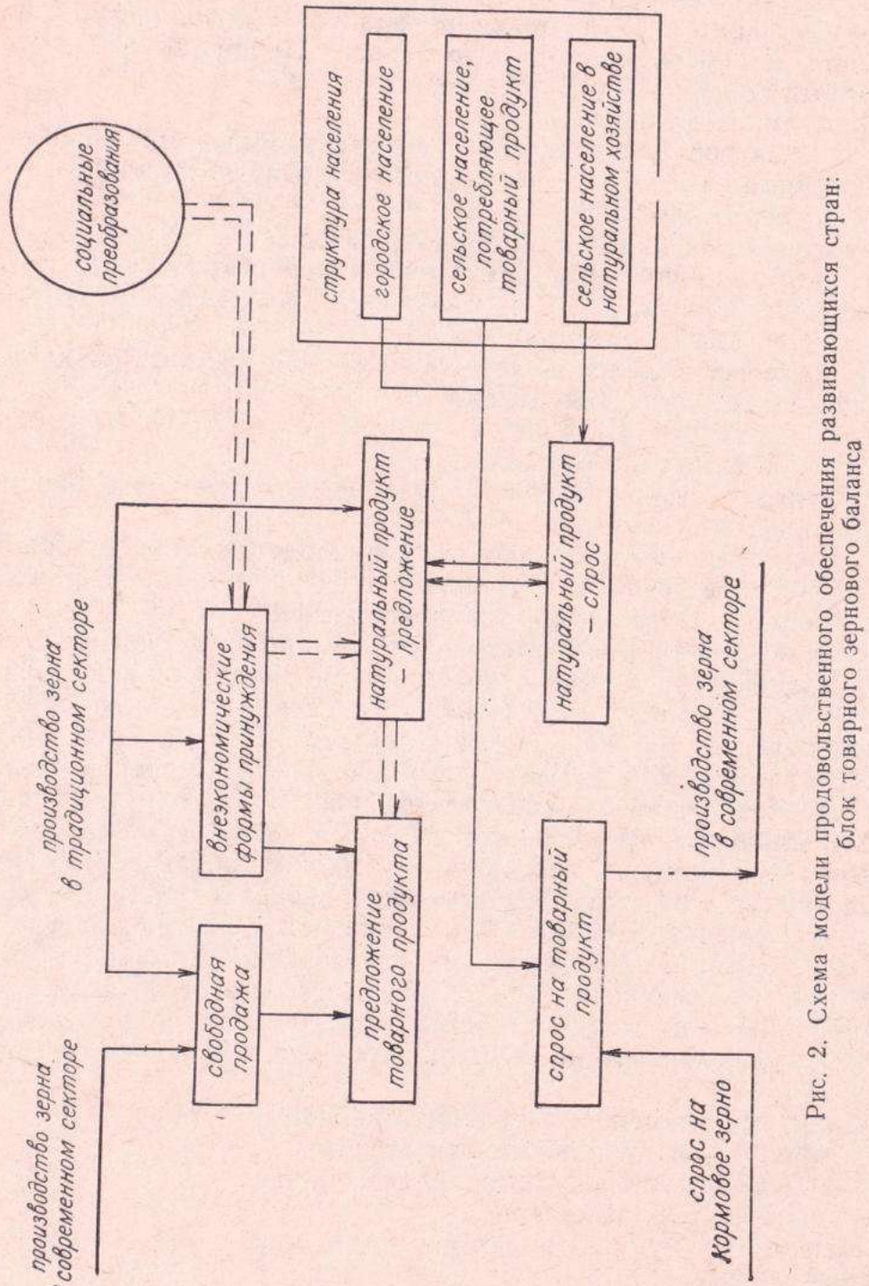

Рис. 2. Схема модели продовольственного обеспечения развивающихся стран:
блок товарного зернового баланса

в) импортом продукции животноводства.

В модели предполагается, что в развивающихся странах спрос на продукцию животноводства будет удовлетворяться первыми двумя способами [3].

Блок товарного зернового баланса

Блок товарного зернового баланса (см. рис. 2) выявляет структурные элементы совокупного спроса и предложения зерна.

На схеме структуру совокупного предложения, формирующегося за счет национального производства, описывают такие элементы, как:

1. Предложение товарного продукта.
2. Натуральный продукт-предложение.
3. Спрос на товарный продукт.
4. Натуральный продукт-спрос.

Товарный продукт национального производства, поступающий на рынок, выступает в двух социальных формах:

1) продукт, изымаемый из крестьянского традиционного хозяйства методами внеэкономического принуждения (рента, ростовщичество, налоги); при этом предполагается, что величина этого продукта находится в обратной зависимости от текущих рыночных цен;

2) продукт сельскохозяйственного производителя, поступающий в свободную продажу — из современного и традиционного секторов.

Эти два источника формирования «Предложения товарного продукта» получили соответствующее отражение в схеме.

Введенные в схему элементы «Натуральный продукт-предложение» и «Натуральный продукт-спрос» — понятия условные и отражают продукт, который производится и потребляется в традиционном секторе, минуя сферу рынка. Эта форма продукта включает в себя продукт, который непосредственно потребляется в хозяйстве, его производящем, а также продукт, расходуемый на натуральную оплату различного рода обязательств в традиционном секторе. Величины «Натуральный продукт-предложение» и «Натуральный продукт-спрос» совпадают; продукт этого вида формируется из продукции традиционного сектора после вычета ренты, налогов, ростовщических платежей и небольшой части продукта, поступающего в свободную продажу.

В связи с тем что структура совокупного спроса (его товарный и натуральный элементы) зависит от структуры населения, на схеме все население подразделяется по экономико-демографическим признакам на три категории:

а) городское население;

б) сельское население, потребляющее товарный продукт;

в) сельское население, занятое в натуральном хозяйстве.

Предполагается, что «натуральный продукт» потребляется сельским населением, занятым в натуральном хозяйстве, а спрос на товарный продукт (при данном уровне потребления) зависит от численности населения, предъявляющего спрос на такой продукт (это — сельское население, потребляющее товарный продукт, и городское население).

На структуру спроса на товарный продукт оказывает влияние спрос на кормовое зерно для животноводческих отраслей хозяйства.

Вместе с тем спрос на товарное зерно воздействует на производство зерна в современном секторе.

Блок внешней торговли

Основными элементами блока (см. рис. на вкладке) являются:

1. Импорт.
2. Экспорт.

Соотношение величин совокупного спроса и предложения зерна определяет тип «Баланса внешней торговли зерном» (чистый экспорт или чистый импорт) и его количественные характеристики. При этом «Экспорт» в модели выступает как производная величина, значение которой определяется превышением предложения зерна над спросом на него, если оно имеет место. Предполагается, что на экспорт отправляется только та масса зерна, которая остается после удовлетворения внутреннего спроса на зерно. Импорт же равен величине дефицита предложения зерна по сравнению с величиной спроса на него.

Экзогенные переменные

Так как модель по своему характеру социально-экономическая, то в нее введены экзогенные переменные двух типов: экономические и социально-политические.

Экономические экзогенные переменные:

1. Мировая цена на нефть.
2. Темп прироста ВВП.
3. Потребительские цены на продовольствие.

В современных условиях одной из важнейших экономических экзогенных переменных, действующих на макроуровне, стала внешняя финансовая задолженность развивающихся стран. В рамках модели продовольственного обеспечения этот фактор оказывает непосредственное влияние, во-первых, на национальный инвестиционный фонд и, во-вторых, на долю ВВП, расходуемую на личное потребление. Величина же внешних инвестиций (внешняя помощь) находится в прямой зависимости от стратегии неоколониализма на данном этапе (см. главу IV).

Социально-политические экзогенные переменные введены в схему в виде фактора социальных преобразований.

В схеме нашел отражение тот факт, что социальные преобразования оказывают воздействие сразу на все три блока: этот фактор влияет на систему распределения доходов в блоке спроса и потребления зерна; в блоке товарного зернового баланса он изменяет соотношение между «Натуральным продуктом-предложением» и «Предложением товарного продукта» в пользу первого, за счет сокращения второго (ибо в результате устранения докапиталистической дани в натуральной и денежной форме немедленно увеличивается потребление зерна в натуральном хозяйстве, с которого эта дань взималась); наконец, он выступает как стимулятор увеличения производства в традиционном секторе в блоке производства и предложения зерна, повышая заинтересованность традиционного производителя в результатах своего труда.

[1] Для структурного построения модели были использованы следующие работы: Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М., 1980, раздел III, главы I, II, III; Восток: рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире. М., 1983, гл. II; Продовольственная проблема в современном мире. М., 1983, гл. I, §1; гл. IV, § 2; *Крылов В. В.* Продовольственная проблема на современном этапе: региональные и международные аспекты.— Аграрные преобразования в странах Африки на современном этапе. М., 1982; *Растянников В. Г.* Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М., 1968; *его же.* Проблемы капиталистического развития в деревне современного Востока.— Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 5; *его же.* Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки; характер основных диспропорций.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. М., 1982. При разработке отдельных блоков были использованы кроме упомянутых также следующие работы: для блока производства и предложения зерна — *Губина И. К.* Сельское хозяйство Индии, рынок средств производства. М., 1982, гл. II, IV; для блока спроса и потребления зерна — *Панарин С. А.* О продовольственном потреблении деревенской бедноты в развивающихся странах Востока.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки; для блока товарного зернового баланса — *Гузеватый Я. Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980, гл. II; *Миронова Е. И.* Рынок продовольственного зерна в современной Индии. М., 1972, гл. I; *Уляхин В. Н.* Товаризация продовольственной продукции в развивающихся странах.— Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки.

[2] Даже такие крупные модели, как MOIRA и модель ФАО, предполагают односекторную систему связей в блоке производства. Двухсекторная модель, принятая в схеме, гораздо полнее и точнее отражает реальные процессы, происходящие в сельском хозяйстве развивающихся стран, в частности в его продовольственном секторе.

[3] Согласно прогнозам ФАО, потребление продукции животноводства к 2000 г. возрастет в развивающихся странах более чем вдвое по сравнению с серединой 70-х годов и будет на 98% обеспечиваться за счет внутреннего производства (см.: Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1981, Statistical App., Table 6).

III. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ
(Краткий обзор зарубежных прогнозов продовольственной ситуации в развивающихся странах)

Как проблема, образующая наиболее слабое звено воспроизводственного механизма в современном мире, развитие систем продовольственного обеспечения закономерно привлекает большое внимание как различных международных и национальных организаций, так и крупных творческих коллективов исследователей-специалистов. В настоящее время прогнозам продовольственной ситуации в современном мире посвящено уже значительное количество исследований. Наибольший интерес представляют три крупных исследования, претендующие на оценку развития продовольственной ситуации в масштабах всего мирового сообщества государств, и особенно стран развивающегося мира, на длительную перспективу: прогноз ФАО «Сельское хозяйство к 2000 году» [1], прогноз Министерства сельского хозяйства США «Зерно, маслосемена, скот», или сокращенно ГОЛ (аббревиатура названия прогноза на английском языке), являющийся частью глобального прогноза «Вступая в XXI век», разработанного для президента США [2], и прогноз группы голландских ученых «Модель международных отношений в сельском хозяйстве», или сокращенно МОИРА (аббревиатура названия прогноза на английском языке; сокращенное название одновременно означает собирательное имя богини судьбы в древнегреческой мифологии) [3]. Ниже предпринимается попытка представить продовольственную ситуацию в развивающихся странах Востока (причем на фоне продовольственного положения всего развивающегося мира), как она очерчивается в критически осмысленных материалах этих исследований.

Наиболее компетентный и всеохватывающий — прогноз ФАО [4]. Авторы прогноза разработали три возможных сценария продовольственной ситуации как на стороне производства, так и на стороне потребления [5].

К 2000 г. численность населения мира перевалит за 6 млрд. человек. Это потребует увеличения сельскохозяйственного продукта на 50—60% по сравнению с 1980 г. Причем в развивающихся странах спрос на продовольственную и другую продукцию аграрного сектора удвоится [6]. Хотя темпы прироста населения в регионе Южная и Юго-Восточная Азия ожидаются самые низкие (2,1% в год по сравнению с 3,0% в Африке и 2,6% на Ближнем Востоке), к началу XXI в. этот регион по-

прежнему будет сосредоточивать наибольшую часть населения развивающегося мира (54%) (табл. 1) [7].

Авторы прогноза ФАО предполагают, что при решении продовольственной проблемы развивающиеся страны будут стремиться достигнуть самообеспеченности основными продуктами питания, поэтому подтягивание внутреннего производства до уровня динамически изменяющегося спроса будет являться одной из центральных задач стратегии аграрного развития в прогнозируемый период.

Все три сценария ФАО исходят из предположения, что рост производства в продовольственном секторе сельского хозяйства будет происходить главным образом на основе развития современных интенсивных систем земледелия, обеспечивающих резкое увеличение выхода продукции на единицу площади [8]. Экстенсивные же факторы увеличения производства, такие, как освоение новых площадей, будут во все большей степени терять свое значение, вследствие практического исчерпания тех природных ресурсов — земли, воды, которые могли бы быть введены в хозяйственный оборот при минимальных капиталовложениях. Так, авторы МОИРА тщательно оценили имеющиеся в развивающихся странах земельные площади, пригодные для сельскохозяйственного использования, и разбили их на пять категорий (табл. 2). Для освоения 1 га земли I категории требуется менее 200 долл. (все значения цен здесь и ниже приведены в постоянных ценах 1975 г.), а для освоения 1 га земли V категории — примерно 3 тыс. долл. Небольшие расчеты показывают, что только для освоения в развивающихся странах земель V категории необходимо вложить более 990 млрд. долл., а по прогнозу ФАО, во все сферы сельского хозяйства этих стран за 20 лет может быть вложено в лучшем случае (сценарий А) 1690 млрд. долл. [9].

Сельское хозяйство развивающихся стран переживает в настоящее время тот этап, когда интенсивная форма земледелия становится все более капиталоемкой и требует возрастающих затрат материальных средств. Например, по данным, приводимым ФАО, для того чтобы добиться ежегодного прироста урожайности на 2% (именно такой темп прироста прогнозируется до 2000 г.), необходим ежегодный прирост использования минеральных удобрений (на гектар пашни) на 6,5% [10].

В соответствии с предположением ФАО (здесь и ниже упоминается сценарий В, кроме случаев, специально оговоренных) в сельское хозяйство развивающихся стран в 2000 г. будет инвестировано 75 млрд. долл., а за весь период с 1980 по 2000 г.— 1386 млрд. долл. [11]. Причем инвестиции зарубежных стран будут составлять более 20% этой суммы [12]. Свыше 40% общей суммы инвестиций будет приходиться на наиболее населенный регион развивающегося мира — страны Южной и Юго-Восточной Азии. Ожидается, что капиталовложения будут в основной своей части направляться в строительство ирригационных систем,

распространение средств механизации сельского хозяйства, животноводство [13].

В результате этих капиталовложений площадь орошаемых земель увеличится в развивающихся странах к концу XX в. с 95 млн. га (1974—1976 гг.) до 135 млн. га, при этом в странах Южной и Юго-Восточной Азии — с 60 млн. до 89 млн. га. На Ближнем Востоке сама орошаемая площадь возрастет незначительно (с 20 млн. до 23 млн. га), но на 27% увеличится к 2000 г. коэффициент ее использования под вторичные посевы (в странах Южной и Юго-Восточной Азии — на 19,5%) [14].

Особого внимания заслуживает прогноз использования главного средства производства в интенсивном земледелии — минеральных удобрений. К концу 70-х годов на развивающиеся страны приходилось 17,5% мирового производства таких удобрений; с помощью национальной промышленности им удавалось покрывать две трети потребностей в этом средстве производства. Предполагается, что к концу столетия они в целом как группа будут почти полностью удовлетворять свои нужды в минеральных удобрениях двух видов — азотных и фосфатах, но это станет возможным в основном за счет развития производства лишь стран, богатых нефтью; «бедные» же страны отнюдь «не получат автоматически выгод» [15]. Тем не менее к 2000 г. использование минеральных удобрений увеличится в 5,6 раза (с 13,5 млн. т действующего вещества в 1974—1976 гг. до 75,5 млн. т в 2000 г.), причем в странах Южной и Юго-Восточной Азии ожидается наиболее значительный рост применения этих средств производства — в 7,7 раза (табл. 3). В несколько раз увеличится их использование в расчете на гектар пашни: в развивающихся странах этого региона — с 24 кг в середине 70-х годов до 169 кг в 2000 г., а в странах Ближнего Востока — с 22 до 86 кг (см. табл. 3). Вдвое меньшую величину для крупнейшего региона развивающегося мира дает прогноз ГОЛ, значительно повышая в то же время показатель для Латинской Америки (табл. 4). В обоих регионах рост урожая будет происходить в основном за счет интенсивных факторов (табл. 5).

Но сельское хозяйство развивающихся стран будет в значительной степени опираться на ручной труд. В самом деле, основным видом используемой в сельском хозяйстве механической энергии по-прежнему останется мускульная энергия человека и тягловая сила скота (табл. 6). Хотя в странах Южной и Юго-Восточной Азии доля средств механизации в общих затратах механической энергии возрастет с 2% (1980 г.) до 8% (2000 г.), подавляющая часть такой энергии — 67% всех энергетических затрат — будет все еще обеспечиваться мускульной энергией человека.

Аграрный сектор в развивающихся странах станет к 2000 г. гораздо более энергоемким. Если в 1980 г. потребности сельского хозяйства всех развивающихся стран в энергии, обеспечиваемой искусственными энергоносителями, составляли 36 млн. т

(в нефтяном эквиваленте), то в 2000 г. затраты такой энергии достигнут 138 млн. т, причем 60% этих затрат будет приходиться на удобрения [16].

Но несмотря на рост интенсивных систем земледелия, увеличение энергоемкости, сельское хозяйство и в 2000 г. останется самой отсталой отраслью народного хозяйства в развивающихся странах. В 1975 г. на долю сельского хозяйства в развивающихся странах приходилось 25% ВВП, но потребляло оно лишь 3,1% общего объема энергии, обеспечиваемой искусственными энергоносителями. ФАО прогнозирует, что в течение 80—90-х годов столь ничтожная доля энергии, используемая в сельском хозяйстве, сохранится или может еще более сократиться [17].

При оценке энергоемкости земледелия развивающегося мира ФАО исходит из того, что будут использоваться системы интенсивного земледелия, напоминающие нынешние, — весьма ресурсопоглощающие. Эта же модель в представлении авторов прогноза не предусматривает какого-либо внедрения в сельское хозяйство трудосберегающей техники. Как раз напротив — она предполагает рост использования массы живого труда: затраты рабочей силы увеличатся более чем на 1/3 (табл. 7). ФАО не предусматривает и тот новый прогресс, который на рубеже 70—80-х годов начался в сельском хозяйстве некоторых развитых капиталистических стран, а именно смену высокоэнергоемких систем земледелия системами более экономичными, но отличающимися большей продуктивностью, при которых достижения биологической науки, в частности генной инженерии, начинают играть определяющую роль в росте урожайности возделываемых культур. В широком смысле ФАО прогнозирует технологическое отставание систем интенсивного земледелия в развивающихся странах от их наиболее современных типов, воплощающих научно-технический прогресс.

Согласно расчетам авторов, ежегодный темп прироста производства сельскохозяйственной продукции в течение прогнозируемого периода будет колебаться в пределах от 2,8 до 3,1% (табл. 8). В результате этого общий объем производства зерна увеличится, согласно трендовому сценарию, к концу периода на 60% по сравнению с серединой 70-х годов и достигнет 636 млн. т, а по сценарию В — 696 млн. т (табл. 9). (Для сравнения скажем, что, по прогнозу ГОЛ, производство зерна по двум вариантам будет колебаться в границах 735 млн. — 741 млн. т, табл. 10.) Но в то же время опережающими темпами будет расти спрос на сельскохозяйственную продукцию, среднегодовой темп прироста которой составит 2,9% для трендового сценария и 3,2% — для сценария В (см. табл. 8). Покрывать все увеличивающийся дефицит зерновых развивающиеся страны вынуждены будут за счет импорта.

Причем разбухание такого импорта будет далеко превосходить темп прироста национального производства зерна; здесь авторы предполагают на будущее ту же динамическую диспро-

порцию, которая была характерна для развивающегося мира в 60—70-х годах, когда зерновой импорт увеличивался в среднем на 5,7% в год (а в странах Ближнего Востока на 9,1%). По трендовому сценарию ФАО, если в 1978/79 г. развивающиеся страны, импортирующие зерно, ввезли 57,6 млн. т этого продукта, то в 1990 г. этот показатель составит 101 млн., а в 2000 г. — 173 млн. т [18]. Уровень зерновой самообеспеченности (удовлетворение общественной потребности за счет национального производства) во всей группе развивающихся стран сократится с 92% в 1975—1979 гг. до 83% в 2000 г., при этом в регионе африканских стран — соответственно с 83 до 56%, на Ближнем Востоке от 82 до 67%, в странах региона Южной и Юго-Восточной Азии — с 95 до 93% (табл. 11).

В области потребления продовольствия в развивающихся странах ожидаются количественные и качественные изменения. Если рассматривать усредненные показатели подушевого потребления по всем группам населения, то ежедневное количество потребляемых калорий увеличится к 2000 г. на 9% по сравнению с серединой 70-х годов (табл. 11, 12). При этом наиболее значительный прирост подушевого потребления ожидается в странах Ближнего Востока — 11% (прогноз ГОЛ, однако, для Ближнего Востока предусматривает фактическую стабилизацию подушевого потребления, выраженного в калориях, или даже некоторое его сокращение по сравнению с исходным периодом — 1973—1974 гг. (табл. 13). Но нужно заметить, что показатель исходного уровня был существенно превзойден в регионе уже к концу 70-х годов, достигнув величины примерно 2700 ккал на душу в день [19].

В то же время произойдет дальнейшее имущественное (и социальное) расслоение населения развивающихся стран: все больше будет выделяться (по качественной структуре питания) группа лиц с высокими доходами и все больше будет увеличиваться численность населения, живущего за чертой бедности (хотя его доля и сократится).

Структура питания у групп с высокими доходами будет изменяться в первую очередь за счет роста потребления продукции животноводства. В этой связи весьма остро встает проблема формирования условий развития этой отрасли, в частности его кормовой базы. ФАО прогнозирует опережающий рост массы зерна, используемой на корм скоту, по сравнению с увеличением массы пищевого зерна. В прогнозе предполагается, что масса кормовых концентратов возрастет почти в три раза — с 49,8 млн. т в год (1975—1979 гг.) до 144 млн. т (2000 г.), а их доля в общем потреблении зерна увеличится с 12 до 18% (табл. 14, 15). Причем в странах Южной и Юго-Восточной Азии эта доля увеличится с 6,6 до 10,4%, а в странах Ближнего Востока — с 9,2 до 17,5% (см. табл. 15). Но помимо того что произойдет расширение площадей, используемых под кормовое зерно, развитие животноводства потребует также расширения посевов других кормовых культур, в частности для производства зерновых кормов.

Так, в регионе Южной и Юго-Восточной Азии в 1980—2000 гг. ожидается увеличение площадей под этими культурами с 10,8 млн. до 19,5 млн. га (т. е. на 80%), а в регионе Ближнего Востока — с 2,7 млн. до 5,5 млн. га (на 104%) [20]. А это означает, что растущая часть дефицитных земельных ресурсов будет отвлекаться на нужды незначительного меньшинства населения с высокими доходами, располагающего прочными возможностями обеспечить себе потребление продукции животноводства, — нагрузка же на оставшуюся земельную площадь, занятую под зерновым хозяйством, неизбежно должна увеличиться. И все это — в условиях, когда оба региона до конца века (особенно Ближний Восток) так и не смогут за два десятилетия достигнуть зерновой самообеспеченности и будут зависеть в возмещении недостающего фонда зерна от импорта, ресурсы для которого еще должны быть найдены в пределах МКХ (ситуация в области обеспечения стран рассматриваемых регионов зерном за счет собственного производства, как отмечалось выше, к 2000 г. даже ухудшится по сравнению с началом 80-х годов). Именно в этом контексте нужно оценивать выпадение земельных площадей из сферы зернового производства, производящего продукт для общенационального потребления (в противовес узкогрупповому). (Характерно, что ни один прогноз не учитывает, сколько в развивающихся странах земельных ресурсов будет занято под хозяйством, специализирующимся на производстве продукции для центров МКХ, в частности вследствие усиливающегося проникновения ТНК в аграрные сектора этих стран.)

Вторая возможность обеспечить необходимое количество кормов — ввоз нужного сырья из-за рубежа, что создаст дополнительную нагрузку на те и без того скудные валютные ресурсы, которые могли бы пойти на закупку недостающего пищевого зерна (в первой главе уже отмечалось, что из-за дефицита валютных ресурсов страны, нуждающиеся в импорте основной продовольственной продукции, не могут ввозить ее в необходимом объеме). Авторы ГОЛ предвидят значительно меньшее расширение производства кормового зерна — с 9% (от общего потребления зерна) в 1970 г. до 11,3% в 2000 г., что соответствует скорости прироста в среднем на 1,1% в год (ФАО же предполагает темп прироста 2% в год) (см. табл. 15, 16). Они исходят из того, что сами развивающиеся страны обеспечить себя кормовым зерном не смогут, а возможности импорта такого зерна будут зависеть от политики развитых капиталистических стран — насколько интенсивно последние будут развивать свой животноводческий сектор. Если наименее развитые из группы развитых капиталистических стран сделают большую ставку на укрепление собственного животноводческого хозяйства, то конкуренция, которая неизбежно усилится на мировом рынке зер-

на, не позволит развивающимся странам закупать кормовое зерно в достаточном количестве. В этом случае, вероятнее всего, будет расти импорт развивающимися странами мяса и мясных продуктов. Весьма быстрый рост такого импорта в некоторые регионы развивающегося мира (особенно в «богатые» страны Ближнего Востока), осуществляемый транснациональными корпорациями, мы наблюдаем уже сейчас [21].

Голод в развивающемся мире отнюдь не будет ликвидирован к концу века. Как раз напротив — при существующих тенденциях развития численность остроголодающего населения существенно возрастет. Так, по трендовому сценарию, число людей, потребляющих менее 1,2 нормы калорий, необходимой для основного обмена, увеличится (по расчетам трендового сценария) с середины 70-х годов на 252 млн. человек и достигнет в 2000 г. 588 млн. человек (табл. 17) — это будет составлять 18% общей численности населения 90 развивающихся стран, исследуемых ФАО. В худшем положении окажутся страны Южной и Юго-Восточной Азии: здесь за «порогом бедности» в 2000 г. будет жить 21% населения, или 392 млн. человек. По трендовому сценарию ФАО, для того чтобы к 1990 г. поднять уровень продовольственного потребления людей, относящихся к отряду наиболее голодающего населения, до минимально приемлемой (рассчитанной ФАО) нормы, необходимо дополнительно 40 млн. т пищевого зерна; по сценариям же В и А, для тех же целей потребуется соответственно 35 и 29 млн. т [22] (в 2000 г. эти величины для сценариев В и А уменьшатся соответственно до 33 млн. и 22 млн. т [23]). ФАО делает следующий расчет, основанный на гипотетической посылке: даже если эти оценки удвоить и принять цифру в 70 млн. т зерна в качестве показателя массы зерна, необходимой для обеспечения остроголодающего населения развивающегося мира минимально достаточной нормой зернового потребления, данная цифра будет составлять всего 41% того количества зерна, которое в соответствии с прогнозом будет в развивающихся странах израсходовано в 2000 г. в виде кормов в животноводческой отрасли хозяйства, ориентированной на удовлетворение потребностей сравнительно узких групп населения с высокими доходами в высококачественном питании. Эта же цифра (70 млн. т) составляет всего 4% прогнозируемого мирового производства зерна и 10% предполагаемого производства зерна (также в 2000 г.) в самих развивающихся странах [24]. Конечно, само по себе противопоставление массы продукции, расходуемой в качестве корма для скота и массы продукции, необходимой для увеличения продовольственного рациона беднейших слоев общества, может находить известное основание только потому, что ФАО не предусматривает ни по одному сценарию возможности полного зернового самообеспечения и в 2000 г., а это, как показывают нынешние тенденции, болезненно отразится на положении бедноты.

Стихийно-рыночный механизм мирового капиталистического хозяйства (МКХ) будет оказывать на продовольственную ситуацию в развивающемся мире весьма существенное воздействие. Эта проблема исследуется в прогнозе ГОЛ и прогнозе МОИРА. Внимание их авторов прежде всего привлекает проблема динамики цен мирового капиталистического рынка, воздействующая одновременно и на производство и на потребление продовольствия в развивающихся странах. Подробно исследуются, в частности, обстоятельства, обусловленные изменением цен на нефть. Авторы ГОЛ разрабатывают два «нефтяных» сценария [25]: первый — мировые цены на нефть останутся постоянными на уровне 1974—1976 гг., второй — мировые цены на нефть возрастут к 2000 г. вдвое от этого уровня, т. е. будут увеличиваться на 3% в год [26]. Авторы исходят из того, что в отличие от развитых капиталистических стран развивающиеся страны смогут «приспособиться» к увеличению мировых цен на нефть. Предполагается, что эти страны будут переходить от энергоемких форм производства к менее энергоемким. И, таким образом, производство в развивающихся странах при росте нефтяных цен не только не сократится, но, напротив, немного увеличится (см. табл. 10) [27].

Но при этом прогноз не исследует условий такого перехода. А между тем, с одной стороны, новые системы земледелия, менее энергоемкие и более экономичные, пока внедряются, как упоминалось ранее, лишь в небольшой группе капиталистических стран. В развивающихся же странах, напротив, при усиливающейся экспансии ТНК все более утверждается энергоемкая и ресурсорасточительная модель производства. И воздействие ТНК на местные аграрные секторы не сокращается, а растет. И главное — при капиталистически ориентированном развитии не предвидится формирование массового (в отличие от узкой группы богатых собственников) производителя, способного в полной мере осваивать эти более экономичные (с точки зрения объема расходуемых ресурсов), но более наукоемкие (т. е. требующие крупных государственных затрат) системы земледелия. С другой стороны, для экстенсивной формы «приспособления» прогнозируется слишком малое расширение земельных площадей — всего 9% до 2000 г. (см. табл. 4). Идея «выигрыша» сельского хозяйства развивающихся стран от повышения нефтяных цен осталась секретом разработчиков модели прогноза.

Колебания мировых цен на нефть, как уже отмечалось, будут оказывать влияние не только на производство продовольствия, но и на его потребление. Высокие нефтяные цены, считают авторы прогноза ГОЛ, будут действовать угнетающе на размеры продовольственного потребления, в первую очередь у бедных слоев населения. Это объясняется тем, что повышение цен на нефть вызывает увеличение цены производственных затрат в сельском хозяйстве, в частности в его продовольствен-

ном секторе, в результате повышаются цены на основную продовольственную продукцию (по сравнению с теми, которые могли бы быть при стабильных нефтяных ценах). Между тем рост доходов бедного населения, которые формируются в значительной степени от продажи рабочей силы, как правило, отстает от роста цен на продовольствие; поэтому реально ожидать при тенденции цен на нефть к повышению сохранения на длительные периоды динамического разрыва между движением нефтяных цен и движением реальной величины доходов, расходуемых на продовольственное потребление, что чувствительно отражается особенно на бедных слоях общества.

Как отмечают авторы прогноза ГОЛ, в результате роста нефтяных цен можно ожидать в 2000 г. повышения индекса мировых продовольственных цен на 35% по сравнению с аналогичным индексом того же года, но при стабильных ценах (табл. 18) (речь идет не о номинальных, а о реальных ценах). Все это неизбежно уменьшит покупательную способность у групп населения с низкими доходами и приведет к сокращению потребления продовольствия в среднем на 2—3% по сравнению с уровнем потребления при стабильных ценах (см. табл. 13, 19). Во всех упомянутых случаях авторы исходят из стихийного процесса развития продовольственной ситуации, полностью отвлекаясь от перераспределительной функции государства, которую правящие группы многих стран как раз и пытаются использовать, чтобы амортизировать хотя бы частично последствия этого стихийного процесса.

Авторы прогноза МОИРА поставили перед собой задачу всесторонне оценить влияние стихийно действующих законов МКХ на продовольственные комплексы развивающихся стран при различных структурных сдвигах в экономике этих стран. Фактически речь идет о темпах индустриального роста: форсированном и замедленном (табл. 20: комментарии). Если за индикатор влияния мирового рынка авторы прогноза ГОЛ выбрали изменение цены на нефть, то авторы МОИРА — динамику мировых цен на сельскохозяйственное сырье [28].

По представлению авторов, в условиях свободно-рыночных отношений в МКХ снизить число голодающих в развивающихся странах можно только путем замедления темпов роста населения [29]. Одновременно делается намек на полезность перераспределительных процессов. Авторы, в частности, отчетливо осознают, что проблема голода — «это в значительной степени проблема распределения дохода» [30].

При замедленном темпе индустриализации снижается платежеспособный спрос, а соответственно и душевое потребление; возникает ситуация, когда платежеспособный спрос на продовольствие может быть удовлетворен при более низком уровне развития внутреннего производства продовольственных товаров (предполагается, что самообеспеченность продовольствием возрастет к 2000 г. до 115%); но число голодающего населения в

мире (а основная его доля приходится на развивающиеся страны) достигнет 1,5 млрд. человек (см. табл. 20).

В случае же форсированной индустриализации возникает другая проблема: платежеспособный спрос увеличивается (душевое потребление продовольствия будет на 30% выше, чем при замедленной индустриализации) и внутреннее производство даже при более высоких темпах роста (его объем в 2000 г. будет на 10% выше объема производства при замедленном развитии) не может полностью удовлетворить этот спрос. (Развивающиеся страны в этом случае будут обеспечивать себя продовольствием в 2000 г. лишь на 88%.) Этот разрыв будет оказывать огромное давление на мировые экспортные ресурсы продовольствия. Численность же голодающего населения будет колебаться, в зависимости от динамики мировых цен на сельскохозяйственное сырье, от 650 млн. до 1,4 млрд. человек (см. табл. 20).

Причем при господстве свободно-рыночных отношений в системе МКХ в целом и в самих развивающихся странах в частности даже осуществление выгодных для последних мер в сфере международных экономических отношений может оказать отрицательное воздействие на продовольственную ситуацию в этой группе стран. Так, даже либерализация международной торговли при господстве таких отношений может дать толчок росту численности голодающих [31].

Таким образом, прогноз голландских ученых МОИРА, хотели авторы того или нет, показывает, что любые варианты развития продовольственных комплексов развивающихся стран, которые будут функционировать при стихийно-рыночных отношениях и господстве частной собственности, не позволяют этим странам решить социальный аспект продовольственной проблемы: ликвидировать голод, хотя в отдельных случаях они могут решить ее экономический аспект — добиться самообеспеченности продовольствием.

В качестве выхода из беспросветного тупика авторы прогноза уповают на продовольственную помощь из «богатых» стран, которая и окажется палочкой-выручалочкой, устраняющей голод. Молчаливо предполагается, что продовольствие, поступающее в рамках этой помощи, будет формировать некий фонд благотворительности, из которого голодающие будут бесплатно черпать пищу.

Изобретение искусственных сюжетов, касающихся функций продовольственной помощи из развитых капиталистических стран, отличает и другие прогнозы буржуазных авторов. В частности, ФАО исходит из предположения, что большая группа развивающихся стран, страдающих наиболее острым дефицитом зерна, не сможет увеличить производство настолько, чтобы хоть несколько приблизиться к удовлетворению общественной потребности в зерне. Восполнять «брешь» между внутренним производством зерна и общественной потребностью в

зерне придется посредством импорта зерна из-за рубежа. А так как большинство стран этой группы относится к типу так называемых «бедных» стран, не располагающих соответствующими ресурсами для оплаты импорта на коммерческих условиях, помочь этим странам должна льготная продовольственная помощь. Теоретиками из ФАО такая помощь (якобы реально доступная) мыслится как «инструмент переходного этапа развития»[32]. Она должна покрывать разницу между величиной возможных коммерческих закупок зерна за рубежом и величиной общих потребностей в зерновом импорте. И эту функцию институт продовольственной помощи должен выполнять до тех пор, пока собственное производство зерна в стране, получающей такую помощь, не вырастет до уровня, при котором потребность в ней отпадет.

По расчетам трендового сценария прогноза ФАО, потребность всех развивающихся стран в продовольственной помощи увеличится с 9,6 млн. т (в 1978/79 г.) до 26 млн. т в 1990 г.[33]. (Причем предполагается, что даже при таком размере продовольственной помощи в развивающихся странах в 1990 г. будет насчитываться 510 млн. человек остроголодающего населения.)

Но реальности сегодняшнего дня, как мы видели выше, не дают никаких оснований предполагать, что институт продовольственной помощи империалистических стран изменит свою сущность и будет ориентироваться на действительные нужды наиболее «бедных» стран. Как раз напротив, очевидно, и в дальнейшем нужно ожидать ужесточения условий продовольственной помощи западных стран и усиления ее ориентации на достижение политико-стратегических целей империализма[34].

Весьма значительно изменяет продовольственную ситуацию в развивающихся странах осуществление программы Нового мирового экономического порядка (НМЭП), в основе которого, как известно, лежат две главные идеи: «1) необходимость демократизации международных экономических отношений и устранения фактического неравноправия развивающихся стран и 2) создание международного механизма политического регулирования мирохозяйственных связей с целью корректировки действия стихийно-рыночных сил»[35]. В частности, осуществляется межгосударственное регулирование рынков основных товаров и капитала, утверждение суверенитета развивающихся стран над ресурсами, оказавшимися под властью ТНК; признается законным право стран и народов на выбор пути общественного развития[36].

Существенным шагом в борьбе за НМЭП была единая платформа развивающихся стран при разработке новой Международной стратегии развития ООН на 80-е годы (МСР), принятой ООН в декабре 1980 г. Выполнение хотя бы части требований развивающихся стран в рамках этой МСР могло бы оказать заметное положительное влияние на экономический рост

этих стран в целом и развитие их продовольственных секторов в частности.

Ряд прогнозов (особенно составленных международными организациями, такими, как ФАО) исследует условия продовольственного обеспечения развивающихся стран при таком варианте развития, при котором определенная часть требований, касающихся НМЭП, была бы осуществлена при реализации МСР.

Прогноз ФАО предполагает, что прежде всего резко увеличится объем капиталовложений в сельское хозяйство. Этот прирост произойдет главным образом за счет ресурсов, которые развивающиеся страны получат в результате регулирования стихийно-рыночных процессов в МКХ. Прогнозируется, что в случае выполнения МСР в сельское хозяйство 90 развивающихся стран, исследуемых ФАО, с 1980 по 2000 г. будет вложено 1690 млрд. долл. — это на 304 млрд. больше, чем в сценарии В. Причем доля, приходящаяся на иностранные инвестиции, несколько сократится; если в сценарии В она составляет 22% (1990 г.) — 20% (2000 г.), то в сценарии А соответствующие показатели равняются лишь 20% (1990 г.) — 18% (2000 г.)[37].

Дополнительные капиталовложения позволят существенно трансформировать производственную базу сельского хозяйства — оно станет более интенсивным (см. свод показателей в табл. 7). Так, если в сценарии В на гектар пашни во всей группе развивающихся стран в 2000 г. будет использовано 85,6 кг минеральных удобрений в действующем веществе, то по сценарию А этот показатель поднимется до 103 кг/га[38]. (В странах Южной и Юго-Восточной Азии соответствующие показатели возрастут с 169 до 206,6 кг/га, а на Ближнем Востоке — с 86,2 до 110 кг/га. Увеличится и урожайность — пшеницы с 22,0 до 22,9 ц/га (на 4%), а кукурузы с 15,5 до 17,2 ц/га (на 11%)[39]. Значительно ускорится темп прироста производства в сельском хозяйстве — до 3,7% (трендовый сценарий — 2,8%) во всей группе развивающихся стран, а в Южной и Юго-Восточной Азии — до 3,6% (против 2,7%), в странах Ближнего Востока — до 3,7% (против 2,8%) (см. табл. 8). Существенно поднимется объем сборов зерна. В сценарии А это увеличение к 2000 г. составит по сравнению с трендовым сценарием 150 млн. т во всей группе развивающихся стран и достигнет 786 млн. т (прирост — 23,6%) (см. табл. 9). И это позволит к 2000 г. значительно увеличить зерновую самообеспеченность стран развивающегося мира — с 83% (в трендовом сценарии) до 93% в сценарии А (соответствующие цифры для 1990 г. — 88 и 91%) (см. табл. 11). В результате основательно снизится зависимость развивающихся стран от импорта продовольствия. Если в трендовом сценарии общий импорт зерна в развивающиеся страны должен в 2000 г. составить, как упоминалось выше, 173 млн. т, то по расчетам сценария А — лишь 109 млн. т[40]. При осуществлении МСР почти вдвое уже к 1990 г. сократится (с 21 млн. т по трендовому сценарию до 12 млн. т в сценарии

А) потребность стран, наиболее остро нуждающихся в продовольствии, в продовольственной помощи из развитых капиталистических государств [41].

Одна из важнейших целей Международной стратегии развития на 80-е годы, как записано в ее Преамбуле, — «постоянное повышение благосостояния всего населения на основе его полного участия в процессе развития и справедливого распределения получаемых в результате этого выгод» [42]. Отсюда логично вытекает тот вывод, что «экономический рост, выраженный в повышении количественных показателей», не может считаться «экономическим развитием, если он не сопровождается соответствующим улучшением условий жизни широких народных масс» [43].

На основе этих посылок прогноз ФАО, воплощенный в сценарии А, предполагает увеличение подушевого потребления продовольствия, хотя авторы прогноза оставляют читателя в неведении, каким образом, за счет осуществления каких конкретно мер будет достигнуто такое распределение дохода, которое и позволило бы поднять среднюю норму продовольственного рациона. Между тем в сценарии А к концу столетия она будет на 11,5% выше, чем в трендовом сценарии (см. табл. 12). Число остроголодающих людей по сценарию А сократится по сравнению с трендовым сценарием более чем в 2 раза (до 260 млн. человек) и составит лишь 7% от общей численности населения против 17% (по трендовому сценарию) (см. табл. 17). Наиболее заметное сокращение числа таких людей по прогнозу ФАО могло бы произойти в странах Ближнего Востока (с 6% от общей численности населения до 2%).

Сценарий А исходит из предположения о более глубоком изменении качества структуры питания, чем сценарий В и тем более трендовый сценарий. Так, продукция животноводства с 1980 по 2000 г. будет ежегодно увеличиваться на 4,5% по сравнению лишь с 3,7% в сценарии В; при этом наиболее интенсивно будет расширяться производство мяса птицы, отличающейся коротким репродуктивным циклом (среднегодовой темп прироста по сценарию А — 6,6% (см. табл. 14). Следует отметить, что соответствующие темпы прироста продукции растениеводства составят лишь 3,5% (сценарий А) и 3,0% (сценарий В) [44].

Все рассматриваемые прогнозы не касаются вариантов решения проблемы голода путем глубоких преобразований отношений собственности на основные средства производства. Даже тогда, когда рассматриваются результаты определенной (как правило, умеренной) перераспределительной политики, всегда остается тайной, какие объекты эта перераспределительная политика охватывает. Среди тех крайне скудных, а точнее, одиночных фактов, которые на сей счет приводятся в материалах прогнозов, можно упомянуть о таком. По расчетам ФАО, перераспределение только 5% земельной площади в Индии в пользу

мелких землевладельцев-собственников и арендаторов-издольщиков при обеспечении их водными ресурсами могло бы снизить численность нищего населения на 30% по сравнению даже со сценарием А. Авторы ФАО считают, что в большинстве развивающихся стран возможно перераспределение 10% всех площадей [45]. Но если существующая система распределения земли сохранится и в будущем, то к концу века в развивающихся странах ожидается дальнейшее увеличение безземельных и малоземельных крестьян — со 167 млн. дворов в 1980 г. до 220 млн. в 2000 г. — когда на эти группы будет приходиться $^3/_4$ общего числа дворов, занятых в сельском хозяйстве [46].

Между тем, в контексте нынешних и возможных в обозримом будущем тенденций развития продовольственных систем, глубокие преобразования отношений собственности на основные средства производства в развивающемся мире представляются не менее важными, чем преобразования в рамках НМЭП. Ибо наиболее полная реализация тех сдвигов, которые предусматриваются программой НМЭП, возможна лишь при осуществлении глубоких внутренних социальных трансформаций, которые и обеспечивают условия для наиболее полного усвоения плодов НМЭП в развивающихся странах; системы продовольственного обеспечения этих стран от решения данной проблемы выигрывают в первую очередь.

[1] Agriculture: Toward 2000. FAO. Rome, 1981 (ссылки в дальнейшем — AT 2000. 1981); Agriculture: Toward 2000. Conference. FAO. Rome, 1979 (C 79/29. July 1979) (ссылки в дальнейшем — AT 2000. 1979).

[2] The Clobal 2000 Report to the President. Entering the Twenty-First Century. Vol. II — The Technical Report. Wash., 1980 (ссылки в дальнейшем — GOL).

[3] MOIRA: Model of International Relation in Agriculture. Report of the Project Group «Food for a Doubling World Population» by H. Linnemann, J. De Hoogh, M. A. Keyzer, H. D. J. Van Heemst. Amsterdam, 1979 (ссылки в дальнейшем — MOIRA).

[4] Следует отметить, что прогноз ФАО был представлен в двух вариантах: предварительном, опубликованном в 1979 г. в материалах 20-й сессии ФАО, и окончательном, опубликованном в 1981 г. За те два года, которые прошли между публикациями обоих вариантов, Генеральной Ассамблеей ООН была обсуждена новая Международная стратегия развития на 80-е годы (МСР) и принята соответствующая резолюция. Разработка положений этой резолюции знаменовала собой весьма существенный шаг на пути оформления требований развивающихся стран в рамках программы нового мирового экономического порядка (НМЭП). Все это не могло не оказать влияние на формирование окончательного варианта прогноза ФАО: так, сценарий максимально благоприятной продовольственной ситуации в этом варианте предполагает, что будет реализована новая МСР; в то время как подобный сценарий в предварительном варианте в значительной степени оторван от реальных процессов экономической и политической жизни. И это делает окончательный вариант, на наш взгляд, более предпочтительным источником при оценке возможных тенденций в развитии продовольственной ситуации к 2000 г., хотя предварительный вариант содержит больший объем показателей, особенно ценных в части, касающейся характеристики исходного положения.

[5] Во-первых — трендовый сценарий, основанный на экстраполяции существующих тенденций; он также выполняет функцию исходной «точки отсчета» — своего рода эталона для сравнения других сценарных вариантов с трендом;

во-вторых — сценарий А, или сценарий максимально благоприятной ситуации, предполагающий осуществление МСР, и, в-третьих,— сценарий В, или сценарий среднего развития,— он исходит из того, что продовольственная ситуация будет лучше, чем при трендовом варианте развития, но хуже, чем в сценарии А.

[6] AT 2000. 1981, с. V.

[7] Напомним, что в 90 развивающихся странах, исследованных ФАО для целей прогноза, проживает 98% населения развивающегося мира (см.: AT 2000. 1981, с. XII).

[8] Согласно сценарию В прогноза ФАО, в ближайшие два десятилетия ожидается очень незначительное расширение обрабатываемой площади в развивающихся странах — всего на 9% в регионе Южная и Юго-Восточная Азия и на 5,7% в странах Ближнего Востока (AT 2000. 1981, Stat. Annex. table 9).

[9] MOIRA, с. 26; AT 2000. 1981, с. 58.

[10] Рассчитано по: AT 2000. 1981, Stat. Annex: tables 9, 10.

[11] Там же, с. 58, приложение — табл. 8.

[12] Там же, с. 53.

[13] Там же, с. 57, 58, приложение — табл. 8.

[14] Там же. Приложение — табл. 9.

[15] Там же, с. 67.

[16] Там же, с. 74.

[17] AT 2000. 1979, с. 233.

[18] AT 2000. 1981, с. 27. Неурожай 1979/80 г., повлекший за собой крупный импорт зерна в развивающиеся страны, побудил Всемирный продовольственный совет (ВПС) уточнить оценку такого импорта на 1990 г. Если прогноз ФАО дает цифру 101 млн. т, то ВПС увеличил эту цифру до 145 млн. т (Financial Express. Calcutta, 25, 27.05.1980).

[19] См.: FAO Production Yearbook 1982. Rome, 1983, с. 262.

[20] AT 2000. 1979, с. 100.

[21] Foreign Agriculture. Wash., 1982, vol. 12, № 12, с. 12—14.

[22] AT 2000. 1981, с. 26, 37.

[23] Расчетов этих показателей для 2000 г. по трендовому сценарию сделано не было.

[24] AT 2000. 1981, с. 37.

[25] Авторы ГОЛ разрабатывают еще ряд сценариев, но для данной работы интерес представляет только исследование различных ценовых ситуаций на рынке нефти на фоне трендового сценария.

[26] Как показывает тенденция, развивающаяся на мировом капиталистическом рынке нефти в 80-е годы, более вероятным может оказаться прогноз, предполагающий определенную стабильность мировых цен на нефть.

[27] GOL, с. 87.

[28] Индекс мировых цен на сельскохозяйственное сырье был выбран в качестве индикатора динамики мировых цен в целом, так как он наиболее подвержен ежегодным колебаниям.

[29] Этот вариант представлен в сценарии 112 (см. табл. 20). Но авторы не оговаривают, что даже такое незначительное снижение числа голодающих — при уменьшении темпа роста численности населения — до 460 млн. человек — возможно лишь при преобразовании производительных сил и соответственном росте производительности труда, не говоря уже о том, что должны быть изменены социальные условия бытия этих групп людей, что позволило бы обеспечить рост их дохода и соответственно их покупательную способность.

[30] MOIRA, с. 300. Прямо ни о каком перераспределении собственности на средства производства как условии устранения неравномерности в распределении доходов в прогнозе совсем не говорится. Но разработан сценарий, согласно которому происходит посредством не обозначенных в прогнозе мер некоторое смягчение этой неравномерности, рассчитанное на длительную перспективу. Этому соответствует сценарий 113 (см. табл. 20); он предполагает, что к 2000 г. неравномерность распределения доходов между группами населения в несельскохозяйственном секторе развивающихся стран снизится наполовину. Это приведет к росту платежеспособного спроса и увеличению душевого потребления. Число голодающих сократится к 2000 г. до 360 млн. человек, т. е. вдвое по сравнению с трендовым сценарием.

[31] Ученые рассчитали сценарий 131 (см. табл. 20), согласно которому снятие тарифных барьеров в развитых капиталистических странах на поставки продовольственных товаров из развивающихся стран приведет к немедленному оттоку продовольственных ресурсов из развивающихся стран и соответственно вызовет в них самих повышение цен на продовольствие, что больно ударит по многочисленным группам бедного населения. В результате этого резко увеличится число голодающих — до 1260 млн. человек в 2000 г. Такого рода процессы уже имеют прецеденты в современной истории. В главе I (см. прим. 68) мы уже упоминали о повышении цен на продукцию, идущую в пищу бедного населения в Бразилии в связи с оттоком из нее продовольственных ресурсов в капиталистические страны Европы.

[32] AT 2000. 1981, с. 54.

[33] AT 2000. 1981, с. 27.

[34] Прогноз ФАО упоминает о том, что сама возможность (она реально обсуждалась в 70-х годах) использования поставок продовольствия в странах, испытывающих их дефицит, в качестве «важнейшего политического оружия» побуждает эти страны добиваться самообеспеченности основными продуктами питания (AT 2000. 1981, с. 110).

[35] Цит. по: Перестройка международных экономических отношений и антиимпериалистический фронт народов.— Проблемы мира и социализма. 1979, № 5, с. 19.

[36] *Иванов И.* НМЭП: сущность, конкретно-исторический контекст, перспективы реализации.— Мировая экономика и международные отношения. М., 1984, № 7, с. 103.

[37] AT 2000. 1981, с. 53, 57.

[38] Подсчитано по: AT 2000. 1981, Stat. Annex: tabl. 9, 10.

[39] Там же, приложение — табл. 10.

[40] Там же, с. 50.

[41] Там же, с. 27, 53.

[42] Цит. по: *Кадаченко А.* НМЭП и международная стратегия развития ООН на 80-е годы.— Мировая экономика и международные отношения. М., 1984, № 8, с. 100.

[43] См.: там же.

[44] AT 2000. 1981, с. 76.

[45] Там же, с. 89.

[46] Там же, с. 88.

Таблица 1

*Прогноз ФАО: изменение численности населения развивающихся стран в 1980—2000 гг.**

Регион	Численность населения, млн. человек			Среднегодовой темп прироста численности населения, %		
	1980 г.	1990 г	2000 г.	1980—1990 гг.	1990—2000 гг.	1980—2000 гг.
Весь мир	4415	5275	6199	1,8	1,6	1,7
90 развивающихся стран	2259	2906	3630	2,5	2,3	2,4
Африка	370	503	668	3,1	2,9	3,0
Южная и Юго-Восточная Азия	1313	1653	2008	2,3	2,0	2,1
Латинская Америка	363	472	601	2,7	2,5	2,6
Ближний Восток	213	278	353	2,7	2,4	2,6

* AT 2000, 1981. Stat. Annex: table 3.

Таблица 2

МОИРА: площадь, пригодная для использования в сельском хозяйстве
(оценки на 1964—1966 гг.) *

Регион	Вся потенциальная площадь, млн. га	Удельный вес площади различных категорий, % к общей потенциальной площади				
		I	II	III	IV	V
Африка	762	12	38	28	21	1
Азия	1081	5	23	38	23	11
Латинская Америка	617	7	10	30	20	33
Весь мир	3714	8	23	40	20	9

* Составлено по: MOIRA, с. 26.

Таблица 3

Прогноз ФАО: интенсивные и экстенсивные факторы экономического роста в сельском хозяйстве развивающихся стран *

Период и регион	Обрабатываемая площадь, млн. га			Потребление удобрений, млн. т	Потребление удобрений на 1 га обрабатываемой площади, кг/га
	поливная	суходольная	общая		
1974—1976 гг.					
90 развивающихся стран .	95	633	728	13,48	18,5
Африка	3	200	203	0,95	4,7
Южная и Юго-Восточная Азия	60	204	264	6,33	23,9
Латинская Америка	12	161	173	4,29	24,8
Ближний Восток	20	68	88	1,92	21,8
2000 г.					
90 развивающихся стран . .	135	747	882	75,55	85,6
Африка	5	237	242	4,08	16,9
Южная и Юго-Восточная Азия	89	199	288	48,67	169,0
Латинская Америка	18	241	259	14,77	57,0
Ближний Восток	23	70	93	8,02	86,2

* Составлено и подсчитано по: AT 2000. 1981, Stat. Annex: tables 9, 10.

Таблица 4

Прогноз ГОЛ: интенсивные и экстенсивные факторы экономического роста в сельском хозяйстве развивающихся стран *

Период и регион	Обрабатываемая площадь млн. га	Потребление удобрений, млн. т	Потребление удобрений на 1 га обрабатываемой площади, кг/га
1971—1975 гг.			
Все развивающиеся страны . . .	662,0	11,92	20
Тропическая Африка	160,5	0,55	5
Южная и Юго-Восточная Азия . .	273,5	5,47	40
Латинская Америка	136,5	3,90	30
Ближний Восток и Северная Африка	91,5	2,0	20
2000 г.			
Все развивающиеся страны . . .	723,5	58,75	80
Тропическая Африка	182,5	4,50	25
Южная и Юго-Восточная Азия . .	285,0	24,75	87
Латинская Америка	165,0	20,75	125
Ближний Восток и Северная Африка	91,0	8,75	95

* Составлено и подсчитано по: GOL, с. 97, 100, 101.

Таблица 5

Прогноз ФАО: удельный вес факторов, обеспечивающих прирост валового урожая в 1975—2000 гг. *

Факторы прироста валового урожая	90 развивающихся стран	Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток
Увеличение обрабатываемой площади	26	27	10	55	6
Использование обрабатываемой площади под двойные посевы	14	22	14	14	25
Прирост урожайности .	60	51	76	31	69

* Составлено по: AT 2000. 1981, с. 61.

Таблица 6

Прогноз ФАО: затраты механической энергии в сельском хозяйстве развивающихся стран *

Период и регион	Общие затраты механической энергии, эквивалент в млрд. человеко-дней	Источник энергии, % к общим затратам		
		рабочая сила	тягловый скот	средства механизации
1980 г.				
Все развивающиеся страны	96,3	66	29	5
Африка	15,8	81	16	3
Южная и Юго-Восточная Азия	60,6	64	34	2
Латинская Америка	11,7	56	25	19
Ближний Восток	8,1	63	25	12
2000 г.				
Все развивающиеся страны	155,2	67	20	13
Африка	28,2	81	11	8
Южная и Юго-Восточная Азия	92,4	67	25	8
Латинская Америка	21,1	49	13	38
Ближний Восток	13,2	68	13	19

* Составлено и подсчитано по: AT 2000.1979, с. 86.

Таблица 7

Прогноз ФАО: индекс текущих затрат на воспроизводство в сельском хозяйстве развивающихся стран (1980 г.=100) *

Показатель затрат	2000 г.		Темп прироста в 1980—2000 гг., % в год	
	Сценарий В	Сценарий А	Сценарий В	Сценарий А
Текущие затраты, денежный эквивалент	252	307	4,73	5,78
Затраты из сельскохозяйственного сектора	197	233	3,45	4,31
Затраты из несельскохозяйственного сектора	314	392	5,89	7,07
Вся обрабатываемая площадь	115	120	0,71	0,90
Площадь поливных земель	129	141	1,27	1,72
Тракторы	417	533	7,40	8,92
Удобрения	412	514	7,33	8,53
Пестициды	207	240	3,70	4,47
Затраты энергии, получаемой из искусственных энергоносителей, в нефтяном эквиваленте	383	494	6,94	8,32
Сортовые семена	280	317	5,29	5,93
Кормовое зерно	258	307	4,85	5,71
Затраты рабочей силы, эквивалент человеко-дней	137	146	1,60	1,91

* Составлено по: AT 2000.1981, с. 57.

Таблица 8

Прогноз ФАО: темп прироста производства, спроса и импорта сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах *

Период и сценарий	90 развивающихся стран	Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток
Производство					
1961—1965—1980 гг.	2,8	1,8	2,9	3,0	3,0
1980—2000 гг.					
Трендовый сценарий	2,8	2,6	2,7	3,0	2,8
Сценарий В	3,1	3,4	3,0	3,3	3,0
Сценарий А	3,7	4,3	3,6	3,8	3,7
Спрос					
1961—1965—1979 гг.	3,1	2,9	2,8	3,2	4,1
1980—2000 гг.					
Трендовый сценарий	2,9	3,4	2,6	2,9	3,2
Сценарий В	3,2	3,6	3,0	3,4	3,1
Сценарий А	3,7	4,3	3,5	3,7	3,6
Импорт					
1961—1965—1979 гг.	5,7	6,5	3,1	6,1	9,1
1980—2000 гг.	—	—	—	—	—
Трендовый сценарий					
Сценарий В	3,4	4,0	3,8	2,6	3,2
Сценарий А	3,0	3,7	3,1	1,8	3,2

* Составлено по: AT 2000.1981, Stat Annex: table 4.

Таблица 9

Прогноз ФАО: производство и потребление зерна в развивающихся странах *,

млн. т

Период и сценарий	90 развивающихся стран	Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток
1975—1979 гг.					
Производство	382	43	207	80	52
Потребление	415	51	219	81	64
Дефицит (—)	—33	—8	—12	—1	—12
Избыток (+)	—	—	—	—	—
2000 г.					
Трендовый сценарий					
Производство	636	61	358	146	71
Потребление	768	110	384	168	106
Дефицит (—)	—132	—49	—26	—22	—35
Избыток (+)	—	—	—	—	—
Сценарий В					
Производство	696	84	374	160	78
Потребление	801	120	403	170	108
Дефицит (—)	—105	—36	—29	—10	—30
Избыток (+)	—	—	—	—	—
Сценарий А					
Производство	786	108	405	184	89
Потребление	850	133	423	180	114
Дефицит (—)	—64	—25	—18	—	—25
Избыток (+)	—	—	—	+4	—

* Составлено по: AT 2000.1981, Stat. Annex: table 5.

Таблица 10

*Прогноз ГОЛ: производство и потребление зерна в развивающихся странах *,*
млн. т

Период и сценарий	Все развивающиеся страны	Тропическая Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток и Северная Африка
1973—1975 гг.					
Производство	328,7	31,3	183,1	72,0	42,4
Потребление	355,0	33,8	195,9	71,2	54,1
Дефицит (—)	—29,5	—2,4	—15,7	—	—13,8
Избыток (+)	—	—	—	+0,2	—
2000 г.					
I вариант **					
Производство	735,0	61,3	398,9	182,6	92,2
Потребление	789,8	63,3	430,2	168,8	127,5
Дефицит (—)	—54,8	—2,0	—31,3	—	—35,3
Избыток (+)	—	—	—	+13,8	—
II вариант **					
Производство	740,6	63,7	397,0	185,9	89,0
Потребление	772,4	63,0	419,7	166,0	123,7
Дефицит (—)	—31,8	—	—22,7	—	—29,7
Избыток (+)	—	+0,7	—	+19,9	—

* Составлено по: GOL, с. 80, 81.
** I вариант — мировые цены на нефть к 2000 г. сохранятся на уровне 1974—1976 гг.; II вариант — мировые цены на нефть поднимутся к 2000 г. вдвое от уровня 1974—1976 гг.

Таблица 11

*Прогноз ФАО: доля самообеспеченности зерновыми продуктами питания *,*
%

Период и сценарий	90 развивающихся стран	Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток
1975—1979 гг.	92	83	95	98	82
2000 г.:					
Трендовый сценарий	83	56	93	87	67
Сценарий В	87	70	93	94	72
Сценарий А	93	81	96	102	78

* AT 2000. 1981, Stat. Annex: table 5.

Таблица 12

*Прогноз ФАО: калорийность питания в развивающихся странах *, среднее количество килокалорий на душу в день*

Период и сценарий	90 развивающихся стран	Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток
1961—1965 гг.	2111 (92)**	2139 (91)	1990 (89)	2434 (102)	2285 (92)
1974—1976 гг.	2179 (95)	2180 (93)	2023 (91)	2525 (106)	2562 (104)
2000 г.:					
Трендовый сценарий	2369 (103)	2306 (98)	2208 (99)	2698 (113)	2848 (116)
Сценарий В	2499 (109)	2447 (104)	2336 (105)	2888 (121)	2860 (116)
Сценарий А	2637 (115)	2665 (114)	2453 (110)	3015 (127)	2989 (121)

* AT 2000. 1981, Stat. Annex: table 7.
** В скобках — процентные отношения к минимально приемлемой норме, рассчитанной ФАО для каждого региона.

Таблица 13

*Прогноз ГОЛ: калорийность питания в развивающихся странах *, среднее количество килокалорий на душу в день*

Период и сценарий	Все развивающиеся страны	Тропическая Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток и Северная Африка
1969—1971 гг.	2165	2139	2070	2525	2421
1973—1974 гг.	2135	2071	2024	2540	2482
2000 г.:					
I вариант **	2370	1840	2268	2935	2530
II вариант **	2330	1830	2224	2905	2460

* Составлено по: GOL, с. 95.
** I вариант — мировые цены на нефть к 2000 г. сохранятся на уровне 1974—1976 гг.; II вариант — мировые цены на нефть поднимутся к 2000 г. вдвое от уровня 1974—1976 гг.

Таблица 14

*Прогноз ФАО: производство продукции животноводства в 90 развивающихся странах *,*

млн. т

Показатель	1980 г.	2000 г.	
		Сценарий В	Сценарий А
Производство мяса, всего	25,2	53,2	62,1
в том числе:			
говядина	13,0	23,8	27,7
баранина	3,2	5,5	6,8
свинина	4,3	9,7	10,8
мясо птицы	4,7	14,2	16,8
Производство молока	97,7	186,0	211,0
Производство яиц	4,9	12,7	14,8
Кормовая база:			
фураж (в переводе на сухое вещество)	131,4	239,4	307,4
концентраты **	55,9	144,0	169,6

* Составлено по: AT 2000; 1981, с. 78, Stat. Annex: table 6.
** Кормовое зерно.

Таблица 15

*Прогноз ФАО: потребление кормового зерна (сценарий В) **

Регион	Потребление зерна в качестве корма для скота, млн. т		Доля кормового зерна в общем потреблении зерна, %	
	1975—1979 гг.	2000 г.	1975—1979 гг.	2000 г.
90 развивающихся стран	49,8	144,0	12,0	18,0
Африка	5,6	17,3	11,0	14,4
Южная и Юго-Восточная Азия	14,4	41,8	6,6	10,4
Латинская Америка	23,9	64,8	29,5	38,1
Ближний Восток	5,9	18,9	9,2	17,5

* Составлено и подсчитано по: AT 2000. 1981, с. 35, Приложение — табл. 5; AT 2000. 1979, с. 93. При расчетах было предположено, что доли кормового зерна распределяются по регионам так же, как и доли валовой стоимости продукции животноводства.

Таблица 16

*Прогноз ГОЛ: динамика производства мяса и потребления кормового зерна *,*

млн. т

Показатель	1970 г.	2000 г.
Производство мяса	6,5	19,6
Потребление кормового зерна	29,5	89,4
Общее потребление зерна	326,6	789,8
Удельный вес кормового зерна в общем объеме потребляемого зерна, %	9,0	11,3

* Составлено и подсчитано по: GOL, с. 80, 82, 561.

Таблица 17

*Прогноз ФАО: численность населения развивающихся стран, потребляющего количество калорий на душу менее 1,2 нормы, необходимой для основного обмена *,*

млн. человек

Период и сценарий	90 развивающихся стран	Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Ближний Восток
1974—1976 гг.	436 (23)**	72 (23)	304 (28)	41 (13)	19 (11)
2000 г.:					
Трендовый сценарий	588 (17)	127 (19)	392 (21)	46 (8)	23 (6)
Сценарий В	390 (11)	80 (12)	268 (14)	26 (4)	16 (5)
Сценарий А	260 (7)	42 (6)	193 (10)	17 (3)	8 (2)

* Составлено по: AT 2000. 1981, Stat. Annex: table 7.
** В скобках — процентное отношение к общей численности населения.

Таблица 18

*Прогноз ГОЛ: изменение индекса мировых цен на продовольственные товары в зависимости от изменения мировых цен на нефть **

(в долларах, 1969—1971 гг.)

1969—1971 гг.	1972—1974 гг.	1975—1977 гг.	1985 г.		2000 г.	
			I вариант**	II вариант**	I вариант**	II вариант*
100,0	165,0	120,0	110	130	145	195

* Составлено по: GOL, с. 96.
** I вариант — мировые цены на нефть к 2000 г. сохранятся на уровне 1974—1976 гг.; II вариант — мировые цены на нефть поднимутся к 2000 г. вдвое от уровня 1974—1976 гг.

Таблица 19

*Прогноз ГОЛ: потребление зерна в развивающихся странах в зависимости от изменения мировых цен на нефть *,*

кг на душу

Период и сценарий	Все развивающиеся страны	Тропическая Африка	Южная и Юго-Восточная Азия	Латинская Америка	Северная Африка и Ближний Восток
1973—1975 гг.	182,2	127,7	172,5	238,3	273,8
2000 г.:					
I вариант **	210,2	112,5	197,8	282,8	301,8
II вариант **	205,2	112,5	192,9	278,1	292,8

* Составлено и подсчитано по: GOL, с. 81, 83.
** I вариант — мировые цены на нефть к 2000 г. сохранятся на уровне 1974—1976 гг.; II вариант — мировые цены на нефть поднимутся к 2000 г. вдвое от уровня 1974—1976 гг.

Таблица 20

*МОИРА: основные показатели сценарных вариантов продовольственной ситуации в развивающихся странах в 2000 г.**

Сценарий	Объем сельскохозяйственного производства, 10^9 кг протеина**	Потребление продовольствия на душу населения, кг протеина**	Степень самообеспеченности продовольствием, %	Численность голодающих, млн. человек***	Индекс цен на сельскохозяйственное сырье на мировом рынке****
1966 г.	599	30	106	180	—8
111	1774	43	93	740	422
112	1559	45	104	460	—15
113	1829	46	90	360	745
121	1513	40	84	950	—338
122	1794	46	89	650(0)	451
123	1705	43	89	820(0)	247
124	1628	40	92	770	15
125	1734	42	94	840	277
127	1652	42	88	1070(0)	56
128	1518	42	81	1390(0)	51
129	1811	47	87	180(0)	274
131	1581	38	92	1260	159
211	1352	30	99	1490	13
222	1420	34	93	1420(0)	19
224	1374	30	99	1260	—4
225	1675	33	114	860	199
226	1730	34	115	1010	407
227	1468	33	97	1040(0)	14
228	1636	35	105	920(0)	198

* Составлено по: MOIRA, с. 306—324.

** Все измерения величин производства и потребления продовольствия авторы осуществляют в единицах растительного протеина, применение которых в силу единообразия обеспечивает высокую степень количественной сравнимости ситуаций по регионам и отдельным странам, по различным историческим периодам. При этом авторы различают категории действительно потребляемого (с пищей) растительного протеина и растительного протеина, содержащегося в данном количестве биомассы. В таблице использовано второе понятие растительного протеина.

*** Цифры в скобках — число голодающих при обильной (предусматриваемой сценариями) помощи развитых (капиталистических) стран развивающимся странам.

**** Данный индекс рассчитан авторами как разница, выраженная в процентах, между ценами базисного (1965 г.) периода и текущими ценами конца прогнозируемого периода (2000 г.).

Комментарии к сценариям таблицы 20

№ сценария	Комментарии
	Сценарии, предполагающие форсированный рост несельскохозяйственной части ВВП:
111	Основной сценарий. Неизменная политика.
112	Замедленный темп прироста населения. Неизменная политика.
113	Постепенное сокращение неравномерности доходов в несельскохозяйственном секторе. Неизменная политика.
121	Сокращение потребления продовольствия в «богатых» странах.
122	Большая продовольственная помощь, финансируемая «богатыми» странами.
123	Регулирование продовольственного потребления в «богатых» странах в соответствии со степенью распространения голода. Большая продовольственная помощь, финансируемая «богатыми» странами.
124	Политика регулирования цен на мировом рынке. Разница между ценами базисного периода и текущими ценами равна 0.
125	То же. Разница в ценах равна 200.
127	Политика регулирования цен на мировом рынке. Большая продовольственная помощь. Разница в ценах равна 0.
128	То же. Разница в ценах равна 200.
129	То же. Небольшой разрыв в доходах, получаемых в сельскохозяйственном и несельскохозяйственном секторах. Постепенное сокращение неравномерности распределения доходов за пределами сельского хозяйства.
131	Либерализация международной торговли, заключающаяся в снятии тарифных барьеров в развитых капиталистических странах на продовольственные товары из развивающихся стран.
	Сценарии, предполагающие замедленный рост несельскохозяйственной части ВВП
211	Неизменная политика.
222	Большая продовольственная помощь, финансируемая «богатыми» странами.
224	Политика регулирования цен на мировом рынке. Разница между ценами базисного периода и текущими ценами равна 0.
225	То же. Разница в ценах равна 200.
226	То же. Разница в ценах равна 400.
227	Политика регулирования цен на мировом рынке. Большая продовольственная помощь. Разница в ценах равна 0.
228	То же. Разница в ценах равна 200.

СХЕМА МОДЕЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН : ОБЩИЙ ВИД

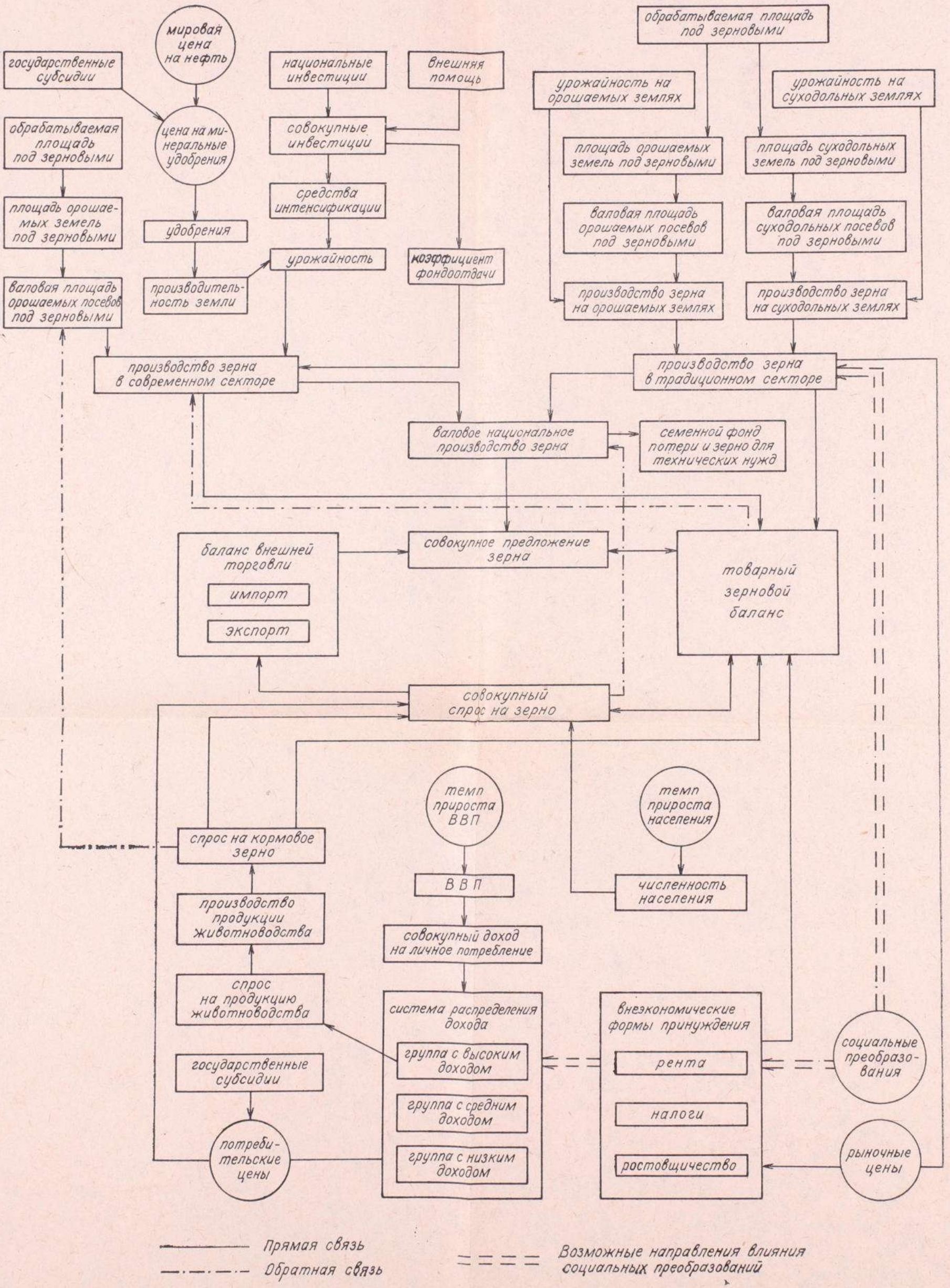

Рис. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
Введение: О характере продовольственной проблемы 7

Глава I
Продовольственный кризис: внутренние структурные диспропорции в национальных системах продовольственного обеспечения 22
Товарный продовольственный баланс (спрос и предложение продукции массового потребления) 23
Формирование новых стандартов питания как проявление процесса углубления экономических диспропорций и социальных противоречий 41

Глава II
Социальное содержание продовольственного кризиса и его общественные последствия 51
Общественные последствия голодания пауперизированных трудящихся 52
Массовый пауперизм: рынок и производство продовольствия . . 63

Глава III
От традиционного экстенсивного хозяйства к капиталистическому интенсивному производству 69
Кризис традиционного хозяйства 69
Общая характеристика процесса становления современных интенсивных форм земледелия в продовольственном секторе 72
Социальные границы «зеленой революции» 86
Общественное значение развития интенсивного хозяйства . . . 92

Глава IV
Влияние центров мирового капиталистического хозяйства на продовольственное обеспечение развивающихся стран 112
Содержание продовольственной политики империализма . . . 112
Эволюция продовольственной политики империализма 120
Транснациональные корпорации и продовольственное обеспечение в странах Востока 142

Глава V
Особенности продовольственных ситуаций в различных группах стран 163
О типологии продовольственных ситуаций 163
Продовольственные ситуации в различных странах 171

Заключение 237
Примечания 243
Приложения:
I. Статистические таблицы 273
II. Схема модели продовольственного обеспечения развивающихся стран 310
III. Взгляд в будущее (Краткий обзор зарубежных прогнозов продовольственной ситуации в развивающихся странах) 318

2p.50k.